

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖС 5308

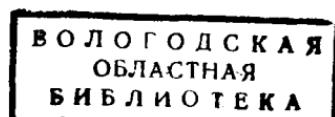

4

1 9 5 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

—
Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
заместитель главного редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 27.XI. 1954 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6
T-08910 Печ. л. 16,44+1 вклейка. Заказ № 634, Уч.-изд. листов 20,4 Тираж 2500 экз.

2-я тип. Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10.

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1954 г.

Последние решения ЦК КПСС содержат грандиозную программу крутого подъема отраслей сельского хозяйства в нашей стране. Партия и правительство поставили и практически осуществляют важнейшую задачу — достичнуть такого уровня сельскохозяйственного производства, который позволил бы в ближайшие же годы создать обилие продовольственных продуктов и полностью обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность. В целях быстрейшего мощного подъема сельского хозяйства партия и правительство разработали ряд конкретных мероприятий по освоению целинных и залежных земель, механизации сельского хозяйства, повышению урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства.

В осуществлении задач, поставленных перед социалистическим сельским хозяйством, большую роль призвана сыграть открытая в Москве 1 августа 1954 г. постоянная Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.

В постановлении Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС «О Всесоюзной сельскохозяйственной выставке» указывается, что постоянно действующая выставка должна развернуть широкую пропаганду достижений сельского хозяйства, помочь внедрению в колхозное и совхозное производство передового опыта колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций, передовиков и организаторов сельского хозяйства, а также достижений научно-исследовательских и опытных учреждений. Являясь всенародной школой передового опыта, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 г. вместе с тем ярко и убедительно свидетельствует о торжестве политики Коммунистической партии, о великих преимуществах колхозного строя, о неисчерпаемых возможностях развития социалистического сельского хозяйства.

В одном из главных павильонов выставки — павильоне «Земледелие» — внимание посетителей привлекает диорама со сменяющимися картинами, как бы показывающими историю нашей деревни. Раздвигается занавес и открывается ушедшая в прошлое, но еще памятная многим картина. Типичная русская деревушка, каких было десятки тысяч, раскинувшаяся недалеко от Волги. Полуразвалившиеся, крытые соломой избы, колокольня, возвышающаяся над деревней. В поле крестьянин, пашущий на убогой кляче свою полоску земли. Необозримы приволжские просторы, но как узок, мал клочок земли у пахаря. Столь же узок был и кругозор крестьянина, ограниченно его сознание, отягощенное суевериями и предрассудками. Меняется картина в диораме, и перед зрителем та же деревня сегодня. Вместо полуразвалившихся хат — добротные дома колхозников и хозяйствственные постройки колхоза. Исчезли на поле узкие полоски и межи, на месте бывшей степи, заросшей ковылем, — бескрайнее море пшеницы, орошающей водами Волго-Донского канала. Мощные машины убирают обильный урожай. Эту современную колхозную деревню, ее замечательных людей показывает Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 г. В диораме есть и третья картина: еще более разросшиеся колхозные постройки, огромные фруктовые сады, электромашины на полях... Это не отдаленное будущее, а реальный завтрашний день, даже сегодняшний день многих передовых хозяйств. Задача выставки, справедли-

во названной народным университетом,— пропагандировать опыт и до-
стижения этих передовых хозяйств, распространить их, сделать достиже-
нием всех колхозов, совхозов, МТС.

Коммунистическая партия и Советское правительство всегда поддер-
живали новаторов сельского хозяйства, заботились о распространении их
передового опыта, о массовой пропаганде достижений сельского хозяй-
ства. Еще в августе 1923 г. была открыта Всероссийская сельскохозяй-
ственная и кустарно-промышленная выставка. В отличие от дореволюци-
онных выставок, уделявших основное внимание помещичьим и крупнока-
питалистическим хозяйствам, эта выставка показала хозяйство, культуру
и быт крестьян различных областей и различных национальностей РСФСР. Она показала низкий уровень сельского хозяйства, примитивную
сельскохозяйственную технику, убогий был крестьянин-единоличника.

Неслучайно эмблемой этой первой советской сельскохозяйственной вы-
ставки был традиционный «Сеятель»— скульптура крестьянина, разбра-
сывающего рукой зерна из луковицы. Экспонаты крестьянских хозяйств,
представленные на выставке, говорили о застое и бесперспективности един-
оличного хозяйства. Однако на выставке были представлены и коллек-
тивные хозяйства, тогда еще немногочисленные, но показывавшие выход
из тупика — путь коллективизации. Крестьянство пошло по этому указан-
ному ему партией пути, ибо он был единственным правильным и отвеча-
ющим интересам всего крестьянства.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1939—1940 гг. отразила
окончательную и бесповоротную победу колхозного строя. Она продемонстрировала успехи, достигнутые сельским хозяйством за 10 лет, про-
текшие после сплошной коллективизации, показала новый быт и культуру
колхозной деревни. 156 тысяч передовых хозяйств и отдельных мастеров
сельского хозяйства были представлены на этой выставке.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 г. показывает, каких
новых, еще больших успехов добились труженики социалистического сель-
ского хозяйства за послевоенные годы. 169 тысяч колхозов, совхозов, жи-
вотноводческих ферм, машинно-тракторных и других специализированных
станций, научно-исследовательских учреждений и отдельных передовиков
и организаторов сельского хозяйства завоевали почетное право продемон-
стрировать на выставке свои достижения, поделиться опытом. На первый
взгляд может показаться, что число участников выставки по сравнению с
1939—1940 гг. не столь уже значительно. Но нельзя забывать, что требо-
вания к участникам выставки значительно повышены, что теперь учиты-
ваются не только урожайность или продуктивность животноводства, но и
умелое использование земли, степень механизации всех сельскохозяйст-
венных процессов, доходность с гектара, успехи в освоении целинных и за-
лежных земель. Уже одни эти возросшие требования являются свидетель-
ством новых больших успехов социалистического сельского хозяйства.

Выставка прежде всего отражает огромные изменения в сельскохозяй-
ственном производстве — рост механизации и электрификации сельского
хозяйства, внедрение передовой агротехники и зоотехники, выдающиеся
достижения передовиков земледелия и животноводства. В 26 залах пави-
льона «Механизация и электрификация сельского хозяйства» и на пло-
щадках выставки демонстрируется 1200 образцов отечественных машин —
в пять раз больше, чем на выставке 1939 г. Здесь 15 различных марок
тракторов, 156 почвообрабатывающих орудий, свыше 400 посевных, поса-
дочных, уборочных и других машин. Павильон «Механизация и электри-
фикация» — наглядное свидетельство неразрывных связей между городом
и деревней, помощи, повседневно оказываемой нашему сельскому хозяй-
ству социалистической индустрией. Только на базе высокой механизации
всех отраслей сельскохозяйственного производства оказалась возможной
та коренная перестройка всего сельского хозяйства страны, которая так
полно и всесторонне демонстрируется на выставке.

В 76 павильонах выставки оформлено свыше 3700 стендов; раскрывающих передовой опыт лучших хозяйств — участников выставки. Успехи социалистического земледелия показаны в павильоне «Земледелие», в ряде республиканских, зональных и отраслевых павильонов. Особое место занимает на выставке демонстрация успехов колхозов, совхозов и МТС по освоению целинных и залежных земель; в павильонах «Сибирь» «Урал», «Поволжье», «Северный Кавказ», «Казахская ССР» освещается передовой опыт в этом важнейшем всенародном деле. Не менее широко демонстрирует выставка успехи в области социалистического животноводства: работа передовых животноводческих ферм, борющихся за осуществление поставленной партией и правительством задачи крутого подъема животноводства, наглядно представлена в восемнадцати павильонах раздела «Животноводство».

Выставка 1954 г. отражает огромные достижения всех отраслей сельского хозяйства во всех братских республиках СССР. Эти достижения сопровождаются непрерывным повышением материального благосостояния и культурного уровня советского крестьянства, быстрой перестройкой культурно-бытового уклада колхозной деревни. Многочисленные стены выставки характеризуют рост денежных и натуральных доходов колхозников, показывают систематическое увеличение числа учащихся, численности сельских школ, колхозных домов культуры и клубов, библиотек, лекториев, стадионов, дают наглядное представление о расцвете народного творчества в селах, аулах, кишлаках.

В Главном павильоне выставки ряд стендов восьмого зала специально посвящен показу материального благосостояния, культуры и быта крестьянства СССР. Зал украшен картиной художника А. Дейнека «Электрификация — основа преобразования быта и культуры колхозной деревни», изображающей открытие межколхозной электростанции. Помещенные на стенах таблицы, диаграммы, надписи говорят о зажиточной и культурной жизни колхозников. Денежные доходы колхозов СССР в 1950 г. возросли по сравнению с 1940 г. на 165 процентов, в 1952 г. — на 207 процентов. За период с 1946 по 1953 г. в сельских местностях было восстановлено и построено заново 4,2 млн. жилых домов. Товарооборот на селе за 1952—1953 гг. увеличился на 790 процентов. Неизмеримо возросли потребности колхозников, увеличился спрос на высококачественную одежду и обувь, добрые домашние вещи. В деревне произошла культурная революция. За 20 лет, с 1933 по 1953 г., в сельских местностях создано свыше 48 тысяч школ — больше, чем было построено за последние двести лет в городах и селах царской России. Введено всеобщее семилетнее обучение, а в ряде колхозов осуществляется всеобщее десятилетнее обучение. На небывалую высоту поставлено народное здравоохранение. В 1951 г. на народное здравоохранение и социальное обеспечение было израсходовано вдвое больше, чем в 1941 г.; число врачей за этот период увеличилось на 80 процентов.

В павильоне Белорусской ССР заключительная часть посвящена достижениям белорусской колхозной деревни в области культуры. Над входом в кинозал — панно, изображающее выступление кружка художественной самодеятельности колхоза. Правее на стенде — показатели роста сети культурно-просветительных учреждений: сельских клубов, изб-читален, кино- и радиоустановок. Только за послевоенные годы число сельских библиотек в Белорусской ССР возросло в два раза. Расцвело народное творчество белорусов. В колхозах и совхозах республики насчитывается 7 тысяч кружков художественной самодеятельности, объединяющих 73 тысячи человек. В народно-поэтическом творчестве белорусских крестьян говорится о счастливой жизни, о дружбе народов, о родной Коммунистической партии.

Павильон Киргизской ССР. Центральный стенд вводного зала посвящен Великой Октябрьской социалистической революции и истории обра-

зования Киргизской ССР, которая за годы советской власти из отсталой аграрной полуколонии превратилась в социалистическую республику с развитой промышленностью и передовым сельским хозяйством. Три специальных стенда показывают развитие национальной по форме, социалистической по содержанию киргизской культуры. В сельских районах республики успешно осуществляется обязательное семилетнее обучение, в городах и кишлаках работают около 1400 домов культуры и клубов, свыше 900 библиотек, около 400 кинотеатров и кинопередвижек. Киргизский народ — в прошлом один из самых отсталых в России — обрел свою письменность, создал национальную литературу. На киргизском языке издаются труды классиков марксизма-ленинизма, выдающиеся произведения русской и киргизской литературы. Создан национальный театр, работают многочисленные кружки художественной самодеятельности. Расцвет киргизского народного творчества наглядно представлен в росписи и резьбе павильона, в экспонируемых керамических изделиях и художественных коврах: войлочных шардаках, шелковых и бархатных туш-кайзах.

Павильон Карело-Финской ССР. Часть одного из залов показывает рост благосостояния и культуры карело-финского народа. Здесь фотографии, картины, скульптуры, цифровые показатели, витрины с изданными произведениями народного творчества, изделиями народных мастеров, художественными альбомами. Посетитель видит, что дети карелов и финнов получили возможность учиться на родном языке, что в селах и лесных поселках работают сотни клубов и библиотек, что в районах республики насчитывается около 700 музыкальных, хоровых и других самодеятельных коллективов. Народное изобразительное искусство, карельские народные орнаменты нашли отражение в архитектурном и художественном оформлении залов, в резьбе по дереву и вышивке. Величественная четырехметровая скульптура «Рунопевец» напоминает о замечательном устном народном творчестве карело-финнов, о древней «Калевале» и о современных сказителях Карело-Финской ССР, занимающих почетное место в ряду народных мастеров нашей Родины.

В целом, таким образом, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 г. уделяет серьезное место характеристике культуры и быта современной колхозной деревни. Но, к сожалению, эта характеристика не является всесторонней и в достаточной мере систематической.

На выставке хорошо показана новая передовая техника, прочно вошедшая в хозяйственную жизнь деревни, неизмеримо облегчающая труд крестьянина, способствующая уничтожению существенных различий между городом и деревней, выравниванию условий городского и сельского быта. Это — десятки новых образцов машин, созданных советскими конструкторами для механизации и электрификации сельского хозяйства. Именно новые производственные возможности являются той основой, на которой происходит коренное преобразование всего культурно-бытового уклада в колхозной деревне.

Хорошо показана духовная культура тружеников сельского хозяйства, культурная революция на селе. Это — замечательные достижения в области народного образования и здравоохранения, распространение научных знаний, литературы, искусства, развитие устного и изобразительного народного творчества, расцвет всей социалистической по содержанию, национальной по форме культуры народов СССР. Особенно наглядно виден расцвет национальной художественной культуры, воплощенный в архитектурном ансамбле республиканских павильонов. Многие из этих павильонов — Литвы, Эстонии, Грузии, Узбекистана и ряд других — отразили в себе лучшие черты национального зодчества и изобразительного искусства, обогащенного культурным общением народов СССР. Надолго запоминаются резьба по дереву, украшающая павильон Карело-Финской ССР, прорезные ганчевые орнаменты павильона Туркмении, чеканные

металлические узоры павильона Казахстана, выполненные по мотивам народного орнамента хрустальные витражи павильона Украины.

Выставка показывает и неотделимый от всего этого новый духовный облик колхозников, рабочих совхозов и МТС. Доярка, хлопкороб, колхозный бригадир, механизатор, читающие на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке лекции студентам и профессорам, рассказывающие о своей работе в печати и по радио,— явление, типичное для советской эпохи и возможное только в стране победившего социализма. Советский человек, демонстрирующий свои достижения на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1954 г.— активный, сознательный строитель коммунистического общества. Его сознанию присущи такие характерные черты социалистической эпохи, как чувство ответственности за доверенное ему народом дело, творческое отношение к труду, советский патриотизм и интернационализм, сознание неразрывного единства своего народа со всеми народами СССР. О дружбе советских народов говорит каждый из 16 республиканских павильонов выставки. Павильон Украинской ССР открывается темой, посвященной крупному историческому событию, недавно отмеченному народами нашей страны,— 300-летию воссоединения Украины с Россией. Бросается в глаза огромное панно «Дружба народов», над которым бригада украинских художников работала около двух лет. Центральная часть выставки — Площадь колхозов — открывается фонтаном «Дружба народов»: вокруг гигантского золотого снопа образуют неразрывный круг 16 золотых фигур колхозниц, символизирующих 16 братских республик СССР.

К сожалению, значительно хуже — отрывочно и бессистемно — представлен на выставке материальный быт колхозной деревни. Правда, в павильонах прибалтийских республик показаны национальные костюмы населения; в некоторых павильонах демонстрируются изделия пищевой и кожевенной промышленности, ткани, в том числе национальные, отдельные образцы традиционной утвари. Однако подбор этих экспонатов, как правило, случаен: так, в павильоне «Грузинская ССР» выставлены традиционные сосуды для вина, музыкальные инструменты — чонгури и дайра, национальные сладости — чурчела, тбилисквери, джанджухи. В павильоне «Сибирь» на стенде, посвященном Таймырскому округу, экспонирован полный комплект национальной меховой одежды, но даже не указано, какого народа. В павильоне «Азербайджанская ССР» имеется специальный зал «Культура и быт», однако материальный быт в основном представлен здесь данными о благоустройстве города Баку. В ряде павильонов экспонированы изделия народного художественного творчества: вышивки, ковры, резьба по дереву, художественная керамика, ювелирные изделия. Всего этого, конечно, недостаточно, чтобы видеть, как изменился материальный быт советского колхозника — его жилище, домашняя утварь, одежда, пища.

Характерен в этом отношении павильон «Охота и звероводство». Ряд специальных стендов этого павильона показывает, что малые народы Севера, до Великой Октябрьской социалистической революции вымиравшие в результате ничем не ограниченной эксплуатации, повальных болезней и алкоголизма, в условиях советского строя получили все возможности для своего хозяйственного и культурного развития. Посетитель выставки видит, что при производственно-охотничих станциях и в звероводческих колхозах Севера созданы школы, интернаты, больницы, в клубах демонстрируются кинокартины, выступают кружки художественной самодеятельности, проводятся лекции и доклады. Однако посетитель ничего не узнает о новой материальной культуре охотников Севера, их пище, жилище, о том, как в их повседневный быт входят городские фабричные изделия.

Другой, еще более характерный пример. На территории выставки показаны типовые постройки колхозного села, в том числе колхозный дом

культуры, школа, детский сад, ясли, чайная. Но обыкновенный жилой дом колхозника здесь отсутствует. А между тем было бы очень полезно наряду с этими культурно-просветительными и культурно-бытовыми учреждениями показать посетителю выставки несколько типовых жилых домов колхозников различных республик СССР с их внутренним убранством и утварью. Такой типовой дом не только показал бы наиболее наглядным образом, как развитие социалистического сельского хозяйства влечет за собой рост материального благосостояния и культурного уровня советского крестьянства, но и помог бы распространить передовой опыт в культурно-бытовом строительстве.

Недостаток внимания к материальной культуре тружеников сельского хозяйства как результат отсутствия продуманной научной системы в показе культурно-бытовых достижений советской деревни составляет заметный пробел в работе организаторов выставки. Следует отметить в этой связи, что на сельскохозяйственной выставке 1939—1940 гг. быт колхозного крестьянства был представлен полнее и нагляднее, чем на выставке 1954 г. В оформлении предвоенной выставки приняли участие и этнографы, собравшие большой материал по культуре и быту колхозников различных национальностей. К сожалению, организаторы выставки 1954 г. не привлекли к участию в работе специалистов-этнографов, а последние, со своей стороны, не проявили необходимой инициативы. Это упущение может и должно быть восполнено в ближайшее же время.

Известно, какое большое внимание уделяют Коммунистическая партия и Советское правительство культурно-бытовому строительству в городах и силах нашей страны. Забота о культурном росте и улучшении бытовых условий советских людей занимает видное место в повседневной работе партийных и советских организаций. Особенно широкие возможности для дальнейшей перестройки быта колхозной деревни открывает разработанная в решениях сентябрьского Пленума ЦК КПСС и последующих постановлениях партии и правительства программа крутого подъема сельского хозяйства СССР. «С развитием социалистического сельского хозяйства,— говорится в постановлении сентябрьского Пленума ЦК КПСС,— возрастают культурные запросы колхозников и работников МТС и совхозов, что требует усиления заботы о культурно-бытовом обслуживании сельского населения. Необходимо поднять уровень работы культурно-просветительных учреждений в деревне, оживить деятельность клубов и библиотек, регулярно демонстрировать кинофильмы, усилить радиофикацию сёл и улучшить качество радиовещания...».

Пленум ЦК КПСС считает, что постоянная забота о повышении материально-культурного уровня жизни трудящихся колхозной деревни является важнейшей обязанностью всех партийных и советских организаций¹.

Практические нужды культурно-бытового строительства в деревне налагаются большую ответственность и на этнографов, работающих в области изучения культуры и быта колхозного крестьянства СССР.

В послевоенные годы советские этнографы уделяют особое внимание изучению современности. Институтом этнографии Академии наук СССР и этнографическими учреждениями на местах подготовлен ряд работ, посвященных социалистическому переустройству колхозного быта. Этнографами — исследователями колхозной деревни собран значительный фактический материал, характеризующий процесс формирования новой культуры, начато выявление закономерностей этого процесса, установление типических, передовых культурно-бытовых форм, которым принадлежит будущее.

¹ «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 7 сентября 1953 г. по докладу тов. Хрущева Н. С. Госполитиздат, 1953, стр. 60—61.

Научное и практическое значение этой работы трудно переоценить. В результате построения в нашей стране социалистического общества произошла и продолжает происходить быстрая перестройка всех областей народного быта. Коренным образом изменилось сознание советских людей, все более освобождающееся от ненужных и вредных традиций, оставшихся в наследство от старого эксплуататорского строя. Однако все эти изменения совершаются не одновременно и не равномерно. Сознание людей отстает в своем развитии от изменений материальных условий жизни общества. Перестройка быта в узком смысле этого слова, т. е. домашнего, семейного быта, совершается медленнее, чем перестройка хозяйственной и общественной жизни. И в экономике, и в общественной жизни, и в быту, и в сознании людей происходит непрестанная борьба нового и старого, нарождающегося и отживающего, положительного и отрицательного. Важнейшая задача советской этнографической науки — активно вмешаться в эту борьбу с тем, чтобы ускорить формирование новых, передовых форм культуры и быта.

Для этого прежде всего необходимо широкое изучение и обобщение передового опыта в культурно-бытовом строительстве колхозной деревни. Исследуя распространение тех или иных типов жилища, одежды, утвари и устанавливая основное направление их развития, этнограф оказывает действенную помощь создателям типовых проектов домов, конструкторам одежды, работникам промышленности и торговли. Выявляя лучшие образцы народного творчества, обобщая опыт самодеятельных художественных коллективов, этнограф вносит свой вклад в дело развития духовной культуры народа.

Другая прямая задача этнографа — выявление отживших традиций, вредных пережитков в быту и сознании людей. «Эти пережитки, — отметил товарищ Г. М. Маленков в отчетном докладе XIX съезду партии, — не отмирают сами собою, они очень живучи, могут расти и против них надо вести решительную борьбу»². Широкое и ответственное поприще открывается здесь, в частности, этнографу, изучающему домашний, семейный быт. В нашей стране в результате построения социалистического общества сложилась новая, советская семья, покоящаяся на принципах фактического равенства мужчины и женщины во всех областях экономической, общественно-политической и культурной жизни. Отношения в советской семье отражают взаимную любовь и уважение супругов, их заботу о полноценном воспитании детей — будущих строителей коммунизма. Но в семейном быту нередки и пережитки нравов, чуждых советскому обществу, таких, как домостроевское отношение к жене или уродливое воспитание детей. Борьба против этих пережитков требует не только настойчивости, но и специальных знаний народной жизни, бытовых традиций, неодинаковых у русских, узбеков, армян, якутов и т. д. Именно этнограф, вооруженный знанием национальных особенностей быта, может оказать действенную помощь в окончательном искоренении таких обычаев, как выплата калыма, закрывание и затворничество женщин, раннее замужество и т. п.

Не менее ответственна роль этнографа в борьбе за очищение сознания советских людей, за повышение уровня их духовной культуры. В первую очередь это относится к развертыванию научно-атеистической пропаганды, разоблачению реакционной сущности религии. Исследуя не только происхождение и историю религий, но и различные формы пережиточного бытования религиозных суеверий, этнограф помогает усилить культурно-просветительскую работу среди отсталой части населения различных национальностей СССР.

² Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 94.

В нашей этнографической литературе наблюдались факты замалчивания вредных традиций, имела место известная лакировка действительности. Бывали случаи, когда, например, сохранение в отдельных районах отсталых приемов земледелия выдавалось за неизбежный результат природных условий, а скрытые формы уплаты калыма рассматривались как невинный обычай поднесения «подарков». Этнографы нередко замалчивали бытование религиозных предрассудков, пережитки феодально-байского отношения к женщине. Необходимо самым решительным образом отказаться от этой антинаучной практики, наносящей серьезный вред делу коммунистического строительства.

Этнографы — исследователи социалистической культуры и быта должны всемерно расширить круг изучаемых вопросов. В ряде республик все еще не поставлена работа по этнографическому изучению культуры и быта колхозного крестьянства. Этнографами не исследуется культура и быт рабочих совхозов и МТС — крупной прослойки рабочего класса СССР. Отсутствуют этнографические исследования, посвященные влиянию социалистического города на культуру и быт деревни.

Большое значение имеет популяризация научных результатов этнографического изучения колхозной деревни. Важно не только исследовать, но и сделать всеобщим достоянием опыт лучших участков культурно-бытового строительства, наиболее эффективные методы преодоления отрицательных бытовых традиций. В многотиражных брошюрах и массовых журналах, в прессе и по радио, в экспозициях музеев и на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке передовой опыт культурно-бытового строительства должен быть донесен до самых широких масс советского народа.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка организована как выставка, постоянно действующая. Это дает этнографам возможность наверстать упущенное и принять живое участие в ее работе. Особенно большие возможности открываются здесь перед этнографами национальных республик, — они должны помочь организаторам выставки всесторонне и ярко показать успехи социалистического переустройства культуры и быта советской деревни.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

К. В. САЛЬНИКОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Скоро исполнится 100 лет со дня открытия известного Ананьинского могильника, по имени которого названа целая эпоха исторического развития древнего общества Прикамья, представленная немалым числом ярких памятников. Но до сих пор в вопросе о происхождении этой культуры остается много неясного, спорного. Авторы, изучающие древнюю историю Прикамья, решают этот вопрос по-разному.

А. В. Збруева в своей первой работе, посвященной генезису ананьинской культуры, опираясь на материалы главным образом Луговской и Ананьинской стоянок, которые она рассматривает как предананьинские, видит предков ананьинских племен в племенах срубно-хвалынской и отчасти турбинско-сейминской культуры¹.

П. П. Ефименко² вслед за А. В. Збруевой ведет керамику Луговской и Ананьинской стоянок от керамики срубной культуры, но особо выделяет посуду с «флажками» в орнаменте, которая характерна также для стоянки Нижнее Курман-тау на р. Белой. Относя все эти стоянки к предананьинскому времени, он пытается вывести керамику с «флажковым» орнаментом от сосудов с изображениями птиц, которые нередки среди посуды неолитических памятников широкой лесной полосы севера Восточной Европы и Сибири.

А. П. Смирнову процесс формирования ананьинской культуры представляется более сложным. По его мнению, «основу этой культуры составляют не менее трех культур конца бронзового века: приволжская, луговская и среднекамская. Эти культуры испытали воздействие абашиевской и сейминской культур, а также, вероятно в несколько меньшей степени, южной срубно-хвалынской»³. Необходимо отметить, что этот исследователь особо останавливается на генетических связях ананьинской культуры с абашиевской, считая, в частности, что ряд типов бронзовых вещей и круглодонную керамику ананьинской культуры надо вести от абашиевской культуры, но не аргументирует это положение в более развернутой форме⁴.

¹ А. В. Збруева, Происхождение ананьинской культуры, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (в дальнейшем цитировано — КСИИМК), IX, 1941.

² П. П. Ефименко, К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камья, «Археология», II, Киев, 1948, стр. 40—41.

³ А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем цитировано — МИА), 28, М., 1952, стр. 63.

⁴ Там же; ср. А. П. Смирнов, Археологические исследования 1950 года в зоне строительства Куйбышевской ГЭС, КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 18—19.

Наконец, в последние годы О. Н. Бадер пытается под рабочую гипотезу А. В. Збруевой подвести более основательную базу, ведя происхождение ананьинской культуры от позднебронзовой культуры Среднего Прикамья — турбинской⁵.

В своей последней капитальной работе «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху»⁶, подводящей итоги почти столетнему периоду исследований ананьинской культуры, А. В. Збруева производит последнюю от ряда памятников, объединяемых ею по хронологическому признаку в одну группу под наименованием предананьинских. Внутри этой группы она намечает четыре локальные подгруппы, отличающиеся друг от друга известным своеобразием.

«Если основываться на анализе керамики как наиболее массового и выразительного местного материала, придется признать, что почти все эти стоянки принадлежат к одной местной культуре и в подавляющем большинстве и к одной эпохе (конец II — начало I тысячелетия до н. э.), которая непосредственно предшествует ананьинской. Однако, в зависимости от географического положения стоянок, их население испытывало влияние различных соседних племен, отразившееся в керамике, и иногда настолько сильно, что можно говорить о смешанных группах населения»⁷.

Того же мнения о разнородности предшественников ананьинских племен по существу придерживаются П. П. Ефименко и А. П. Смирнов. Но А. В. Збруева ближе подошла к решению вопроса о генезисе ананьинской культуры, выделив конкретные памятники как предананьинские, несмотря на некоторые различия между памятниками, относящимися к различным локальным группам. Совершенно правильно в основу выделения «предананьинской культуры» ею положена керамика.

Полностью соглашаясь с этим исследователем в отношении причины локальных различий в предананьинских памятниках, следует более определенно, чем это сделала А. В. Збруева, выделить общую для всех них керамику, которую надо рассматривать как посуду ведущего племени, и попытаться установить происхождение последнего.

В свете открытий последних лет на территории Южного Прикамья, Среднего Поволжья и Западного Приуралья такая возможность, нам думается, имеется. Самым солидным претендентом на звание предков ананьинских племен по материалам этих открытых выступает абашиевская культура. Надо отказаться от установившейся традиции видеть в орнаментации «из заштрихованных ё не заштрихованных углов, ромбов и зигзагообразных линий» влияние срубно-хвалынской и андроновской культур⁸. В процессе поисков предков ананьинских племен раньше приходилось обращать взоры в сторону срубно-хвалынской культуры как наиболее изученной культуры эпохи бронзы из числа известных в южной части Прикамья. Сейчас накоплен достаточный материал о большой роли в древней истории этого района в эпоху бронзы абашиевских племен. В абашиевской керамике все перечисленные выше геометрические элементы не менее часты, чем в срубно-хвалынской.

Керамика абашиевской культуры, на наш взгляд, является тем основным стержневым компонентом, вокруг которого, примешиваясь к которо-

⁵ О. Н. Бадер, Камская археологическая экспедиция в 1944 г., КСИИМК, XXXIX, 1951; его же, Камская археологическая экспедиция в 1950 г., КСИИМК, XLIX, 1953; О. Н. Бадер и З. П. Соколова, Стоянка Боровое озеро IV на Чусовой, «Советская археология» (в дальнейшем цитировано СА), XVIII, 1953.

⁶ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, МИА, 30, М., 1952.

⁷ Там же, стр. 204.

⁸ А. В. Збруева, Ананьинский могильник, СА, II, 1937, стр. 107; Б. А. Кончевский, Итоги археологического изучения Башкирской АССР, «Историко-археологический сборник», М., 1948, стр. 165.

му, элементы керамики других культур дали ряд локальных вариантов преданьинской посуды. «Восточная» и отчасти «центральная», по терминологии А. В. З布鲁евой, локальные группы памятников являются наиболее чистыми, позволяющими провести прямую линию от абашевских памятников к аланьинским. Восточная группа преданьинских памятников представлена в классификации А. В. З布鲁евой только поселением Нижнее Курман-тау, которое расположено у подножия горы Курман-тау на правом берегу р. Белой в Гофорийском районе Башкирской АССР. Сюда нужно включить также Дёмскую стоянку и открытые за последние годы поселение Западное Куш-тау и Урнякский могильник.

Дёмская стоянка была открыта и исследована в 1934 г. Уфимской экспедицией Государственной академии истории материальной культуры под руководством П. А. Дмитриева. Поселение Западное Куш-тау и Урнякский могильник исследовались в 1953 г. Южноуральской археологической экспедицией Уральского государственного университета под руководством автора настоящей статьи.

Изученная П. А. Дмитриевым Дёмская стоянка расположена близ г. Уфы на правом берегу р. Дёмы, у железнодорожного моста. В опубликованном кратком отчете⁹ о раскопках этого памятника керамика характеризуется как плоскодонная, с более или менее ясно выраженной шейкой и плечиками. Отмечается находка одного круглого днища и примесь раковин. Орнамент располагается только по верхней части сосуда, по краю и по шейке и лишь в редких случаях спускается на плечики. Такая характеристика мало что дает для представления о керамике Дёмской стоянки. Этим, надо полагать, объясняется тот факт, что материалы этой стоянки не были привлечены А. В. З布鲁евой. Но в полном рукописном отчете о работах Уфимской экспедиции¹⁰ имеется подробная характеристика орнамента.

П. А. Дмитриев наиболее распространенными считает на керамике Дёмской стоянки следующие элементы орнамента: по краю сосуда — двойные и тройные зигзаги, выполненные гладким острым штампом или резным способом; по шейке — в легкой каннелюре поясок круглых ямок, сплошной или прерывчатый (с увеличенными интервалами после каждого двух или трех ямок). Значительно реже встречается гребенчатый орнамент.

На основании находки двух черепков с мелкозубчатым орнаментом в виде заштрихованных треугольников, в которых П. А. Дмитриев усматривает андроновский элемент, он относит стоянку к переходному периоду от андроновской культуры к местному варианту аланьинской и датирует ее самым началом I тысячелетия до н. э.

В описанной керамике имеется много общих черт с керамикой поселения Нижнее Курман-тау: примесь раковин, ясно выраженные горло и плечики. В орнаменте Курман-тау преобладающими элементами являются ряды отлогих зигзагов, на грани с плечиками глубокие круглые ямки поодиночке, попарно или по три, вдоль самого края густая мелкая елочка, на некоторых венчиках намечается «воротничок» аланьинского типа¹¹. Ярким, оригинальным элементом орнамента являются нанесенные резьбой «флажки». Форма дна не устанавливается.

Тот же характер обнаруживает керамика селища Западное Куш-тау, исследованного в 1953 г. Южноуральской археологической экспедицией. Селище расположено на правом берегу р. Белой, в 1,5 км ниже с. Урняк

⁹ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников, Краткий отчет о работах на линии Уфа — Ишимбай, «Археологические исследования в РСФСР 1934—1935 гг.», М.—Л., 1941, стр. 136.

¹⁰ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников, Отчет о полевых исследованиях Уфимской археологической экспедиции Гос. академии истории материальной культуры 1934 года (рукопись).

¹¹ Центральный музей Башкирской АССР, коллекция № 298.

Макаровского района, на высокой, узкой, покрытой лесом надпойменной террасе, прислоненной к западному подножию горы Куш-тау¹². В 1953 г. экспедицией был заложен небольшой (28 м^2) раскоп¹³. В раскопе, а также на поверхности, непосредственно под листвой, найдены керамика, изделия из камня и отдельные кости. Терраса, на которой расположено селище, имеет сильный уклон в сторону реки, и культурный слой, повидимому, несколько смещается.

Из кремневых изделий здесь найдено три наконечника стрел листовидной (рис. 1, *a*), треугольной (рис. 1, *b*) и ромбической формы, скребки

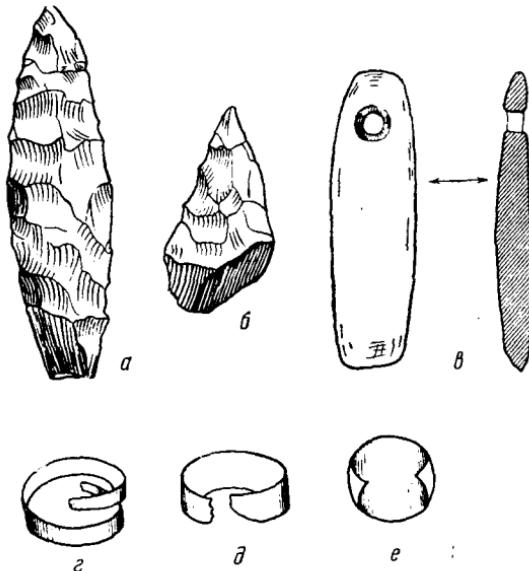

Рис. 1. Предметы из камня и кости: *a* — *b* — наконечники стрел; *v* — точильный бруск; *g* — *d* — височные кольца; *e* — бляшка — обойница; *a* — *b* — с селища Куш-тау Западное; *v* — *e* — из похребения № 1 Урнякского могильника

округлой формы на отщепах (7 экз.), концевые скребки (3 экз.), ножевидные пластинки (10 экз., на трех из них подретушевка по одному краю), нож на широкой пластине с закругленным лезвием (типа сапожного ножа), скребок-проколка и 45 отщепов.

Керамика представлена почти исключительно мелкими обломками. Из 784 обломков, которые относятся не менее чем к 53 сосудам, орнamentированных фрагментов только 76 экземпляров. У основной массы фрагментов в глине содержится примесь толченых раковин, отчего поверхность сосудов покрыта характерными рябинками-выпадами, чем керамика поселения Западное Куш-тау близко напоминает керамику абаевских памятников данного района, отличаясь от последней значительно меньшей толщиной стенок.

Определяются два типа круглодонных сосудов: 1) с низким, широким, прямым или несколько отогнутым горлом и выпуклыми плечиками (рис. 2, *b*, *v*), 2) чаши без горла или с отогнутым наружу небольшим горлом (рис. 2, *a*).

По наличию нескольких обломков круглых и уплощенных днищ типичной для керамики селища, повидимому, надо признать круглодонность. Правда, встречено также два обломка плоских днищ, но оба они не со-

¹² Памятник открыт в 1952 г. разведочным отрядом (руководитель В. П. Викторов).

¹³ Раскопом руководила В. И. Фомина.

держат в глине примеси толченых раковин, и, следовательно, их нужно отнести к верхнему, позднему, наслоению на памятнике.

По характеру орнамента обломки сосудов могут быть разбиты на несколько типов.

Первый тип (21 экз.). Орнамент состоит из рядов горизонтальной или вертикальной «елочки», составленной из резных насечек. Часто елочка располагается вдоль самого края сосуда, который иногда имеет слабо выступающий валик, или «воротничок» (рис. 3, *в, г, е, к, л*). Если горизонтальная елочка составляет только один ряд, то ниже ее по горлу нанесены группы насечек, чаще по две в группе (рис. 3, *г, е*). На грани горла и плечиков часто идет ряд круглых ямок группами по 2—3 с интервалами (рис. 2, *в*). В одном случае орнамент заходит на плечики, на которых расположены группы насечек, состоящие каждая из трех рядов: в верхнем ряду — три насечки, в среднем — две, в нижнем — одна; получается рисунок в виде как бы перевернутой пирамиды (рис. 3, *в*).

Второй тип (15 экз.). Основной элемент — поясок на горле из резных заштрихованных ромбов, иногда выполненных в форме характерных «флажков» (рис. 3, *д, и*). Над пояском из ромбов вдоль края нанесен ряд насечек. Углы, образованные соседними ромбами, иногда заполнены группами насечек. На грани горла и плечиков — группы круглых ямок (до трех в каждой группе; рис. 3, *и*).

Третий тип (27 экз.). При отсутствии на горле орнамента, на грани с плечиками — поясок из круглых ямок, расположенных по одиночке или группами с интервалами. На некоторых экземплярах край сосуда оформлен в виде слабо выраженного «воротничка», а ямки располагаются в легкой каннелиюре.

Остальные группы представлены единичными экземплярами.

Четвертый тип (1 экз.). По горлу — резной отлогий зигзаг, на грани с плечиками — круглые ямки группами по две.

Пятый тип (2 экз.). Горизонтальные или наклонные полосы из двух линий с поперечной заштриховкой насечками («лесенка») (рис. 3, *з*).

Шестой тип (5 экз.). Представлен исключительно чашками со слегка отогнутым венчиком. Орнамент ограничивается парами насечек (в одном случае — ямок) под отгибом венчика с настолько большими интервалами между группами, что по окружности размещается не больше 3—5 групп (рис. 2, *а*).

К седьмому типу относится небольшая часть керамики — 12% от общего числа фрагментов, резко выделяющаяся из основной массы и по составу теста, и по орнаменту. Примесью к глине в этих фрагментах

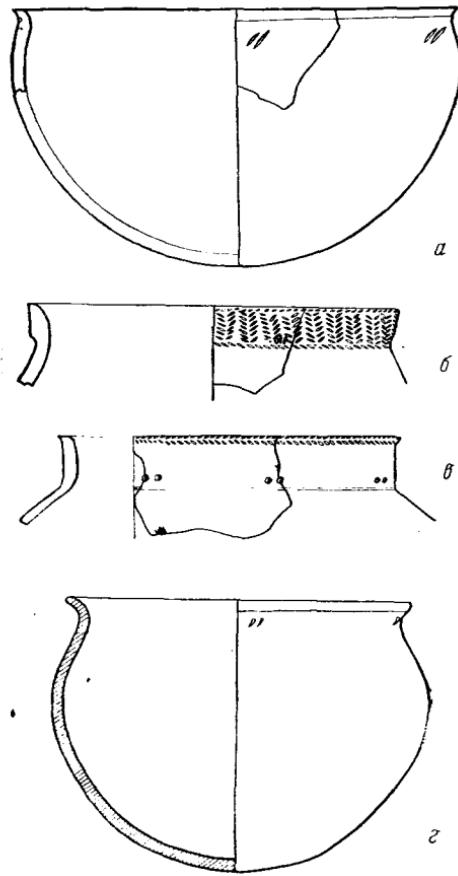

Рис. 2. Сосуды культуры Курман-тау:
а, б — Курман-тау Западное; в — Урнякский могильник

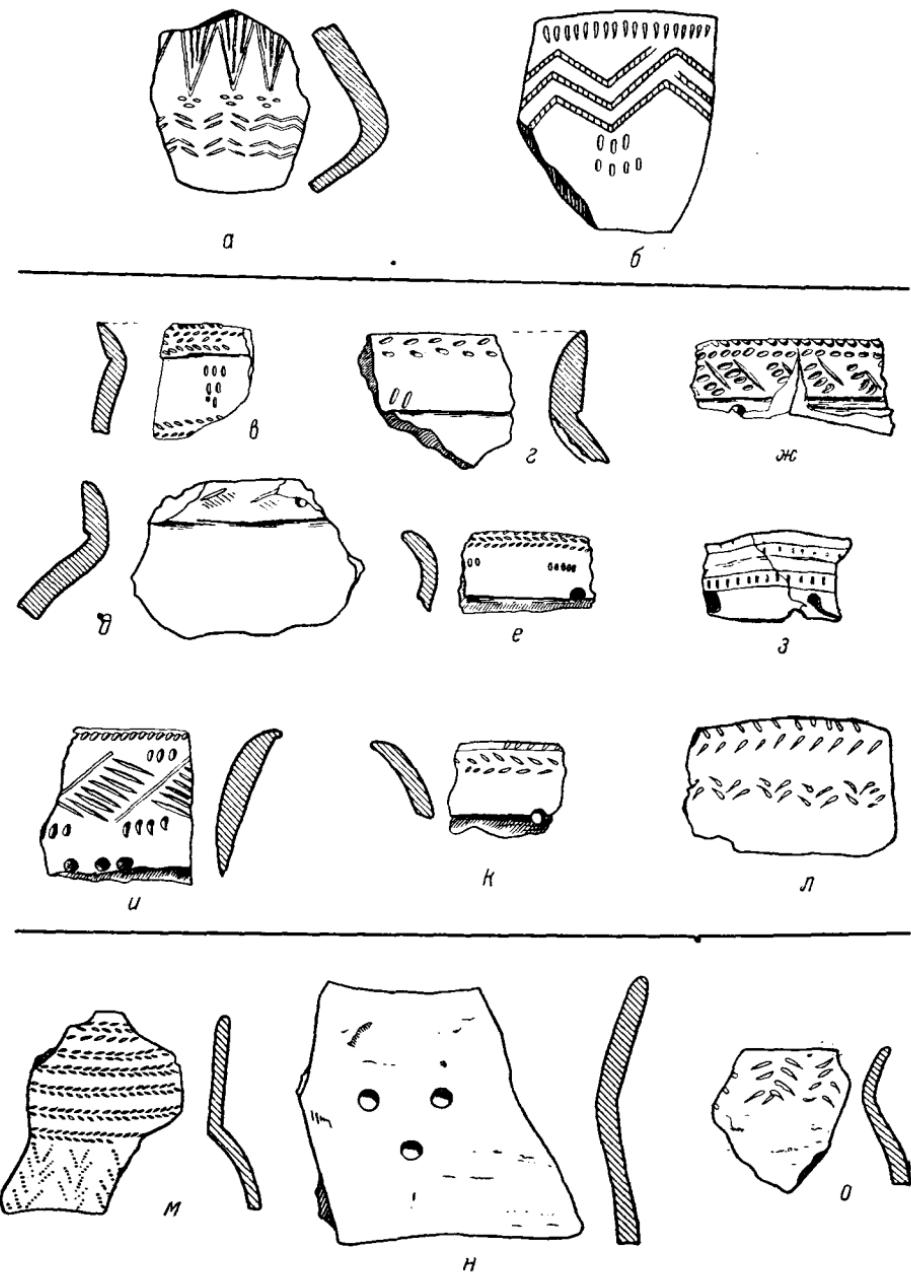

Рис. 3. Глиняная посуда с поселений по реке Белой: а, б — селище Урняк (абашевская культура); в — л — селище Куш-тау Западное (культура Курман-тау); м — о — городище Кара-Абыз (ананыинская культура)

служат не раковины, а песок и дресва. К этому типу относятся прямогорлые с выпуклыми плечиками сосуды, повидимому, с плоским дном. На 14 обломках имеется орнамент: по обрезу венчика косые насечки, по плечикам — ряд выпуклин или ямок-насечек.

Керамика седьмого типа явно составляет самостоятельный поздний культурный слой, не связанный с основным памятником. Посуда этого типа известна в памятниках сарматского времени южной Башкирии. Поздняя датировка подтверждается и стратиграфически. Ясного разграничения между слоями на поселении Западное Куш-тау установить невозможно, и керамика с примесью раковин типа Курман-тау залегает

ю всей толще культурного слоя, начиная с поверхности, но черепки с примесью песка и дресвы (седьмая группа) встречены все или на поверхности, или в первом штыке. В нижних горизонтах культурного слоя они отсутствуют. Поэтому в дальнейшем изложении седьмой тип керамики читываться не будет как не имеющий отношения к теме настоящей статьи.

Как по форме сосудов, так главным образом по орнаменту описанные поселения южной Башкирии — Дёмское, Нижнее Курман-тау и Западное Куш-тау бесспорно объединяются в одну культуру и в то же время близко стоят к предананьинским стоянкам на Ананьинской дюне и поселка Луговского, в особенности к стоянке Луговская II.

В орнаменте керамики стоянки Луговская II преобладающими элементами являются, так же как и на керамике бельских поселений типа Курман-тау, пояски из елочек и зигзагов, ромбиков, мелких ямочек, расположение круглых ямок группами по 2—3. То же наблюдается и в отношении кремневых орудий. Наконечники стрел и скребки округлой формы¹⁴ стоянки Луговская II полностью совпадают с орудиями, найденными на селище Западное Куш-тау.

В орнаменте керамики всех этих поселений мы видим такие общие для них элементы, как отлогие зигзаги, елочку, заштрихованные ромбы, «флажки», ряды и группы насечек, круглые ямки рядами и группами по 2—3. В составе глины обычна примесь толченых раковин.

Имеется возможность выделить небольшое число памятников погребального характера, относящихся к одной эпохе и культуре с перечисленными поселениями.

В 1,5 км от поселения Западное Куш-тау, рядом с абаевским селищем на окраине с. Урняк, Южноуральской археологической экспедицией открыт в 1953 г. могильник, относящийся к культуре Курман-тау. Несколько лет назад во время рытья погреба на усадьбе Каримова были встречены человеческие кости, что и послужило основанием для закладки разведочной траншеи на улице перед этим домом. При этом были вскрыты полностью два погребения и обнаружено еще два черепа.

Могильник расположен на возвышенном мысу, ограниченном поймой восточного берега р. Белой и впадающим в нее оврагом. Границы могильных ям проследить не удалось, так как могилы вырыты в черноземе, а костяки покоятся на уровне грунтовой глины на глубине 0,70 м от современной поверхности.

Погребение № 1. Костяк очень плохой сохранности. Лишь предположительно по остаткам бедренных костей и черепу, который лежал на левой щеке, можно судить о положении на левом боку головой к востоку. Неподтвержденностность черепа доказывается находкой бронзовых височных колец (рис. 1, 2, д) возле правой ветви нижней челюсти и у левого ушного отверстия. Под черепом найдена медная обоймица (рис. 1, е). Перед лицевыми костями черепа оказались остатки трубчатой кости (рукки?) и глиняный сосуд. В могильной засыпке на глубине 0,30 м от поверхности был найден маленький точильный брускок (рис. 1, в).

Погребение № 2. В 1,10 м к югу от погребения № 1 оказалась вторая могила, костяк в которой лежал головой к западу, повидимому, также на левом боку. Сохранились лишь отдельные кости. Многие из них явно смешены. В ногах стоял глиняный сосуд.

За черепом погребения № 2 в стенке траншеи встречены еще два черепа, видимо, соседних погребений (№ 3 и № 4), уходивших за пределы траншеи под огород.

Очень интересны найденные в погребениях сосуды. Сосуд из погребения № 1 (высота 6,2 см, диаметр горла — 9 см) серого цвета, тонкостен-

¹⁴ А. В. Збруева, Памятники поздней бронзы в Прикамье, КСИИМК, XXXII, 1950, рис. 19—1, 4.

2 Советская этнография, № 4

ный, по форме близок к круглодонной чашке со слегка выделенной шейкой и отогнутым кнаружи краем. Орнамент нанесен резьбой и сосредоточен на верхней половине. Вдоль края помещена горизонтальная елочка, ниже — группы из трех ямок-насечек, на плечиках — четыре лопасти из горизонтальной елочки в несколько рядов (рис. 4, б).

Сосуд из погребения № 2 серого цвета, более крупный и более приземистый (высота 13 см, диаметр горла 16 см), также имеет форму чашки с круглым дном и отогнутым краем. Орнамент почти отсутствует. Лишь под отгибом края расположены 4—5 пар насечек. Отсутствие части края сосуда не позволяет установить точное число пар (рис. 2, г).

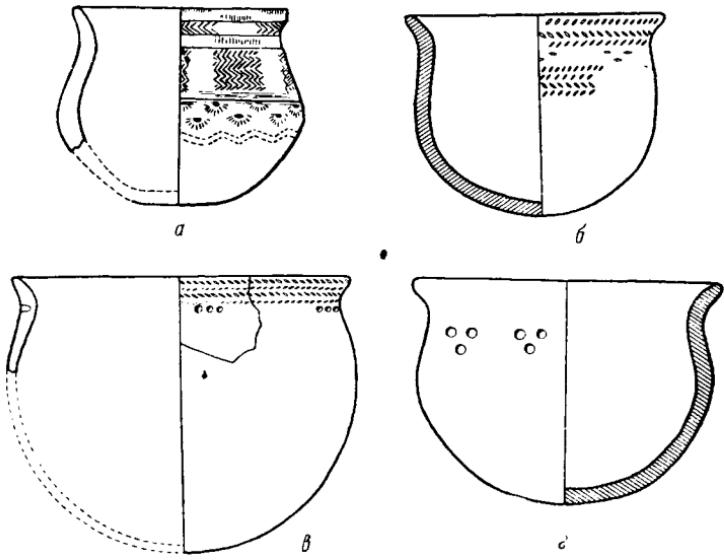

Рис. 4. Сравнительная таблица керамики культур: абашиевской (а), Курман-тау (б, в) и ананьевской (г); а — селище Урняк; б — Урнякский могильник; в — селище Куш-тау Западное; г — Аргыжское городище

В глине обоих сосудов небольшая примесь толченых раковин. Форма и элементы орнамента обоих сосудов из могильника имеют полную аналогию в керамике селища Западное Куш-тау (рис. 2, а).

Височные кольца из погребения № 1 имеют форму спиральки в полтора оборота, сделанной из узкой медной или бронзовой ленты (рис. 1, г, д). Обоймица в виде круглой полуширинной бляшки, диаметром 1 см, снабжена двумя язычками, загнутыми внутрь, при посредстве которых она к чему-то прикреплялась (рис. 1, е).

К этой же эпохе надо отнести луговские курганы. Они содержали погребения, весьма близкие по ритуалу и инвентарю, с одной стороны, к Урнякскому могильнику (несмотря на наличие в первом случае курганных насыпей и отсутствие курганов — во втором), а с другой стороны, обнаруживаю в погребальном обряде бесспорную преемственность от погребального обряда абашиевских могильников. Спиральные колечки и некоторые сосуды из луговских курганов¹⁵ аналогичны подобным предметам из Урнякского могильника (рис. 1, г, д, рис. 2, г).

Наличие жертвенных ям под насыпью луговских курганов заставляет вспомнить жертвенники под курганами у с. Абашево¹⁶ и возле абашиев-

¹⁵ А. В. Збруева, Памятники поздней бронзы в Прикамье, 19 — 8, 20 — 2.

¹⁶ О. А. Кривцова-Гракова, Абашиевский могильник, КСИИМК, XVII, 1947.

ского погребения на Мало-Кизыльском селище близ Магнитогорска¹⁷. Само положение костяков в луговских курганах в полусогнутом положении с вытянутой одной рукой и согнутой в локте другой также типично для абашевских погребений¹⁸.

Многие черты Маклашеевского могильника (Маклашеевка II) позволяют включить и его в число памятников культуры Курман-тау. Здесь такие же каменные наконечники стрел, как и на поселениях Луговском II¹⁹ и Западное Куш-тау, такие же спиральные колечки, как в Урнякском могильнике и луговских курганах. Круглая бронзовая бляшка из Маклашеевки II отличается от бляшки из Урнякского могильника лишь способом прикрепления. Наконец, некоторые сосуды²⁰ орнаментом, а отчасти и формой весьма близки к керамике селища Западное Куш-тау.

На основании изложенного можно составить перечень памятников, которые мы предлагаем объединить в понятие культуры Курман-тау. В этот перечень входят «центральная» и «восточная», по терминологии А. В. З布鲁евой, группы предананьинских памятников: стоянка на Ананьинской дюне, Луговская стоянка II, луговские курганы, стоянка Нижнее Курман-тау, а также Дёмская стоянка и вновь открытые поселение Западное Куш-тау и Урнякский могильник. Повидимому, могильник Маклашеевка II есть больше основания отнести к этой же культуре, а не к ананьинской или абашевской. Луговскую стоянку I не считаем возможным отнести к культуре Курман-тау. По всем данным, она датируется более ранним временем, а сложный состав керамических находок на ней затрудняет определение ее культурной принадлежности.

Для западной и южной групп, выделяемых А. В. З布鲁евой в предананьинских памятниках, в орнаментике керамики, наравне с элементами, общими с керамикой Курман-тау, характерны отпечатки ткани и наличие в глине примеси, помимо толченых раковин, также и песка.

Поэтому, на наш взгляд, целесообразнее все предананьинские памятники Нижнего Прикамья разделить на две территориальные группы: западную и восточную, границей между которыми служит устье р. Вятки. На эту границу между памятниками с текстильной керамикой и памятниками, лишенными такой керамики, указывают О. Н. Бадер и А. В. З布鲁ева²¹. За западной группой целесообразно закрепить введенное А. П. Смирновым название «приволжская культура», восточную объединить понятием «культура Курман-тау». А. В. З布鲁ева доказала, что памятники обеих этих культур — приволжской и Курман-тау — непосредственно предшествуют ананьинской эпохе, и считает, что обе они легли в основу культуры ананьинской.

Исследованные в 1953 г. памятники культуры Курман-тау — поселение Западное Куш-тау и Урнякский могильник — в сопоставлении с изученным в том же году территориально соседним селищем Урняк, относящимся к абашевской культуре, дали некоторые новые важные материалы, заставляющие по-иному взглянуть на роль культуры Курман-тау и приволжской в процессе сложения ананьинской культуры.

В основу культуры Курман-тау, так же как и приволжской, легла культура абашевских племен. Различие объясняется той конкретной исторической обстановкой, в которой протекало развитие абашевских племен в разных районах. В одних районах, как на территории приволж-

¹⁷ К. В. Сальников, Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях, КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 93.

¹⁸ Там же.

¹⁹ А. В. З布鲁ева, Памятники поздней бронзы в Прикамье, рис. 19 — 1.

²⁰ А. В. З布鲁ева, История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, табл. 1, рис. 12.

²¹ О. Н. Бадер, Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья, «Советская этнография», 1951, № 2; А. В. З布鲁ева, История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.

ской культуры, в результате столкновения с племенами других культур на абашевскую основу частично наслаждались посторонние элементы, в других, как на территории культуры Курман-тау, абашевские элементы культуры сохранили большую чистоту.

Анализ формы, орнамента и состава глины керамики приволжской культуры вскрывает бесспорно смешанный ее характер. Здесь явно проявляются два элемента — абашевский и срубно-хвалынский. Следует учесть также мнение А. П. Смирнова о генетической связи приволжской культуры с сейминской, балахнической и культурой сетчатой керамики²².

Процесс взаимопроникновения абашевской и срубно-хвалынской культур хорошо устанавливается по двум типам погребений, обнаруженных на Балымской стоянке под Казанью²³.

Абашевские элементы обнаруживаются и на срубно-хвалынской территории. Достаточно указать на курган № 4 у с. Хрящевки, Шейкинское²⁴ и Воскресенское²⁵ поселения. Но эти памятники сохраняют свой срубно-хвалынский облик, в то время как к северу, в районе устья Камы, из смешения различных элементов складывается особая культура пред-ананьевского времени — приволжская.

Не разделяя мнения О. Н. Бадера о сложении ананьевской культуры на территории северного Прикамья, мы не можем не согласиться с ним, что приволжскую культуру нельзя рассматривать как один из компонентов сложения ананьевской культуры, поскольку для нее характерна текстильная керамика, типичная в эпоху раннего железа для племен Поволжья дьяковской культуры²⁶.

Иначе сложились отношения между культурами эпохи бронзы на р. Белой и на р. Каме между устьями Вятки и Белой, т. е. на территории культуры Курман-тау.

На среднем течении р. Белой в районе Стерлитамака работами Южно-уральской археологической экспедиции 1951—1953 гг. установлено расположение синхронных памятников абашевской и срубно-хвалынской культур на одной территории. И все же здесь мы не видим участия срубно-хвалынских племен в сложении культуры Курман-тау, которая целиком выводится из абашевской. Это особенно четко прослеживается при сравнении керамики трех территориально соседних памятников: селища Урняк абашевской культуры и селища Западное Куш-тау и Урнякского могильника культуры Курман-тау. Керамика двух последних памятников, в основном отличная от керамики абашевской культуры, имеет явные следы происхождения от последней.

Сосуд из погребения № 1 Урнякского могильника по форме почти тождествен с некоторыми типами абашевской посуды. Орнамент в виде групп елочек в несколько рядов, образующих лопасти, находит себе аналогию на сосуде с селища Урняк (рис. 4, а), край горла которого также орнаментирован горизонтальной елочкой. Среди орнаментальных мотивов керамики селища Урняк есть и третий элемент орнамента сосуда из погребения № 1 — группы ямок-насечек, расположенных треугольником (рис. 3, а). Лопасти из елочки на описанном сосуде из Урнякского могильника, видимо, близки к орнаменту на одном из сосудов Луговской стоянки. Орнамент этого сосуда А. В. Збруева характеризует как состоя-

²² А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, стр. 34.

²³ А. Х. Халиков, Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье, КСИИМК, Л. 1953.

²⁴ Н. Я. Мерперт, Археологические памятники у села Хрящевки, КСИИМК, Л. стр. 48, 51.

²⁵ Н. В. Трубникова, Поселения эпохи бронзы у деревни Воскресенской, КСИИМК, Л. стр. 30.

²⁶ О. Н. Бадер, Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней историей Поволжья, стр. 25; О. Н. Бадер и З. П. Соколова, Стоянка Боровое озеро IV на Чусовой, СА, XVIII, стр. 280.

щий «из зигзагов, образующих спускающиеся вниз лопасти, как на посуде фатьяновского типа»²⁷. В группах насечек, нанесенных на сосуд из погребения № 2 Урнянского могильника и встречающихся на ряде фрагментов керамики селища Западное Куш-тау, явно сквозит одна из типичнейших черт абаевского орнамента, ведущая свое происхождение, может быть, еще от рисунков на сосудах среднеднепровской культуры²⁸. Наконец, ряды и группы круглых ямок — довольно распространенный мотив в абаевской орнаментике.

Несмотря на малочисленность материала из Урнянского могильника, есть основания считать, что, входя в состав памятников культуры Курман-тау, этот могильник несколько древнее селища Западное Куш-тау, так как орнаментика керамики могильника стоит ближе к материалам абаевской культуры. Все же уже в этом могильнике мы видим ряд предметов, ставящих его в генетическую связь с ананьинскими памятниками. Тип оселка, найденного в засыпке погребения № 1 (рис. 1, в), близок типам точильных брусков из Ананьинского могильника²⁹. Полушарная обоймица-бляшка является прототипом полушарных бляшек из ананьинских могильников, например, Луговского и Марквашинского.³⁰

Если же взять памятники культуры Курман-тау в целом, то генетические связи ее с ананьинской культурой выступают еще более определенно, особенно в сравнении с наиболее ранними памятниками последней. Напомним указание А. В. Збруевой, что тип кремневых наконечников стрел Луговской стоянки и ананьинских могильников одинаков³¹. Мы со своей стороны можем присоединить сюда также наконечники стрел с поселения Западное Куш-тау (рис. 1, а, б). Особенно много аналогий в керамике. Не только форма сосудов и наличие «воротничка» роднят керамику Курман-тау с ананьинской. Некоторые элементы орнамента ананьинских городищ — Галкинского, бельских — обнаруживают генетическую родственность с орнаментикой керамики Курман-тау (рис. 3, м, н, о). Столь распространенный в культуре Курман-тау ямочный орнамент А. В. Збруева считает отличительной чертой бельских городищ ананьинской культуры.

Как на более яркий пример можно указать также на елочку на некоторых сосудах с бельских городищ (рис. 3, м, о)³². П. П. Ефименко³³ говорит о наличии на городище Верхнее Курман-тау такой же керамики с группами ямок, расположенных треугольником, какая имеется на раннеананьинском Галкинском городище³⁴. Если к этому добавить, что среди керамики с городища Верхнее Курман-тау, хранящейся в Центральном музее Башкирской АССР³⁵, нам удалось обнаружить фрагменты, где такие же треугольники составлены не из ямок, а из насечек, то в происхождении этого орнаментального мотива от тройных насечек на некоторых сосудах культуры Курман-тау (типа сосуда из погребения № 1 Урнянского могильника — рис. 4, б) и даже на абаевской керамике (рис. 4, а) не остается сомнения. Не надо забывать, что в памятниках ананьинской культуры, так же как и культуре Курман-тау и абаевской, керамика характеризуется примесью к глине толченых раковин.

²⁷ А. В. Збруева, Камская экспедиция 1946 года, КСИИМК, XX, 1948.

²⁸ К. В. Сальников, Абаевская культура на Южном Урале, СА, XXI, 1954.

²⁹ Ср. А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, табл. XII, рис. 17—19.

³⁰ Ср. там же, рис. 60, 2 и табл. XVII, рис. 7.

³¹ Там же, стр. 191.

³² Там же, табл. XVI, рис. 2.

³³ П. П. Ефименко, К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камья, стр. 16.

³⁴ МИА, 1, 1940, табл. IV, рис. 9; ср. также А. В. Збруева, История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, табл. XVI, рис. 1.

³⁵ Коллекция № 296.

Таким образом, за генетическое родство цепочки: Абашево -- Курмантау — Ананьино говорит следующее:

- 1) примесь толченой раковины в глине керамических изделий;
- 2) близость форм кремневых орудий в поселениях культуры Курмантау и ананьинских памятниках;
- 3) сходство в обряде погребений луговских курганов с абашевскими;
- 4) господство чащевидных и близких к ним форм в посуде абашевских и ананьинских памятников;
- 5) большая роль в орнаменте круглых ямок, образующих поясок;
- 6) частое расположение ямок группами по 2—3³⁶, иногда треугольником;
- 7) сочетание групп ямок на керамике Курман-тау с группами насечек, которые типичны для абашевской керамики и, может быть, являются прообразом первых (рис. 4).

Таким образом, на наш взгляд, участие потомков племен абашевской культуры в лице племен культуры Курман-тау как основного компонента в сложении ананьинской культуры, в первую очередь белльского варианта, не подлежит сомнению. Это отнюдь не снимает вопроса об участии в этом процессе племен других культур эпохи поздней бронзы, но их участие (во всяком случае в образовании южной группы ананьинской культуры) имело меньшее значение.

Процесс формирования ананьинской культуры, несомненно, являлся сложным. Нельзя забывать, в частности, разницу антропологического типа абашевских и ананьинских племен. Европеоидный тип абашевцев сменяется монголоидами-ананьинцами. Но эта смена, как указывают антропологические материалы с Луговской стоянки и других памятников, в эпоху поздней бронзы прошла через этап метисации. Поэтому эпоху Курман-тау надо рассматривать как время, когда на грани леса и степи протекало доказанное Т. А. Трофимовой³⁷ смешение представителей двух рас. Потомки европеоидов-абашевцев в это время постепенно смешались с пришлыми монголоидами. Последние могли проникнуть сюда только из более северных районов Прикамья или из Зауралья. Для изучения этого процесса огромнейшую ценность представляют черепа из могильников, относящихся к культуре Курман-тау. К сожалению, кости из Луговской курганной группы и Урнякского могильника пока не изучены.

Следовательно, если на юге ананьинская культура сложилась на базе позднеабашевских европеоидных племен культуры Курман-тау, то не приходится отрицать причастность к этому процессу и других племен, более северных или восточных, внесших в население Нижнего Прикамья монголоидный элемент. Следов среднекамских турбинских племен на территории Нижнего Прикамья и на р. Белой — в области распространения памятников культуры Курман-тау, как отмечает О. Н. Бадер, не усматривается³⁸. Иначе обстоит дело со связями с более отдаленными районами — с Зауральем. Убедительным представляется предположение В. Н. Чернецова о вероятности этнических связей нижнекамских племен преданьинского времени с племенами Нижнего Приобья, оставившими памятники типа Сузун II. В пользу взгляда В. Н. Чернецова говорит отмеченная им близость, почти тождество, некоторых типов керамики Лу-

³⁶ Луговское II (КСИИМК, XXXII, рис. 19—7), Ананьинская дюна (МИА, 30, табл. XXXV, рис. 10), Западное Куш-тау (настоящая статья, рис. 4, в), Маклашевка II (МИА, 30, табл. 1, рис. 12), городища Свиногорское, Гремячий ключ (МИА, 30, табл. XV, рис. 6, 7, 11, 12), Кара-Абыз (МИА, 30, табл. XVI, рис. 1), селище Отарка (МИА, 30, рис. 39), Усть-Нечкинское городище (МИА, 30, табл. LII, рис. 7), Аргыжское (МИА, 30, табл. LIII, рис. 11).

³⁷ Т. А. Трофимова, Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья, МИА, 22, 1951, стр. 102.

³⁸ О. Н. Бадер и З. П. Соколова. Стоянка Боровое озеро IV на Чусовой, стр. 279.

говской стоянки с керамикой Сузгун II³⁹. Весьма вероятно, что такая яркая черта, как пояски ямок, закрепилась в орнаментике ананьинской керамики не без влияния племен Приобья, где этот элемент был широко распространен не только в эпоху поздней бронзы (Сузгун II), но и в более ранних культурах.

Не исключено, что на Средней Каме и на Чусовой турбинские племена участвовали в ананьинском этногенезе, как это считает О. Н. Бадер.

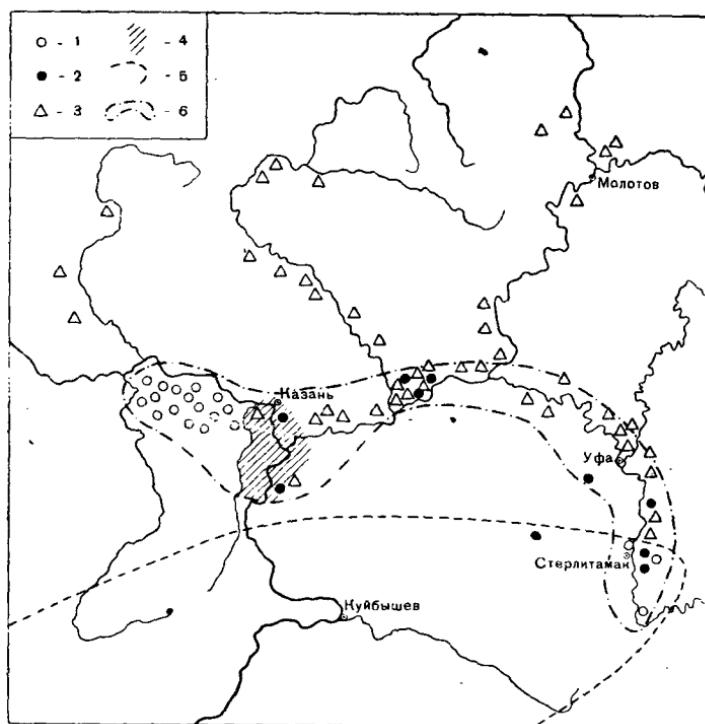

Рис. 5. Карта распространения в Прикамье памятников эпохи бронзы и раннего железа: 1 — памятники абашевской культуры; 2 — культуры Курман-тау; 3 — ананьинской культуры; 4 — приволжской культуры; 5 — граница срубно-хвалынской культуры; 6 — площадь распространения керамики с примесью толченых раковин в предананьинских культурах

Но и здесь имело место влияние Абашева — Курман-тау, о чем говорят находка абашевской десятилучевой бляшки-розетки под Писанным Камнем на Вишере⁴⁰ и керамика с «флажковым» орнаментом⁴¹.

Появление в ананьинское время повсеместно в составе глины керамических изделий примеси толченых раковин, обычной для керамики Абашева — Курман-тау и абсолютно не свойственной турбинской керамике, также говорит в пользу участия абашевцев в сложении ананьинских племен даже в северных районах ананьинской территории.

Повсеместное распространение примеси толченой раковины как одной из типичных черт ананьинской керамики заставляет в поисках предков ананьинских племен обращать взоры в сторону тех племен эпохи бронзы Прикамья, для которых такая примесь была обычной. Эта черта характерна в эпоху бронзы для памятников сравнительно узкой южной полосы

³⁹ В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, МИА, 35, 1953, стр. 50.

⁴⁰ О. Н. Бадер, Очерки шести летних работ Камской археологической экспедиции (рукопись).

⁴¹ О. Н. Бадер и З. П. Соколова, Стоянка Боровое озеро IV на Чусовой, стр. 279.

ананьинской территории, где обитали абашиевские племена, а затем племена приволжской и курман-тауской культуры (рис. 5). Наличие «текстильной» керамики в памятниках приволжской культуры не позволяет рассматривать племена этой культуры в качестве участников ананьинского этногенеза. Наоборот, культура Курман-тау многими чертами генетически связана с ананьинской культурой. Проследить сложный процесс формирования ананьинской культуры во всех деталях — дело будущего. Но и сейчас, не претендуя на решение проблемы происхождения ананьинской культуры полностью, мы имеем достаточно веские основания утверждать, что позднеабашевые племена культуры Курман-тау представляют собой важный компонент на всей территории ананьинского этногенеза, а в южной полосе эти племена служили основой, на которой развились племена ананьинской культуры. Нам представляются неубедительными те основания, по которым А. П. Смирнов исключает бельские городища из числа ананьинских⁴². Открытия последних лет заставляют пересмотреть этот взгляд. Погребальный обряд и инвентарь исследованного в 1950 г. могильника у разъезда Правая Белая возле Уфы — яркое доказательство обитания ананьинских племен и в этом районе⁴³.

Показанные выше генетические связи ананьинской культуры с местными бельскими племенами позднебронзовой эпохи и некоторые ранние черты в керамике бельских городищ позволяют рассматривать берега среднего и нижнего течения р. Белой наравне с прилегающим отрезком течения р. Камы (между устьями Вятки и Белой) как основную территориюложения ананьинских племен.

Принимая за начальную дату ананьинской культуры (по А. В. Збруевой) VIII в. до н. э., время бытования культур Курман-тау и приволжской надо отнести к X—VIII вв.

⁴² А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, стр. 62.

⁴³ Р. Б. Ахмеров, Археологические памятники Башкирии ананьинского времени, КСИИМК, XLVIII, 1952.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Е. Э. БЛОМКВИСТ

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В КРЕСТЬЯНСКОМ ЖИЛИЩЕ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ

Происхождение русского и украинского народа из единого корня и близость их языка и культуры проявляются во всех сторонах жизни и быта.

В области материальной культуры стойким этническим признаком, в течение веков сохраняющим свои характерные особенности, является жилище. Жилище русских и украинцев не является исключением из этого положения. Типичная украинская хата по первому впечатлению мало походит на обычную великорусскую избу. Но при ближайшем рассмотрении того и другого жилища оказывается, что, несмотря на значительные, хотя большей частью внешние, различия между ними, украинскую хату и великорусскую избу характеризует много сходных черт, дающих возможность проследить древнюю общую их основу.

Современное крестьянское жилище, слагавшееся в течение многих столетий под воздействием ряда факторов, представляет собой очень сложное явление. Такую тему, как вопрос об общности жилища двух братских народов, в короткой статье всесторонне рассмотреть невозможно. Поэтому из многих общих черт русского и украинского крестьянского жилища, которые можно было бы возводить к эпохе древнерусской народности, здесь выбраны для рассмотрения три основные: 1) развитие древних типов крестьянского дома, 2) внутренняя планировка и убранство старого жилища и 3) некоторые виды древней строительной техники.

I. Развитие древних типов крестьянского дома (горизонтальное членение)

Наиболее простым по плану типом жилья является однокамерная постройка, т. е. жилище без сеней. Она, как это показывают данные археологии, уже в VIII—IX вв. представляла основную форму жилища восточнославянских племен и, по всей вероятности, являлась преобладающим видом жилья в эпоху древнерусской народности.

Однокамерное отапливаемое жилище часто упоминается в древнерусских летописях под названиями «истопка», «истобка», «ыстобъка»¹

¹ Многократно встречаются также слова «истобъникъ», «истобничишко», «истопничишко» в значении «слуга» (в памятниках XV в.).

(что связывается со словом «истопти»), а также под их синонимами: «ыстыба», «ыстьба», «ыстба», преобразовавшимися впоследствии в слово «изба». Эти названия дошли до наших дней: «истопкой», «ыстопкой», «стопкой» называют небольшую избенку в Новгородской, Вологодской, Кировской областях или совсем маленькую хату в западнобелорусских областях.

В Вологодской области «истопкой» или «истёпкой» называют также лесные избушки, устраивавшиеся охотниками в дальних лесах для житья в них зимой во время охотничьего сезона. Вологодская лесная истопка представляет небольшой сруб, опущенный на несколько венцов в землю, с очагом в центре, с низенькой дверью и крохотными оконцами, прорубленными в задней стене и в передней стене над дверью. У задней стены настилали «полати», у боковых стен — «лавки». Такие же лесные избушки устраивали и в лесном Заволжье (Костромская, Горьковская, Кировская области).

Известен термин «истопка» и в северной Украине. Здесь, как и в соседней Белоруссии, до сих пор сохраняется на крестьянском дворе однокамерная срубная постройка с земляным полом, с печкой или очагом («истопка», «издебка», «стебка», «степка»). Она служит для зимнего хранения «варева» (у белорусов ее и называют местами «варевня»), т. е. свежей и квашеной капусты, картофеля, свеклы и других овощей, которые в случае промерзания делаются никуда не годными. Истопка бывает в тех местах, где из-за сырого грунта нельзя строить углубленный в землю погреб. Ставится она и с потолком, и без него (только с крышей), в морозы обогревается или печкой, большей частью курной (печь с трубой выкладывали лишь в зажиточных хозяйствах), или очагом из камней, сложенным по середине истопки, или же просто принесенным из хаты горшком с горячими угольями. Для освещения прорезано маленькое волоковое оконце.

«Истёпка» того же назначения встречается и у великоруссов Псковской и Великолукской областей (здесь иногда ее называют общевеликорусским словом «мшаник», т. е. сруб, сложенный для тепла на мху).

Все эти разновидности современной истопки, представляющие собой либо небольшое жилье (на лесном севере), постоянное или временное, либо теплую кладовую (в северной Украине, Белоруссии и на великорусском западе), можно считать пережитком, сохранившимся от эпохи древнерусской народности. В этом отношении заслуживает внимания выражение «на истопке», означающее все место на избе сверх потолочного наката, под крышей, соответствующее нашему «на чердаке». Оно известно в Поволжье (Калининская, Ярославская и Ульяновская области) и в черноземной полосе (Воронежская, Орловская, Рязанская области). Можно предположить, что слово «истопка» для обозначения жилища здесь исчезло, как и всюду, вероятно, уже много веков назад, видоизменившись в слово «изба», но выражение «на истопке» сохранилось с тех далеких времен, не превратившись в выражение «на избе».

Что же касается не термина, а самого однокамерного жилища, то в XIX в. этот тип построек встречается уже редко. Обычно это была бобыльская избушка или хатенка, в которой доживал свой век одинокий старик или вдова (например, «хижка» у донских казаков), или же хижина батрака. Избы без сеней попадаются в необжитых еще районах как первый этап строительства новоселов²; в дореволюционное время такие жилища строили бедные крестьянские семьи, у которых нехватало средств для пристройки сеней, или выделенные из семьи молодые, еще не успевшие построиться; до революции можно было иногда видеть недостроенную бедняцкую хату, годами ждущую, когда хозяин сможет

² Например, «четырехстенка» в Енисейской области, «одноколок» в Алтайском крае.

пристроить к ней сени. В небольшом числе (2—3%) такие строения попадались на русском Севере, в Сибири, на Украине³.

Следующий по сложности тип жилища — двухкамерная постройка: отапливаемое жилое помещение и холодные сени. У северновеликорусов это «сени», у южновеликорусов — «сенцы», у белорусов — «сенцы» и «сенки», у украинцев — «сіни».

Двухкамерное жилище довольно рано появляется на территории, населенной восточными славянами. Изредка оно встречается уже в XI—XIII вв. среди полуземлянок южной и средней полосы: известны, например, землянка из двух помещений в Суздале, землянка с деревянной перегородкой в Старой Рязани, такая же — в Белгороде⁴. О сенях в городских деревянных домах неоднократно, в связи с разными событиями, упоминают древнерусские летописи для XI—XII вв. В XVIII—XIX вв. двухкамерное жилище являлось преобладающим типом планировки в северной Украине, Белоруссии, во многих местах Великороссии.

Среди жилищ беднейшего крестьянства, главным образом средней полосы и юга, а также в постройках новоселов можно было встретить ряд переходов от однокамерного к двухкамерному жилищу в виде хаты или избы, у которой вместо сеней имелась или легкая загородка без навеса, или легкий навес без стен, или и то и другое, но непрочного, временного характера. Такая замена сеней носит у украинцев названия «халабуда», «захищ»; это — нечто вроде шалаша из соломы или тростника⁵. Там, где простейшие однокамерные и двухкамерные постройки удержались до наших дней, можно наблюдать воочию этот процесс постепенного усложнения планировки крестьянского дома⁶. Любопытно, что кое-где к сеням применяются названия «пристан» (великорусы Тульской области), «тристан» (белорусы Гродненской и Молодечненской областей), особо подчекивающие вторичный, придаточный характер этой части жилища.

Таким образом, сени у восточных славян развились из легкой пристройки с навесом перед входом в жилье⁷, превратившись в неотапливаемую, большую частью не имеющую потолка, но необходимую составную часть жилища, крытую с ним одной общей крышей.

Не менее древне у восточных славян и трехкамерное жилище, крытое одной общей крышей: изба — сени — клеть у великорусов и хата — сіни — комора у украинцев (рис. 1—I). В такой постройке клеть-комора представляла собой неотапливаемое помещение, служившее для хранения имущества семьи, а также спальней для молодых, которых после совершения брачного обряда торжественно отводила туда сваха. Молодая пара спала в клети независимо от времени года, нередко до рождения первого ребенка, а после этого события ночевала в клети в теплую погоду.

Трехкамерное жилище, как тип, известно очень давно: найденное при раскопках в Суздале такое жилище, разделенное глиняными перегородками, относится к XIII в. Насколько можно судить по письменным

³ См. С. А. Токарев, Североукраинская экспедиция 1945 г., «Краткие сообщения Ин-та этнографии», II, 1947, стр. 29—30.

⁴ С точки зрения времени появления двухкамерного жилища на территории восточных славян огромный интерес представляет находка (пока единичная) такого жилища в поселении культуры полей погребений (вторая половина III в. н. э.) на среднем Днестре. Раскопками 1953 г. здесь в Луке-Врублевецкой обнаружено большое двухраздельное жилище с сенями, углубленное на 70—80 см от древней поверхности земли (доклад М. А. Тихановой на пленуме ЛОИИМК 24 марта 1954 г.).

⁵ См. В. Василенко, Опыт толкового словаря народной технической терминологии по Полтавской губернии, Сборник Харьковского историко-филологического об-ва, т. 13, 1902, стр. 195.

⁶ В обследованном Североукраинской экспедицией районе Черниговщины (между г. Черниговом и р. Днепром) до сих пор бытуют все этапы развития сеней («Краткие сообщения Ин-та этнографии», II, 1947, стр. 30).

⁷ Слово «сѣнь» в древнерусском литературном языке означает вообще «покрытие», «навес», «балдахин»; то же — в церковно-славянском и в литературном языке XIX в.

источникам, трехкамерная постройка как жилище княжеских дружиныков, а затем феодальной знати Киевской Руси, существовала уже с конца X в. В то время она состояла из теплой истобки и холодной клети, связанных сенями. Истобка и клеть строились на подклетах, т. е. были подняты на подклетные срубы, а соединяющие их сени опирались на столбы и образовывали род висячего перехода между двумя срубами⁸.

Генезис восточнославянской трехкамерной постройки представляется в настоящее время таким образом: первоначально однокамерная истопка и клеть ставились отдельно друг от друга, дверь против двери, со временем пространство между ними начали забирать изгородью, а впоследствии и накрывать крышей, общей для всей постройки, и, таким образом, этот огороженный промежуток превратился в сени. Во многих районах нашей страны до сих пор старинная трехкамерная постройка представляет два сруба, связанных двумя стенками из бревен, заложенных в паз; получившиеся сени не имеют потолка.

Таким образом, срубную трехкамерную постройку приходится выводить непосредственно из жилища однокамерного: в двухкамерном жилище сени представляют второй по времени появления элемент, в трехкамерном они являются третьим элементом.

С течением времени, в зависимости от роста семьи, а также при увеличении благосостояния хозяйств, клеть-комора начала заменяться жилым помещением. Так возник позднейший вид трехкамерной постройки — «связь», т. е. два жилых помещения, связанных сенями. При большой семье это были две зимние избы или хаты. В зажиточном семействе это могли быть зимняя изба (или хата) и летнее помещение (летняя, белая изба, горница, светлица — у русских, світлиця, кімната — у украинцев). Господствующее название этой постройки у великорусов — «связь» (рис. 1—III); если оба помещения жилые, то на севере говорят иногда «дом на две избы»; у украинцев ее называют «дві хати через сіни» или «хата на дві половини» (рис. 1—II).

Появившись у зажиточных людей в эпоху Киевской Руси, трехчленное жилище постепенно вошло в быт многочисленных боярских усадеб и древнерусских городов и стало типичным жилым домом состоятельных горожан. Когда с XV в. в городах начали применять кирпич для постройки жилых зданий, то каменные дома стали возводить в соответствии с традициями деревянного зодчества. Поэтому сохранившиеся каменные жилые дома богатых горожан XVII в. в Пскове, Ярославле, Гороховце и других городах имеют планировку, типичную для трехкамерной связи: в центре дома — сени, к которым ведет крыльцо с лестницей; по бокам сеней — жилые помещения («две палаты с сенями между ними»); весь жилой этаж расположен на высоком подклете.

По типу трехкамерных связей строились также монастырские кельи в монастырях; большие монастырские корпуса состояли из ряда отдельных секций, каждая из которых представляла две жилые кельи, связанные общими сенями с отдельным входом снаружи.

Городские дома типа трехкамерной связи, деревянные и каменные, продолжали кое-где строиться еще в первой половине XVIII в. (например, в Калуге и Москве), но уже с середины XVIII в. старинные трехраздельные постройки начали быстро вытесняться новыми формами. Однако на селе старый тип в обоих своих вариантах был широко распространен еще в XIX в. и во многих местностях, особенно на Украине, кроме северной ее окраины, являлся преобладающим вплоть до периода социалистического переустройства деревни и появления новых, более сложных форм. Трехкамерная постройка в обоих вариантах была типична также для всей южновеликорусской полосы и для западных русских районов (Смоленщина и Псковщина).

⁸ Ср. «мсст» — название сеней во многих северовеликорусских говорах.

Иную картину мы имеем в северновеликорусских районах центра, Зерхнего Поволжья и Севера. Первый, более ранний вариант трехкамерной постройки (с клетью) здесь исчез когда-то уже очень давно, так как

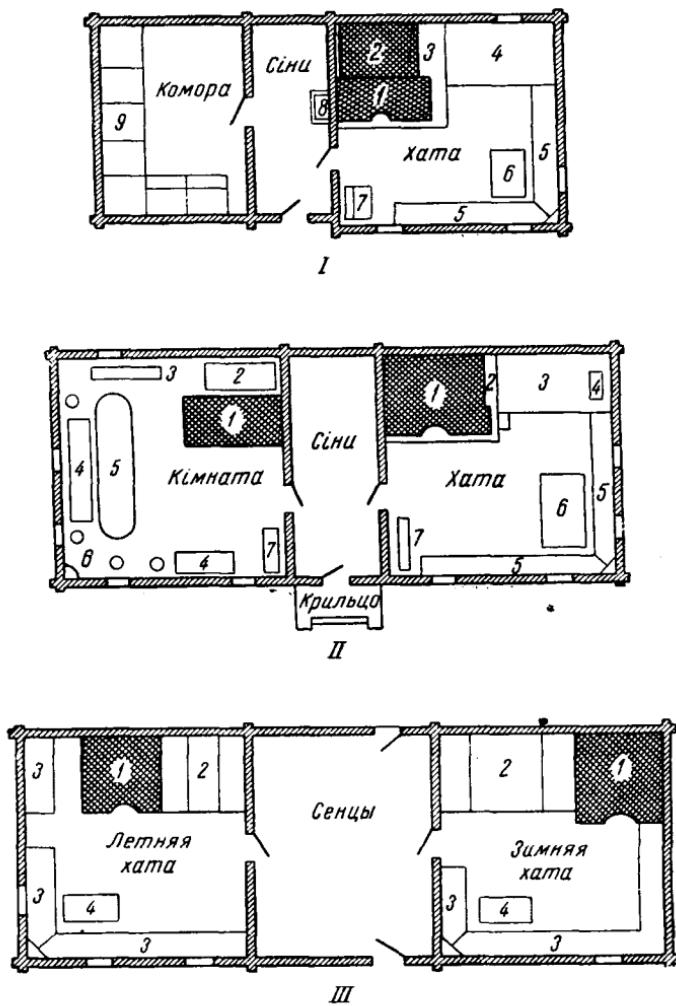

Рис. 1. Внутренняя планировка трехкамерных жилищ у украинцев и великорусов:

I. «Хата з коморою» (Полтавская обл.); хата: 1 — піч, 2 — запічок, 3 — лежанка, 4 — піл, 5 — лави, 6 — стіл, 7 — мисник, 8 — бовдуру; комора: 9 — засіки. II. «Хата на дві половини» (Полтавська обл.); хата: 1 — піч, 2 — лежанка, 3 — піл, 4 — поличка, 5 — лави, 6 — стіл, 7 — мисник; хміната: 1 — пічка, 2 — ліжко, 3 — лава, 4 — дерев'яні дивани (топчани), 5 — стіл, 6 — божниця, 7 — шкаф. III. «Связь» из двух хат (далужская обл.): 1 — печь, 2 — пол, 3 — лавки, 4 — стол

характерный для этих районов крытый двор, примыкающий к жилищу, втянул в себя клеть и она конструктивно составляет здесь уже часть двора, а не жилища.

Второй, позднейший, вариант трехкамерного жилья (дом на две избы) здесь еще сохранился, но это большей частью старинные постройки, еще существующие, но уже в пореформенное время, с усилением процесса расслоения крестьянства и выделением капиталистической верхушки деревни, интенсивно вытеснявшиеся пятистенками и избами с прирубами.

Таким образом, развившись еще в эпоху Киевской Руси, трехкамерное жилище в своей старой форме изба (хата) + сени + клеть (комора) дожило до наших дней как у украинцев, так и у великорусов.

II. Внутренняя планировка и убранство старого жилища

Происхождение русского и украинского жилища от единого корня, пожалуй, ни в чем не выявляется так отчетливо, как во внутренней планировке жилья. Следует напомнить, что до широкого проникновения капитализма в деревню, т. е. до второй половины XIX в., внутреннее устройство жилища на всей восточнославянской территории в основных своих чертах представляло варианты расположения одних и тех же составных частей. В одном углу избы или хаты стояла огромная «русская» или

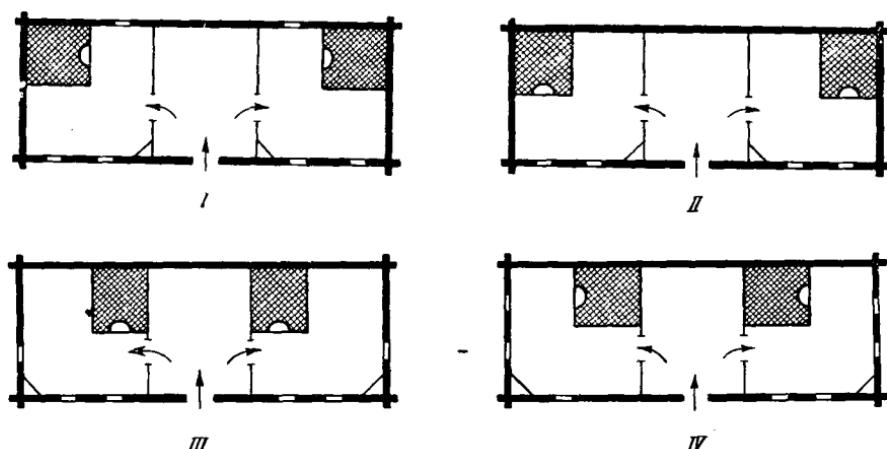

Рис. 2. Схема четырех планов размещения печи и переднего угла в восточнославянском жилище (на примере трехкамерной связи): I — восточный южновеликорусский план; II — западный южновеликорусский план; III — украинский, белорусский и западнорусский план; IV — северно- и средневеликорусский план

«варистая» (у украинцев) печь, занимавшая в небольших жилищах до $\frac{1}{4}$ всей площади жилья. По диагонали от нее, наискосок от свободного угла печи, помещался передний, или красный, угол, где висели образы и стоял стол. Направление этой диагонали (печь — передний угол) по отношению к двери, ведущей из сеней в избу или хату, иначе говоря, то или иное положение печи по отношению к входной двери, определяет собой тот или иной из четырех старых восточнославянских планов.

Если печь стоит в дальнем от входа углу, то получаются южновеликорусские планы с передним углом у двери; при этом в восточном типе южновеликорусского плана печь направлена устьем к входной двери, в его западном типе печь повернута устьем к боковой от входа стене (рис. 2—I и II). Граница между двумя типами южновеликорусского плана проходит приблизительно по меридиану Москвы и связана, по всей вероятности, с древними этническими различиями отдельных племенных групп, вошедших в состав южных великорусов.

Если печь помещается в углу у входа и, следовательно, передний угол находится против входа, то в зависимости от направления устья печи также возможны два типа планировки. Если печь устьем повернута к боковой от входа стене, то получается планировка жилища, распространенная во всей западной половине старой восточнославянской территории — по всей Украине, по всей Белоруссии и в западнорусских областях — Брянской, Смоленской, Великолукской, Псковской и в западных частях областей Новгородской и Ленинградской (рис. 2 — III). Если же устье печи направлено к противоположной от входа стене, то получается северно- и средневеликорусский план (рис. 2 — IV). Таким образом, третий из этих планов является совершенно тождественным для Украины и для западновеликорусских областей, совпадая даже в отдельных деталях (рис. 3).

Каждый из этих четырех планов, при положении печи в правом или левом углу, дает два варианта с зеркальной симметрией элементов в них; в старых трехкамерных постройках позднего типа (из двух зимних изб или хат) обычно каждая из обеих изб (хат) являлась зеркальным отражением другой (см. схемы на рис. 2). В Западной Украине, у гуцулов, две хаты такого трехкамерного жилища носят названия «левачка» и «правачка». В центральной России изба с печью налево от входа носила в старину название избы-«пряхи», с печью направо — избы-«непряхи». Эти названия связаны с удобством или неудобством прядь в той и другой избе. В избе-«пряхе» окна расположены так, чтобы свет на «долгую» лавку у боковой стены, куда садились прядь, падал на прядку удобно, с правой стороны. Такое же освещение бывало и вечером, когда прядли при свете горящей лучины: светец с лучиной ставился обыкновенно против печи, и свет падал в сторону прядки или гребня, с которого прядли. В избе же «непряхе» надо было или садиться на переносную скамью, или переносить светец под полати — и то, и другое неудобно. С исчезновением домашнего прядения и ткачества ушли из быта и эти термины.

Рассмотрим основные элементы внутренней планировки русского и украинского жилища.

Печь (по-украински — «піч») в старом жилище восточных славян помещается, как мы видели выше, либо у входа, в одном из углов, примыкающих к стене, граничащей с сенями, либо против входа, в одном из дальних от входа углов. Угловое положение печи у восточных славян является очень древним и отмечается уже в городищах Поднепровья VIII—IX вв.

В настоящее время можно считать установленным, что «духовая печь» восточных славян возникла на основной восточнославянской территории; она прослеживается на территории Украины в глубь времен вплоть до начала III тысячелетия до н. э.; наиболее ранний прототип ее найден археологами уже среди остатков земледельческой культуры трипольских племен⁹.

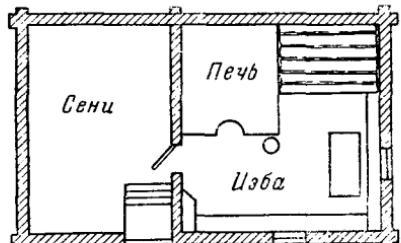
По конструкции своей, несмотря на большое разнообразие внешних форм, «русская печь» великорусов или «варистая печь» украинцев в основном одна и та же во всей нашей стране, от ее западных границ до берегов Тихого океана (рис. 4).

Четырехугольное основание духовой печи рубится из дерева (сруб или настил на стойках)¹⁰, сбивается из глины или выкладывается из кирпича; на нем сбивается из глины или выкладывается из кирпича под, на котором уже возводится свод печи. В глиняном теле печи делаются небольшие ниши для хранения спичек, соли, сушки рукавиц и т. д.

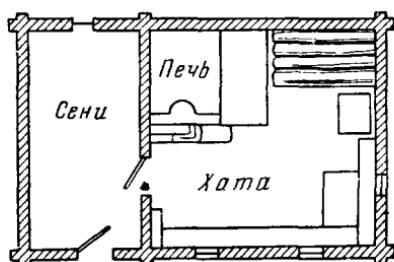
Передняя часть основания печи выдается перед устьем — это шесток

⁹ Сводку материалов по этому вопросу см. в статье И. Ф. Симоненко «Материалы к истории духовой печи на территории Украины», «Краткие сообщения Ин-та этнографии», VIII, 1949, стр. 10—18.

¹⁰ Четырехугольная форма основания печи характерна уже для полуzemлянок в роменско-боршевских городищах VIII—IX вв., где это основание часто вырезалось из материковой породы.

а

б

Рис. 3. Внутренняя планировка двухкамерного жилища у русских и украинцев: а — план старой избы на Псковщине; б — план хаты на Киевщине

(у русских) или прыпчик (у украинцев). В «черной», или «курной», печи шесток оставался открытым, в современной «белой» печи над шестком устроен «коужх» (у русских) или «кобмин» (у украинцев), собирающий дым и отводящий его в трубу. И в русских и в украинских районах встречаются еще переходные формы от «черной» печи к «белой», как, например, «полукурные» печи Украины и южных великорусов или «полубелые» печи Верхнего Поволжья. Наиболее примитивная форма полукурной печи обнаружена в некоторых селах Закарпатской Украины.

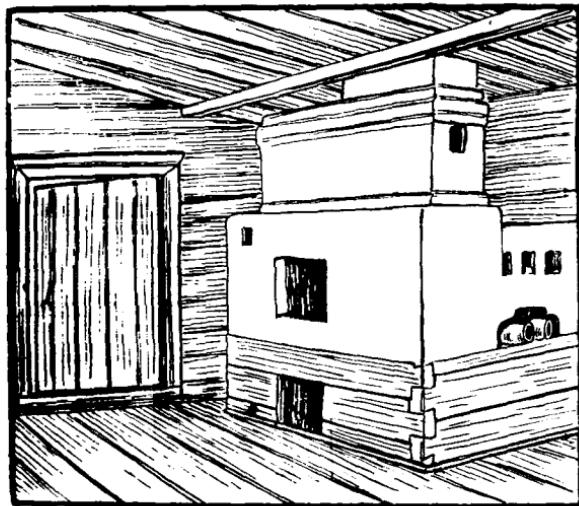

Рис. 4. Русская печь в старой избе Псковской области
(Плюсский район, д. Петрилово)

Здесь над устьем печи подведен «кіш» — собиратель дыма, который соединяется одной стороной с «цівкой» — горизонтальной трубой, проходящей сквозь отверстие в стене в сени. Через нее дым расходится свободно по сеням, не имеющим потолка, далее по чердаку и сквозь щели и отверстия в крыше выходит наружу. И кіш и цівка сплетены из прутьев и обмазаны глиной¹¹.

Следующей стадией является печь с постоянным глиняным или кирзовым «комином» и горизонтальным каналом от него («шия», т. е. шея), выводящим дым в сени, — такая форма также встречается еще в Закарпатской области¹². В 1920-х годах, до социалистического переустройства деревни, печи с горизонтальным дымоходом, открывающимся прямо в сени, можно было встретить и в южновеликорусской деревне (Воронежская обл.). Значительно более совершенной формой являются печи с «выводом», или «дымарем» (украинское «дымар» или «бовдур»), распространенные почти по всей Украине и во многих южновеликорусских областях. Дымарь, или бовдур, представляет собой вертикальную трубу, приставленную в сенях к отверстию горизонтального дымохода. Дымарь выводится поверх крыши, иногда лишь слегка выдаваясь над ней, иногда поднимаясь очень высоко, как, например, в Черниговщине у украинцев или в Воронежском крае у великорусов. На Украине известна и зачаточная форма дымаря, когда он не доходит до крыши и дым расходится по чердаку и выходит наружу сквозь кровлю или сквозь небольшие проделанные в ней отверстия. Дымарь чаще всего сплетен из прутьев и обмазан глиной; его также связывают из камыша, сбивают из досок, иногда лепят

¹¹ И. Ф. Симоненко, Указ. соч., рис. 7, фиг. 3.

¹² Там же, рис. 7, фиг. 4, 6, 7.

из глины или складывают из камня или кирпича. В старину для дымаря брали дуплистый ствол дерева. Внизу дымарь большей частью опирается на землю, в нижней его части украинцы устраивают «кабыцю» — небольшую глиняную печку, на которой можно сварить что-нибудь, не растапливая большой печи в хате. Реже дымарь не доходит до земли, а делается висячим — его сколачивают из тонких досок начиная от отверстия горизонтального дымохода кверху, с задвижным деревянным щитком на склоненной нижней поверхности.

Большой интерес представляют летние печи, устраиваемые на дворе или в саду около жилья — для пекарни хлеба и приготовления пищи в летнее время. Они распространены на Украине, у донских, кубанских и уральских казаков, среди русских и украинских переселенцев в Средней Азии и южной Сибири, вплоть до селений на Дальнем Востоке. Любопытно, что они представляют в сущности разные варианты курной печи, хотя возводившее их население в большинстве своем никогда не видело курных печей и знает о них только понаслышке. Некоторые из этих летних печей по форме восходят к своим далеким прототипам эпохи раннеславянских городищ VIII—IX вв.

«Передний», «красный», или «большой», угол у северных великоруссов, как и у украинцев, помещается против входа, между двумя стенами с окнами в каждой из них. В этом отличие его от «святого» угла южных великоруссов, расположенного у входной двери, так что одна из составляющих его стен примыкает к сеням и потому неизбежно лишена окон.

Украинцы в различных местах называют передний угол «пóкут», «пóкуть», «покутя», «покуття», реже «кут» и «закут». Это название любопытно в том отношении, что перекликается с названиями различных углов избы у великоруссов и белорусов. Слово «кут», «куть» в древнерусском языке означает угол вообще, в этом смысле оно существует в современном украинском языке¹³. В современный русский литературный язык оно не вошло, но сохраняется во многих говорах, обозначая тот или иной, в данной местности всегда определенный, угол избы. Так, на всем западе и юго-западе восточнославянской территории у украинцев, белорусов и великоруссов западных областей (Смоленщина, Псковщина, западные части Новгородской и Курской областей), характеризующихся одинаковой внутренней планировкой жилища, слово «кут» и родственные ему слова «пóкуть», «куть», «кутник» обозначают передний, самый почетный угол в избе; отсюда «кутяне» — почетные гости. У северных великоруссов в отношении употребления слова «кут» намечаются две зоны: вся центральная часть великорусской территории — Верхнее Поволжье (Калининская, Ярославская, Костромская и Горьковская области) и Приокский край (Владимирская, Ивановская, Рязанская, Тульская области), а также Вятский край — словами «кут», «куть», «кутник» называет свободный угол около двери (второй здесь занят печью); на всем русском Севере — в Архангельской, Вологодской, в восточных частях Ленинградской и Новгородской областей, а также в Молотовской, Свердловской областях и далее на восток у русского старожилого населения Сибири кутом называют угол перед устьем печи, бабий угол, пространство за перегородкой или за занавеской, где происходит стряпня. Отсюда в Сибири кутом вообще называют кухню или даже заднюю избу, в противоположность передней, или чистой, избе. Слово «кут» в значении «угол перед печью» известно и в некоторых областях черноземной полосы, например, в Воронежской, Курской, Калужской, в части Тульской, Саратовской и Симбирской областей; правда, в первых двух с их южновеликорусским планом, при котором печь повернута устьем к двери, кут одновременно является и придверным углом. Таким образом, две полосы, где «кутом» называют

¹³ Например, трíкут, тракутник — треугольник.

угол перед печью, северная и южная, смыкаются за Волгой, в районе нижней Камы; отсюда, при колонизационных продвижениях, такое осмысление «кута» распространилось на восток, за Урал.

Повидимому, есть какая-то закономерность в видоизменении смысла этого слова, бывшего когда-то единым, а впоследствии у разных этнических групп восточного славянства получившего три-четыре различных значения, каждое из которых связывается, возможно, с определенным типом планировки.

Остановимся на неподвижном убранстве («наряде») русского и украинского жилища.

Старая, особенно дореформенная, деревня характеризовалась почти полным отсутствием передвижной мебели — кроме стола и одной-двух скамей, редко что можно было найти из мебели в русском или украинском крестьянском жилище. Основная обстановка жилища строилась и рубилась с ним одновременно и составляла с ним одно целое: в нее входили неподвижные лавки, полки, полати, посудники и весь остальной деревянный «наряд» избы или хаты. Эта неподвижная меблировка жилища вырабатывалась веками, а может быть, и тысячелетиями.

Каждая деталь неподвижного «наряда», расположение входа, печи, стола, окон — были проверены в быту опытом многих поколений. Положение печи направо или налево от входа определяло собой избу «пряху» или «непряху». Трудясь около печи, стряпуха с детства привычными, выверенными движениями брала нужную посуду с посудника, с полки, вдвигала в печь ухватами тяжелые корчаги и чугуны, сажала на под хлебы и т. д.

Использование каждого угла, каждой лавки было строго регламентировано и освящено многовековой традицией. Все это обеспечивало максимальное использование площади жилища при очень несложном в сущности, но в высшей степени целесообразном его оборудовании. Отдельные части неподвижного «наряда» жилья заменяли ту мебель, без наличия которой в комнате нам теперь трудно представить себе возможность жить и работать.

Вокруг стен шли неподвижные лавки (украинск.— «лави»), на верху по стенам над окнами устраивались длинные полки — «полавошники» или «полицы» (украинск.— «полиці»), ниже их кое-где маленькие «полички» (украинск.— «полички») для мелочей, на стене близ устья печи прикреплялись в два-три яруса полки для посуды — «судник», «блюдешник» (у русских), «мисник» (у украинцев). Иногда внизу, под посудными полками, в систему неподвижных лавок вделывался род шкафчика для посуды — «судница», «зала́вок». У украинцев он нередко составлял одно целое с висячим мисником, образуя род буфета, который также называли «мисником». В украинской хате мисник (как и судник на Псковщине), естественно, находился у входа, по другую от печи сторону двери; в северно- и средневеликорусской избе массивный зала́вок с судником над ним устраивался на боковой (считая от входа) стене за печью.

Неподвижные лавки вдоль стен являются очень древней особенностью восточнославянского жилища. Уже в славянских полуzemлянках VIII—IX вв. вырезывались в грунте у стен лавки и широкие нары для сна¹⁴. В условиях мелового грунта археологам удалось найти даже сохранившиеся остатки деревянных нар¹⁵.

Лавки делали обычно из широких массивных тесин, которые одним краем заводили в стены, а сходившиеся в углах жилища концы соединяли.

¹⁴ Н. Е. Макаренко, Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. «Ізв. Археологич. комиссии», вып. 22, 1907, стр. 55—88; его же, Городище Монастырище, «Науковий збірник за рік 1924», т. XIX.

¹⁵ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, Древнерусские поселения на Дону, «Материалы и исследования по археологии СССР», 8, М.—Л., 1948.

няли друг с другом. Лавки покоились на деревянных стойках; на Украине их нередко заменяли тумбы из глины или вытесанные из мела глыбы. Лавки очень тщательно и гладко выстругивались, в старину их нередко украшали свешивающейся тесовой резной «опушкой». В зависимости от их положения в избе и роли в быту, лавки часто носили особые названия (долгая лавка, бабья лавка и пр.). В плане данной статьи необходимо остановиться на двух из них — короткой лавке у входной двери и широкой лавке-нарах около печи.

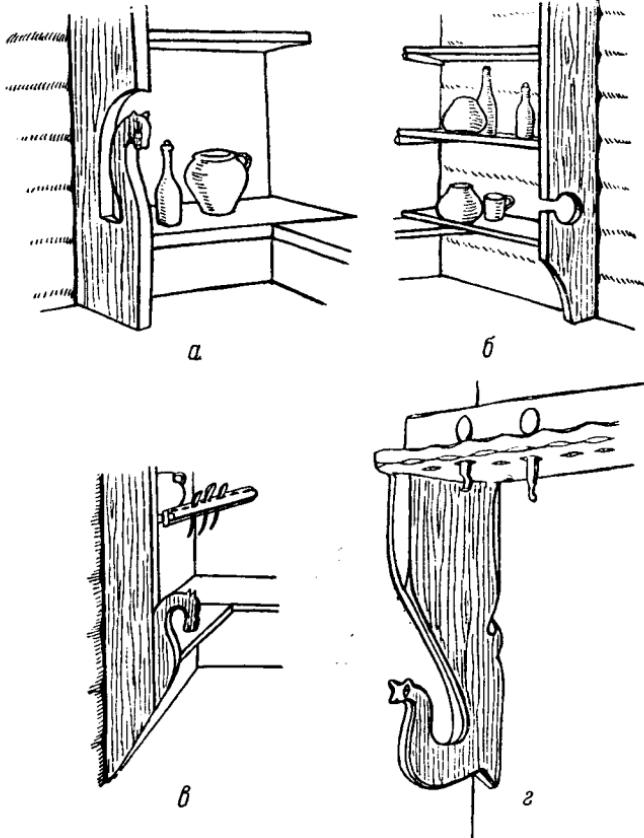

Рис. 5. „Коники“ в украинских хатах: а, б, в — коники, отгораживающие лавку от входной двери (Черниговщина, южные районы), г — полки у двери с резным изображением конской головы (Полтавщина)

В великорусских районах короткая лавка в избе у входной двери носила название «коник»¹⁶. В старых избах она представляла собой род ящика, боковой стенкой которого, отгораживающей его от двери, являлась толстая тесовая доска, поставленная стоймия и выдававшаяся над лавкой; верхний выступающий конец этой доски обтесывался в виде конской головы.

У северных великорусов коник считался мужской лавкой: в передней стенке этого ларя делались раздвижные дверцы, и мужчины клади внутрь свои рабочие инструменты. Иногда зимой держали в конике молодняк мелкого скота (ягнят, козлят) и домашнюю птицу, тогда передняя стенка его делалась решетчатой. Южные великорусы называли его «святым коником», так как он приходился в «святом углу», под обра-

¹⁶ В тех местностях, где угол у двери называют «кутом», «коник» именуют также «кутником».

зами; у них коник закрывался сверху откидной крышкой на петлях и в нем хранили печенный хлеб и еду, остававшуюся от обеда. Великорусские коники у двери давно уже потеряли изображение конской головы, которое сначала сменилось резным округлым выступом (такие доски с резным верхом еще кое-где встречались недавно в старых избах), а затем эти выступы исчезли совсем. Коник видоизменился в гладкую лавку-ларь, а с конца XIX в. он вообще превратился в обычную лавку, сохранив, однако, свое название.

О существовании коника на Украине до последнего времени указаний в литературе не встречалось. Но сравнительно недавно, в конце 1920-х годов, украинскими этнографами были обнаружены на Черниговщине придверные коники — поставленные стоймя длинные доски, отгораживающие короткую лавку от входной двери (рис. 5, а—в). Черниговский коник доходит верхним концом до полки, приделанной над дверью; свободный край доски обрабатывается в виде несложного выреза или конской головы¹⁷. Над лавкой между коником и боковой от входа стеной приделываются одна-две полки, ложечник для ложек; получается род открытого стоячего шкафчика для посуды.

Черниговский коник дает возможность высказать некоторые соображения о происхождении мисника-судника. На рис. 5 видно, что а — наиболее ранняя форма, где доска коника всей своей шириной опирается на землю, б — низ этой доски скошен на половину ее ширины, в — представляет облегченный вид коника, скошенный снизу до уровня врубленной в него лавки. Если над лавкой устроены полки, то получается форма, переходная к миснику. При взгляде на полку для ложек из Полтавщины (рис. 5, г), украшенную конской головой, становится ясно, что она развила из такого скошенного, оторвавшегося от пола коника. Очевидно, что и наиболее распространенный висячий мисник и стоячий мисник-буфет ведут происхождение от стоячей доски-коника, соединенной с лавкой и полками над ней.

Так как полка для посуды всегда должна быть у стряпухи под рукой, т. е. на стене около устья печи, то при остальных планах жилища полки эти висели в другом месте, не у входа. Так, в избе северного плана у двери приделывалась вешалка для одежды, а при южновеликорусских планах в этом углу висели иконы. Поэтому здесь развитие коника пошло иным путем — стоячая доска коника укоротилась не снизу, как у украинцев, а сверху, дав доску с выступом кверху, сама же лавка получила переднюю стенку, превратившись в невысокий шкафчик (в северной части страны) или ларь (в южновеликорусских районах).

Следовательно, можно считать, что украинские коники на юге Черниговщины представляют уцелевшую исходную форму, давшую в дальнейшем украинский мисник, с одной стороны, и великорусский коник — с другой. Переходная форма, соединяющая в себе черты и украинского мисника и великорусского коника, развила на севере Черниговщины (теперь — западная часть Брянской области): это «суден», представляющий собой «род сундука или ящика, над которым устраиваются полки, для помещения кухонной посуды и молочных кувшинов»¹⁸.

Вторым интересующим нас элементом неподвижного «наряда» жилища является «пол». Здесь имеется в виду не пол в общераспространенном (для русского литературного языка) значении этого слова, а широкий помост типа нар, идущий от боковой стенки печи до противо-

¹⁷ Зарисовку различных коников в южных районах Черниговщины см. в работе Л. Шульгиной: «Коник. Прикраса на форму кінської голови та занепад її орнаментальної форми». «Матеріали до этнології и антропології», т. XXI—XXII, ч. 1, Львів, 1929. таблицы рисунков на стр. 128—130.

¹⁸ А. А. Руцов, Описание Черниговской губернии, Земский сборник Черниговской губ., 1899, № 4, стр. 148.

положной стены и служащий для спанья. «Пол» делается шириной метра в полтора и больше, высотой — около 75 см, из нескольких (чаще пяти) досок, расположенных одним концом на «привалок» (украинский термин), т. е. на доску, которая лежит около печи на двух деревянных стойках или глиняных тумбах, а другим на лавку у противоположной стены. Под этим «полом» (иногда говорят: «в подполье») стояли укладки и сундуки с домашним имуществом; зимой под полом держали ягнят, поросят и домашнюю птицу, смотря по надобности, для чего низ спереди часто заделывали решеткой. Иногда для большей вместительности выбирали под ним землю в глубину сантиметров на 30—40. У «пола» привязывали теленка.

Этот досчатый настил — «пол» на высоте лавок устраивали на Украине, в Белоруссии, в западнорусских и во всех южновеликорусских районах. В зависимости от той или иной планировки жилища, т. е. от того или иного положения печи, высокий «пол» помещался: в украинской хате и западнорусской избе за печью (см. рис. 1 — I, II, рис. 3, рис. 6), в южновеликорусском жилище западных районов — от входной стены до печи (рис. 1 — III), в южновеликорусском жилище восточных районов — прямо против входа.

В различных южновеликорусских районах «пол» носил также названия «полок», «мост», «примост», «задняя лавка», «зад», «залавок» и другие. В области восточного южновеликорусского плана, на территории к югу от Оки, высокий «пол» назывался «кут», «кутник», «кутняя лавка»; так же называлось пространство под ним, где прежде зимой держали поросят, ягнят и домашнюю птицу. Украинцы называют его «піл» (род. падеж — «полу»); стену за ним называют «напільня» или «полова стіна». Известны на Украине и названия его «пóлик», «полóчок».

Высокий «пол» не мог быть устроен лишь в избах с северно- и среднерусским планом, так как при этой планировке дверь была прорезана в той стене около боковой стенки печи, где при других планах помещался «пол». Но примечательно то, что в деревенских банях русского Севера и Поволжья¹⁹ (т. е. как раз районов с южновеликорусским планом избы, исключающим возможность устройства высокого «пола») внутреннее устройство аналогично планировке украинско-белорусско-западнорусского жилища: у двери устроена печь-каменка, поставленная боком, т. е. устремленная к боковой стене; за ней идет широкая лавка для паренья — полок (иногда в 2—3 ступеньки); у других стен — лавки для мытья²⁰. Небезинтересно отметить, что в деревенских банях полок для паренья местами носит название «кутник».

Таким образом, либо в жилище либо в бане западная планировка встречается по всей восточнославянской территории. А так как сейчас можно уже не сомневаться в том, что баня в своем плане повторяет планировку древнерусского жилья²¹, то вполне закономерно предположение, что украинско-белорусско-западнорусская планировка представляет собой древнерусский тип, впоследствии, при продвижении по Русской равнине на север и северо-восток, в процессе приспособления к более суровым зимам видоизменившийся в южновеликорусский план. При этом, естественно, исчез высокий «пол», его заменили полати, на-

¹⁹ Для других сельских районов в прошлом баня была не характерна: южновеликорусы мылись в печах, украинцы — в хатах.

²⁰ Планы великорусских бань см. в работах: М. Синозерский. Домашний быт крестьян Левочской волости Боровичского уезда Новгородской губ. «Живая старина», 1899, вып. IV, рис. 25—26; М. Б. Едемский, О крестьянских постройках на севере России. «Живая старина», 1913, вып. I—II, рис. 45; В. И. Смирнов, Свайные постройки Костромского района, «Советская этнография», IV, 1940, рис. 11; И. В. Маковецкий, Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья, М., 1952, рис. 12.

²¹ Полуземлянки такого плана с остатками возвышенного пола около печи неоднократно прослежены археологами при раскопках жилищ XI—XIII вв. в Киеве, Вышгороде, Вишиже, Суздале, Дмитрове.

стилавшиеся выше роста человека, под потолком, как раз над частью избы у входа, сбоку от печи²².

Если проследить распространение высокого «пола» по карте, то станет очевидным, что он характерен в основном для всей обширной области прежнего распространения поземного жилища, устраиваемого прямо на земле, без подклета, с земляным или глиняным полом. Во всей этой

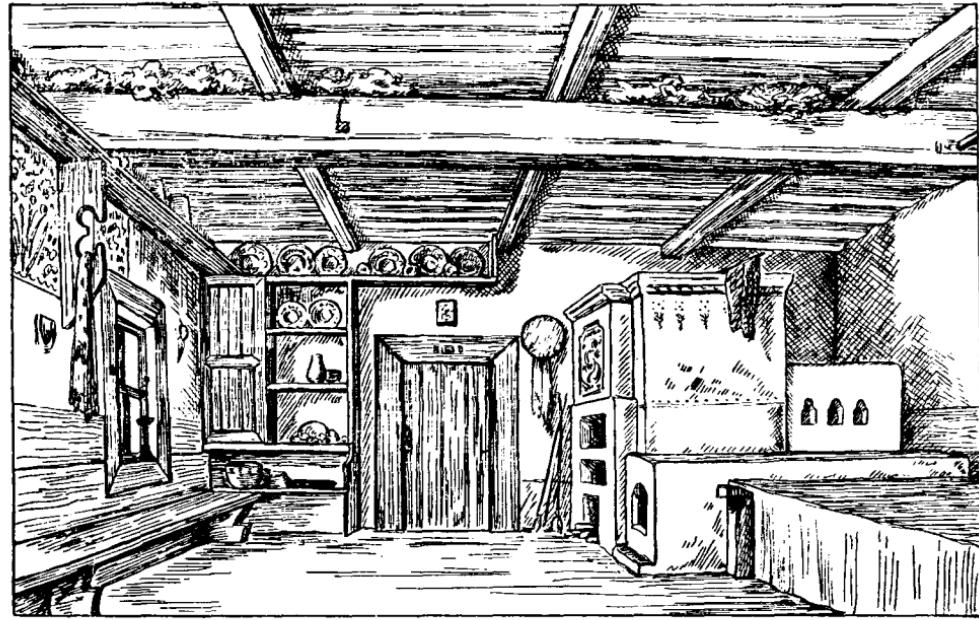

Рис. 6. Внутренний вид украинской хаты на Полтавщине
(с рисунка В. Кричевского)

огромной области, охватывающей юг и запад старой восточнославянской территории, слово «пол» в обычном смысле на селе не употребляется или еще недавно не употреблялось. У великорусов земляной пол называется здесь «земь», а если он вымощен досками — «мост»; у украинцев земляной или глиняный пол называется «діл» (т. е. дол) и «долівка», а если на него настланы доски — «поміст» (т. е. помост) и «підлога». Лишь для севера и центра восточнославянской территории, с глубокой древности характеризуемых избами на подклете, а далее и для Сибири слово «пол» имеет то же значение, что в русском литературном языке.

Необходимой принадлежностью русского и украинского жилища являются полки, приделываемые на уровне несколько выше человеческого роста. Кроме полок, идущих по стенам, над «бровками» оконных проемов, в восточнославянском жилище делаются и перекидные полки, так называемые «грядки», тянувшиеся большую частью от печного столба до фасадной стены. Термин «грядка» в значении перекладины под потолком, перекинутой над головами, является древнерусским и встречается в форме «гряд» уже с XIII в.

В северновеликорусской избе «грядка» имеет вид плоского бруса или массивной полки, идущей на уровне полатей от печного угла к фронтонной стене. На эту полку стряпуха кладет свежевыпеченный хлеб, ненужную в данную минуту утварь и т. п. Нередко к «грядке» подвешивается занавеска, отделяющая предпечное пространство от остальной избы; часто промежуток от «грядки» до пола зашивается переборкой (в си-

²² Впрочем, и при остальных планах, кроме украинского, полати настилались уже над «полом», так что получалось два яруса настила для спанья.

бирских говорах — «кутной заборкой»). Этот тип «грядки» известен во многих северновеликорусских районах Европейской части СССР, на Урале, в Сибири. В старых «черных» избах «грядками» назывались две жерди, укрепляемые над чаем печи для сушки дров и лучины. На севере «грядками» называют длинные шесты, протянутые в клетях от одной стены до другой; на них развешивается праздничная и запасная одежда.

В украинской хате над «полом» под самым потолком горизонтально подвешиваются тонкие длинные жерди для развешивания рабочей одежды, белья и пряжи; одна из них проходит над краем «пола», вдоль него, другая — поперек, между «полом» и печью. Такая же жердь подвешивается над печью; на нее вешают связки лука. В центральной Украине эти жерди в настоящее время зовут «жердки», но в Прикарпатье сохранилось древнее название «грэдці»; гуцулы покрывают «грэдці» резьбой и развешивают на них одеяла. То же назначение имеют «гряды» в амбара Галиции — жерди, на которых развешивают одежду и коноплю.

Из старинной обстановки русского и украинского жилища до нас дошли различные вместилища для хранения праздничной одежды, холста, пряжи и т. п. На западе и юге восточнославянской территории, повидимому, наиболее древним является своеобразное хранилище для одежды и холстов — долбленая липовая кадка с ушками, отдельной крышкой и накладкой для заклинивания. Это — «бодня» у украинцев²³, южных великорусов и донских казаков, «кубел» или «кубель» у великорусов западных областей (Псковская, Великолукская, Смоленская и Калининская) и белорусов. Более поздняя форма бодни — широкая низкая кадка (до 70 см ширины у основания, около 60 см высоты, а иногда и выше) бондарной работы, из клепок, с крышкой, накладкой и висячим замком (рис. 7). Судя по литературе, именно эта бондарной работы бодня была сравнительно широко распространена в середине XIX в.; во второй половине века бодня (кубел) стала быстро выходить из употребления и заменяться сундуками и скрынями. К временем первой мировой войны только в отдельных белорусских местностях и в горах у гуцулов еще сохранялись кублы и бодни, повсеместно же этот вид утвари, повидимому, исчез даже из памяти населения.

III. Некоторые виды древней строительной техники

Строительная техника древнерусской народности почти на всей занимаемой ею территории, кроме южной окраины, была связана с деревом как основным строительным материалом. Не только деревни, но и многочисленные города в основном рубились из дерева.

Техника возведения сруба уже в X—XI вв. была доведена до высокой степени совершенства. Ни один народ в мире не создал таких замечательных памятников деревянного зодчества, как восточные славяне: об этом свидетельствуют, например, изумительные деревянные церкви русского Севера и западной Украины или сложнейшие крепостные стены детинцев и острогов, башни которых до нашего времени уцелели в Кеми, Якутске и Илимске. Не только старинные оборонительные и культовые сооружения обнаруживают высокое мастерство древнего строителя-плот-

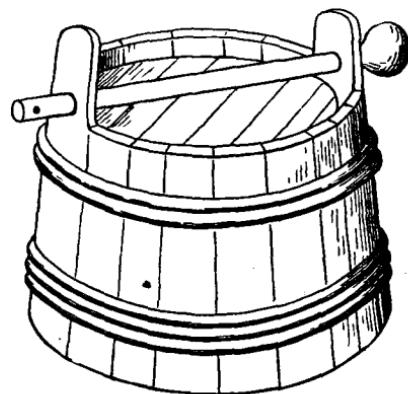

Рис. 7. Бодня (украинцы, южновеликорусы), или кубел, кубель (западные группы северновеликорусов) — кадушка бондарной работы для хранения холстов и одежды; заливается на висячий замок

²³ В Харьковской области ее называют «забийница».

ника, но и современные жилые избы и хозяйствственные постройки дают не-повторимые образцы самобытного стиля «деревенской» срубной архитектуры. Достаточно посмотреть хотя бы две-три работы о северном и южном зодчестве, чтобы найти множество ярких примеров, подтверждающих это положение²⁴.

Все это относится как к великорусам, так в значительной степени и к украинцам. Вопреки ходячему мнению, согласно которому украинская хата неизменно представляется мазанкой — с плетневыми стенами, обмазанными глиной, следует отметить, что во всей северной Украине основой постройки является бревенчатый сруб. Полоса рубленых деревянных хат занимает значительную часть Черниговщины и Волыни и часть Киевщины, т. е. северные части современных областей Сумской, Черниговской, Киевской, Житомирской, Ровенской и Волынской, а также большую часть Прикарпатского района — в пределах областей Львовской, Станиславской, Дрогобычской и Закарпатской. Южнее, где в настоящее время расположена полоса деревянных хат, выстроенных «в закладку», т. е. заборной техникой в паз, проходящая от Львова до Ростовской области севернее Кременчуга, всюду отдельными островками также попадаются районы срубных хат (особенно на Полтавщине и Харьковщине). Изредка такие островки встречаются и далее к югу, в зоне глинобитных хат, например, в Днепропетровской и Ворошиловградской областях²⁵. В далеком прошлом, когда было гораздо больше лесов, граница срубных хат проходила значительно южнее современной: так, известно, что курени Запорожской Сечи в нижнем течении Днепра рубились из дерева²⁶.

В большинстве украинских районов срубы обмазываются глиной (этот обычай обусловлен неровностью лиственного леса) и белятся, но по самой северной окраине, на границе с Гомельской областью и Пинским Полесьем, срубы остаются необмазанными и небелеными. По внешнему виду такое черниговское или волынское селение на Украине мало отличается от великорусской деревни соседних областей, например Брянского Полесья. Не мажут и не белят своих хат и украинцы горных карпатских районов.

Основной прием использования дерева для постройки — связывание бревен в горизонтальные венцы и возведение из них сруба — является древнейшей конструктивной системой, общей для всех трех братских народов — великорусов, белорусов и украинцев — и восходящей ко времени существования отдельных восточнославянских племен. Способы врубки при связывании венцов были очень разнообразны. В старинном русском зодчестве их насчитывалось до 50, и многие из них были общими для русских и украинцев. Эти способы можно объединить в две группы: «рубка с остатком», т. е. соединение бревен с выпуском концов (наиболее распространенный из них — «в обло», «в чашку»), и «рубка без остатка», т. е. связывание бревен врубкой на самых концах их (*«в лалу»*). И те и другие способы применялись в зависимости от характера и назначения постройки и русскими и украинцами.

Наряду с обычным четырехугольным срубом уже древним плотникам и на севере и на юге были известны способы возведения многоугольных срубов — шестиугольных и восьмиугольных, до последнего времени употреблявшихся при сооружении ветряных мельниц, но особенно широко применявшимся в прошлом в крепостном и церковном строительстве. В Западной Украине, где особенно развито деревянное зодчество, эти

²⁴ С. Забелло и др., Русское деревянное зодчество, М., 1942; М. Цапенко, Украинское деревянное зодчество, «Архитектура СССР», 1941, № 1; П. Г. Юрченко, Деревянное зодчество Украины, Киев, 1949.

²⁵ Карту распространения типов украинских хат по материалу и технике см. в работе Ф. К. Волкова «Украинский народ в его прошлом и настоящем», Петроград, т. II, 1916, перед стр. 520.

²⁶ А. Скальковский, История Новой Сечи, или последнего Коша Запорожского, ч. I, Одесса, 1885, стр. 53.

навыки не утеряны до сих пор: у гуцолов рубщики и сплавщики леса в горах еще недавно устраивали себе на зиму так называемую «колибу»²⁷ — шести-, восьми-, или даже двенадцатигранный сруб, сложенный на мху, с пирамидальной крышей из дранниц или луба, с отверстием наверху для выхода дыма.

Те же приемы народного плотничьяго ремесла применялись на Украине и в культовом зодчестве, что создает несомненную общность форм между, например, гуцульскими крестьянскими постройками и деревянными церквами Гуцульщины. Иногда небольшую сельскую церквушку XVII—XVIII вв. можно отличить от жилого здания только по кресту, которым украшен конек крыши. Более сложные церковные здания часто ставились в виде восьмиугольных срубов. В этом проявляется прямая зависимость формы здания от качества строительного леса: четырехугольные срубы требуют более длинных бревен, чем многоугольные, а такой строевой лес не всегда имеется в этой зоне буковых и грабовых лесов. Строились церкви одно-, двух-, трех-, пяти- и девятиглавые. Число глав обычно соответствует количеству составляющих церковь самостоятельных срубов; при этом часто данная конструкция представляет комбинацию четырехугольных срубов с восьми- или шестиугольными. Эта характерная особенность многосрубной композиции западноукраинских церквей, несомненно, восходит к древнерусскому зодчеству: так, еще в 989 г. был срублен в Новгороде первый храм Софии «из дуба о 13 верхах»; он представлял собой группу из двенадцати высоких срубов, окружавших центральный сруб.

Другим районом, где сохраняются деревянные рубленые церкви сложнейшей и разнообразнейшей архитектуры, является русский Север. Здесь, как и на Украине, можно проследить теснейшую связь между архитектурой деревянных церквей и крестьянского жилища. В данной статье нет возможности останавливаться на сравнении деревянного церковного зодчества русских и украинцев, можно только отметить, что типы старинных церквей русского Севера и Украины, их внешний вид, большая часть отдельных деталей и элементов говорят об общности архитектурных и плотничих приемов срубно-бревенчатой техники у русских и украинцев.

Многие из видов срубной техники, совершенствующаясь в течение веков, представляют очень остроумное решение использования венцов сруба для

²⁷ Слово «колиба» употребляется во всех украинских диалектах в значении шалаша; в южной Украине в некоторых местах так называют сторожку на бахче.

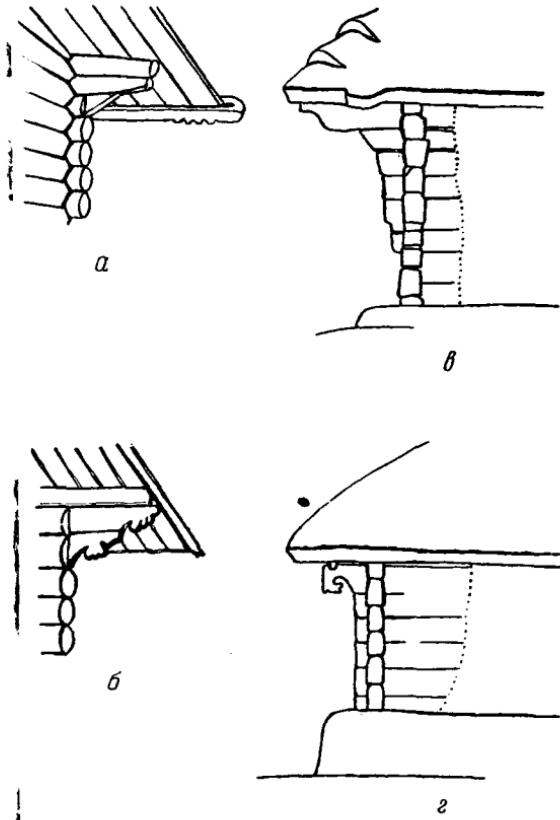

Рис. 8. Выпуски верхних бревен сруба для поддержания свеса крыши: а — русский север; б — Западная Сибирь; в — Киевщина; г — Полтавщина

всевозможных строительных целей. Часть этих решений существует и сейчас: образцы их можно видеть на русских и украинских деревянных постройках.

Особенно часто практикуется выпускание концов бревен от венцов в качестве кронштейнов, например, путем постепенного напуска концов бревен от двух-трех верхних венцов сруба для поддержания выноса крыши, далеко выступающей за стены дома. При этом дальше всех выступает верхнее бревно, остальные книзу сходят на-нет. Концы их подтесываются или украшаются резьбой. Это так называемые «выпуски», «пломбочки», «повалы», у украинцев — «випусти», «острубини», «коники» (так как часто их концы обрабатываются в виде конских голов) (рис. 8).

В старых хозяйственных постройках концы верхних бревен выпускали для устройства нависающих частей сруба с целью создания бревенчатого навеса над приемочными площадками (предамбарье у обычного крестьянского амбара, балкончик с воротом для приемки зерна на старых ветряных мельницах и т. п.). Не менее широко применялся выпуск концов бревен на разной высоте сруба для поддержания крылец, обходных галерей, балконов и т. п.

На севере и в Сибири «выпуски» применяются главным образом на жилых и хозяйственных постройках²⁸. На Украине «випусти» достигли особенно изящных форм у гуцолов, где они поддерживают далеко выступающий свес драной крыши хат, и в западноукраинских церквях, где они служат опорой для узкой крыши («піддашшя»), опоясывающей кругом церковь и предохраняющей основание здания от размывания дождем²⁹.

В центральной Украине (правобережье и левобережье Днепра), в связи со сведением лесов и необходимостью отказа от дерева как строительного материала в течение последних столетий постепенно утрачивались строительные приемы деревянного зодчества. Мало пригодные для сруба кривые стволы приходилось покрывать толстым слоем глины. Для постройки хат постепенно переходили к другим материалам, а дерево употребляли на те хозяйствственные строения, которые по тем или иным соображениям надо было ставить из более прочного материала: амбары (рис. 9. а), мельницы и т. п. Рубленая хата становилась недоступной и являлась уже признаком зажиточности. Но до сих пор на хате-мазанке, несмотря на изменение конструкции стен, вынос крыши поддерживается кониками, по традиции сохраняющими форму, типичную для рубленой хаты. Здесь их выпускают из верхней обвязки, которая носит название «зруб» или «ощеп» и состоит из 1—2 венцов, скрепляющих плетеную стену хаты³⁰.

Зона древнего срубного жилища Восточной Европы, в которую входят все великорусские и белорусские территории, захватывает северную, западную и большую часть центральной Украины. Южная же Украина лежит в зоне столбового жилища, повидимому, весьма древнего. В эпоху Киевской Руси сельские поселения здесь состояли из прямоугольных полуzemлянок с печью. Относительно конструкции их стен археологи еще не пришли к определенному заключению, но ввиду того, что эти поселения расположены на южной окраине лесостепи и в степи, вряд ли в древности здесь могли преобладать срубы. Скорее всего это были преимущественно строения, явившиеся прообразами современных украинских «хат на сбоях», т. е. турлучных или каркасных «мазанок».

²⁸ Великолепные резные «выпуски» на старинных великорусских избах см.: С. Забелло и др., Указ. раб., рис. 79, 81—83, 86; Е. Ащеков, Русское народное зодчество в Западной Сибири, 1950, рис. 118—133; его же, Русское народное зодчество в Восточной Сибири, 1953, рис. 86—91.

²⁹ М. Драган, Українські деревляні церкви, т. 2, Львів, 1937, рис. 55—59, 240, 256.

³⁰ П. Г. Юрченко, Народное жилище Украины, 1941, рис. 75—78.

Когда выбрано место для такой хаты, по углам и в промежутках между ними вбиваются в землю сохи, т. е. довольно толстые столбы с естественной развилиной наверху (если ее нет, то в верхних концах столбов вырубается углубление). Верхние концы «сох» соединяются укладываемыми в них одним-двумя венцами бревен («зруб» или «ощеп»). На «зрубе» укрепляются стропила для крыши. «Сохи» вместе с дополнительными кольями и перекладинами составляют остов хаты, к которому прикрепляется обшивка, обмазываемая затем с обеих сторон глиной. Обшивка может представлять собой плетень из лозы, камыша или соломенных жгутов, забор из коротких бревен или жердей, закладываемых в пазы, которые выдалбливают в «соахах», и др.

Таким образом, в «хате на соахах» вся тяжесть стропильной крыши покоятся на опорных столбах каркаса стен. Эта же техника столбового строительства в сочетании со стропильной конструкцией крыш применяется и по южной окраине великорусских территорий для жилых и для хозяйственных построек (рис. 9, б).

У всех восточных славян столбовая техника издавна применялась для устройства различных строений на крестьянском дворе. Надворные навесы на столбах-«сочах», примыкающие к изгороди и открытые со стороны двора, так называемые «повети», известны почти повсюду в зоне открытого двора — у белорусов, у великоруссов средней полосы и черноземных областей. В южновеликорусских поветях «сохи» ставятся по периметру навеса и связываются наверху продольными «прогонами» и поперечными «перекладями», на которых покоятся стропила крыши.

В украинском дворе центральной Украины почти необходимой принадлежностью является «повітка». Это или открытый с боков навес на «сочах», или род сарая с плетеными стенами и соломенной крышей, в котором стоит скот или хранятся какие-либо хозяйственные вещи. В Воронежской и Орловской областях «поветка» представляет собой плетеную клеть на дворе для невестки, в которой та хранит свое имущество и спит летом.

Столбовая техника распространена в хозяйственных строениях и дальше к северу, в зоне крытого двора.

Здесь в западнорусских районах массивная столбовая конструкция стен в сочетании со стропильной техникой двускатной крыши применяется для крытых гумен с ригой внутри их (Псковская обл.); противостоящие столбы стен связаны «кладями», в концах которых врубаются стропила.

Для среднерусского одноэтажного крытого двора конструкция «на столбах» является наиболее характерной; на ней покоятся все покрытие двора. Но из-за большой ширины двора каждая «кладь», соединяющая парные столбы на противоположных длинных стенах здания, подпирается еще одним-двумя столбами.

Для северного двухъярусного крытого двора также типична столбовая конструкция, однако несколько усложненная. Здесь опорой всего здания служат массивные столбы-свай, связанные горизонтальными прогонами и кладями; на этой опоре возводится весь второй ярус («поветь»), где хранится сено. И в одноэтажном и в двухъярусном крытом дворе между столбами-сваями, преимущественно в дальнем от избы конце, ставят теплые (на мху) хлевы для скота, а пространства между столбами, не занятые хлевами, забираются бревнами в паз. Эта конструкция имеет огромное удобство в том отношении, что все здание опирается на столбы, а не на стены стоящих между ними хлевов. Поэтому быстрее переправляющие хлевы для скота можно сменять, не трогая всей конструкции в целом.

Мы видим, таким образом, что северная поветь — второй этаж двухъярусного двора — утверждается на столбах, как и навесы в более южных районах. Отсюда ясно, что северная поветь — это тот же украинский-белорусский-южнорусский надворный навес на столбах, или «соахах».

который при продвижении славян на север, в условиях сурового климата и изобилия строительного леса, получил дополнительную надстройку — стены и крышу и превратился во второй этаж двора.

Такой путь развития повети подтверждается наличием различных переходных форм, встречающихся в районах, пограничных между зонами

б

Рис. 9. Амбары для хранения зерна и муки: а — „комора“ украинцев, построенная „на отшиб“, срублена из дерева и обмазана глиной (Полтавщина, с. Попівка); б — плетеный амбар южновеликорусов (б. Воронежская губ., Острогожский у., с. Прилепы)

одноэтажного и двухэтажного двора. Так, например, на севере Кировской области известна поветь, представляющая собой плоский навес на столбах для хранения на нем сена и соломы; под ним устроены хлевы для скота. Навесы такого типа известны и в Сибири и в Алтайском крае. На севере Калининской и Ярославской областей бытует крытый полуторный двор без настоящего второго яруса, со стенами, но имеющий под крышей плоский настил для сена, называемый «поветью».

Таким образом, имеются все основания считать навес на «соах», или столбах,— «поветь», древнюю повесть — общевосточнославянской частью крестьянского двора, восходящей к эпохе древнерусской народности.

Одним из наиболее древних видов конструкции крыши в древнеславянских жилищах являлась крыша «на соах» или «на столбах». Основную опору для нее составляли две «сохи», врытые в землю по средней оси постройки; в развилины «сох» укладывалось бревно, служившее коньком крыши, и уже на коньке и стенах, при любой конструкции последних, укреплялась обрешетка двускатной крыши (рис. 10). Этот архаический тип покрытия в полосе лесостепи, т. е. у украинцев и южных великоруссов, уже столетия назад сменился легкой стропильной конструкцией, в лесной же полосе развилась сложная двускатная крыша «на самцах». Таким образом, в применении к жилым постройкам способ устройства крыши на столбах совершенно исчез из быта. Однако он встречается до сих пор в хозяйственных сооружениях, вообще характеризующихся сохранением многих архаических приемов строительства.

В наиболее типичной форме крыша «на столбах» сохраняется на крытых гумнах у украинцев, белорусов и южных великоруссов. У украинцев это строение носит название «клуня», «половник», у белорусов — «гумно», у южновеликоруссов — «клуня», «рыга». Эти постройки служат для склада необмолоченного хлеба и местом для молотьбы в зимнее и ненастное время, поэтому они делаются обширными и поместительными (рис. 11).

Огромная крутая крыша покоятся на массивных столбах-«соах» и кроется соломой, стены делаются невысокими или их не делают совсем. При постройке «клуни» и у русских и у украинцев сначала вкапывают глубоко в землю толстые дубовые «сохи» высотой 7—8 м. В клунях средней величины ставят «сохи» по средней оси будущей постройки и соединяют положенным на развалины коньковым бревном (украинск.— «сволоком»). В клунях большей величины «сохи» ставятся в два ряда, четырехугольником и соединяются наверху обвязкой из прогонов (украинск.— «сволоков»), а парные «сохи» связываются между собой «кладями»; на каждую кладь устанавливается толстая стойка, или козлы, и на них уже укладывается коньковое бревно. В клуне на двух, на трех, на пяти «соах» последние ставят в один ряд; в наиболее распространенных четырехсошных, а также шестисошных клунях «сохи» располагаются в два ряда. Четырехсошная клуня в плане близка к квадрату, крыша ее имеет почти конусообразную форму. Шестисошная клуня («половник») более вытянута в длину. В литературе отмечены двенадцатисошные клуны (в помещичьих и кулацких хозяйствах) и даже четырнадцатисошные; в последнем случае вкапывается по 5 «сох» на длинных сторонах и по 4 на коротких³¹.

Стены клуни делаются из различного материала: в северной Украине их рубят из бревен, соединенных в паз, в центральной Украине и в большей части русских черноземных областей плетут из ивняка или мелкого орешника, в Воронежской, Орловской, Тульской и Рязанской областях

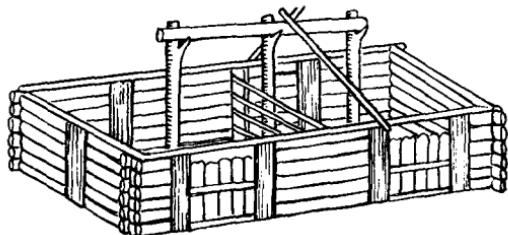

Рис. 10. Схема устройства «крыши на соах» в хозяйственных постройках («пуня» на Черниговщине)

³¹ План клуни на 14 «соах» см. в книге В. А. Бабенко «Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края», Екатеринослав, 1905, стр. 30.

кладут также из плитняка, в южной Украине выкладывают из глины или камня. Нередко стен совсем не делают, а крышу опускают непосредственно на землю. В русских районах (Тульская, Рязанская, Воронежская)

а

б

Рис. 11. Крытое гумно для молотьбы хлеба в ненастную погоду: а — клуня, или рыга, южных великорусов (б. Воронежская губ., Нижнедевицкий у., с. Шаталовка); б — клуня, или половник, украинцев (б. Екатеринославская губ., Александровский у., с. Васильевка)

области) это сооружение зовут «рыга с земи», в восточных районах Украины такую клуню обычно называют «половник», в южной Украине говорят, что клуня построена «куренем».

На длинных сторонах клуни устраиваются широкие и высокие въездные ворота; боковые концы на коротких сторонах («засторонки») заполняются снопами, а широкая площадь сквозного проезда по окончании возки снопов служит для молотьбы: это пространство подравнивается и утрамбовывается, как обычный ток.

Как архаический прием устройство крыши «на столбах» известно и в

среднерусском одноэтажном крытом дворе. Для этого во дворе средней величины вбивалось 12 толстых столбов-свай, 4 по средней продольной линии и по 4 более низких с каждой стороны; расстояние между столбами — приблизительно около 6 м. В верхушке каждого столба вырубалось углубление («уши»), в которое пропускали горизонтальные толстые бревна: в «ушах» боковых столбов — «иглы», в «ушах» средних столбов — коньковое бревно-«князек»; в «иглы» и «князек» врубались наклонные бревна, составлявшие остов крыши. Такие дворы отмечены в Новгородской области.

Все это показывает, что крыша «на столбах» является очень древней формой, свойственной в прошлом всем трем восточнославянским народам как в зоне столбового, так и в зоне срубного жилища, но в настоящее время встречаемой лишь в хозяйственных постройках.

* * *

В данной статье сделана попытка осветить три небольших круга узловых вопросов, дающих возможность проследить древнюю общность русской и украинской народной культуры на материалах крестьянского жилища. В разрезе интересующей нас проблемы это можно было бы наглядно показать и на ряде других тем, касающихся крестьянского жилища и усадьбы русских и украинцев: развитии окна и связанных с ним деталей, конструкции потолка и крыши, материале и технике устройства кровли, деталях рубки и обработки дерева, резьбе на архитектурных деталях, опоясывающих жилище и церкви галереях и навесах, разнообразных хозяйственных строениях, процессах усложнения планировки и убранства жилища, связанной с жилищем и хозяйственными постройками терминологии и т. д. и т. п.

Однако и то немногое, что сказано в статье, дает возможность судить об органической связи русского и украинского жилища, о наличии переходных между ними форм, о единстве их строительной культуры и общих ее корнях. Нет сомнения, что отдельные составные части жилища восходят к эпохе существования древнерусской народности, а обозначающие их термины входили в основной словарный фонд древнерусского языка.

В. В. БУНАК

О ЗАДАЧАХ И ПЛАНЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА

Исследования советских антропологов охватили многие десятки больших и малых территорий, крупных и мелких этнических групп. В настоящее время получены антропологические характеристики, если не всех без исключения этно-территориальных типов, то во всяком случае всех главнейших и многих небольших этнических групп. В накопленном огромном антропологическом материале представлены и пограничные зарубежные группы, но несомненно малое место занимает основной этнический массив нашей страны — русское, белорусское и украинское население. Если работы последних лет доставили некоторый материал для построения антропологической карты Белорусской ССР, то антропология русского народа и антропология украинцев давно уже не пополнялись основательными трудами.

Преимущественное внимание, уделявшееся антропологии окраинных территорий, национальных меньшинств или внеевропейских этнических групп, не составляет особенности советской антропологической науки. Так же развивалась и дореволюционная русская антропология, то же самое происходило в зарубежной науке. Нетрудно вскрыть причины, приведшие к такому направлению антропологических исследований.

Вполне понятно, что общие вопросы антропологической дифференциации человечества, происхождения и родства расовых типов, расселения их по земле и пр. могут быть разрешены лишь путем изучения наиболее различных и территориально разобщенных групп, т. е. главным образом внеевропейских народов.

Многие народности Сибири и Средней Азии долгое время находились в условиях экономического угнетения и задержанного культурного роста, приводившего к уменьшению численного состава группы, к ассимиляции ее другими более крупными народами. В колониальных странах такое положение сохраняется и даже усиливается, в настоящее время многие внеевропейские группы находятся на пути к полному изчезновению.

По отношению к европейским народам угроза резкой денационализации не существовала. Антропологические типы Европы в общих чертах были хорошо известны, а получение точных характеристик представлялось задачей менее срочной, требовало работ большого масштаба, организация которых могла быть проведена лишь при особо благоприятных условиях.

Учитывая эти и многие другие соображения, будущий историк антропологии наверное признает существовавшее направление антропологических исследований обоснованным и даже целесообразным. Сохраняет ли этот вывод свое значение и в настоящее время? Речь идет, конечно, не о том, нужно или не нужно продолжать антропологическое изучение периферических народностей и национальных меньшинств. Такой вопрос не возникает, хотя нужно отметить, что дальнейшее изучение этих групп ставит уже иные задачи, требует иных методов и мо-

жет иметь результатом разрешение уже не общих антропологических задач, а задач частного, локального характера.

Поставленный вопрос относится в полной мере к антропологии основного этнического массива. Правильно ли и в настоящий момент признать его антропологическое изучение не первоочередным научным заданием, разрешение которого может быть отложено на некоторый срок? Имеет ли такое исследование актуальное значение? Существует ли возможность для его организации в ближайшем будущем?

В порядке рассмотрения этих вопросов необходимо прежде всего остановиться на одной особенности методики антропологических исследований, вызывающей у неспециалистов некоторую неясность.

Антропологическая характеристика энто-территориальной группы представляет собой сочетание определенных вариантов нескольких признаков, наиболее часто встречающихся в исследуемой группе (например, серо-голубая окраска радужины, умеренная брахицефалия, среднеширокое лицо и т. д.). Каждый из этих вариантов имеет абсолютное или относительное преобладание, охватывает иногда более чем половину исследуемого контингента. Но сочетание этих вариантов у индивидуумов далеко не имеет преобладания. Если признаки изменяются независимо один от другого,— а именно такие признаки и выбираются для различия типов,— то частота их сочетания у индивидуумов будет равна произведению частот каждого признака в группе. Так, например, если каждый из трех признаков найдем у $\frac{6}{10}$ исследованной группы, то сочетание их встретится лишь у $\frac{2}{10}$ всех индивидуумов; это число получается от перемножения частот отдельных признаков в группе: $0,6 \times 0,6 \times 0,6 = 0,218$. Таким образом, антропологический тип группы вовсе не имеет абсолютного преобладания. Он констатируется лишь у части исследованного контингента наряду с другими комбинациями признаков. Иначе говоря, антропологический тип устанавливается сочетанием вариантов, наиболее часто встречающихся в группе в целом или на данной территории. У отдельных индивидуумов тип представлен лишь изолированными элементами, выступает как бы в рассыпанном виде.

Такое соотношение отдельных признаков может быть понято лишь при том условии, что в некоторый предшествующий период характерное для группы сочетание признаков было свойственно значительно большей части индивидуумов. Восстанавливаемые путем антропологического анализа современного населения типы представляют собой реконструкцию реальных типов, возникших на определенном отрезке исторического прошлого, а в дальнейшем вследствие независимой изменчивости отдельных признаков в значительной мере утративших свою гомогенность и притом в стабильных условиях, т. е. без больших перемещений по территории, изменений условий среды, межгрупповых смешений и т. д. Когда эти факторы достигают большой интенсивности, происходит более резкая перестройка типов. В стабильных условиях характерное для территории сочетание признаков постепенно утрачивает преобладание при подсчете индивидуальных комбинаций, но сохраняется у небольшого числа индивидуумов данной группы, позволяя восстановить исходный антропологический тип данной территории и тем самым разъяснить происхождение современного антропологического варианта.

То, что непосредственно выясняется антропологическим анализом, соответствует этническим группировкам предшествующих периодов. Современные антропологические типы получают значение постольку, поскольку их возникновение приурочивается к определенному периоду истории страны. В зависимости от многих условий в антропологических группах современной эпохи по преимуществу отражается то отдаленное, то сравнительно близкое прошлое.

Антропологические типы русского народа в общих чертах уже известны. Возникновение их относится к отдельным периодам истории

нашей страны. К такому выводу привели уже первые обобщающие исследования по антропологии Восточной Европы — труды Д. Н. Анутина, Е. М. Чепурковского¹. Дальнейшее изучение проблемы на основе новых материалов позволило уточнить высказанное предположение. Можно считать установленным, что современные антропологические типы более или менее соответствуют областям распространения восточнославянских племен, вошедших в состав русского народа: кривичей, вятичей, ильменских словен и других. Антропологические исследования открывают возможность восстановить тип этих групп, выяснить многие их особенности, не поддающиеся установлению путем изучения древних черепов, и таким путем более глубоко осветить проблемы происхождения русского народа. В изучении ранних периодов истории восточных славян современный антропологический материал занимает равноправное место наряду с материалами археологическими, этнографическими и лингвистическими. Если всестороннее изучение исторического прошлого русского народа признано одной из актуальных задач советской науки, необходимо должна быть поставлена на очередь и разработка одного из существенных разделов этой проблемы — антропологическое изучение современного русского населения.

Большое значение древнего краниологического материала для разрешения вопросов истории получило уже широкое признание. Вполне своевременно распространить этот вывод и на исследование современных антропологических типов.

Однако возможность использования антропологических материалов в целях изучения исторического прошлого ограничена несколькими условиями. Одно из этих условий — отсутствие резких сдвигов в составе населения на протяжении последних десятилетий. Как было уже отмечено, антропологические типы, сложившиеся в XIV—XV вв., до последнего времени, первой четверти текущего столетия, изменились сравнительно мало, во всяком случае не настолько, чтобы сделать неразличимыми антропологические особенности отдельных групп, участвовавших в формировании русского народа.

Иные условия создаются во второй четверти текущего столетия, в эпоху развития социалистического хозяйства, в годы Великой Отечественной войны, в период строительства коммунистического общества.

Хорошо известны огромные сдвиги, произошедшие за этот период в экономике и культуре советских народов. В плотно населенных областях Европейской части РСФСР выросли новые промышленные центры, привлекающие кадры из самых различных районов страны. Возникли обширные индустриальные области с многотысячным населением за Уралом, на Дальнем Востоке, в Средней Азии. Гигантские работы по преобразованию природы, строительство каналов, плотин привлекли массы населения, не уступающие по численности населению прежних уездов. Изменилось соотношение численности городского и сельского населения. Непрерывно растут кадры сельской трудовой интеллигенции, формирующиеся не только из местных уроженцев, но также из приезжих со всех концов Советского Союза. Нужно учесть и годы Великой Отечественной войны с массовым передвижением воинских частей, эвакуацией городского и сельского населения на восток и т. д.

¹ Д. Н. Анучин, О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874—1883 гг.), «Записки Русск. географ. об-ва по отделению статистики», т. VII, вып. 1, СПб., 1889; Е. М. Чепурковский, Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения Великороссии, Труды Антроп. отдела, т. 28, вып. 2, «Известия ОЛЕАЭ» (Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии), т. 124, М., 1913.

Все эти события не могли не вызвать существенных изменений в составе населения, и притом не только периферических зон Европейской части Советского Союза, но и исторически сложившейся центральной области расселения русского народа.

Небывалые в истории преобразования хозяйства и культуры советских народов идут полным ходом и в наши дни. Следует думать, что через два-три поколения в различных областях Советского Союза создадутся более или менее устойчивые областные группировки населения, возникнут антропологические варианты, сходные с вариантами начала XX в. или несколько отличные от них, но уже с иными территориальными границами. Вполне вероятно, что следы отдаленного исторического прошлого, сохранившегося в географическом размещении антропологических типов в первой четверти XX в., на протяжении нескольких десятилетий сгладятся, антропологические особенности отдельных областей в значительной степени нейтрализуются, границы между ними станут неразличимыми.

Не подлежит сомнению, что и в наши дни процесс нейтрализации антропологических вариантов, сглаживания границ между ними далеко продвинулся вперед. Через 10 лет от антропологических работ в центральной части РСФСР едва ли можно ожидать существенных данных как для выяснения происхождения русского народа, так и для характеристики вновь формирующихся антропологических группировок. Представители антропологической науки должны с огорчением признать, что благоприятный подходящий период для организации антропологического исследования основного этнического массива нашей Родины в значительной мере упущен.

Что касается настоящего момента, то антропологические исследования в центральных областях РСФСР могут еще доставить материал, если не столь полный, как несколько лет назад, то во всяком случае материал большого значения, конечно, при условии специально разработанного плана работ, тщательного выбора пунктов исследования, ограничения изучаемого контингента местными уроженцами определенных возрастов и т. д.

Необходимо особенно подчеркнуть, что настоящий момент, ближайшее пятилетие — это предельный отрезок времени, в течение которого антропологические работы в центральной части РСФСР могут еще доставить материал для изучения проблемы происхождения русского народа.

Новые материалы по антропологии РСФСР необходимы для проверки и уточнения имеющихся данных, для разъяснения многих вопросов, остающихся нерешенными.

Сравнительное однообразие антропологических особенностей русского народа, отсутствие в его составе резко разграниченных вариантов было констатировано уже в начальный период антропологического изучения Восточной Европы. Вместе с тем были намечены и областные особенности, зафиксированные в общей литературе и улавливаемые специальным антропологическим анализом. Можно считать установленным, что в северо-западных областях РСФСР преобладает несколько иное сочетание разграничительных антропологических признаков, чем в области расселения южной ветви русского народа, а эта последняя отличается по антропологическому типу от верхневолжских территорий. В полном согласии с данными истории, археологии, этографии и лингвистики следует сделать вывод, что в образовании русского народа приняли участие несколько сходных, но все же различных антропологических типов. Определение этих типов, их числа, отличительных особенностей и области распространения несколько изменялось по мере накопления фактического материала и развития теоретической антропологии.

В отечественной литературе автор одного из первых обширных ан-

тропологических трудов Н. Ю. Зограф² пришел к выводу, что преобладающий элемент, определяющий, при некотором участии другого элемента—финно-угорского, антропологический тип русского народа, представлял собой светловолосого рослого долихокефала, родственного народам Северо-Западной Европы. По мнению В. В. Воробьева³, основной антропологический элемент русского населения — темный брахицефал альпийского типа. А. Н. Краснов⁴ отводил большое место в антропологическом составе Восточной Европы, наряду со светлым долихокефалом, также светлому брахицефальному элементу. В тщательно разработанном и хорошо обоснованном труде Е. М. Чепурковского⁵ выделяются два элемента: сравнительно светлый брахицефальный «валдайский» тип, связанный с аналогичным вариантом Северо-Западной Европы, и сравнительно темный мезокефальный «рязанский» тип, имеющий некоторое сходство с типами средиземноморских стран. Третий тип — темный и брахицефальный — преобладает на Украине; в пределах РСФСР он представлен очень слабо.

В моих работах (1924 и 1932 гг.) были прослежены связи двух элементов, намеченных Чепурковским, с антропологическими вариантами на смежных территориях, и выделены два обширных круга типов, до того времени не учитывавшихся в литературе: «балтийский» и «понтийский» (черноморский, или восточносредиземноморский). «Валдайский» тип Чепурковского занял место в качестве одного из вариантов балтийского круга, рязанский (или нижнеокский) определен как одна из разновидностей северопонтийской группы. К двум названным элементам был присоединен третий — мезокефальный, сравнительно темно пигментированный, с менее сильным ростом бороды и более тяжелым веком, входящий в круг вариантов уральской группы. Антропологический вариант центральной области расселения русского народа охарактеризован как особый, достаточно сложившийся центральный восточноевропейский тип, возникший на основе главным образом понтийского варианта при участии элементов балтийского круга. В пределах трех основных групп — балтийской, понтийской, уральской — выделены, кроме балтийского и рязанского вариантов, несколько других и предположительно намечены границы их распространения. Три основных антропологических элемента были увязаны с древними типами населения Восточной Европы, известными по скелетным остаткам. Современные варианты, которые рассматривались обычно как группы сохранивших полностью все особенности древних вариантов, были определены как результат сложного преобразования исходных форм.

В последующих работах советских антропологов в русском населении выделяются те же три основных типа или типы, очень сходные с ними, с теми или другими подразделениями, с одинаковыми или с измененными наименованиями. Так, например, в работе Н. Н. Чебоксарова различаются четыре типа в области расселения русского народа: уральский,

² Н. Ю. Зограф, Антропологические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губ., Труды антроп. отдела, т. 15, «Изв. ОЛЕАЭ», т. 26, М., 1893.

³ В. В. Воробьев, Великоруссы, «Антроп. журнал», кн. 1, 1900.

⁴ А. Н. Краснов, Материалы для антропологии русского народа, «Антроп. журн.», кн. 11, 1902.

⁵ Е. М. Чепурковский, О цветности крестьянского населения России в связи с головным указателем, «Журн. Казанского медико-антропол. об-ва», вып. X (см. также указ. выше работу); В. В. Бунак, Антропологический тип черемис, «Антроп. журн.», т. XIII, 1924, № 3—4; его же, Антропологический тип мордвы, там же; его же, Географическое распределение роста призывного населения СССР по данным 1927 г., «Антроп. журн.», 1932, № 2; его же, Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas, «Ztschr. f. Morph. u. Anthrоп.», 30, 1932; его же, The craniological types of the east slavic kurgans, «Anthropologie», 10, Prague, 1932.

восточноевропейский, атланто-черноморский и беломорско-балтийский⁶. Этими терминами обозначены типы, почти полностью соответствующие описанным выше.

Здесь нет необходимости останавливаться на вопросе о взаимоотношении основных типов и о возможности выяснения их взаимосвязи на основе гипотезы о гипо- или гиперморфных изменениях антропологических признаков — гипотезы, получившей развитие во многих трудах советских антропологов⁷. Нужно лишь констатировать, что вывод об участии трех элементов в формировании антропологического типа русского народа сохраняет полную силу и в настоящее время и служит надежным отправным пунктом для дальнейших исследований, задача которых — обеспечить объективную проверку принятых концепций, внести в нее необходимые изменения или уточнения, разъяснить некоторые недостаточно ясные вопросы.

Не входя в рассмотрение всего разнообразного материала изложенной теории, назову в качестве примера два-три важнейших пункта, требующих дополнительной разработки.

1. Центральный восточноевропейский тип, по всем данным, сложился при участии балтийского и pontийского элементов. К такому выводу приводят историко-археологические факты и лингвистические материалы, указывающие, что диалекты центральной зоны сложились на основе северных (окающих) говоров с более поздним проникновением в эту область говоров южнорусских (окающих), по всей вероятности вятических. Было бы чрезвычайно важно выяснить долю участия балтийского и pontийского элементов в формировании центрального типа.

2. До настоящего времени остается не вполне установленной антропологическая характеристика южной группы в целом и ее западного и восточного подтипов — тульско-калужского и рязанско-тамбовского. Эти два подтипа, повидимому, не вполне однородны; восточная, рязанская, подгруппа включает, кроме pontийского элемента, также и одну из разновидностей уральского. Проверка этой гипотезы имеет большое значение для выяснения антропологического состава русского народа в целом.

3. Требует уточнения и антропологическая характеристика различных групп балтийского типа, о происхождении которого существуют противоречивые мнения. По имеющимся данным, область наибольшей концентрации особенностей балтийского типа лежит не на западной границе расселения русского народа, а несколько к востоку от нее — предположение, также требующее проверки и разъяснения.

Три названные узловые проблемы тесно связаны с рядом других, недостаточная выясненность которых не позволяет признать законченным на данном этапе антропологическое изучение русского народа.

Очередная задача антропологических работ в настоящее время — не только охват территорий, о которых не имеется данных, но и учет недостаточно использованных признаков, в первую очередь антропологических портретов. Фотографический материал, хорошо подобранный и многочисленный, обещает дать для разрешения поставленных выше вопросов не меньше, чем измерительные данные. Хорошие коллекции антропологических фотографий, ценнейший памятник эпохи, должны занять подобающие место в музейных фондах нашей страны, в которых до настоящего времени документы этого рода представлены очень слабо.

Антропологические исследования большого объема производятся обычно по методу сплошного порайонного изучения всей территории расселения.

⁶ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVI, М., 1951.

⁷ См. Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. IV, М.—Л., 1948.

ния данной этнической группы. Такая методика, оправдавшая себя при изучении небольших стран или областей, в применении к антропологическому исследованию русского народа не только трудно осуществима, но и явно нецелесообразна.

Если первоочередная задача антропологических работ — выяснение основных элементов, участвовавших в формировании русского народа, то для этой цели отпадает необходимость в исследовании тех территорий, которые заселялись в сравнительно позднее время уже сложившимися типами центральных областей страны. Это территории Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Кавказа, степного Заволжья и Донской области. Нельзя ожидать больших результатов и от изучения русского населения союзных и автономных республик или областей Европейской части Советского Союза. Разумеется, и вне центральной части РСФСР имеются группы, изучение которых может дать ценный материал для антропологии русского народа. Таковы, например, так называемые «семейские» группы Сибири, русские «поморы» Якутии, потомки молокан Закавказья, гребенских казаков и некоторые другие, обособившиеся в XVII—XVIII вв. и сохранившие исходный тип без существенных изменений. Но изучение этих небольших групп может быть осуществлено единичными исследователями без охвата больших территорий и вне связи с планомерным исследованием основного этнического массива.

Антропологические работы в центральной зоне РСФСР, как ясно из сказанного выше, не должны быть приурочены к существующим административным делениям территории — округам или районам. Было бы неправильно исходить и из прежде существовавших территориальных единиц. Основным принципом при выборе пунктов исследований должны быть намечаемые по историческим данным направления расселения древних племен, или «историко-антропологические линии». Целесообразно провести на карте эти линии, точнее говоря, полосы шириной 50—100 км, так, чтобы они обеспечивали антропологическую характеристику промежуточных зон. Сопоставление материалов, полученных на протяжении линии, может вполне выяснить изменения отдельных признаков и их сочетаний по территории, т. е. вскрыть пути формирования антропологических типов. Такой метод позволяет вместе с тем сократить число пунктов исследования и ограничить объем работы, не уменьшая ожидаемых результатов. Пункты исследования одной линии, включающие каждый 3—4 селения по радиусу в 30—40 км от центра, можно расположить на расстоянии около 100 км. В этих пределах интерполяция полученных данных для промежуточных участков вполне возможна.

Расстояние между линиями может быть увеличено до 200—300 км в зависимости от исторических и географических условий. Такое размещение пунктов для собирания материала не обеспечивает сплошного порайонного исследования, но при правильном выборе пунктов вполне соответствует условиям заселения русской равнины.

Учитывая историко-археологические, лингвистические, а также антропологические данные, можно наметить следующие линии расположения пунктов наблюдения.

1. Верхневолжская линия. Основная зона распространения племени кривичей. Одна из наиболее характерных областей северной ветви русского народа и окающих владимиро-поволжских говоров. Охватывает верхнее течение Волги по правому берегу от ее истоков у оз. Селигер (г. Оstashков) до устья р. Суры (г. Васильсурск), границы Чувашской АССР. Общее протяжение линии около 800 км, ширина полосы около 100 км. По этому направлению размещаются 8 промежуточных пунктов наблюдения, приурочиваемых к районам, расположенным вблизи следующих городов: Торжок, Калинин, Калязин, Ярославль, Кострома или Нерехта, Юрьевец Польский, Городец, Княгинин, всего, с двумя пограничными, десять пунктов.

2. Окская линия. Зона распространения вятичей. Область одной из рано сложившихся групп южной ветви русского народа, умеренно акающие говоры на западе, сильно окающие на востоке. Простирается полосой в 50—70 км ширины вдоль среднего и нижнего течения Оки от верховьев р. Десны (г. Ельня) до течения р. Суры (г. Арзамас Горьковской обл.). Вторая линия проходит южнее предыдущей в среднем на 300 км. Общее протяжение линии около 800 км. Промежуточные пункты: Масальск, Калуга, Венев, Пронск, Касимов, Муром, всего 8 пунктов. Пограничные пункты лежат уже в области переходных говоров.

3. Линия границы Польской Украины 1571 г. По росписи сторожевой и станичной службы на польской окраине Московского государства линия передовых крепостей-городов простиравась с юго-запада на северо-восток от г. Путивля на Сейме до Алатыря на р. Суре и проходила через города Кромы, Орел, Новосиль, Ряжск, Шацк, Темников и другие. Из этих городов посыпались в степь по определенным направлениям сторожи и станицы из детей боярских и казаков, несшие дозорную службу и проверявшие рвы, засеки, забои на реках и другие полевые укрепления. Во второй половине XVI в. степь между р. Сврой и Воронежем оставалась еще «диким» полем, каким она была в XIV—XV вв., и не имела постоянного населения. В летнее время снаряжались особые станицы для пожога степи. Ближайшая линия пожога начиналась от верховьев р. Вороны и шла на протяжении более 500 км до впадения р. Валуя в р. Оскол через верховья Елань, Битюга, Дона и Тихой Сосны.

Учитывая связь Путивля и Рыльска с более южными областями, третью линию антропологического исследования правильнее провести от г. Брянска на р. Десне до г. Алатыря на р. Суре и установить ширину полосы примерно в 80 км. В среднем третья линия пройдет на 150 км южнее второй. Длина линии около 800 км. Промежуточные пункты: Орел, Новосиль, Данков, Ряжск, Шацк, Темников, Почины, всего 9 пунктов.

4. Пограничная линия начала XVII в. Несмотря на постоянную угрозу крымских и ногайских набегов, пограничная степная полоса продолжала быстро заселяться выходцами из ближайших городов заокской линии, направлявшимися по пути разъездов, сторож и станиц. К началу XVII в. возникают новые постоянные поселения (Ливны, Елец и др.). Отдельные города-крепости далеко выдвигаются в степь. Между Десной и Доном граница Московского государства проходит близко от современной границы расселения южной ветви русского народа.

Четвертую линию антропологического исследования правильнее всего провести от р. Сейма (г. Рыльск) до Волги (г. Ульяновск). Ширина полосы около 100 км, общее протяжение около 1000 км. Расстояние от предыдущей полосы 150 км. Промежуточные пункты: Курск, Оскол, Воронеж, Мичуринск, Тамбов, Нижний Ломов, Пенза, Городище, Корсунь, всего 11 пунктов. Восточная треть линии находится в области переходных к владимирско-волжским окающим говорам.

5. Средневолжская линия — примерно от Сенгилея до Саратова. Оседлое население в степи между волжскими городами-крепостями появляется в середине XVII в. и продолжает усиленно пополняться в течение всего XVIII в. переселенцами из нижнеокских и различных волжских областей. В диалектном отношении население принадлежит к Владимирско-Волжской окающей группе. Общее протяжение линии 600 км, ширина полосы до 100 км. Промежуточные пункты: Сызрань, Хвалынск, Вольск, всего 5 пунктов.

6. Верхнекоперская линия проходит километров на 300 к западу от волжской и километров на 250 к востоку от среднего отрезка пограничной линии XVII в. Верхнекоперские степи заселяются преимущественно в XVIII в. из среднеокских областей. Протяжение линии всего 300 км с тремя пунктами: Борисоглебск, Балашов, Сердобск.

7. Верхнеднепровская ильменская линия — одно из главных направлений расселения кривичей и ильменских словен, от Смоленска до Новгорода. Длина линии около 450 км, ширина — километров 70. Промежуточные пункты — города Белый, Торопец, Холм, Старая Русса, всего 6 пунктов. Население северных пунктов относится к западной группе окающих говоров, население южных пунктов принадлежит к переходному типу.

8. Северо-западная пограничная линия, длиной около 450 км с пунктами Луга, Псков, Остров и Опочка, полностью лежит в области переходных северорусских-белорусских говоров.

9. Белозерско-вятская линия, область расселения ильменских словен от Кириллова и Череповца на западе до верхнего течения р. Вятки, г. Кирова (древнего Хлынова) на востоке. Линия лежит в зоне восточной группы северных окающих говоров. Протяжение линии около 600 км, ширина полосы примерно 150 км, расстояние от верхневолжской линии в среднем 200 км. Промежуточные пункты — Вологда, Солигалич, Кологрив на верхней Унже, Никольск на р. Ветлуге, всего 7 пунктов.

10. Беломорско-северодвинская линия — одно из ранних направлений расселения древних новгородцев. Область северной и отчасти восточной групп северных говоров. Общая длина линии около 500 км. Плотность населения и в настоящее время невелика. Намечаются 4 пункта исследований: Онега, Архангельск, Шенкурск, Великий Устюг.

Дополнительно могут быть намечены две линии — верхнекамская (11) и среднеуральская (12), каждая с тремя пунктами. Антропологическое исследование этих территорий может доставить материал лишь областного значения и не является необходимым для разработки проблемы происхождения русского народа.

Общее число пунктов обследования по всем 12 линиям — 70. Число обследованных в каждом пункте, при условии строгого отбора по месту рождения и по возрасту, можно определить в 150 человек с одинаковым числом мужчин и женщин. Необходимо, чтобы каждая группа включала уроженцев не одного, а трех-четырех селений и могла быть представительной для выделенных небольших участков территории.

Учитывая обычную величину внутригрупповых коэффициентов изменчивости важнейших антропологических признаков, указанное число наблюдений (75 мужчин и 75 женщин) следует признать достаточным для получения статистически сравнимых характеристик.

Увеличение контингента обследованных сократит статистическую ошибку групповых характеристик очень не намного и, кроме того, представит большие затруднения при сортировании материала.

Общее число исследованных во всех 70 пунктах — около 10 000 чел.

Имеются ли реальные возможности для проведения такого исследования в указанный предельный срок, 4—5 лет, при наличном составе специалистов-антропологов и без каких-либо мероприятий исключительного порядка? На этот вопрос можно ответить вполне положительно.

Поставленная задача может быть разрешена антропологической группой Института этнографии Академии наук СССР при условии выделения специальной бригады в составе четырех младших сотрудников.

На исследования в 10 пунктах (1500 человек) бригаде потребуется примерно 4 месяца, считая половину этого срока на передвижения и подготовку исследования и 60 дней на производство обследования (измерение и фотографирование в среднем по 25 человек в день). В течение года бригада сможет собрать материал в 15—20 пунктах, т. е. исследовать от двух с половиной до трех тысяч индивидуумов, с тем, чтобы остающееся рабочее время было отведено для обработки собранных материалов, изготовления отпечатков фотоснимков, картографирования и других работ. Все исследование может быть закончено в 4—5 лет.

Главнейшие направления антропологических исследований русского населения Европейской части СССР: 1 — верхневолжская линия; 2 — окская линия; 3 — линия границ 1571 г.; 4 — линия границ XVII в.; 5 — средневолжская линия; 6 — верхнехоперская; 7 — верхнеднепровско-ильменская; 8 — северо-западная полограничная; 9 — белозерско-вятская; 10 — беломорско-северодвинская

С. М. АБРАМЗОН

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ КИРГИЗСКИХ ШАХТЕРОВ КЫЗЫЛ-КИЯ¹

(*Материалы к изучению быта киргизских рабочих*)

До Великой Октябрьской социалистической революции среди киргизского народа, в прошлом одного из наиболее угнетенных народов царской России, имелось такое ничтожное количество фабрично-заводских рабочих, что о собственно киргизском промышленном пролетариате как о составной части дореволюционного киргизского общества можно говорить лишь весьма условно. Экономика Киргизии накануне революции представляла собой сочетание множества мельчайших киргизских полукочевых хозяйств во главе с численно небольшой манапско-байской группой, нескольких массивов земледельческих хозяйств русско-украинских переселенцев и небольшого числа мелких капиталистических предприятий, предназначенных главным образом для первичной переработки сельскохозяйственного сырья. При этом собственно киргизское хозяйство в целом было крайне отсталым, сохраняя в значительной мере полунатуральный характер, хотя в нем уже и начинали складываться капиталистические отношения.

Удельный вес носившей зачаточные формы промышленности в экономике дореволюционной Киргизии был незначителен, а число занятых в ней рабочих не достигало и полутора тысяч человек. По трем уездам Семиреченской области (Пишпекскому, Пржевальскому и Верненскому) общее число рабочих, занятых в промышленности, составляло в 1914 г. 2011 человек, в том числе 513 «киргизов»². Однако большинство этих рабочих приходилось на Верненский уезд (территория современного Казахстана), а в число «киргизов» входили и казахи; последние, повидимому, преобладали. Главная масса рабочих — киргизов и казахов — трудилась на шерстомоечных, кожевенных, суконных и пивоваренных предприятиях; при этом шерстомойки работали всего три с половиной месяца в году, и, следовательно, работа на них имела сезонный характер. Во всей Ферганской области (в нее входила почти вся территория современной южной Киргизии) было учтено лишь 16 промышленных рабочих — киргизов (сюда не входят данные о рабочих горнодобывающей промышленности); они были заняты в кирпичной и хлопкомаслобойной промышленности³.

И все же появление на территории Киргизии капиталистической промышленности имело большое положительное значение, способствуя росту

¹ В основу настоящей статьи положены этнографические материалы, собранные во время непродолжительных поездок в 1950 и 1954 гг. в г. Кызыл-Кия Ошской области Киргизской ССР. Поездка 1950 г. была частью работ Киргизского этнографического отряда Памиро-Ферганской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР.

² В. А. Заорская и К. А. Александр, Промышленные заведения Туркестанского края, Птгр., 1915, табл. XVI.

³ Там же, табл. VII.

нового общественно-экономического уклада, создавая предпосылки для возникновения киргизского рабочего класса. В этом, в частности, нашло свое выражение огромное прогрессивное значение присоединения Киргизии к Русскому государству. Под влиянием капиталистической экономики России началось проникновение в киргизское хозяйство капиталистических отношений; в связи с этим стала углубляться классовая дифференциация киргизского общества. Все более нищавшая киргизская беднота и многочисленный сельскохозяйственный пролетариат с конца XIX — начала XX в. постепенно выделяли из своей среды первые десятки и сотни промышленных рабочих. Однако большинство из них не порывало связи с сельским хозяйством, и это обстоятельство накладывало свой отпечаток на облик зарождавшегося киргизского пролетариата.

Среди немногочисленных предприятий добывающей промышленности Туркестана в самом конце XIX в. на территории современной южной Киргизии возникают угольные копи.

Месторождения угля были задолго до этого хорошо известны киргизскому населению. Обнаруженный пастухами «горящий камень» широко использовался на топливо. Еще в 1868 г., до присоединения Кокандского ханства к России, на р. Кок-кене-сай (современный Ляйлякский район Ошской обл.) возникли и просуществовали несколько лет каменноугольные копи, принадлежавшие русскому купцу Фовицкому⁴. В 1898 г. на разведенных русскими геологами Романовым и Спечевым угольных месторождениях в ущелье Джинджиган, в нескольких километрах от г. Кызыл-Кия, предприниматель Шотт (киргизы называли его «Чот-бай») начал промышленную разработку угля⁵. Несколько позднее, в 1903 г., в ущелье Джал заложил угольную копь капиталист Фосс⁶. В 1906 г. в том же ущелье Джал, возле одноименного киргизского селения, открыл угольную копь предприниматель Ракитин⁷. Вскоре копь Шотта была залита водой, а копь Фосса в 1908 г. перешла к другому искателю на живы — Батюшкову, заложившему по соседству новые шахты. В 1912 г. Батюшков продал свои предприятия акционерному обществу «Кызыл-Кия»⁸.

Условия труда и быта рабочих на каменноугольных копях были исключительно тяжелыми. Техника разработок, особенно до 1908—1910 гг., была крайне отсталой. Основным «сооружением» являлась так называемая «дудка» — круглый шахтный ствол, напоминающий колодец, от которого расходились в разные стороны длинные кривые норы — штреки. Уголь к шахтному стволу доставлялся вручную, на санках, и поднимался наверх в деревянной бадье. В этой же угольной бадье спускались вниз люди. Бадья опускалась и поднималась на пеньковом канате при помощи деревянного ворота, приводившегося в движение двумя лошадьми. Над «дудкой» стоял простой сруб⁹. В дальнейшем появились отдельные усовершенствования. Например, на копи Ракитина уголь стали поднимать на поверхность по наклонной штольне, но все тем же конным воротом, под землей уголь стали возить в вагонетках на лошадях¹⁰. В 1910 г. на Сулюктинской копи для подъема угля была поставлена паровая лебедка¹¹. Большим техническим новшеством явилась постройка в 1908 г.

⁴ «Россия», т. XIX, Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 176, 542.

⁵ Газета «За уголь» (орган Кызыл-Кийского Городского Комитета КП Киргизии и городского Совета депутатов трудящихся), 1953, 29.VIII; К. К. Пален, Отчет по ревизии Туркестанского края, вып. 2, Горное дело, СПб., 1910, стр. 50.

⁶ К. К. Пален, Указ. раб., стр. 47.

⁷ Там же, стр. 49.

⁸ Х. М. Мусин, Из истории возникновения пролетариата в горнодобывающей промышленности дореволюционной Киргизии, Труды Пржевальского учительского ин-та им. Г. М. Димитрова, вып. 1, 1952, стр. 47.

⁹ Полев. запись № 6, 1954, Архив Ин-та этнографии АН СССР; газ. «За уголь», 1952, 31.VIII; 1953, 28.VIII.

¹⁰ Полев. запись № 6, 1954; см. также К. К. Пален. Указ. раб., стр. 49.

¹¹ С. Р. Конопка, Туркестанский край, Ташкент, 1913, стр. 85.

узкоколейной железной дороги, соединившей копи Фосса с г. Скобелевым; однако с копи Ракитина уголь продолжали доставлять в тот же Скобелев и в г. Старый Маргелан на арбах и фургонах¹².

В целом же техника добычи угля продолжала оставаться на самом низком уровне. Господствовал ручной труд. Основными орудиями, употреблявшимися для добычи угля, были кайло, или обушок (киргизск. чунг или чоюч), ручной коловорот или бурильная штанга (иштанга или парма), кувалда (базган), лом и лопата. Для освещения под землей применялись жестяные лампочки (кара-чырак), в которых горел фитиль из ваты; горючим служили хлопковое масло и даже мазут¹³.

Труд рабочих был постоянно сопряжен с огромной опасностью. Охрана труда отсутствовала. Вентиляция была оборудована плохо. На копи Ракитина рабочие вовсе были лишены медицинской помощи¹⁴. Несчастные случаи, увечья были повседневным явлением. Состояние техники безопасности было таково, что даже царские чиновники вынуждены были отметить: «слишком мало обращается внимания и на опасные места поверхностей отводов... все вообще приспособления на копях (за исключением двух), как то: подъемные барабаны, шкивы, канаты и вагонетки сделаны кое-как, из дурного материала, плохо пригнаны и представляют большую опасность для рабочих»¹⁵. В результате только за один 1907 г., по преуменьшенным данным официального отчета, на каменноугольных копях было 10 несчастных случаев. Здесь же красноречиво отмечалось: «О том, как награждены пострадавшие, сведений не найдено...»¹⁶.

Шахтеры подвергались самой жестокой эксплуатации. Изнурительный труд под землей продолжался по 12—14 часов в сутки и более. Один из старейших киргизских шахтеров К. Мусафиров, работавший на шахте Ракитина с 1916 г., рассказывает, что рабочие здесь трудились в две смены по 12 часов в каждой¹⁷. Движимые жаждой наживы, в погоне за дешевой рабочей силой предприниматели стремились максимально обесценить человеческий труд. Заработка плата была особенно нищенской у рабочих местных национальностей и прежде всего у киргизов. По официальным данным, средний заработок рабочих-киргизов составлял 80 копеек в день зимой и до двух рублей в день летом¹⁸. Однако, как рассказывают старые шахтеры, только самые лучшие проходчики и забойщики зарабатывали по 20, редко 30 рублей в месяц; остальные рабочие-киргизы, основную массу которых составляли неквалифицированные рабочие, получали от 10 до 15 рублей в месяц; к этому хозяин давал «прибавку» — 1 рубль в год¹⁹. Этот ничтожный заработок постоянно урезывался штрафами. Кроме того, владельцы копей систематически задерживали заработную плату. 73-летний А. Абдулджапаров рассказывает, что местные жители, работавшие на копи «Джал», не раз безрезультатно жаловались на Ракитина, который подолгу не выдавал рабочим их заработок.

Национальный состав рабочих был очень пестрым. Среди них были русские, киргизы, таджики, узбеки, татары, уйгуры, афганцы, персы. Из них постоянными рабочими, как показывают статистические данные, были преимущественно русские.

В 1908 г. на Сулуктинской копи Овсянникова было занято всего 64 рабочих, на Кызыл-кийской копи (Фосса) 55 рабочих, на Джинджиганской (Шотта) — 25, на Джальской (Ракитина) — 15²⁰. В то же вре-

¹² К. К. Пален, Указ. раб., стр. 48, 49.

¹³ Полев. записи № 5, 7, 1950; № 1, 6, 1954; газ. «За уголь», 1953, 7.XI.

¹⁴ Полев. записи № 6, 11, 1954; газ. «За уголь», 1952, 31.VIII.

¹⁵ К. К. Пален. Указ. раб., стр. 50, 192.

¹⁶ Там же, стр. 237.

¹⁷ Полев. запись № 11, 1954.

¹⁸ К. К. Пален, Указ. раб., стр. 43, 49, 53, 236.

¹⁹ Полев. записи № 1, 11, 1954.

²⁰ К. К. Пален, Указ. раб., стр. 224—225.

мя при описании предприятий в «Отчете» Палена указывается значительно большее число рабочих: по Сулюктинской копи — 207, по Джальской — 52 и т. д.²¹. Отсюда ясно, что значительная часть шахтеров не принадлежала к контингенту постоянных рабочих. Об этом же свидетельствуют сообщения старых рабочих — киргизов и русских²², рассказывающих, что большинство рабочих-киргизов принадлежало к разряду сезонников. Сезонные рабочие, начиная с августа, приходили из соседних кишлаков на зимнее время и работали до наступления весны; они продолжали сохранять связь с сельским хозяйством. Это были по преимуществу крестьяне-бедняки, которые шли работать на копи, чтобы на заработанные деньги приобрести скот, или безземельные издольщики. Но большая часть сезонников, так и не сумев что-нибудь скопить из своего ничтожного заработка, бросала работу и возвращалась в кишлаки, к своему хозяйству. Наиболее крупная группа таких сезонных рабочих-киргизов отмечена на Сулюктинской копи (107 чел.). На Джальской копи киргизов-рабочих в 1908 г. совсем не числилось; относительно же Джинджиганской копи указывается, что «прежде на копи работали только киргизы, но теперь их осталось только 5 человек, так как они идут на копь неохотно»²³.

Все же накануне Великой Октябрьской социалистической революции по мере ухудшения экономического положения народных масс на работу в шахтах, расположенных в районе современного г. Кызыл-Кия, все чаще нанимались бедняки-дехкане. Их работа тоже имела преимущественно сезонный характер, но часть из них превращалась в постоянных рабочих. Главными «поставщиками» рабочих в этом районе были два небольших кишлака, в том числе кишлак Джал, расположенный рядом с одноименной копью Ракитина. В обоих кишлаках жили родственные группы киргизского населения — каракозу. Каждой из этих групп за эксплуатацию земельных участков владельцы копей платили в год по 200 рублей и по 12 подвод угля. Рядом с кишлаками и на ближайших холмах были расположены богарные посевы пшеницы.

Сезонные рабочие-киргизы жили большей частью дома, в своих кишлаках, очень разбросанно. Отсюда они ходили на работу на копи. Остальные рабочие, среди которых были и киргизы, ютились в сырых землянках, лепившихся на склонах холмов, в жалких глинобитных мазанках и в темном заплесневелом бараке, который построил для своих рабочих Батюшков²⁴. На площади в 252 квадратных аршина здесь ютилось 125 одиночек-шахтеров²⁵. К. Мусафиров, сам живший в землянке, рассказывает: «На земле была набросана солома, на которой вповалку спали рабочие; в тесной землянке жило 5—6 человек; места хватало потому, что работали в разных сменах и спали по очереди. Для выхода дыма в крыше была сделана дыра»²⁶.

Для характеристики бытовых условий того времени следует добавить, что бань для рабочих на копях не было.

Повседневной пищей шахтеров-киргизов были похлебка из кукурузной муки (атала) и лепешки; их покупали у подрядчика. За другими покупками нужно было отправляться на базары в селения Уч-Курган или Караван. Холостые рабочие питались артелью или столовались у семейных²⁷.

Шахтеры были лишены возможности приобщиться к культуре. Рабочие местных национальностей были почти поголовно неграмотны. В Кызыл-Кия была только одна русская школа, в которой обучались 40 детей.

²¹ Там же, стр. 38, 49.

²² Полев. записи № 1, 5, 6, 11, 1954.

²³ К. К. Пален. Указ. раб., стр. 38.

²⁴ Полев. запись № 11, 1954; газ. «За уголь», 1953, 29.VIII, 16.XII.

²⁵ В. Виткович. Киргизия, М., 1938, стр. 84.

²⁶ Полев. запись № 11, 1954.

²⁷ Полев. записи № 6, 11, 1954.

служащих и более зажиточных родителей. Досуг рабочих нередко заполнялся игрой в карты, пьянками, драками. Представители администрации натравливали друг на друга рабочих разных национальностей, возбуждали межнациональную рознь.

Район Кызыл-Кия был одним из наиболее крупных центров, в которых в первые десятилетия XX в. начал зарождаться киргизский рабочий класс. Хотя процесс этот протекал крайне медленно, имел своеобразный характер и в полной мере развернулся лишь после установления в Киргизии советской власти, в районе Кызыл-Кия сложились существенные предпосылки для формирования национальных кадров рабочего класса. Важнейшей из них были революционные традиции кызыл-кайских горняков, основную массу которых составляли русские рабочие.

Классовая борьба местных рабочих составляет одну из славных страниц истории рабочего движения в Средней Азии. Среди кызыл-кайских шахтеров имелось крепкое революционное ядро, устраивались тайные сходки²⁸. Во время первой русской революции, в 1905 г., в Кызыл-Кия происходили волнения рабочих²⁹. В 1912 г. имело место стихийное выступление кызыл-кайских рабочих, на котором сказалось влияние ленских событий³⁰. Новая забастовка протеста вспыхнула после Февральской революции, когда здесь стало известно о расстреле июльской демонстрации в Петрограде³¹. Еще до Великой Октябрьской революции местные рабочие создали свою профессиональную организацию, которая вошла в союз «Горнорабочий»³².

Когда до Кызыл-Кия дошли вести об Октябрьской революции, горняки, руководимые здесь большевистской организацией, взяли власть в свои руки. Избранный ими шахтный комитет, возглавляемый Л. Г. Солнышко, сыграл важную роль в национализации шахт. Созданный рабочими отряд Красной гвардии под командованием т. Едренкина принял участие в разгроме в феврале 1918 г. контрреволюционной «Кокандской автономии». В ноябре 1918 г. на митинге рабочих был организован добровольческий конный отряд, ставший грозной силой против басмаческих банд; дехкане из окрестных кишлаков неоднократно обращались к шахтерам с просьбой защитить их от произвола и насилий басмачей. Шахтерский поселок представлял для басмачей неприступную крепость; он был окружен окопами, в окрестностях постоянно находились дозоры. Порох горняки изготавливали сами. Рабочие, буквально не расставаясь с кайлом и винтовкой, продолжали добывать уголь, в котором так нуждались железные дороги; от успешной работы последних во многом зависела ликвидация контрреволюции в Туркестане. Рука об руку с русскими рабочими воевали и трудились рабочие-киргизы³³.

Таким образом, революционные традиции русского пролетариата уже в предреволюционные годы передавались местным рабочим. В годы гражданской войны, мужественно отстаивая власть Советов, кызыл-кайские шахтеры в то же время укрепляли боевой союз рабочего класса и трудящегося крестьянства, братскую дружбу русского народа с угнетенными местными национальностями, в том числе и с киргизским народом. Большевистские идеи в среду местного пролетариата и крестьянства несли прежде всего русские рабочие. Эти факторы оказали решаю-

²⁸ Газ. «За уголь», 1953, 29.VIII.

²⁹ Очерки по истории Киргизской ССР, ч. 1 (на правах рукописи). Фрунзе, 1952. стр. 211.

³⁰ Х. М. Мусин, Указ. раб., стр. 52—53.

³¹ В. Виткович. Указ. раб., стр. 44.

³² «25 лет Киргизской ССР», Фрунзе, 1951, стр. 34. Число членов союза на Кызыл-кайских угольных копях не указывается; на Сулуктинских же шахтах в сентябре 1917 г. в союзе состояло 356 рабочих-киргизов.

³³ Характеристика событий периода гражданской войны содержится в полевых записях № 1, 6, 11, 1954, и в газете «За уголь», 1949, 7.XI; 1951, 23.II, 14.III, 21.III, 29.VII; 1952, 9.V; 1953, 29.VIII, 7.XI.

шее влияние на формирование одного из передовых отрядов киргизского промышленного пролетариата — горняцких кадров Кызыл-Кия. Эти кадры начали заметно расти после ликвидации басмачества, примерно с 1922 г., и особенно в восстановительный период. Дальнейший, уже значительно более быстрый рост кадров киргизских шахтеров падает на годы первых пятилеток.

В результате осуществления Коммунистической партией Советского Союза политики социалистической индустриализации страны в Киргизии выросла крупная социалистическая промышленность. На основе полной реконструкции старых каменноугольных копей и строительства новых крупных шахт здесь возникла передовая каменноугольная промышленность, занимающая одно из ведущих мест в тяжелой индустрии Киргизии. Центрами угольной промышленности Киргизии являются Кызыл-Кия, Сулукта (в Ошской области), Кок-Янгак и Таш-Кумыр (в Джала-Абадской области). Каменноугольные предприятия Киргизии являются основной топливной базой республик Средней Азии. Киргизию заслуженно называют «среднеазиатской кочегаркой».

Отсталая в прошлом техника постепенно заменялась новой, основанной на широком использовании машин. Если на шахтах № 1 и «Джал» треста «Кызыл-Кияуголь» еще до 1927 г. уголь доставлялся на гору при помощи ворота, приводимого в движение лошадьми, то в настоящее время эти шахты оснащены самой совершенной техникой, причем процесс обновления техники происходит непрерывно. Внедрена комплексная механизация трудоемких процессов. Полностью механизированы отбойка и транспортировка угля. В шахтах работают врубовые и углекопогрузочные машины, электросверла, высокопроизводительные скребковые транспортеры. Откатка угля производится при помощи мощных электровозов. В 1953 г. на шахте 4—4-бис начал работать первый угольный комбайн «Донбасс».

В корне изменились условия труда и быта рабочих-шахтеров. Работая 8 часов в день, шахтеры имеют свободное время для полноценного отдыха, для повышения своего политического и культурного уровня, для общественной деятельности, для воспитания детей. Благодаря росту производительности труда и заботе Советского государства о повышении материального благосостояния трудящихся непрерывно растет заработная плата шахтеров. В соответствии с этим преобразился их производственный и домашний быт³⁴.

Производственный быт шахтеров приспособлен к специфической организации их труда. Многие рабочие, спускаясь в шахту, надевают оставляемый там свой рабочий костюм — «шахтерку». Иногда на шахте остается и шахтерский картуз («каска») с лампочкой («головкой», киргизское название «электра-чырак»). В качестве спецобуви шахтеры надевают резиновые сапоги, иногда «чуни» (поверх носков). На шахте «Джал» выстроена хорошая баня-душевая, в которой рабочие моются после каждой смены. Обычно после душа рабочие переодеваются в чистое белье и одежду³⁵.

Отправляясь на работу в утреннюю смену, киргизы-шахтеры часто берут с собой (когда не хотят есть дома) лепешки с топленым или сливочным маслом и флягу (пиляга) с чаем или кипяченой водой. Перед дневной или ночной сменой шахтер чаще всего плотно обедает или ужинает дома, а затем, отдохнув час-два, идет на работу. К услугам рабочих здесь же, на территории шахты «Джал», имеется столовая, которой пользуются преимущественно холостые шахтеры. Специфические условия подземных

³⁴ Объектом наших наблюдений был главным образом быт киргизских шахтеров, работающих на шахте «Джал» или же на других шахтах, но проживающих в поселке Джал. На шахте «Джал» свыше 15% рабочих составляют киргизы. Они же составляют основную массу населения поселка.

³⁵ Полев. запись № 6, 1950.

работ легко объясняют широкое распространение среди шахтеров-киргизов, а через них и среди шахтеров-русских жевательного табака (насвай), заменяющего обычный табак или папиросы³⁶.

За последние годы на шахте «Джал», кроме новых душевой и «раскомандировки» (помещения, где перед сменой собираются рабочие), построены здания красного уголка и продовольственного и промтоварного магазина. В строительстве культурно-бытовых учреждений на шахте приняли добровольное участие сами рабочие, не пожалевшие свободного времени для улучшения условий своего труда и быта.

Характеризуя производственный быт шахтеров, следует сказать также о расположении на шахте медицинском пункте. Он помещается в небольшом деревянном домике. Здесь работают фельдшер, три медсестры и санитарка. Пункт обеспечен необходимыми медикаментами для оказания быстрой и эффективной медицинской помощи. Ведется постоянная профилактическая работа, направленная на предупреждение профессионального заболевания шахтеров — анкилостомоза.

В настоящее время на шахтах треста «Кызыл-Кияуголь», наряду с русскими шахтерами, составляющими основной контингент рабочих, и местными шахтерами-киргизами, работают узбеки, таджики, татары и другие. Рабочие-киргизы составляют около 12% по отношению ко всему количеству рабочих. Почти 60% киргизских шахтеров работают на шахтах от 1 года до 3 лет, свыше 25% — более 5 лет. На шахте «Джал» в 1950 г. почти 10% рабочих-киргизов имели производственный стаж работы в горнодобывающей промышленности свыше 10 лет. Таким образом, можно говорить о наличии весьма значительного ядра кадровых рабочих-киргизов, для которых труд на шахте стал главным делом их жизни.

За годы советских пятилеток выросло поколение потомственных горняков киргизов. Четыре сына Алима Сайпидинова (ему сейчас 65 лет), работавшего на шахте 10 лет, трудятся здесь же: Аваз — навалоотбойщиком на шахте 4—4-бис (с 1933 г.), Суван — забойщиком на шахте № 1 (с 1935 г.), Ороз — лесогоном на шахте 1—1-бис (с 1944 г.), Тойчу — навалоотбойщиком на шахте «Джал» (с 1948 г.). По стопам отца пошли и сыновья Арзыбая Абдулжапарова. Старший — Кайым с 1946 г. работает крепильщиком, средний — Токтосун после окончания Горного техникума работает горным мастером на руднике Таш-Кумыр, младший — Усен учится в горнопромышленной школе.

Около 55% рабочих-киргизов составляет молодежь в возрасте от 18 до 30 лет, более 35% — люди среднего возраста (от 30 до 50 лет). 23 рабочих имеют возраст свыше 50 лет³⁷.

За последние годы сильно выросло число квалифицированных рабочих-киргизов, обслуживающих механизмы. По данным треста, в феврале 1954 г. имелось киргизов: машинистов проходческих машин — 2, машинистов электровозов — 8, электрослесарей — 22, мотористов — 16, переносчиков конвейеров — 2.

Большой интерес представляют данные о месте рождения рабочих-киргизов треста «Кызыл-Кияуголь». Подавляющее большинство их — выходцы из различных районов Ошской области. Первое место в этом отношении занимает Молотовский район (133), на территории которого расположены предприятия треста, далее следуют соседний Янги-Наукатский (79) и Наукатский (60) районы и г. Кызыл-Кия (47). Остальные рабочие по месту их происхождения распределяются следующим образом: Таласская область — 31, Джалаал-Абадская — 24, Фрунзенская — 21, Тянь-Шанская — 11, Иссык-Кульская — 11. Имеются среди кызыл-кий-

³⁶ Полев. запись № 6, 1950.

³⁷ Приводимые цифры по состоянию на 10.II 1954 г. получены от Управления трестом «Кызыл-Кияуголь».

ских шахтеров-киргизов и выходцы из соседних областей Узбекской ССР: Андиканской, Ферганской и Самаркандской. Следовательно, главная масса киргизов-шахтеров пришла на работу в г. Кызыл-Кия из кишлаков соседних районов Ошской области. В особенности много выходцев из окрестных кишлаков, например, из кишлаков Джальского сельсовета Молотовского района, из с. Караван Янги-Наукатского района и других. Интересно, что из некоторых кишлаков в г. Кызыл-Кия постепенно стянулись небольшие земляческие группы. В более ранний период часть рабочих-киргизов попала на шахты в порядке вербовки из колхозов; некоторое же число рабочих приходило сюда, повидимому, благодаря земляческим, а отчасти и родственным связям.

Подлинно «золотым фондом» кызыл-кайского отряда киргизского рабочего класса следует назвать группу старейших кадровых рабочих-киргизов. Некоторые из них начали трудиться здесь еще до Великой Октябрьской социалистической революции, другие — в 1920-х или в начале 1930-х годов. За плечами многих из них не только по 20—25 лет труда на шахтах, но и тяжелый труд на баев до поступления на шахту. Почти все они — сыновья издольщиков-чайрикёров и бедняков, начали трудиться с 12—13-летнего возраста. Своей новой профессией первые рабочие-киргизы овладевали с помощью кадровых русских горняков Ф. Е. Волчкова, Навайчука и других. Первыми учителями Асана Арыкбаева (работает на шахте «Джал» с 1931 г.) были Иван Абалаков и Алексей Большаков.

Старые горняки окружены почетом и уважением. Их многолетний труд под землей отмечен правительственные наградами — орденами и медалями, почетными грамотами. В связи с переходом части шахтеров на пенсию за ними закреплены в пожизненное пользование занимаемые ими квартиры в домах, принадлежащих тресту. 33 горняка треста «Кызыл-Кияуголь» своей долголетней и безупречной подземной работой на шахтах заслужили право носить нагрудные знаки «Почетного шахтера» и шитые серебром почетные шахтерские мундиры. Среди них передовые представители киргизского рабочего класса Алтымыш Сатыбалдыев (шахта «Джал»), Абдыкадыр Токтобаев (шахта 1—1-бис) и другие³⁸. Повседневной заботой и вниманием окружают Коммунистическая партия и Советское правительство и всю основную ведущую массу шахтеров. Только по тресту «Кызыл-Кияуголь» за последние пять лет орденами и медалями СССР награждено 1437 горняков³⁹; за те же пять лет кызыл-кайским горнякам выплачено за выслугу лет более 22,5 млн. рублей⁴⁰.

Одной из самых ярких фигур среди кызыл-кайских рабочих является Алтымыш Сатыбалдыев, жизненный путь которого типичен для многих кадровых горняков-киргизов. Он родился в 1900 г. в кишлаке Герентшорон (Янги-Наукатский район Ошской обл.). Отец Алтымыша до своей смерти работал издольщиком. В 1914 г., когда наступила засуха, а с ней и голод, отец вынужден был отдать 14-летнего Алтымыша в конские пастухи местному богатею Артыкбаю в кишлак Баргы. Бай обязался платить отцу за труд Алтымыша 100 рублей в год. Через два года молодой батрак перешел к другому баю — Масаитбаю в кишлак Шанкол, у которого первые два года работал табунщиком, а затем в течение двух лет — сапожником. После этого Алтымыш батрачил год у Абджалилбая: ухаживал за скотом, пахал землю. Около года работал поденщиком (мардикёр) в Куве: окучивал хлопок, изготавливая глиняные катыши (гувалак) для кладки стен и т. д. Затем — труд на строительстве железной дороги, возвращение в родной кишлак и снова работа по найму у раз-

³⁸ Газ. «За уголь», 1953, 29.VIII.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

ных баев... Когда умер отец, чтобы похоронить его, пришлось продать лошадь. Бедняк-отец не оставил сыну никакого имущества, кроме полуразвалившейся кибитки.

Из-за своей бедности Алтымыш смог жениться только в 26 лет. В жены он взял девушку из такой же бедной семьи. Оба вступившие в брак были неграмотны и при регистрации брака вместо подписи приложили пальцы. Молодожены поселились в кишлаке Акбаш (Андижанская обл.), где стали работать в качестве издольщиков. Все их «имущество» составляли два чапана Алтымыша, один чапан и одно платье Мастуры, один чугунный кувшин и одна глиняная чашка. Для варки пищи им приходилось занимать посуду у соседей.

В 1927 г. в результате земельно-водной реформы Алтымыш, как и тысячи других безземельных чайрикёров и мардикёров, получил 10 тарапов (тана — около $\frac{1}{6}$ га) засеянной земли, конфискованной у бая, и 400 рублей денег. Вместе с другими бывшими батраками и бедняками он вступил в сельскохозяйственную артель «Ёрнёк», а в 1928 г. в числе 16 человек был выделен артелью на работу в угольной промышленности. Алтымыш с настойчивостью стал овладевать новым делом, учась у кадровых кызыл-кайских шахтеров. Сначала он работал грузчиком, потом стал работать забойщиком. В дальнейшем А. Сатыбалдыев освоил специальность крепильщика очистительных и подготовительных работ, на валоотбойщика, а в 1949 г. закончил курсы горных мастеров. В последние годы А. Сатыбалдыев работал бригадиром проходчиков, горным мастером и крепильщиком. В момент нашего знакомства с А. Сатыбалдыевым в 1950 г. его бригада проходчиков состояла из 9 человек. В ней работали 4 киргиза, 2 русских, 2 татарина и 1 казах. Его бригада являлась своеобразной школой передовиков производства. Многие рабочие с благодарностью говорят о своем первом наставнике⁴¹.

Славный путь прошел А. Сатыбалдыев вместе с молодым киргизским рабочим классом; он был одним из зачинателей движения передовиков производства, активно участвовал в распространении передовых методов труда. В 1947 г. он вступил в ряды КПСС. Советское правительство не раз отмечало его заслуги, награждая его орденами и медалями, а в 1948 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Алтымышу Сатыбалдыеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Рабочие Кызыл-Кия и трудящиеся Ошской области неоднократно избирали его депутатом Верховного Совета Киргизской ССР и Областного Совета депутатов трудящихся. С начала 1954 г. А. Сатыбалдыев расстался со своей работой под землей и перешел на пенсию, продолжая заниматься общественной деятельностью. Сейчас т. Сатыбалдыев — депутат Верховного Совета Киргизской ССР; в феврале 1954 г. он был делегатом VII съезда Коммунистической партии Киргизии.

В г. Кызыл-Кия развернута широкая сеть для подготовки горняцких кадров различной квалификации и профиля. Здесь уже 20 лет существует Горный техникум, имеются Горнопромышленное училище и несколько горнопромышленных школ, большое количество рабочих охвачено техническим обучением через учебный комбинат треста.

В числе 49 окончивших Горный техникум в 1949 г. были первые пять киргизов, получивших среднее специальное техническое образование. В последующие годы количество выпускников-киргизов увеличивалось. В 1953 г. среди 52 выпускников было уже 15 киргизов. В том же 1953 г. техникум впервые выпустил 4 киргиза — маркшейдеров. В настоящее время в техникуме обучается 728 человек, в том числе 296 киргизов (из них 6 девушек). Окончившие техникум направляются на работу как на

⁴¹ О верном сыне киргизского народа А. Сатыбалдыеве рассказывается в книге, посвященной жизни и труду 150 лучших людей угольной промышленности СССР («Шахтеры — Герои Социалистического Труда», Углетеиздат, М., 1949, стр. 594—597).

различные предприятия комбината «Средазуголь», так и на шахты Ка-захской ССР⁴².

На шахтах треста «Кызыл-Кияуголь» из числа окончивших Горный техникум работают 22 киргиза. Среди них 13 горных мастеров, 2 электрослесаря, 2 десятника, 1 механик участка. Д. Карабаев — инженер по технике безопасности, А. Козубаев — помощник начальника шахты № 6, С. Сулейманов — начальник участка ремонтно-восстановительных работ шахты «Комсомольская», С. Мурзаев — помощник начальника участка шахты № 1—1-бис⁴³. Все это новые кадры киргизской технической интеллигенции. Характерен жизненный путь этих молодых командиров производства. Так, например, 24-летний Сайдин Сулейманов родился в

Рис. 1. Герой Социалистического Труда А. Сатыбалдыев с семьей

г. Кызыл-Кия в семье чернорабочего кирпичного завода. Окончив в 1945 г. семилетнюю школу, он поступил в Горный техникум, который закончил в 1949 г. В течение нескольких месяцев С. Сулейманов работал горным мастером, затем помощником начальника участка вентиляции шахты «Комсомольская», а вскоре был назначен начальником этого участка. По словам С. Сулейманова, ему очень помог практик Т. К. Неверов. Дружно и слаженно, рука об руку 4 года работали молодой специалист киргиз и опытный русский рабочий. В настоящее время С. Сулейманов руководит новым для него участком ремонтно-восстановительных работ⁴⁴.

Важным звеном подготовки квалифицированных кадров рабочих и массового технического обучения является учебно-курсовая комбинат. Здесь получили подготовку на шести- и трехмесячных курсах горных мастеров 10 горных мастеров-киргизов, работающих главным образом на шахте «Джал». Один из них — А. Дуванаев — выдвинут в начале 1954 г. на должность помощника начальника участка на этой шахте⁴⁵. В течение 1953 г. комбинатом подготовлены из числа рабочих-киргизов 3 машиниста шахтных электровозов, 1 машинист преобразовательных установок, 1 взрывник, 2 дорожных мастера. 32 рабочих-киргиза повысили свою квалификацию через производственно-технические курсы и школы передовиков производства.

⁴² Полев. запись № 7, 1954.

⁴³ По данным Отдела руководящих кадров треста «Кызыл-Кияуголь» на февраль 1954 г.

⁴⁴ Полев. запись № 8, 1954.

⁴⁵ По данным Отдела руководящих кадров треста.

Организаторская и воспитательная работа партийной организации, общение с русскими рабочими, учеба на курсах и в школах создают предпосылки для увеличения числа передовиков производства. Достаточно привести несколько примеров, чтобы видеть, каких результатов добиваются киргизские рабочие. Беспартийный рабочий — крепильщик шахты 4—4-бис К. Исраилов, имеющий 28-летний стаж работы в горнодобывающей промышленности, в 1953 г. выполнил свой план на 128 %. Его средний месячный заработок, включая вознаграждение за выслугу лет, составлял 2100 рублей. 25-летний стахановец К. Сулейманов, крепильщик шахты «Джал», в 1948 г. окончил школу ФЗО. План 1953 г. он выполнил на 133 %. За отработанные в этом году дни, не считая оплаты по больничным листам и вознаграждения за выслугу лет, К. Сулейманов получил 17 000 рублей⁴⁶.

Вместе с развитием каменноугольной промышленности рос и благоустраивался город шахтеров — Кызыл-Кия. Раскинувшийся между не высокими холмами город состоит из нескольких расположенных близко друг от друга частей — поселков. В его центральной части, которую нередко еще продолжают называть «46-й километр», расположены здания городских советских и партийных организаций и большинство культурно-бытовых учреждений. Вплотную к ней примыкает быстро растущая новая часть города («33-й километр»). С противоположной стороны расположены наиболее старые поселки — «Рудник» и «Джал-кишлак» (последний — на месте старого кишлака Джал). По соседству с городом находятся поселок «Зона» и окраинные поселки возле шахт № 1, № 6 и других. В январе 1952 г. рядом с центральной частью города было начато строительство нового благоустроенного поселка, названного «Январским».

Немало сделано и для благоустройства города. Более крупные поселки озеленены, многие улицы покрыты гудроном, основные поселки связаны между собой автобусным сообщением, в ряде пунктов имеются водоразборные колонки. Все же состояние коммунального хозяйства города еще резко отстает от растущих запросов населения. Ощущается острая нехватка в питьевой воде, не приведены в должный порядок улицы окраинных поселков, нехватает электроэнергии для бытовых нужд.

Строительство первых светлых многоквартирных корпусов для шахтеров началось в городе в 1927 г.⁴⁷. В последующие годы Советское правительство отпускало большие средства на жилищное и культурно-бытовое строительство в г. Кызыл-Кия. В 1952 г. в городе были введены в эксплуатацию 25 жилых домов, здание Горного техникума, три бани. Горняки получили до 2,5 тысяч м² жилой площади⁴⁸. В течение 1953 г. только за счет треста «Кызыл-Кияуголь» было построено и сдано в эксплуатацию около 1700 м² жилой площади; на ремонт жилого фонда было затрачено 854 тыс. рублей⁴⁹.

Широко развернулось в городе также индивидуальное жилищное строительство. Сотни горняков с помощью государства построили себе новые дома. Только за годы четвертой, послевоенной пятилетки в городе возведено 300 индивидуальных жилых домов с общей площадью 8000 м²⁵⁰. В связи с этим следует отметить известную тягу к строительству собственных домов в окраинных поселках, наблюдающуюся среди некоторой части киргизских шахтеров, живущих в многоквартирных домах треста. Основными мотивами, по словам самих шахтеров, является

⁴⁶ По данным Отдела нормирования труда треста «Кызыл-Кияуголь».

⁴⁷ Полев. запись № 6, 1954.

⁴⁸ Газ. «За уголь», 1952, 31.VIII.

⁴⁹ Там же, 1953, 9.XII.

⁵⁰ Там же, 1952, 7.XI.

желание иметь хотя бы небольшой участок земли возле дома под огород или сад, завести корову или мелкий рогатый скот⁵¹.

В настоящее время киргизы-горняки живут в домах, среди которых могут быть выделены три основных типа.

К первому из них относятся многоквартирные жилые дома, принадлежащие тресту (рис. 2). Дома этого типа построены в разное время и различаются по своей планировке и качеству. Более старые дома (их здесь называют «корпусами») имеют от 4 до 10 квартир в каждом.

Рис. 2. Общий вид поселка Джакал (часть г. Кызыл-Кия). На переднем плане многоквартирные дома рабочих

В каждой квартире — две комнаты (одна из них используется под кухню) и прихожая. В некоторых корпусах — коридорная система; здесь каждая семья имеет по одной большой комнате площадью до 30 м². В новых, более совершенных домах имеется по 2—4 квартиры (из двухквартирных домов, например, состоит самый молодой в городе Январский поселок). Каждая квартира состоит из двух просторных комнат, ванной и кухни. К квартире пристроена большая терраса. Такие же террасы, но меньших размеров, можно видеть и в старых домах. Иногда они бывают оббиты досками или застеклены.

Ко второму типу относятся дома, построенные в индивидуальном порядке. Застройщики, как правило, получают от государства ссуду в размере от 5 до 10 тысяч рублей, с рассрочкой на 7—10 лет. При постройке индивидуальных домов шахтеры-киргизы придерживаются рекомендованных типовых проектов. Каждый такой дом состоит из двух комнат, в одной из которых расположена плита; она соединена с обогревателем, выходящим в другую комнату. Первая комната, в которой находится плита и приготавливается пища, носит название «ашкана». В ней в обычное время находится семья, здесь обедают, выполняют различные домашние работы. Вторую комнату называют «катта ўй» (если она большая) или «мейман-каны» (гостиная), иногда «уктай турган ўй» (спальная). Здесь принимают гостей, здесь же спят большинство членов семьи. Площадь этих комнат составляет от 30 до 45 м². Со стороны фасада, обра-

⁵¹ Полев. запись № 10, 1950; № 2, 13, 1954.

щенного во двор, во многих домах пристроена терраса типа айвана, характерная для жилища оседлого населения Средней Азии. В поселке Джал к дому И. Халикова пристроен низкий хлев (малкана), над которым возведено летнее помещение (балакана), своего рода второй этаж. В других случаях хозяйственные постройки размещены во дворе. Здесь же расположена глинобитная печь (тандыр) для выпечки лепешек, установленная на подставке, сколоченной из брусьев и досок (см. рис. 6). Рядом — очаг, на котором летом готовят пищу.

Такие дома возводят из сырцового кирпича, иногда на фундаменте. Стены с обеих сторон имеют глиняную обмазку; внутри дома они всегда побелены. Крыши в большинстве случаев двускатные, покрыты шифером. В каждой комнате имеется по два, а нередко и по три окна. В домах сохраняется такая национальная особенность, как ниши в стенах (такча), используемые для складывания постельных принадлежностей, размещения посуды и т. п. Обычно в первой комнате имеется одна-две ниши, во второй (гостиной) три ниши, расположенные в стене против входа. Потолки, как правило, отделаны фанерой и покрашены, полы — деревянные. Высота комнат не менее 3 м.

Несколько отклоняется от описанного типа построенный трестом дом Героя Социалистического Труда А. Сатыбалдыева. Здесь особенности, свойственные новым индивидуальным домам, сочетаются с некоторыми усовершенствованиями, применяемыми при строительстве новых двухквартирных домов. В доме имеются две большие комнаты, корridor, кухня, ванная и застекленная веранда; оборудован водопровод (рис. 3). Ниши в стенах отсутствуют⁵².

Дома третьего типа встречаются преимущественно в районе прежнего кишлака Джал, гораздо реже — в других частях города. В таких же домах до сих пор продолжает жить основная масса киргизов — колхозников соседних районов. Это — крестьянское жилище, полностью сохранившее свой традиционный облик. Новых домов этого типа уже не строят, часть старых домов идет на слом. С каждым годом их становится все меньше, но они еще не потеряли своего значения одного из видов жилья киргизских горняков. Стены этих домов сложены из круглых глиняных катышей (гувалак) или из сырцовых кирпичей; внутри дома сделано много ниш разных размеров. Крыша — земляная, плоская или плоскодвускатная. Полы большей частью также земляные; в некоторых домах более половины помещения занимает глинобитная площадка (супа) высотой до 30—40 см. Встречаются дома, состоящие из двух комнат. Отдельные дома имеют небольшие пристройки в виде террасы, типа айвана. Они служат местом летнего времяпрепровождения членов семьи. Здесь обязательно стоит широкая деревянная кровать-помост (калават или сери) иногда — столик. Для приготовления пищи в стене айвана имеется очаг-камин (моору) общеферганского образца. В помещении устроен такой же очаг с дымоходом в стене, выходящим на крышу, или плита. Во многих домах этого типа сделаны теперь обычные окна, но встречаются еще дома, в которых сохраняются маленькие оконца, расположенные почти под потолком (см. рис. 4).

Национальные особенности быта кызыл-кайских шахтеров-киргизов ярко выступают в убранстве и меблировке жилища. Эти особенности одинаково характерны для жилища и рядового шахтера и инженерно-технического работника. Важнейшие черты убранства киргизского крестьянского жилища, характерные для тех районов Ошской области, в которых уже издавна наблюдается тесное взаимодействие между киргизским и узбекским (а отчасти и таджикским) населением, перенесены без существенных изменений в жилище горняка-киргиза. Предметов.

⁵² Полев. запись № 4. 1950.

представленных в прошлом в юрте киргиза-кочевника, здесь крайне мало, так как киргизское население окружающих г. Кызыл-Кия районов в значительной своей части давно перешло к оседлому быту.

A

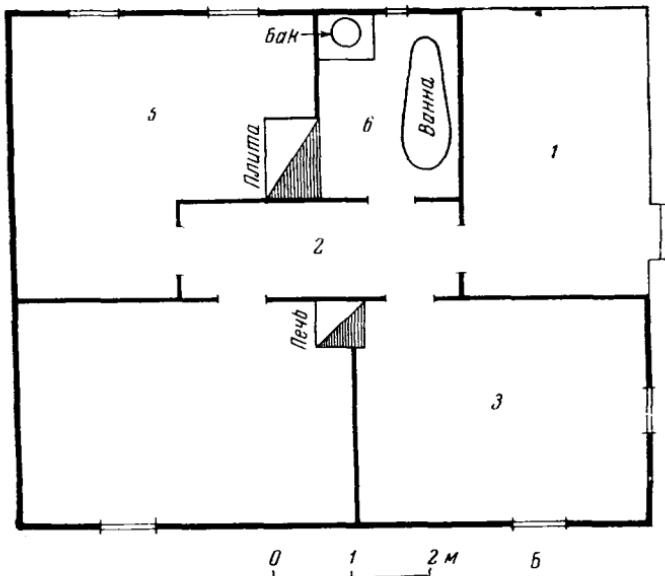

Рис. 3. Новый дом Героя Социалистического Труда А. Сатыбалдыева: А — внешний вид; Б — план: 1 — застекленная веранда, 2 — коридор, 3 и 4 — жилые комнаты, 5 — кухня (ашкана), 6 — ванная (морчокана)

В доме обязательно наличествует традиционная стопка постельных принадлежностей (джүк), сложенных в нишах противоположной от входа стены. Здесь свернуты одеяла (их бывает до полутора десятков и более), подушки двух типов — длинные (джастык) и небольшие (балыш), длинные узкие мешки для мягких вещей с узорной ковровой лицевой стороной (чавадан), сложенные паласы и т. п. Большим разнообразием отличаются наволочки для подушек, в украшение которых кир-

гизские женщины вкладывают много художественной выдумки. Благодаря этому «джёк» имеет очень яркий и красочный вид. Часто джёк покоятся на небольших деревянных сундуках, обитых жестью, или на чемоданах. Сундуки разных размеров иногда стоят в комнате отдельно. Нередко встречается низкий продолговатый шкаф с раздвижными створками (джаван). Пол застилается паласом, сшитым из узких тканых полос, нередко с узором (таар или шалча). Они изготовлены преимущественно из хлопчатобумажных ниток. В некоторых домах пол застелен войлоком, иногда узорным (алакийиз). На войлок или палас кладут стеганные на вате подстилки (тёшёк).

Устойчиво сохраняется и такая традиция народного быта, широко распространенная среди населения Ферганской долины, как размещение различных видов посуды в затейливом порядке на полках в нишах. Большие блюда (чыны-тавак) и тарелки ставятся на ребра прислоненными к стенке. На поставленные в ряд и перевернутые вверх дном большие пиалы (чыны-пиала) ставятся маленькие пиалы или фарфоровые чайники. Здесь же стоят более крупные чайники. Как пиал, так и чайников бывает нередко до десятка. На других полках располагаются глиняные чашки (таш-кäсä), глубокие глиняные блюда (таш-läгän), эмалированные и алюминиевые миски (тавакча) и другая посуда. В некоторых домах можно видеть по нескольку подносов, висящих на стене. Такая «выставка» посуды рассматривается как украшение. Среди утвари встречается немало других предметов местного происхождения, служащих для приготовления плова, лепешек и других видов пищи, для хранения муки, соли, урюка и т. п. В домах пожилых шахтеров почти всегда имеется национальный музикальный щипковый инструмент (комуз).

Традиционное убранство жилища в той или иной мере сочетается с элементами новой городской культуры, воспринятыми благодаря повседневному общению с русскими рабочими. Во многих квартирах горняков имеются металлические кровати, нередко с сетками, зеркала, часы-ходики, швейные машины. Встречаются столики, табуреты и стулья. Интересна следующая деталь: в нескольких домах столы покрыты кружевной скатертью, а поверх нее — kleenкой, т. е. точно так же, как в квартирах русских рабочих. На окнах обычно имеются белые занавески, дополняемые иногда кружевными занавесками на оконных проемах. В отдельных домах портьеры или занавески висят и на дверях. Из предметов культурного обихода бросаются в глаза радиопропекторы, патефоны, радиоприемники, книги и т. п. На стенах, в рамках под стеклом, висят семейные фотографии.

Подавляющая масса квартир и домов горняков электрифицирована. Дома отапливаются углем, который бесплатно отпускается и доставляется горнякам в количестве от 300 до 500 кг в месяц.

Своеборзную черту, присущую вообще новым квартирам не только некоторых киргизских рабочих, но и киргизской интеллигенции, можно наблюдать в описанном выше доме А. С. Сатыбалдыева. Это — наличие наряду с комнатой, обставленной современной мебелью, комнаты, в обстановке которой сохраняется традиционный стиль. В первой комнате, кроме двух столов (один из них обеденный) и четырех полумягких стульев, имеется шифоньер и никелированная кровать. Кружевые скатерти, покрывало с подзором на кровати, полоса цветного ситца над кроватью свидетельствуют о желании украсить эту комнату. На стенах — почетные грамоты и фотографии в рамках, плакаты. На окнах — белые полотняные занавески. Во второй комнате из мебели имеется только одна кровать. Все остальное — джёк на сундуке, постланный на полу войлок с подстилкой-ковриком, комуз и т. п. — характерно для традиционной обстановки киргизского дома. Гостей и посетителей — русских А. Сатыбалдыев принимает в первой комнате. Здесь же занималась дочь-школьница. Во второй комнате происходят встречи с посетите-

лями и гостями — киргизами. Таким образом, здесь можно видеть особую форму сочетания национальных особенностей с русской городской культурой.

В одежде шахтеров-киргизов преобладают формы, характерные для городского костюма, но часто наряду с ними бытуют предметы традиционной одежды. Так, не только пожилые рабочие, но и некоторые молодые наряду с пальто носят в качестве верхней одежды стеганный на вате халат (чапан) общеферганского типа, на голову надевают тюбетейку «чустского» типа (черную с белой вышивкой). Поверх чапана обычно

Рис. 4. Шахтерское жилище старого типа

опоясываются одним или несколькими цветными платками, иногда шелковыми (шайы чаарчы или белбаг). Пожилые рабочие нередко носят также рубаху киргизского покрова и мягкие сапоги без каблука (масты) с так называемыми «азиатскими» галошами.

В одежде членов семей шахтеров — женщин и детей — преобладают традиционные формы. По существу обиходный костюм женщины шахтера почти не отличается от костюма колхозницы из ближайшего кишлака (рис. 5). Это та же длинная и широкая рубаха-платье, со стоячим или отложным воротником и широкими рукавами, неизменно яркой расцветки, короткая безрукавка (кэмзир) с обильно нашитыми на нее у молодых женщин и девушек серебряными или перламутровыми пуговицами, жакет (кäстюм), шаровары, чапан. На голову надевают платки, иногда шелковые косынки с бахромой (оромолчо). Девушки и некоторые молодые женщины заплетают волосы в большое число тонких косичек. Все они носят те или иные украшения, нередко довольно многочисленные: серебряные серьги, браслеты и кольца, ожерелья из стеклянных бус (нäзик), из кораллов (мончок). У большинства женщин обувью служат мягкие сапожки с галошами. Повышение материального благосостояния шахтеров отражается на качестве одежды. Женщины и девушки обязательно имеют шелковые платья, преимущественно из шелка местной выработки (ошского или маргеланского), многие шьют себе пальто из плюша или бархата (бакмал).

Вырабатывается новый тип национальной одежды, сочетающий элементы городского и традиционного киргизского костюма.

Неизмеримо улучшился по сравнению с прошлым пищевой режим рабочих семей. На столе кызыл-кийского шахтера теперь стали обычны-

ми мясные блюда — плов (палов), мясной суп с картофелем, луком и морковью (шорпо), рисовая каша с мясом (шоуля), жареное мясо (куурма), сваренные в воде пельмени (чучвара) и другие. В ходу жареный картофель (иногда с мясом), яичница (куймак), суп с лапшой (ыстыкаш). Нередко в чашку с супом кладут мелко накрошенную лепешку. Мясные супы предпочитают есть зимой. Зимой же охотно пьют слабоалкогольный напиток из проса или джугары (бозо). В летнее время в рационе семьи обычными являются фрукты, дыни.

Хлеб покупают редко. Обычно его выпекают сами в виде лепешек (рис. 6). Кроме обыкновенных лепешек, пекут тонкие блины в масле (чаваты), слоеные лепешки (каттама), излюбленное национальное печенье (боорсок). Все эти печенья едят главным образом с чаем. Чая пьют много, преимущественно черного. Кроме лепешек, к чаю подают сахар, конфеты, топленое или сливочное масло.

Продукты покупают или в магазине, или на базаре (в поселке «Рудник» есть свой маленький базарчик). Некоторые семьи, имеющие индивидуальные дома и при них — небольшие участки (от 0,04 до 0,08 га), выращивают собственные овощи и фрукты, пре-

Рис. 5. Жена шахтера Джакына Усманова — Суксур в тридцатилетней одежде

имущественно помидоры и лук, урюк, персики, яблоки, иногда в небольшом количестве виноград. Домашних животных держат немногие; это козы, овцы, коровы. В прошлом желание обеспечить потребности семьи в самом важном продукте — хлебе — обуславливало наличие у многих шахтеров-киргизов небольших богарных посевов пшеницы. Они располагались на свободных городских землях, прилегающих к окраинным поселкам. Эти посевы увеличились в военное время; после войны они резко сократились, но некоторые семьи киргизских шахтеров имеют их и сейчас: сказывается то обстоятельство, что многие рабочие-киргизы в недавнем прошлом были дехканами, колхозниками.

Тесные родственные связи, существующие между многими рабочими семьями и семьями колхозников, поддерживаются путем систематических поездок членов семей рабочих, в частности жен шахтеров, в колхозы и приездов родственников из колхозов в город. Некоторые шахтеры-киргизы проводят в колхозах вместе с семьями летний отпуск. Приезжающим погостить из колхозов родственникам принято делать подарки (женщинам обычно отрез на платье). Некоторые рабочие, имеющие личный скот, иногда передают его на временное содержание своим родственникам-колхозникам.

Поддержанию родственных связей с окружающим сельским населением способствуют браки. Большинство шахтеров женится на девушках из колхозов Молотовского, Янги-Наукатского и Наукатского районов. При этом можно еще заметить тенденцию к сохранению традиционного порядка, согласно которому жену можно было брать лишь из другого родового подразделения.

Большую роль при выборе невесты для молодого шахтера играют

юдители; нередко эта роль бывает решающей. Так, А. Сайпидинов сам выбрал жен для четырех своих сыновей. Один из них — Суван сказал: «Пока у отца глаза есть — он выбирает нам жен; если ему нравится девушка, а мне не нравится, все равно я должен подчиниться»⁵³. Основную причину решающей роли родителей и старших родственников в вопросах вступления в брак надо видеть в известной живучести патриархальных традиций, от которых еще не успели освободиться некоторые рабочие

Рис. 6. Выпечка лепешек в хлебной печи „тандыр“

семьи. Подтверждением этого служит такой пример: после смерти первой жены одного из наших информаторов-шахтеров его мать и другие родственники сами договорились относительно брака его с дочерью родной сестры его покойной жены. Он подчинился этому решению, хотя был уже в зрелом возрасте⁵⁴. Этот брак был живым отголоском старого обычая, согласно которому вдовец имел преимущественное право на брак с сестрой или близкой родственницей покойной жены. Совершенно очевидно, что такого рода явления носят временный, преходящий характер, они обречены на постепенное изживание.

В киргизских шахтерских семьях, как правило, осуществляется принцип полного равноправия в имущественных отношениях между членами семьи; нередко хозяйке дома даже принадлежит решающее слово при обсуждении хозяйственных вопросов. Заработанные шахтерами деньги обычно хранятся у их жен или матерей. Поскольку жена ведет хозяйство, она сама расходует деньги, производит необходимые покупки. Только при покупке ценных вещей жены советуются с мужьями. В большинстве семей горняков можно наблюдать подлинно дружеское отношение между мужем и женой. Жены шахтеров-киргизов, в отличие от прежнего, держат себя в семье уверенно, с сознанием своего достоинства.

Одной из ярких черт семейного быта кызыл-кийских горняков являются радушие и гостеприимство. Взаимные посещения соседей, родственников, друзей по работе — обычное в их быту явление. Ни один человек, зашедший в семью шахтера, не будет отпущен, пока его не угостят. Среди друзей Сайдина Сулейманова — горный мастер Геннадий Безродный, механики Мамат Утанов и Владимир Каплин, десятник Миргияз Ханипов (татарин), студент Горного техникума Топчу Акматов и другие. Они

⁵³ Полев. запись № 3, 1954.

⁵⁴ Полев. запись № 2, 1950.

бывают друг у друга, часто вместе посещают кинотеатр, концерты во Дворце культуры, делятся своими знаниями, опытом. Находящийся среди молодых кызыл-кайских горняков особенно заметно ощутит пустившие глубокие корни чувства интернациональной дружбы и товарищества. В этом также сказывается плодотворное влияние русского рабочего класса.

Много внимания и забот уделяется детям. Маленьким детям покупают сладости, игрушки. Следует отметить, что и в рабочих семьях еще держится старая традиция отдавать первого или второго ребенка на воспитание старикам-родителям. Соблюдаются и некоторые другие обычай, в частности, связанные с рождением ребенка. Так, А. Козубаев устроил по случаю рождения своего сына Джамалетдина угожение, называемое «бешик-той» (его приурочивают к тому моменту, когда ребенка в первый раз кладут в колыбель). Были приглашены родственники и соседи — женщины и мужчины; каждый принес какой-нибудь подарок: тюбетейку, материал на рубашку и т. п.

Интересно, что шахтеры-киргизы отдают своих детей не только в киргизские, но и в русские школы. Сын К. Исраилова, семилетний Муктар, учится в русской неполной средней школе № 1. Вместе с ним учатся еще пять киргизских мальчиков и девочек — дети крепильщика С. Исмаилова, навалоотбойщика Ы. Акбаралиева, инвалида труда М. Сапарова и других. Сын А. Арыкбаева, шестилетний Гюльджигит, сам просит, чтобы его отдали в русскую школу, и отец собирается это сделать.

Молодому поколению шахтеров предоставлены все условия для всестороннего развития их духовных и физических способностей. В г. Кызыл-Кия, кроме названных выше специальных учебных заведений, имеются две средние, три неполные средние и одна начальная школа, в том числе киргизская средняя школа № 2, а также две школы рабочей молодежи⁵⁵. Число учащихся в городе по сравнению с 1940 г. увеличилось в три раза. Прямыми следствием этого является растущая образованность рабочих. Среди шахтеров треста «Кызыл-Кияуголь» более 30% имеют семилетнее, среднее и среднее техническое образование⁵⁶.

В городе ведется большая культурно-просветительная работа. Кызыл-кайские шахтеры заслуженно гордятся своим Дворцом культуры (рис. 7). Во Дворце имеются лекционный зал на 150 мест, библиотека с читальным залом, спортивный зал, зрительный зал на 500 мест и фойе, партийная библиотека, детский сектор с библиотекой, технический кабинет, комнаты для духового оркестра, художественной самодеятельности, курсов кройки и шитья, шахматно-шашечный клуб, биллиардная. Рядом с Дворцом находится летний кино-театр на 650 мест, используемый также под концерты и гастрольные спектакли. Над кинотеатром укреплены красные звезды, внутри которых имеются лампочки, крупные звезды — по количеству шахт, мелкие — по количеству участков. Вечером звезды шахт и участков, выполнивших суточный план добычи угля, загораются ярким светом, наглядно демонстрируя успехи передовиков. Кызыл-Кия имеет свой парк и стадион.

При каждой шахте и в общежитиях работают библиотеки. В городе выходят две газеты: «За уголь» (издается с 1922 г.) и «Көмүр учун» (на киргизском языке). Почти каждая шахтерская семья выписывает местную газету, а многие семьи получают республиканские и центральные газеты и журналы. Некоторые рабочие-киргизы выписывают газеты на русском языке, мотивируя это тем, что их «легче читать». Повседневно общаясь с русскими рабочими, киргизы настолько усвоили русскую политическую и производственную терминологию, что воспринимать ее в кир-

⁵⁵ Газ. «За уголь», 1953, 5.XII.

⁵⁶ Газ. «За уголь», 1952, 7.XI.

гизском тексте им труднее. В книжном магазине имеется большой выбор литературы. Книги на киргизском языке покупают главным образом студенты и молодые рабочие. Хорошо расходятся стихи и песни киргизских поэтов. Среди шахтеров ведется большая лекционная работа. Многие киргизские шахтеры-коммунисты занимаются в политшколах и в кружках сети партийного просвещения или повышают свой идеино-политический уровень самостоятельно.

Следует отметить, что г. Кызыл-Кия как крупный экономический и культурный центр играет организующую и ведущую роль в жизни сосед-

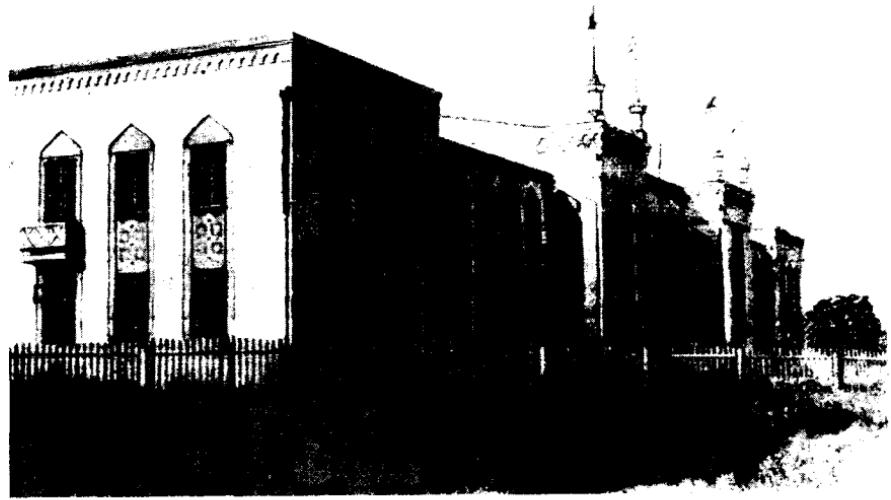

Рис. 7. Дворец культуры профсоюза углящиков

них районов. Работники Кызыл-Кийского Горкома партии систематически выезжают в районный центр (с. Молотовабад) и в соседние кишлаки Молотовского района для чтения лекций. Коллективы шахт шефствуют над колхозами, оказывая им практическую помощь в выполнении решений партии и правительства о развитии сельского хозяйства. Горняки шахты 4—4-бис, шефствующие над колхозом им. Куйбышева (Янги-Наукатский район), посыпают в колхоз бригаду для помощи в сборе хлопка. В механических мастерских шахты по просьбе колхоза были выполнены кузнецкие и сварочные работы, изготовлены кроватки для детских яслей. Рабочие шахты ремонтировали в колхозе сушилки, конюшни, кошары⁵⁷.

Население города обеспечено квалифицированной медицинской помощью. Кроме шахтных медицинских пунктов, имеются городская объединенная больница и поликлиника, женская и детская консультации, пункт скорой помощи, снабженный автомашиной, и т. п. Шахтеры широко пользуются предоставленной им советской властью возможностью лечиться и отдыхать в санаториях и домах отдыха. Только за 1953 г. 606 шахтеров провели свои отпуска в домах отдыха, на местных и центральных курортах. Почти все путевки для шахтеров — льготные (шахтеры оплачивают лишь 30% их стоимости), значительный их процент — бесплатные. Начальник участка С. Сулайманов побывал в 1950 г. на Рижском взморье, р. 1953 г. — на курорте Иссык-ата (возле г. Фрунзе); навалоотбойщик А. Арыкбаев в 1950 г. лечился по льготной путевке в Кисловодске.

⁵⁷ Газ. «За уголь», 1953, 25.XI.

Духовный облик молодого киргизского рабочего класса замечательным образом раскрывается в разносторонней политической и общественной деятельности передовых кызыл-кайских шахтеров-киргизов. Воспитанные одной из старейших организаций Коммунистической партии Киргизии, кызыл-кайские горняки выдвинули из своей среды немало государственных деятелей, партийных работников, видных участников социалистического строительства в республике на различных его участках. Бывший кызыл-кайский шахтер, уроженец с. Кызыл-булак Молотовского района Ошской области Т. Кулатов возглавляет ныне высший орган власти в республике — Президиум Верховного Совета Киргизской ССР. Киргизский народ избрал его одним из своих депутатов в Верховный Совет СССР. Одновременно с ним избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР старейший крепильщик шахты № 4—4-бис К. Исраилов. Избиратели Молотовского избирательного округа единодушно голосовали за К. Исраилова — скромного беспартийного труженика, отдавшего 28 лет своей жизни работе в горнодобывающей промышленности, учителя многих молодых шахтеров. Среди кызыл-кайских шахтеров работает делегат VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов, утвердившего в ноябре 1936 г. Советскую Конституцию, — А. Арыкбаев. Он — один из видных общественных деятелей, не раз избиравшийся в руководящие республиканские и местные партийные и советские органы, ныне член Кызыл-Кайского Горкома КП Киргизии. Выше уже говорилось о выдающейся общественной деятельности Героя Социалистического труда А. Сатыбалдыева, которого знают далеко за пределами г. Кызыл-Кия. Старыми общественными работниками являются К. Мусафиров и И. Халиков — депутаты Кызыл-Кайского горсовета. Не отстает от них и молодое поколение горняков. Вместе с воспитанником Горного техникума Э. Масайтовым в аппарате Горкома КПСС работает молодой техник А. Асанов. А. Козубаев в 1950 и 1954 гг. работал членом участковой и окружной избирательных комиссий по выборам в Верховный Совет СССР, а в 1952 г. выезжал в составе делегации в г. Красноярск для проверки выполнения социалистического договора с коллективом «Хакасугля». Так славные традиции кызыл-кайских горняков, их высокое сознание своего общественного долга, выработавшееся в совместном труде с русскими рабочими, передаются из поколения в поколение.

На примере кызыл-кайских шахтеров киргизов можно видеть, как складывался киргизский рабочий класс, каких больших успехов он добился. Он вырос и сформировался в условиях советского государственного и общественного строя, в процессе оформления киргизской социалистической нации.

Кызыл-кайский отряд киргизского рабочего класса сложился в сравнительно короткий срок (что имеет весьма существенное значение); он вырос из трудовых масс киргизского крестьянства, в городе, имеющем плотное, относительно давно перешедшее к оседлости киргизское крестьянское окружение. Результатом этого является сохранение в быту кызыл-кайских горняков-киргизов многочисленных традиционных особенностей; однако, их не следует смешивать с отдельными отрицательными пережитками прошлого, которые в силу некоторого отставания сознания людей еще не изжиты полностью в быту известной части семей шахтеров.

Прогрессивные, передовые черты в жизни, в труде, в быту киргизских шахтеров являются результатом неустанной воспитательной и организаторской работы Коммунистической партии, благотворного влияния великого русского народа, русского рабочего класса. Именно это и определяет действительность и светлое будущее кызыл-кайских горняков-киргизов.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

О. НАГОДИЛ, Я. КРАМАРЖИК

О НЕКОТОРЫХ ИДЕАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЯХ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ЭТНОГРАФИИ В ПЕРИОД 1920—1940-х гг. *

В последние годы, особенно со времени первой республиканской этнографической конференции, состоявшейся в январе 1948 г., чехословацкая этнографическая наука значительно шагнула вперед, но все же некоторые исследователи еще остаются в плену буржуазных теорий, особенно теории «сниженной культуры», «функционально-структурального» метода, школы «культурных кругов» и, наконец, так называемой пекаржевщины. В основе всех этих теорий лежит упадочная идеология разлагающегося капитализма, для них характерно пренебрежительное отношение к трудающимся массам, к их прогрессивным традициям, к их культуре вообще.

Некоторые чехословацкие ученые считают, что появление этих теорий в этнографии обусловлено реакцией на предшествующие течения. Эти ученые провозглашают необходимость ревизии романтических взглядов на народную культуру, но они при этом упускают главное — что капиталистическое общество в эпоху империализма порождает реакционнейшие учения, призванные защитить капиталистический строй, пошатнувшийся под ударами революционного движения пролетариата.

Возникновение этих глубоко реакционных течений в этнографической науке падает на последнее десятилетие минувшего века. Буржуазная этнография стремилась доказать, что так называемые «высшие слои» являются ядром нации, что только они — носители национальной культуры и что народная культура является лишь отражением культуры этих «высших слоев».

Эти взгляды впервые и наиболее ясно были сформулированы в 1905 г. этнографом Э. Гоффманом-Крайером в его лекции «Die Volkskunde als Wissenschaft» (Zürich, 1905). Слова «народ не творит, но воспроизводит» сделались кредо многих буржуазных ученых, и последние пытаются привести все возможные аргументы в пользу этой «теории».

* Настоящая статья является сокращенным изложением одной из глав совместной работы чехословацких этнографов О. Нагодила и Я. Крамаржика (O. Nahodil — J. Kramářík, J. V. Stalin a národopisná věda. Prispěvky k diskusi o díle «Marxismus a otázky jazykovědy», Praha, 1952). Статья эта, направленная против идеалистических течений 1920—1940-х годов, и в настоящее время сохраняет свою актуальность, так как пережитки идеалистических взглядов не изжиты окончательно в работах некоторых представителей чехословацкой этнографии.— Ред.

Более определенно оформились взгляды сторонников «культурного бесплодия народа» после первой мировой войны. Великая Октябрьская социалистическая революция пошатнула господство капиталистической системы. Буржуазия понимала, что для сохранения капиталистического строя необходимо мобилизовать все силы, в том числе и науку. В этнографии буржуазия нашла широкое поле для пропаганды своих антинародных идей. Главным теоретиком идеи «культурного бесплодия народа» стал немецкий этнограф Ганс Науманн. Он выдвинул так называемую теорию «сниженной культуры», согласно которой культура народа, или, как заявил Науманн, культура «низших слоев», является лишь отблеском культуры «высших слоев». В своих работах, главным образом в «Grundzüge der deutschen Volkskunde» и в «Primitive der Gemeinschaftskultur» он, искажая факты, пытается доказать, что почти все в жизни народа представляет собой «сниженную культурную ценность» (*gesunkenes Kulturgut*). Науманн утверждает, что «низшие слои» вообще неспособны развиваться, что масса остается «постоянно примитивной»¹ и что «примитивный человек», под которым Науманн подразумевает представителя трудящихся масс, является «социально связанным стадным животным»². Неудивительно, что науманновская теория была одной из наиболее ходких в гитлеровской Германии. Духовными предками Науманна были Ницше, Шопенгауэр, а также Леви-Брюль.

В Чехословакии теория «сниженной культуры» пустила корни не сразу. Чешская буржуазия в условиях Австро-Венгерской монархии не могла выступить с резко антинародной теорией, так как в своей национальной борьбе она опиралась на трудящиеся массы, нуждалась в них. Но почва для подобных теорий готовилась, и после возникновения Чехословацкой буржуазной республики они быстро всплыли на поверхность.

С самого начала существования буржуазной Чехословацкой республики в ней непрестанно обострялись классовые противоречия. Успехи СССР — первого в мире социалистического государства воодушевили трудящиеся массы Чехословакии; возникновение коммунистической партии ознаменовало новую эпоху в истории чехословацкого рабочего движения, эпоху решительной борьбы за свержение капиталистического строя. Буржуазия не только вооруженной рукой, но и под прикрытием так называемой «объективной науки» провозгласила войну всему, что подрывало ее разрушающееся господство,— войну трудящемуся народу, прогрессивным национальным традициям. Эти традиции были объявлены «романтическими вымыслами», «романтическим бредом», которые современность должна отбросить якобы для того, чтобы иметь возможность прийти к правильным взглядам.

Концепции «культурного бесплодия народа» к концу 1920-х годов широко проявились в истории изобразительного искусства. Так, в публикации «Искусство чехословацкого народа» (Прага, 1928) на стр. 5, целиком в соответствии с теорией Науманна, говорилось: «Параллельно с развитием монументального чехословацкого искусства развивался до недавнего времени опаздывающий во времени и стиле другой слой искусства — слой так называемого народного искусства». В следующем году в центральном этнографическом журнале — «Этнографический вестник чехословацкий» — была опубликована статья искусствоведа В. Менцла³, в которой автор провозглашал, что народное искусство является лишь отражением городской культуры — единственного источника развития, что народное искусство — явление не самостоятельное, а существующее за счет «монументального стиля». «Народное искусство,— писал Менцл,—

¹ H. Naumann, *Grundzüge der deutschen Volkskunde*, Leipzig, 1929, стр. 56.

² Там же, стр. 58.

³ V. Mencl, *Lidové umění výtvarné*, «Národopisný věstník českoslovanský», XXII, Praha, 1929, стр. 112—142.

вляется многообразной и анонимной копией стильного искусства, не имеющей собственного развития. Этой копией народ на основе врожденной изобретательности приспособил искусство либо к своей более примитивной культуре, либо к своему экспрессионизму и зрительному чувству. Внешними признаками этой копии являются красочность, декоративность, недопонимание тектоники и пространства, интимность и отставание во времени по сравнению со стилем искусством». Приходится сожалением констатировать, что автор сохранил их до сегодняшнего дня.

Вскоре теория «сниженной культуры» получила распространение среди этнографов. Ее приняли и те исследователи, которые еще недавно занимали противоположные позиции. Так было, например, с И. Выдрой, автора которой «Верхняя граница изобразительных форм народного искусства»⁴ полностью отражала взгляды Науманна.

Академическая «ученость», оторванность от народа, холодное интеллектуальное отношение к жизни, пустое позерство характеризуют эти работы, пестрящие невразумительными «учеными» фразами. К счастью, они не получили, да и не могли получить распространения среди трудающихся масс. Однако они сильно повлияли на значительную часть интеллигенции своим космополитизмом — ведь отрицание ценности народной культуры является, собственно, отрицанием и самой культуры нации, ее прогрессивных традиций, почерпнутых именно из народной культуры. Под влиянием этих теорий оказались и исследователи, пытавшиеся критически анализировать материал, как, например, И. Ф. Свобода.

Последователи Науманна часто утверждают, что их метод историчен, что они базируются на историческом материале, что лишь посредством изучения истории так называемого «высокого искусства» можно правильно понять и толковать народное искусство. По их мнению, народный костюм, например, является отражением исторически создавшихся мод, народная архитектура это преображеная монументальная архитектура, отставшая во времени, и т. д. При ближайшем же рассмотрении становится ясным, что этот «историзм» науманновцев не имеет ничего общего с подлинным историзмом.

Рассматривая вопрос о так называемом «заимствовании высокого искусства», мы убеждаемся, что оно встречается не среди широких масс трудящегося крестьянства, а лишь среди его зажиточных слоев, которые поручали городским ремесленникам строить каменные дома в стиле барокко, носили дорогие украшения и костюмы городского образца, чтобы таким образом и внешне отличаться от более бедных слоев населения. Такое положение возникает на склоне феодализма, особенно в конце XVIII в., когда капиталистические отношения начинают заметно проникать в деревню. Наряду с этим продолжает существовать и развиваться самостоятельная культура широких масс крестьянства и рабочего класса, в своей устной традиции классово направленная против эксплуататоров. Если бы науманновцы действительно исторически рассматривали этнографический материал, если бы они действительно критически изучали экономические отношения, они никогда не пришли бы к своим антинаучным выводам.

В прошлом чехословацкая этнография занималась изучением быта и культуры прежде всего кулачества и городских ремесленников⁵. Это облегчало сторонникам теории «сниженной культуры» возможность давать искаженную картину народной культуры, не имеющую ничего общего с действительной характеристикой культуры широких народных масс.

⁴ «Národopisný věstník českoslovanský», Praha, 1930, стр. 133—138.

⁵ См. И. А. Калоева, Этнографическая работа в демократической Чехословакии, «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 194—199.

Другим буржуазным направлением в этнографии является так называемый «функционально-структуральный» метод, который распространился в Чехословакии в 1930-х годах и является еще более опасным уже потому, что сторонники его скрываются за демократическими фразами, кичатся своей «диалектикой» и утверждают, что «функциональный структурализм является научно обоснованным методом, который так же оправдан, как диалектический и исторический материализм»⁶.

В работах советских этнографов ясно показано, насколько опасен этот метод, являющийся составной частью функционализма Б. Малиновского и холизма Ж. Смэтса и служащий инструментом порабощения колониальных народов империалистическими захватчиками. Как пишет советский автор И. И. Потехин, функциональная школа представляет собой «отвратительный синтез всего отсталого, реакционного и антинаучного из всей предшествующей этнографии и социологии в целом. Она выбрасывает из наследства все, что было в нем положительного, прогрессивного, и сохраняет все реакционное: биологизацию общественной жизни в духе Спенсера и Бастиана, расизм в его утонченных и поэтому более всего опасных англо-саксонских формах, крайний антиисторизм и т. п. Функциональная школа представляет собою полный разрыв с наукой; это антинаучная реакционная школа»⁷.

На что опирается функционализм в этнографии и к каким выводам пришла так называемая функционально-структуральная школа в Чехословакии?

Главной особенностью функционализма в этнографии является его полнейшая антиисторичность. Это и естественно: буржуазия, видя конец своего господства и пытаясь всеми средствами его сохранить, выдвигает такие теории, которые отрицают законы исторического развития, ограничиваются формалистическим изложением изменений в обществе или просто отрицают закономерность этих изменений. Известный расист фельдмаршал Смэтс так излагает свое учение — холизм. Согласно Смэтсу, организм (и организм общественный) представляет собой некую целостность, которая не является простой совокупностью частей, но чем-то высшим. Каждая часть выполняет определенную функцию, задача которой вытекает из того, в каком отношении находится часть к целому. Целостность — не что иное, как «структура функций»; она связана с прошлым и будущим, хотя в ней не содержится ни прошлого, ни будущего, а лишь настоящее. Новое не познаемо на основе познания старого. «Структура функций» находится в состоянии подвижного равновесия; она может быть выведена из равновесия только толчком извне. Эта теория, примененная к изучению колониальных народов, приводит к выводу о том, что колониальные страны и империалистические государства составляют якобы также некую целостность, являются структурой взаимосвязанных функций, необходимых друг другу, и что конец империалистического владычества означал бы гибель населения колоний. Согласно этому империалистическому учению, этнографы должны изучать главным образом то, какую функцию выполняют отдельные институты коренного населения колоний с точки зрения сохранения равновесия в системе империализма. Таким образом, функциональная школа в империалистических странах является верным проводником политики порабощения народов.

Некоторые чехословацкие этнографы утверждают, что функционально-структуральный метод, которым они пользуются, не имеет с функционализмом Малиновского и холизмом Смэтса ничего общего. Но это глубоко

⁶ F. Kuitpág, Stalinova formulace dialektického a historického materialismu, «Český lid», 1947, Praha, стр. 1—4.

⁷ И. И. Потехин, Функциональная школа этнографии на службе британского империализма, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 35.

кая ошибка. Нельзя утверждать, что чехословацкие структуралисты являются непосредственными учениками Малиновского, нельзя сказать, что они пришли к таким же уродливым выводам, но их концепция структуры и функций та же, их метод столь же антиисторичен, столь же космополитичен и формалистичен и примыкает к теории Ганса Науманна, с которой имеет много общего.

Возникновение и развитие функционально-структуральной школы в чехословацкой этнографии связано с именем П. Г. Богатырева, функционалистические работы которого подверглись справедливой критике на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР⁸. Уже в 1929 г. в работе «Магические действия, обычаи и верования в Прикарпатской Руси»⁹, изданной в Париже, П. Г. Богатырев показал себя приверженцем «нового» тогда течения в лингвистике — структурализма. Этот метод П. Г. Богатырев пытался перенести в этнографию. В своей книге П. Г. Богатырев применяет так называемое синхроническое исследование, т. е. изучение лишь современных этнографических явлений, без связи их с прошлым, изучение «функций» тех или иных явлений. В Чехословакии П. Г. Богатырев напечатал в 1930-х годах ряд работ («Функции одежды в Моравской Словакии», Турч. Мартин, 1937; «Народный чешский и словацкий театр», Прага, 1940), которые весьма отрицательно повлияли на развитие чехословацкой этнографии и фольклористики. Однако необходимо отметить, что распространение в Чехословакии функционально-структурального метода нельзя связывать лишь с деятельностью П. Г. Богатырева. Элементы этого метода появились еще раньше, они содержались уже в теории «сниженной культуры».

Как и в теории Науманна, в функционально-структуральном методе отправной точкой является учение Леви-Брюля о качественном отличии мышления «дологического» и «логического». «Дологическое» мышление «примитивов» структурализм приписывает так называемой «фольклорной среде», заменяя этим словом наumannовские «низшие слои народа». Как и наumannовцы, структуралисты, говоря о «структуральной неизменности фольклорной среды», объявили трудящийся народ неспособным к развитию. При этом структуралисты «критируют» так называемую рустикализацию и вообще наumannовскую теорию заимствования; они утверждают, что дело идет не о простом заимствовании, а о приспособлении явлений так называемого «высокого искусства» к «структуре фольклорной среды».

Крайний формализм, пренебрежительное отношение к создателям культуры — народным массам, столь характерные для структурализма, превратили этнографию и фольклористику, науки с живой и актуальной тематикой, в сухую схоластическую ученость, в гадание на гуще функций, подобное гаданию на кофейной гуще четырех элементов последователей «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Для функционально-структурального метода в этнографии характерно то же, что и для теории «сниженной культуры». Структуралисты ограничили себя узким кругом интеллигенции и пагубно на него влияли. Этот метод заразил таких прогрессивных ученых, как Г. Вацлавик, который, однако, вскоре признал его бесперспективность и бессилие.

Характерной структуралистической попыткой «переоценки этнографического материала» явилась книга К. Шоурека «Народное искусство в Чехии и Моравии» (Прага, 1940). Автор стремился показать тот путь, который проделала история изобразительного искусства в своей оценке народной культуры с начала 1930-х до 1940-х гг. Понимая, что выводы

⁸ См. В. Чичеров, Обсуждение на заседаниях Ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов, «Советская этнография», 1948, № 3.

⁹ P. Bogatyrev, *Actes magiques, rites et croyances en Russie subcarpatienne*, Paris, 1929.

науманновцев, основанные на сравнении «высокого искусства» с «искусством народным», ведут к неизбежным ошибкам, и, стремясь исправить эти ошибки, он своим структурализмом еще больше запутал изучение народного изобразительного искусства. Шоурек исходит из идеалистического представления о том, что всякое изобразительное искусство в своем развитии избавляется от всех «неэстетических функций» и стремится к чистому искусству. В процессе этого развития народное искусство, в котором преобладают «неэстетические» черты, растворяется, по мнению Шоурека, в декоратизме. Приводимое К. Шоуреком сравнение народного искусства с искусством детей, с искусством примитивов прямо основано на реакционном учении Леви-Брюля.

Пагубное влияние концепции Леви-Брюля сказалось также в довоенных работах А. Вацлавика («Словацкие палицы», Турч. Мартин, 1938, и др.) и в работах некоторых словацких этнографов. Отзвуки концепций Леви-Брюля носит еще ряд послевоенных работ, особенно работа А. Мелихерчика «Теории этнографии» (1945), содержащая теоретические выжимки функционально-структуральной школы. Несмотря на то, что антиисторическая концепция Леви-Брюля давно уже разоблачена в этнографических и фольклористических работах советских ученых, еще и сейчас многие чехословакские этнографы недостаточно ясно представляют себе весь ее вред, всю ее реакционность.

Точно так же еще и сейчас некоторые чехословакские исследователи не видят достаточно ясно реакционной космополитической сущности школы «культурных кругов», основанной на антиисторических идеях Ратцеля, Гребнера, Фробениуса, патеров Шмидта и Копперса, Шебесты и т. п. Эта школа, представители которой доказывают извечность частной собственности и деления общества на классы, патриархальных институтов и монотеизма, возникла как непосредственная реакция против прогрессивных взглядов Л. Г. Моргана и прежде всего основоположников научного социализма — Маркса и Энгельса в их учении о первобытном обществе. В настоящее время эта теория, отрицающая национальную специфику культуры, льет воду на мельницу империалистов в их стремлении завоевать мир.

О том, что представления сторонников «школы культурных кругов» проникли и в чехословакскую этнографию, свидетельствует хотя бы следующая выдержка из работы А. Вацлавика: «Наша народная культура, как и культура почти всей Европы, является результатом скрещивания нескольких пракультур, которые пришли к нам из Азии. Две из них являются основными. Это, в первую очередь, культура вольноматриархальная (?), возникшая в зоне вод и лесов, с социальным характером рыболовно-земледельческим или земледельческим. Во-вторых, это культура патриархальная, или культура большой семьи, скотоводческая, формирующаяся в степях и пустынях. Разумеется, географические и другие условия способствовали тому, что проникновение этих двух культур не было всюду одинаково интенсивно и одновременно. В отдельных областях или этнических единицах могут преобладать те или другие элементы»¹⁰. В другом месте А. Вацлавик пишет: «И в духовной культуре нужно исходить из скрещивания двух упомянутых основных культур. В культуре скотоводческой преобладал, по примеру патриархальной семьи, дистанционный бог (?). Это обстоятельство одновременно со скотоводческим образом жизни не требовало образования более развитых форм. Наоборот, в земледельческой, материнскоправовой культуре, основанной на культе мертвых (?) и связанной с ним магии, образовалось больше религиозных понятий и форм»¹¹.

¹⁰ A. Václavík, Slovanské prvky v české lidové kultuře, Сб. «Slovanství v českém národním životě», Brno, 1947, стр. 193.

¹¹ Там же, стр. 197.

Наряду с этими характерными представлениями, взятыми из арсенала школы «культурных кругов», в работе А. Вацлавика отразился и доведенный до абсурда миграционизм: «Генезис явлений славянской народной культуры,— пишет этот автор,— разумеется, не разрешим только на славянской почве; необходимо совместно со всеми этнологами изучать и неславянские, особенно соседние области и в отношении языка ассимилированные окраины. Нить основных признаков, содержащаяся в этническом сплетении, ведет к Юго-Западной Азии, к Гималаям, восточной Индии, а через Филиппинский архипелаг даже к Микронезии. Для окончательных выводов необходимо, кроме Азии, обратиться и к Северо-Восточной Африке, чтобы найти следы древних элементов, проникавших к нам не только в древности, но и в средние века через Балканский, Апеннинский и Пиренейский полуострова. В качестве примера приведем проникновение в Чехию североафриканской техники вышивки на головных уборах»¹².

В этих взглядах А. Вацлавика, ищущего «генезис явлений славянской народной культуры» даже в Микронезии, в самом грубом виде проявляется космополитическая теория миграций. Космополитический конгломерат в полном смысле этого слова представлен и в предложенном Вацлавиком синтезе метода «культурно-исторической» школы с методом функционально-структуральным: «Придерживаюсь этнологической схемы двух первоначальных культур, так как различием основных элементов можно легче понять последующую композицию в пражской формации (?). В этом географико-историко-этнографическом исследовании мы извлечем определенную пользу также при помощи метода функционально-структурального. Наконец, нужно постоянно обращать внимание лишь на основные, центральные факты, образующие опорную конструкцию явления; она только была пополнена рядом фактов менее важных и поздних»¹³.

Со всеми предыдущими реакционными идеалистическими течениями в этнографии тесно связана пекаржевщина¹⁴. Это упадочническое направление в чешской буржуазной историографии имеет много общего с теорией «сниженной культуры». Присущий пекаржевщине национальный нигилизм, преклонение перед загнивающей культурой буржуазного Запада и принижение собственной национальной культуры принесли много вреда развитию чехословацкой этнографии. Так, например, в журнале «Чешский народ» (*«Český lid»*) еще в первой половине 1950 г. пропагандировались традиции пекаржевщины в статьях, которые должны были быть руководящими для этнографов при изучении чехословацкого народа. В особенно отчетливой форме это проявлялось в статьях В. Давидека. В статье «Изменения чешской народной культуры» Давидек пытался выяснить основные факторы (в духе буржуазной социологии), которые якобы повлияли на историческое развитие чешского народа и его культуры. По мнению В. Давидека, «таким основным фактором с древнейших времен оставалась забота о сохранении жизни рода... Борьба за жизнь биологической (!) общности нации, объединенной культурной волей (!!), продолжается на протяжении всей национальной истории»¹⁵. В полном соответствии с положениями Пекаржа звучат слова Давидека о том, что «религиозные убеждения господствовали еще в древности, а

¹² A. Václavík, Slovanské prvky v české lidové kultuře, Сб. «Slovanství v českém národním životě», стр. 192.

¹³ Там же, стр. 193. Подобным «синтезом» отличаются и другие работы А. Вацлавика, например: *Prispěvky k studiu výročních obyčejů*, «Národopisný věstník českoslovanský», XXXI, Praha, 1949; *Několik poznámek k problematice lidového kroje*, «Věci a lidé», Brno, 1951, No. 1—2, стр. 3—28.

¹⁴ И. Пекарж — глава чешской реакционной историографии.

¹⁵ V. Dávidek. Proměny lidové kultury české, «Český lid», Praha, 1946, č 2, стр. 21.

поэтому они могли настроить новохристиан не только против язычества, но также и еще более возбуждали стремления к чистоте веры и благородству христианского строя (!)»¹⁶. К этим выводам В. Давидек прибавляет чисто идеалистические выпады против материалистического понимания истории и пытается опровергнуть марксизм тем, что факты исчезновения известных памятников материальной культуры и существование известных пережитков в идеологии народа якобы говорят в пользу приоритета духа над материей.

«Здесь делается ясным,— пишет В. Давидек,— что материя исчезает, в то время как дух живет»¹⁷.

Социологические «факторы», отмеченные В. Давидеком, определяют его представления о развитии чешской народной культуры, периодизацию которой он пытается построить. Цитируем дословно: «В общем получается, что в периодизации народной жизни чем ближе к современности, тем шире и выше над моментом социальным выступает момент культурный, духовный»¹⁸. Периодизация Давидека явно космополитична. Так, например, древнейшая эпоха чехословацкой истории, конец которой Давидек датирует 1200 г. (?), характеризуется следующим образом: «...в чешском культурном прошлом ее можно назвать вообще эпохой славянско-византийско-романской». В то же время Давидек как верный ученик Пекаржа продолжает опровергать марксизм: «В этот период восстановление духовного «барокко» предшествовало восстановлению экономическому. Сначала был приготовлен дух, а затем была подчинена материя и масса»¹⁹. В. Давидек пытался вести пропаганду взглядов Пекаржа еще в 1950 г.²⁰ Пекаржевское понимание чехословацкой истории проявилось и в работах некоторых этнографов: его влияния не избежал, в частности, К. Хотек²¹. Особенно глубокие корни пекаржевщины пустила в исследованиях по истории деревни, где она явилась официальной идеологией аграриев.

Несколько слов о тесно связанной с этнографией фольклористике. Изучение устного народного творчества в Чехословакии в значительной степени проникнуто еще идеями миграционизма и буржуазного компаративизма, формалистического сопоставления сюжетов в духе финской буржуазной школы в фольклористике. Работы этой школы еще и сейчас некоторые чехословацкие фольклористы считают примером и вершиной научного исследования в области фольклора (работы Поливки и Тилле). Это, конечно, глубокое заблуждение. Во всех этого рода исследованиях исходный пункт — формальное сопоставление фольклорных сюжетов с литературой, что в конечном счете ведет к той же теории «сниженных культурных ценностей». В результате формалистического сопоставления, которое часто приводило к бессмысленному выискиванию параллелей вплоть до Океании или индейских племен, было полностью забыто исследование устного народного творчества как отражения социальной действительности, выражения стремлений трудящихся масс к прогрессу, на что не раз указывал великий советский писатель М. Горький. В своем академизме, научной косности и оторванности от жизни ни Поливка, ни его продолжатели не видели устного творчества рабочего класса — наиболее прогрессивного народного творчества, революционное содержание которого кололо глаза представителям реакционной фольклористики.

¹⁶ V. Davidek, Указ. раб., стр. 21.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 22.

²⁰ A. Davidek, Středověké sídlení českých Slovanů, «Česky lid», 1950, № 3—4, стр. 65—77.

²¹ K. Chotek, Otázky periodisace československé lidové kultury, «Česky lid», 1939, № 1—2, стр. 19—25.

Было бы ошибкой не видеть, что в недавнем прошлом в чехословацкой этнографии и фольклористике рядом с охарактеризованными выше буржуазными концепциями развивались прогрессивные научные взгляды, выходили ценные работы о народной культуре, на которые смело может опереться наша современная наука. Среди них следует назвать прежде всего работы З. Неедлы, горячего борца за прогрессивные народные традиции, борца против космополитизма и всей упадочной идеологии разлагающегося капиталистического строя. Трудно найти более правдивую картину народного быта и культуры первой половины прошлого столетия и более ясную их оценку, чем в книге З. Неедлы «Бедржих Сметана». Работы З. Неедлы, проникнутые материалистическим мировоззрением и полные глубокого патриотического чувства, еще недостаточно оценены и использованы нашими этнографами. З. Неедлы не одинок. Можно назвать имена ряда других представителей этнографической науки в Чехословакии, которые не подпали под влияние реакционных буржуазных течений, не отказались от историзма, научной добросовестности, прогрессивных традиций национального прошлого.

Л. М. ЗЕМЛЯНОВА

ФОЛЬКЛОР ГОРНЯКОВ АНГЛИИ

В 1952 г. в Лондоне вышел сборник шахтерских песен («Сюда, все храбрые шахтеры»¹), собранных прогрессивным английским исследователем Альбертом Ланкастером Ллойдом. Сборник был высоко оценен коммунистической печатью Англии. В рецензии «Голоса угольного бассейна», напечатанной в «Дейли уоркер», Филипп Больсовер писал о сборнике Ллойда: «Краткой цитацией невозможно выразить все достоинства этих песен и баллад. Любой, выросший, как я, на шахтах, немедленно узнает их дух. Но и тот, кто никогда не бывал на шахтах, найдет, что они глубоко правдивы и жизненны»². Дэвид Мак-Довалл в рецензии, напечатанной в журнале «Коммюнист ревью», назвал сборник Ллойда настольной книгой для рабочих и пожелал автору продолжить работу по сабиранию и изучению песен английского пролетариата. «Своим собранием шахтерских песен и баллад м-р Ллойд оказал выдающуюся услугу шахтерам Британии и всему рабочему движению,— писал Дэвид Мак-Довалл.— Это песни прошлого, рассказывающие выразительным «угольным» языком о всех тех лишениях, которые были перенесены мужчинами, женщинами и маленькими детьми, чьим трудом формировалась основа возвышения Британии как «мастерской мира»³.

Высокая оценка сборника Ллойда в коммунистической печати Англии не случайна.

В течение длительного времени в английской буржуазной науке фольклор рабочих полностью игнорировался. Широким распространением пользовалась развитая в работах английского ученого Шарпа и шотландского ученого Грейга точка зрения, будто бы вместе с промышленной революцией исчезает почва для развития фольклора. Все внимание предлагалось сосредоточить на сабирании и изучении исчезающей поэзии крестьянства, тщательно избегая при этом фольклора рабочих, который объявляли нехудожественным и неспособным к развитию. Положение в английской фольклористике еще более ухудшилось в послевоенные годы, когда среди реакционных английских буржуазных ученых значительное распространение получили различные космополитические теории, навеянные писаниями реакционных американских фольклористов.

Одно из излюбленных утверждений современных реакционных американских фольклористов сводится к тому, что весь фольклор Старого света якобы представляет собой комплекс пережитков прошлого, как и сам Старый свет, давно потерявший почву и силы для своего развития. Не то в Америке,— ее нередко пытаются изобразить страной, способной к бесконечному развитию, Новым светом, фольклор которого, в отличие от фольклора Старого света, глубоко современен и героичен. Показательна в этом отношении статья американского фольклориста Ри-

¹ «Come all ye bold miners», ballads and songs of the coalfields compiled by A. L. Lloyd, London, 1952.

² «Daily Worker», 1952, 20 ноября.

³ «Communist Review», 1953, февраль.

чарда Дорсона, гостеприимно напечатанная на страницах английского журнала «Фольклор»⁴. Сравнивая американский и английский фольклор, Дорсон утверждает, что в Англии, в отличие от США, нет современного фольклора; эпоха расцвета английской народной поэзии целиком лежит в прошлом.

Р. Дорсон — профессор Мичиганского колледжа, активный сотрудник журнала «Джорнел оф американ фольклор». Он считается крупным специалистом в области изучения истории английского фольклора и современного американского фольклора. К числу работ на последнюю тему относится его книга, изданная в 1952 г.: «Заговоры на кровь и медведи-призраки, народные традиции Верхнего полуострова»⁵. В предисловии к этой книге Дорсон отмечает, что все собранные в ней материалы могут дать полное представление о современном фольклорном репертуаре одной из областей Америки. Действительно, в книге имеются разделы: Фольклор индейцев, Фольклор иммигрантов из Европы, Фольклор лесорубов, Фольклор горняков. Однако материалы, представленные Р. Дорсоном, ни в коей мере не отражают современного народного творчества в Америке, в частности народного творчества рабочих — горняков и лесорубов. Прежде всего, Дорсон приводит только один жанр — устные рассказы и не касается совершенно такого распространенного жанра рабочего фольклора, как песня. Некоторые рассказы он излагает, полностью сохраняя слышанный от рассказчика текст, иные же считает возможным вольно сокращать, начиная вдруг с середины пересказывать содержание своими словами и от своего имени. Так, например, поступает Дорсон с рассказом одного лесоруба, прервав его как раз в том месте, где начиналось описание тяжелых социальных условий жизни рабочих. Все приводимые Дорсоном рассказы лесорубов и горняков посвящены в основном, двум темам. Первая — борьба лесорубов и горняков со стихийными бедствиями, обусловленная своеобразием их профессии. Сюда же относится множество рассказов «очевидцев» о встрече в шахте или в лесу с явлениями «сверхъестественного мира», различные суеверия и предрассудки. Вторая тема, охватывающая большую часть приводимых Дорсоном рассказов, — специфика образа жизни горняков и лесорубов, в основу характеристики которого Дорсон кладет биологический фактор. Горняк и лесоруб представлены у Дорсона как воплощение сильной, индивидуалистической натуры человека «вне закона». Вино, пьяные драки, убийства, жажда наживы — вот черты, которые Дорсон считает основными в характере горняков и лесорубов. Он утверждает, что лесорубы и горняки, будучи по натуре очень грубы, уважают в своих хозяевах именно эти же черты грубости, насилия и жестокости. При этом, искажая подлинную сущность фольклора американских горняков и лесорубов, Дорсон ни словом не упоминает о тех произведениях рабочей поэзии, в которых отразилась классовая борьба. Более того, в качестве «фольклора» он преподносит читателям рассказ старого штрайкбрехера, который издевается над участием своих товарищей в профсоюзном движении.

Книга Дорсона получила одобрение в рецензии Эдварда М. Вильсона, напечатанной в мартовском номере журнала «Фольклор» за 1953 г. Английские буржуазные фольклористы молчаливо приняли утверждения своих американских коллег, что английский фольклор якобы не имеет настоящего.

Такое искажение сущности рабочего фольклора не случайно: оно находится в тесной связи с проповедью неверия в творческие силы народных масс, и особенно с отрицанием решающей революционной роли рабочего класса.

⁴ Richard Dorson, Folklore in USA to-day, «Folklore», 1951, No. 3.

⁵ Richard Dorson, Bloodstoppers and Bearwalkers, Folkstraditions of the Upper Peninsula, Cambridge, 1952.

Однако реакционной фольклористике в Англии противостоит прогрессивная наука. После второй мировой войны, в результате которой от капиталистической системы государств отделились страны народной демократии, составившие вместе с Советским Союзом прочный лагерь мира и социализма, в Англии активизировалось рабочее движение. Изо дня в день в стране усиливается возглавляемая рабочим классом и коммунистической партией борьба за демократию, за мир. С этой борьбой тесно связано развитие прогрессивной науки о народном творчестве. Материалистическое осмысление фольклора, стремление изучать народную поэзию под социально-историческим углом зрения — таковы основные черты современной прогрессивной английской фольклористики, исследования которой высоко оценивает коммунистическая печать Англии.

Одной из характерных особенностей прогрессивной английской фольклористики является интерес к рабочему фольклору. В журналах «Уорлдьюс энд вьюс» и «Коммюнист ревью» помещаются выступления прогрессивных деятелей культуры, посвященные работе самодеятельных рабочих коллективов, возникших в послевоенные годы во многих рабочих районах страны; значительное место в репертуаре этих коллективов принадлежит произведениям фольклора. На страницах «Дейли уоркер» и других органов коммунистической печати в последние годы постоянно можно встретить статьи и заметки о рабочих песнях в исполнении известного фольклориста Ивена Мак-Колла. Наряду с Ивеном Мак-Коллом среди прогрессивных английских фольклористов, занимающихся изучением рабочего фольклора, в первую очередь следует назвать Альберта Ланкастера Ллойда.

Вопросы рабочего фольклора в Англии привлекали внимание Ллойда давно. В 1944 г. он издал книгу под заглавием «Поющий англичанин, предисловие к народной песне»⁶, представляющую собой очерк истории английской народной поэзии периода XI—XIX вв. Лейтмотивом книги является та мысль, что история фольклора — это история творчества трудящихся масс; в фольклоре отражены сокровенные чаяния народа, отражена многовековая борьба трудящихся против национального и классового порабощения.

В последнем разделе книги автор касается фольклора рабочих. Ллойд говорит о глубоких изменениях, наступивших в народном творчестве Англии в период промышленной революции, и, останавливаясь на характеристике поэзии луддитов, пытается проследить пути рождения фольклора нового класса — рабочих. Но этот раздел книги, хотя в нем и имеются интересные наблюдения, представляется еще теоретически слабым. С одной стороны, чувствуется стремление автора найти и проанализировать фольклор пролетариата, с другой стороны, — не обладая еще достаточными материалами по рабочему фольклору, Ллойд приходит к весьма неопределенным выводам. Он высказывает надежду, что новые песни возникнут в обществе будущего, где социальные условия жизни так изменятся, что исчезнет противоположность между так называемой «культурной музыкой» и музыкой народной, «где люди смогут стать тем, что они есть, думать, чувствовать и петь, что они хотят, вне зависимости от классовой принадлежности, расы, вероисповедания или любого другого обстоятельства...»⁷. Однако, рождение этих новых песен Ллойд не связывает с фольклором рабочего класса. Расплывчатость такого вывода закономерна. При всех достоинствах книги Ллойда ей не хватает четко проводимого принципа историзма, не хватает глубины социального анализа. Нередко автор подменяет понятие класса понятием профессии. Все это привело к тому, что в книге «Поющий англичанин» Ллойд по существу

⁶ A. L. Lloyd. The singing Englishman, an Introduction to folksong. Workers' Music Association, 1944.

⁷ Там же, стр. 68.

только приблизился к теме рабочего фольклора, только коснулся возможности его изучения.

В послевоенные годы Ллойд продолжает заниматься вопросами рабочего фольклора. В 1951 г. Рабочая музыкальная ассоциация выпускает под его редакцией вторую часть задуманного им труда — сборник самих народных песен, вышедший под тем же заглавием⁸ и предназначенный для Всеанглийского народного фестиваля. Большую часть его составляли рабочие песни (18 песен), взятые преимущественно из старых сборников. Издание было снабжено музыкальной обработкой песен, выполненной различными современными композиторами. Сборник был тепло встречен прогрессивной общественностью страны. «Песни, которые мы все можем петь»⁹ — под таким заглавием газета «Дейли уоркер» поместила на сборник рецензию, написанную Х. Г. Сиром. Сир предлагал использовать песни сборника в качестве основного материала в репертуаре рабочих хоровых коллективов и в работе фестиваля.

Успех сборника внушил Ллойду мысль в плотную заняться современным рабочим фольклором. Весной 1954 г. через журналы «Коул» и «Майнинг Ревью» он обратился к шахтерам с просьбой помочь ему собрать рабочий фольклор. Рабочие горячо откликнулись на его предложение. Было записано более 100 песен. Ллойд отобрал лучшие из них (67 песен) и составил сборник, озаглавив его строчкой из популярной шахтерской песни — «Сюда, все храбрые шахтеры». Песни были сгруппированы по разделам: I — Шахтер за работой, II — Шахтер на отдыхе, III — Любовь и шахтер, IV — Молодые и старые шахтеры, V — Стихийные бедствия в шахтах, VI — Условия труда на шахтах и борьба за лучшую жизнь, VII — Шахтерское разное.

В предисловии к сборнику Ллойд намечает основные этапы развития рабочего фольклора и в связи с этим ставит ряд интересных вопросов, касающихся специфики идеиного содержания и художественной формы рабочей народной поэзии. «Человеческая история — это история труда», — пишет Ллойд, — и многие из песен, которые создавали рабочие ради своих собственных нужд, являются ценным документом для понимания того, что было движущей силой в жизни этих людей в прошлом и что будет их двигать в будущем¹⁰. Ллойд отмечает тесную связь идеиного содержания шахтерских песен с жизнью и характером рабочих. «Эти песни, — пишет он, — могут показать характер людей яснее, чем целая полка книг по истории»¹¹. Читая шахтерские песни, живо представляешь себе характер шахтера. По словам Ллойда, шахтер — «остроумный и резкий на язык человек, твердо сопротивляющийся всяким неудачам и не склонный к тому, чтобы лизать сапоги какого бы то ни было хозяина»¹². В песне «Шахтерская жизнь» о шахтерах поется¹³:

По тяжести труд их в забое глухом
Сравнить можно только с матросским трудом,
Не знает шахтер, под землею стуча,
Ни свежего ветра, ни солнца луча.
В труде каждый нерв у него напряжен;
До пояса он, как борец, обнажен.
...
Спуск в шахту опасен, опасен подъем:

⁸ A. L. Lloyd, Singing Englishman, a collection of folksongs, specially prepared for a Festival of Britain Concert given in Association with the Arts Council of Great Britain, 1951, Workers' Music Association.

⁹ «Daily Worker», 1951, 10 апреля.

¹⁰ A. L. Lloyd, Come all ye bold miners, стр. 15.

¹¹ Там же, стр. 11.

¹² Там же, стр. 12.

¹³ Цит. по переводу, напечатанному в газете «Советское искусство», 1953, № 35.

Убьешься иль будешь горбатым иль хром.
 Но хуже всего, если хлынет вода:
 Смерть глянет в лицо, не спасешься тогда,
 И камни вдруг падают с кровли сырой,
 И ноги шахтеру ломают порой,
 И может обвал завалить коридор...
 Но голову держит высоко шахтер!

В песнях шахтеров раскрывается высокий моральный облик трудового человека. Ллойд приводит ряд шахтерских песен, посвященных вопросам любви и брака, и отмечает, что все они глубоко проникнуты нравственным здоровьем, которое органически присуще морали рабочих людей. «Истинный народный певец,— пишет Ллойд,— никогда не превращает любовь в фарс». Песни шахтеров о любви «могут быть наполнены радостью или, наоборот, грустью, от которой разрывается сердце, но голос их всегда серьезен»¹⁴.

Значительная часть сборника посвящена песням о тяжелых условиях труда шахтеров. Анализируя эти песни, Ллойд говорит, что они могли бы явиться ярким и убедительным документом, обличающим капиталистический строй, который создает рабские условия труда на шахтах Англии. Ссылаясь на работу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», Ллойд замечает, что к продолжительному рабочему дню, к интенсивной эксплуатации труда, к тяжелым жилищным условиям, характерным для жизни рабочих в капиталистических странах вообще, на шахтах прибавляется постоянная угроза стихийных бедствий. Из-за плохой организации техники безопасности шахтер всегда находится под страхом обвала или взрыва подземных газов. В песне «Судьба шахтера» говорится о том, что преждевременная смерть рабочего от обвала или взрыва обычна для многих горняков. Сурово и глубоко проникновенно песня повествует о трагической судьбе шахтера. Вот встает он, как всегда, в пять часов утра, целует жену, прощается с детьми и идет на работу. На сердце у него светло, он не думает о смерти. Согнувшись над углем в глухом и темном забое, он вспоминает свою семью. Неожиданный взрыв прерывает мысли шахтера. Он гибнет, и вдова причитает:

Оставил он миру бедных маленьких сирот,
 Встретившись в шахте с судьбою шахтера.

В песне, записанной со слов шахтера Форда, гневно поется о грэсфордском обвале 1934 г., в результате которого погибло 242 шахтера. Песня заканчивается страстным призывом к шахтерам:

Так не посыпайте же ваших сынов в эту темную преисподнюю!
 Будь они все прокляты, как грешники ада!

Одним из ужаснейших проявлений бесчеловечной эксплуатации труда горняков является использование детского труда, распространённое в Англии. Четырех-шестилетних детей, рассказывает Ллойд, заставляли сидеть целыми днями в темных коридорах шахт и регулировать клапаны вентилятора. Часто, возвращаясь вечером домой, шахтеры находили детей уснувшими за своей работой. Подобная эксплуатация детского труда, за который платили гроши, приводила к ранней смертности детей. С глубокой грустью рассказывает об этом приводимая Ллойдом песня «Четыре пенса»¹⁵. Анализируя эту песню, Ллойд отмечает, что не лучше и поло-

¹⁴ A. L. Lloyd, Come all ye bold miners, стр. 39.

¹⁵ Текст песни на русском языке приведен в статье Ивена Мак-Колла «Английский фольклор», журн. «В защиту мира», 1953, № 10.

жение пожилых горняков, которые быстро теряют трудоспособность; их ждет ужасная, необеспеченная старость. С горькой иронией называют они свое положение «вторым шахтерским детством». «Когда я был молодым парнем, я работал на шахте, отдавая ей все свои силы, а теперь меня выгнали с работы и сказали при этом: „Посмотри, ведь ты сед“», — рассказывает о своей горькой части 56-летний шахтер в песне «На берегах Ди». То, о чем говорится в этом рассказе, типично для жизни горняков, и нередко эту тему использовали профессиональные поэты для создания сентиментальных песенок. «Но сам шахтер знает гораздо лучше, чем профессиональный поэт-песенник, истинное значение бедственного положения старого рабочего, который после тяжелого трудового жизненного пути в шахте в старости встречается лицом к лицу с бедностью и бедным домишком. Поэтому сами шахтеры трактуют эту тему гораздо более ярко, реально и благородно, как это мы видим на примере песни «На берегах Ди»¹⁶. В песнях шахтеров в выразительной художественной форме рассказывается об острой классовой борьбе, о формировании и росте революционного движения английских рабочих. В ранних песнях, относящихся, возможно, к XVII—XVIII вв., социальный протест еще недостаточно осознан. Протест против рабских условий труда нередко выливался в форму стихийной вражды к подземным силам природы; создавались мифологизированные образы «судьбы шахтера», «горного дьявола»¹⁷, якобы распоряжающихся жизнью шахтеров. Здесь уместно провести параллель с некоторыми образцами русского рабочего фольклора, в котором также встречаются аналогичные поэтические образы хранителей горного богатства — горного батюшки (Алтай), Шубина (Донбасс), Хозяйки медной горы (Урал). Эти сказы, вероятно, возникли еще в эпоху крепостничества, и не случайно поэтому по своим художественным особенностям они близки к традиционной народной сказке. Примечательно, что и в английском рабочем фольклоре песни с подобными образами также близки по своей художественной форме к традиционной крестьянской лирике. Позднее, с началом массовой борьбы английского пролетариата, идеиное содержание рабочих песен изменилось. «Шахтеры, которые раньше пели о встрече в руднике с дьяволом,— пишет Ллойд,— и о том, как стукнулись его рога о шахтерскую тележку, стали создавать новые песни — о тяжелых временах, о каменных хозяевах и о необходимости твердо сопротивляться суровому веку»¹⁸.

В 30-е годы XIX в., когда в Англии прокатилось движение лuddитов, появилось много песен, в которых рабочие призывали уничтожать машины, видя в этом единственный путь к своему освобождению. Это свидетельствовало о том, что пролетарское движение было еще крайне слабо. Создание массовых песен, отражающих социальный протест шахтеров, совпало, как правильно замечает Ллойд, с первой крупной забастовкой горняков северо-восточной Англии в 1844 г. В стране развертывалось чартистское движение, охарактеризованное В. И. Лениным как «первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение»¹⁹. В 1841 г. в Уейкфилде создается первая национальная организация шахтеров — Ассоциация шахтеров Великобритании и Ирландии, положившая начало массовому профсоюзному движению. Песни отражают эти исторические изменения в жизни шахтеров, в них появляется, по словам Ллойда, «новое основание для солидарности, ясность цели и отчетливое чувство ответственности»²⁰.

Принципиальные изменения в идеином содержании песен чартистско-

¹⁶ A. L. Llloyd, Come all ye bold miners, стр. 64.

¹⁷ См., например, песню «Шахтерский проповедник», в которой рассказывается, как шахтер схватил за рога «горного дьявола».

¹⁸ A. L. Llloyd, Come all ye bold miners, стр. 14.

¹⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 282.

²⁰ A. L. Llloyd, Come all ye bold miners, стр. 82.

го периода привели к изменению их художественной формы. Распространенной становится форма песни, открывавшейся зачином — «Сюда, все храбрые шахтеры». Зачин этот был присущ и старой традиционной балладе: исполнитель обращался к своим слушателям с просьбой сосредоточить внимание на его песне. Этот же зачин в рабочей песне, выражавшей социальный протест, придавал ей форму живого агитационного призыва; песня превращалась в пламенный революционный протест, призывала к прямой и открытой борьбе, становилась сильным политическим оружием. Не случайно поэтому, замечает Ллойд, песни этого времени стали образцами и для всех последующих песен, говорящих о борьбе рабочих угольных копей.

Причины и цели стачечной борьбы горняков наиболее конкретно отражены в песне «Жалобы шахтера»:

Мы десять лет рабами были,
Мы гнули спины на хозяев,
На этих величайших негодяев.
Но больше мы терпеть не будем,
Теперь мы свободны и знаем:
Твердая воля силу ломает,
Убеждаться в этом хозяева сами.
Не заставят нас больше работать за штрафы,
Копая им грязный, вонючий уголь...
Мы не будем больше вставать спозаранку
И дом покидать до восхода солнца...
Мы не будем работать без воздуха в шахтах,
О вентиляции мы позаботимся сами
И о том, чтобы взрывов избежать...
Восемь часов, ни часу больше,
Оставаться мы в шахте должны,
И выходить из нее свободными от чувства страха перед штрафом...
Я думаю, что мало слишком за неделю
Пять шиллингов нам получать.
Шахтеры бастуют, потому что их угнетают,
Они не будут работать, пока желаний их не исполнят.²¹

Требования улучшения условий труда, повышения заработной платы, организации техники безопасности не потеряли своего значения и для современной Англии; песня до сих пор исполняется английскими рабочими.

Многие шахтерские песни посвящены борьбе со штрейкбрехерством в профсоюзах. Отражая интересы «чистокровных пролетариев», песни шахтеров клеймят штрейкбрехеров позорным прозвищем — «черногогие» (blackleg — слово, которое является в английском языке синонимом плута, мошенника и штрейкбрехера). В песнях рассказывается о том, как шахтеры ловили штрейкбрехеров, мазали им лицо сажей и в таком виде выставляли их на позор. Бывали и более суровые формы расплаты, когда штрейкбрехеров, выходивших на работу, подстерегали в шахтах и там убивали. Клеймя штрейкбрехеров, песни призывали рабочих, еще не вступивших в профсоюз, объединиться для совместной борьбы:

Шахтеры, члены профсоюзов,
Дружно в ряды вставайте!
Не верьте рассказам ваших хозяев!
Вопрос о заработной плате
В свои руки смело берите²².

²¹ Сокращенный перевод автора.

²² A. L. Lloyd, Come all ye bold miners, стр. 87.

Во вступлении к сборнику Ллойд обращает внимание читателей на художественные достоинства шахтерских песен и баллад. По сравнению со многими крестьянскими песнями шахтерские песни на первый взгляд кажутся несколько шероховатыми, грубыми. Иногда это объясняется тем, что они недостаточно подверглись коллективной шлифовке. Но большей частью шероховатость и грубость оказываются чертами чисто внешними, кажущимися, обманчивыми. На самом деле в шахтерских песнях, как правило, точно соблюдаются критерий художественности: соответствие формы и содержания. Кажущиеся черты резкости и шероховатости, пишет Ллойд, «являются достоинством, так как именно в них слышен голос шахтера, рассказывающего о труде и радости, о взрывах и борьбе, голос хриплый, голос, наполненный чувством глубокой горечи жизни»²³.

Примечательно, что к такому выводу Ллойд приходит в этой работе впервые. В книге «Поющий англичанин» он склонен был скептически оценивать художественные достоинства рабочей поэзии. Теперь Ллойд решительно отказывается от высказанного им в 1944 г. мнения, будто бы промышленная революция уничтожает условия для развития фольклора. Анализируя песни шахтеров, как одного из ведущих отрядов английского пролетариата, Ллойд приходит к выводу, что рост классовой борьбы и политического сознания трудящихся — основное условие для развития духовных сил народа, для раскрытия его талантов, для рождения боевых массовых рабочих песен. Это не значит, конечно, что в условиях капитализма следует ожидать свободного и всемерного развития народного творчества. Напротив, Ллойд отмечает, что рабские условия труда душат, калечат, давят творческие силы народа. Но в то же время он подчеркивает, что именно там развивалась массовая рабочая песня, где наблюдалась наибольшая политическая сознательность и активность рабочих. Эти общие выводы Ллойда, несомненно, правильны; что же касается художественных особенностей рабочего фольклора, то этот сложный вопрос ждет еще своего разрешения.

Книга Ллойда «Сюда, все храбрые шахтеры» по существу является первым крупным исследованием, посвященным изучению английского рабочего фольклора. Естественно, в этом исследовании не могли быть исчерпывающе освещены все те многочисленные вопросы и проблемы, которые встают в связи с изучением этой темы. Ждет еще исследования не затронутый в работе Ллойда вопрос об отражении в рабочем фольклоре не только сильных, но и слабых сторон английского рабочего движения, в частности, тред-юнионизма, отдельные черты которого проскальзывают в песнях, сообщенных Ллойдом. Необходимо более детально изучить рабочие песни эпохи чартистского движения, эпохи подъема рабочего движения в 60-е и 80-е годы XIX в. Особенно серьезного исследования требует волнующий всех прогрессивных английских фольклористов вопрос о современном рабочем фольклоре, перспективах его развития. Вопрос этот звучит в статье Ивена Мак-Колла «Английский фольклор», напечатанной в октябрьском номере журнала «В защиту мира» за 1953 г. Этот же вопрос поднимают Филипп Больсовер в упомянутой выше рецензии на сборник Ллойда и видный английский музыкальный деятель Томас Рассел на страницах журнала «Советская музыка»²⁴. Т. Рассел отмечает, что он и многие его единомышленники раньше относились скептически к деятельности Мак-Колла и Ллойда. «Но мы ошибались,— пишет Рассел.— Участники фольклорных экспедиций утверждают, что традиция народного песнетворчества жива и что каждое событие, объединяющее трудящиеся массы,— война, забастовки, любое проявление борьбы за

²³ A. L. Lloyd, Come all ye bold miners, стр. 11.

²⁴ Томас Рассел, Об английской музыке, «Советская музыка», 1954, 3.

лучшую жизнь — приносит новый урожай народных песен, столь же ярких и жизнеспособных, как и образцы, оставшиеся нам в наследство от прошлых поколений. Я не специалист по этому вопросу и склонен был скептически относиться к рассказам фольклористов. Но с ними трудно спорить, как трудно отрицать тот очевидный факт, что радиопередачи, посвященные английской народной песне, пользуются огромным успехом среди слушателей. Это движение направлено к тому, чтобы поднять музыкальные вкусы масс и тем самым возместить вред, причиненный американским импортом коммерческой музыкальной дребедени.

Перед правительством, которое искренне стремилось бы удовлетворить запросы народа и стимулировать развитие национальной культуры, открыты широкие возможности. Но в наши дни, когда гонка вооружений и колониальные войны съедают львиную долю национального дохода, эти возможности не могут быть реализованы. Только последовательная политика мира обеспечит расцвет народных талантов и приведет к новому подъему музыкального искусства Англии»²⁵.

Наибольший интерес в этой связи представляет статья Ллойда «Современные народные песни», напечатанная в январском номере журнала «Марксист квартерли» за 1954 г.

Статья Ллойда начинается с констатации того факта, что никогда еще Англия не переживала такого массового интереса к возрождению народного творчества, как это наблюдается сейчас. Бывали в истории страны периоды, когда в литературе и науке возникал активный интерес к народному творчеству, но он проявлялся лишь в деятельности отдельных ученых, писателей, поэтов, артистов. «Современное же возрождение интереса к народному искусству,— пишет Ллойд,— представляет собой нечто совсем другое, так как оно поднимается из недр молодежи, возникает в молодежных клубах, танцевальных школах, тренд-юнионах и других культурных организациях, т. е. по существу именно среди самого народа, который и является истинным хранителем и наследником музыкального культурного наследства низших классов, названного нами народной музыкой»²⁶.

Массовый интерес к народному творчеству связан с борьбой за сохранение и развитие национального культурного наследия. Изо дня в день растет недовольство английских трудящихся политикой правящих кругов Англии, покровительствующих импорту американской буржуазной культуры. Активизация интереса к народному творчеству среди широчайших слоев населения не ограничивается стремлением возродить старые фольклорные традиции. Все настойчивее ставится вопрос о развитии современного народного искусства. Это обязывает всех прогрессивных деятелей культуры всемерно поддерживать и развивать народное творчество страны. Ллойд критикует представителей реакционной буржуазной фольклористики, которые сознательно игнорируют все современное в народном творчестве. Он констатирует состояние глубокого кризиса, в котором находится буржуазная фольклористика; этот кризис неизбежен, так как реакционные английские фольклористы по существу давно уже перестали заниматься основным предметом своей науки — изучением творчества народа. Не случайно среди буржуазных фольклористов, отмечает Ллойд, до сих пор распространены идеалистическая мифологическая теория и теория аристократического происхождения фольклора, согласно которой последний является лишь искажением культуры, созданной высшими классами. Определяя понятие «фольклор», реакционные фольклористы сознательно ориентируются исключительно на его второстепенные, формальные признаки: анонимность, устность, текучесть, затушевывая

²⁵ Томас Рассел, Указ. раб., стр. 126.

²⁶ «Marxist Quarterly», 1954, No. 1, стр. 47.

при этом главное — идеиное содержание, затушевывая то, что фольклор — это прежде всего творчество народа.

Ллойд особо останавливается на принятой в трудах многих консервативных фольклористов точке зрения, согласно которой главным признаком фольклора является анонимность. Выдвигая анонимность в качестве важнейшего признака фольклора, буржуазные фольклористы пользуются этим для отрицания факта существования рабочего фольклора, которому анонимность присуща в гораздо меньшей степени, чем традиционному фольклору прошлых веков. Авторы многих популярных рабочих песен известны, но от этого песни не перестают быть народными.

Отмечая полную научную несостоятельность теорий и методов, принятых ныне в буржуазной английской фольклористике, Ллойд предлагает обратиться к трудам ученых Советского Союза и стран народной демократии. «Фольклористы-марксисты Советского Союза и стран народной демократии,— пишет Ллойд,— обладают огромным преимуществом в этом вопросе не только потому, что они имеют дело с фольклорными традициями, находящимися в состоянии полного расцвета, но и благодаря своему философскому подходу, который обеспечивает их методом, помогающим понять материал любого содержания в его движении и изменении, и дает им теоретическое основание для изучения социального характера народной музыки»²⁷.

«Я верю,— пишет Ллойд,— что самой благодатной почвой для изучения является проблема влияния поэзии городских рабочих на наше традиционное народнопесенное наследство. В частности, если наша народная песня имеет будущее, то это будущее связано с городскими рабочими»²⁸.

Имеет ли будущее английская народная песня? — спрашивает Ллойд. Прежде чем утвердительно ответить, он обращается к вопросу об условиях развития народного творчества. Он повторяет уже высказанную им в сборнике «Сюда, все храбрые шахтеры» мысль, что главным условием развития рабочей поэзии является политическая сознательность и активность масс. На примере истории современной американской рабочей поэзии Ллойд показывает, что массовые рабочие песни возникали там и тогда, где и когда проявлялась наивысшая политическая сознательность трудящихся, где профсоюзное движение носило наиболее революционный характер. В настоящий момент в Англии наблюдается именно такой подъем всенародной борьбы за демократию, национальную независимость и мир, который создает необходимые предпосылки для развития народного творчества.

Статья Ллойда, затрагивающая наиболее актуальные вопросы изучения современного народного творчества и в частности рабочего фольклора, не случайно была напечатана на страницах теоретического журнала английской коммунистической партии — «Марксист квартерли». Коммунистическая партия Великобритании придает большое значение развитию народного творчества. Она всемерно поддерживает самодеятельные песенные и танцевальные рабочие коллективы, деятельность которых подробно обсуждалась на Второй конференции в защиту английской национальной культуры, организованной компартией Великобритании в 1952 г. В докладе Дж. Томсона «Наше культурное наследство» указывалось, что эти коллективы являются удачной формой для реализации важной задачи, стоящей перед компартией Великобритании — соединения культурной работы с политической борьбой. Они помогают росту творческих сил и политической сознательности широких слоев трудящихся масс; помогают активизировать культурную работу среди рабочих. В качестве примера Томсон охарактеризовал деятельность одного из рабочих хоров, организованного незадолго перед второй мировой войной. В репер-

²⁷ «Marxist Quarterly», 1954, No. 1, стр. 48

²⁸ Там же, стр. 54.

туаре хора наряду с фольклорными песнями рабочих имеются и произведения оперной классики, разучивать которые помогает хору вице-президент Рабочей музыкальной ассоциации профессор Дент. Томсон рассказал также о заслуженном успехе, которым пользуются среди шотландских рабочих хоры горняков. Подчеркнув жизненность национального народного искусства, Томсон в то же время предостерег руководителей рабочих хоров от возможного уклона в сторону национализма. «Наш народ,— сказал он,— владеет культурным наследством, богатейшим в мире. При капитализме оно расточалось и уничтожалось. Мы должны показать, как надо восстановить его. Но мы не может восстановить его только собственными усилиями. Британский народ должен объединиться с другими народами, борющимися во имя той же цели,— с народами Малайи, Кореи, Индо-Китая, Африки, Греции и Испании, с народами стран народной демократии, Китая и Советского Союза»²⁹.

Специально на вопросе о значении рабочих хоров для политической работы среди молодежи остановился в своем выступлении на конференции Джеймс Сервис. Он рассказал о работе молодежного хора в Глазго, созданного по инициативе местной комсомольской организации. В хоре наряду с народными шотландскими и английскими песнями исполняются песни народов стран народной демократии и Советского Союза. Помимо членов комсомольской организации, в работе хора принимают участие представители других прогрессивных молодежных организаций страны. Придавая важное политическое значение работе молодежных хоров, Сервис поставил вопрос о необходимости подготовки квалифицированных кадров для руководства хорами и танцевальными рабочими коллективами.

Столь же серьезное внимание уделено было деятельности самодеятельных рабочих коллективов и на Третьей конференции в защиту английской национальной культуры, состоявшейся в Лондоне в октябре 1953 г.

Уместно напомнить в этой связи, какое большое значение придавал пропагандистской роли пролетарской песни и развитию рабочих хоров В. И. Ленин. В своих статьях «Евгений Поттьэ (к 25-летию его смерти)» и «Развитие рабочих хоров в Германии»³⁰ он призывал всемерно поддерживать инициативу создания массовых революционных пролетарских песен и организаций рабочих хоров. «Никакие полицейские придиরки,— писал Ленин,— не могут помешать тому, что во всех больших городах мира, во всех фабричных поселках и все чаще в хижинах батраков раздается дружная пролетарская песня о близком освобождении человечества от наемного рабства»³¹.

Нет сомнения в том, что борьба прогрессивных английских деятелей культуры за развитие национального народного творчества увенчается полным успехом. Она опирается на массовый интерес к английскому рабочему фольклору, как к народной поэзии класса, являющегося лидером в революционном движении; опирается на растущее недовольство широких слоев английского народа политикой подчинения Англии США в области экономики и культуры; опирается на всенародное движение за сохранение и развитие национального культурного наследия, за развитие реалистического народного искусства, которое и впредь будет помогать английскому народу бороться за мир и демократию.

²⁹ «Britain's Cultural Heritage», London, 1952, стр. 17.

³⁰ «Коммунист», 1954, № 6.

³¹ Там же, стр. 24.

Н. А. БУТИНОВ

АЛЬБЕРТ НАМАТЖИРА — ХУДОЖНИК ИЗ ПЛЕМЕНИ АРАНДА

История жизни и деятельности Альберта Наматжиры — живой пример того, как тяжело в Австралии человеку, принадлежащему к числуaborигенов этой страны. В то же время это лучшее опровержение мифа о мнимой «неполноценности» австралийских аборигенов, давно, впрочем, опровергнутого подлинной наукой (достаточно вспомнить о работах Миклухо-Маклая).

Альберт Наматжира — один из лучших художников Австралии. Более того, это единственный австралийский художник, имеющий мировую известность. Его картины выставлены в галереях многих стран мира. О нем пишут книги. Укажем, например, на книгу Маунтфорда «Искусство Альберта Наматжиры»¹ или на книгу Баттерби «Современное искусство австралийских аборигенов»². О нем снят документальный кинофильм «Альберт Наматжира, художник». В этих книгах и фильме даются сведения о жизни и деятельности Альберта Наматжиры, приводятся репродукции его наиболее известных картин, высказываются мнения о таланте художника и качестве его отдельных произведений.

Альберт Наматжира родился 28 июля 1902 г. в миссионерском поселке Германсбург, расположенном в пустыне Центральной Австралии, у подошвы гор Мак-Доннеля, близ истоков реки Финк. Слово «наматжира» означает на языке племени аранда «летающий муравей» — таково имя отца Альберта, которое Альберт носит как фамилию. Баттерби сообщает, что отец Альберта еще жив и каждому, кто приходит в резервацию, он не преминет с гордостью сообщить о том, что он — отец Альберта Наматжиры.

Нам известно, что отец Альберта принадлежит к брачному классу «бультара». Мать Альберта, Лукута, умершая во время страшной засухи 1929 г., принадлежала к брачному классу «умбитчана». Их дети — сын Альберт и дочь Мета — принадлежат к брачному классу «укнария». Есть у Альберта и свой тотем — особый вид змеи (ренина). Мы нашли эти данные в генеалогических таблицах миссионера Карла Штрелова, составленных тогда, когда Альберту было всего 7—8 лет³.

У Альберта Наматжиры есть своя чуринга, которую он бережно хранит до сих пор. На ней изображены пять кругов, и в каждом из них вписано еще несколько кругов. Это — орехи иелка. Линии, соединяющие эти круги, обозначают корни. В целом рисунок передает событие, случившееся очень давно, во времена Алчеринга. Старик Талилтуки и его сыновья ели только орехи иелка. Очистка орехов требовала очень много времени, подчас вынуждая пропускать даже важные племенные церемонии. Однажды Талилтуки открыл, что чистить орехи можно так: сначала растолочь

¹ C. P. Mountford, *The art of Albert Namatjira*, Melbourne, 1944. Воспроизведенные ниже рисунки взяты из этой книги.

² R. Battarbee, *Modern Australian aboriginal art*, Sydney, 1951.

³ C. Strehlow, *Die Aranda- und Loritja-Stämme in Central-Australien*, IV Teil, I Abteilung, 1913, табл. 2a, 4a.

их в деревянном корытце камнем, затем потереть между руками, и после этого удалить шелуху путем провеивания. Дело пошло быстрее, и старик с сыновьями оказались в состоянии чаще посещать церемонии племени. Изложив легенду, изображенную на чуринге Альберта, Маунтфорд добавляет, что этот способ чистки орехов иелка и сейчас еще применяется аборигенами.

О детстве Альберта мало что известно.

По всей вероятности, Альберт, подобно всем другим аборигенам, посещал в течение трех — пяти лет школу при резервации и получил некоторые навыки устного счета и знание некоторых английских слов, необходимых для того, чтобы он мог понять приказания «белых» хозяев. Подобного рода английский язык, прививаемый аборигенам, обычно так и называют — «язык приказаний».

Детство в поселке Германсбург кончается рано. Абориген с ранних лет начинает работать: пасет скот, обрабатывает сад, дубит кожу, делает сапоги и т. п.; девочки вяжут, вышивают. В резервации существует правило: кто не работает на пастора, тот не получает рациона.

Относительно рациона в поселке Германсбург у нас нет точных сведений, но известно, что в соседнем поселке, в местности Хааст-Блафф, аборигены «получают пищу на «продовольственной станции», где им выдается овсяная каша. Она подается собравшемуся племени в корыте, и ее черпают оттуда грязными руками или ржавыми консервными банками»⁴. Закончив работу, голодные аборигены идут за пределы поселка, в пустыню: ищут питательные корни, с помощью деревянных копий охотятся на мелких животных.

Альберт несколько лет вел эту полуголодную жизнь, затем ушел из поселка и стал работать погонщиком верблюдов, водил караваны от Уднадатты к северным скотоводческим фермам (тогда железнодорожной ветки Уднадатта — Элис Спрингс еще не было). Но и здесь оказалось не лучше, и он вернулся в Германсбург. В 1919 г. он женился на девушке из соседнего племени лоритъя, по имени Рубена («прекрасная его помощница», отмечает Маунтфорд). Пошли дети, Альберту приходилось работать, не разгибая спины. Работал он кузнецом, плотником, стригальщиком, пастухом, выполнял разную черную работу по миссии. «Но, как бы много он ни работал,— замечает Баттерби,— он получал только рацион и одежду и никогда не имел ни гроша»⁵.

Уже в это время Альберт обнаружил интерес к рисованию. Он видел картинки в библии и старался их воспроизвести.

Так продолжалось до 1934 г., когда в Германсбург прибыли молодые австралийские художники Джон Гарднер и Рекс Баттерби, пожелавшие поездить по стране и зарисовать своеобразные виды Центральной Австралии. Пастор Альбрехт, ознакомившись с их рисунками, решил устроить художественную выставку для аборигенов. Вокруг одной из хижин по стенам разместили небольшие картонные щиты с прикрепленными к ним рисунками. Выставка была открыта в течение двух дней и вызвала большой интерес. Все свободное от работы время местные жители проводили, сидя вокруг хижины и рассматривая рисунки. Но особенно взволнован был Альберт. Он пришел к пастору Альбрехту и попросил достать ему бумагу, кисти и краски. Пастор рассказал об этом художникам как о курьезе, но те отнеслись к просьбе более серьезно. Они составили список необходимых для рисования материалов и пообещали их прислать. Баттерби выразил желание помочь Альберту, если он будет по почте посыпать свои рисунки ему. Но пастор не дал разрешения на переписку — абориген, по его мнению, должен быть полностью отрезан от внешнего мира. Эта характерная для всех австралийских миссионеров точка

⁴ См. «Новое время», 1951, № 18, стр. 31.

⁵ R. Battagbee, Указ. соч., стр. 11.

рения, как известно, поддерживается профессором Сиднейского университета Элькиным, являющимся одновременно председателем Ассоциации по защитеaborигенов⁶. Поэтому пастор Альбрехт проявил в этом вопросе большую твердость.

Альберт получил бумагу, кисти и краски тогда, когда художников, естественно, давно уже не было в Германсбурге. Переписываться с ними было запрещено. Не у кого было спросить совета, получить ответ на пропой, казалось бы, но очень трудный для человека, никогда не имевшего дела с кистью и красками, вопрос. Альберт попытался рисовать, перепортил всю бумагу, загубил кисти и краски и остался ни с чем.

Потекла прежняя, наполненная тяжелым трудом, полуголодная, беспросветная жизнь в резервации. Альберт, правда, продолжал рисовать. В 1935 г. он изготовил деревянный бumerанг и на нем изобразил важное событие в жизни Германсбурга — прокладкуaborигенами водопровода от Корпариля до поселка. Бумеранг с этим рисунком сохранился⁷. Но Альбера тянуло к живописи. Он жил надеждой, что художники еще раз приедут в Германсбург. Он решил во что бы то ни стало добиться того, чтобы они взяли его с собой в творческую поездку по окрестностям в качестве погонщика верблюдов.

Альберт иногда занимался на работу на соседние фермы, и месяца по два, по три его не было в поселке. Теперь он отказался от этого, боясь, что художники приедут именно во время его отсутствия. Бродя после работы по пустыне в поисках питательных корней и мелких животных, он специально примечал наиболее живописные виды с тем, чтобы предложить их художникам, когда они приедут. Наконец, в 1936 г. Баттерби, на этот раз один, вновь появился в Германсбурге.

Первым, кто его встретил, был Альберт. Он показал Баттерби свои неудачные рисунки и попросил взять его с собой в творческую поездку. Трудно сказать, как они договорились, не зная языка друг друга, но поладили они на следующем: Альберт будет сопровождать Баттерби в качестве погонщика верблюдов, а Баттерби, вместо платы, будет учить Альбера рисовать.

Погонщик верблюдов во время поездки почти не имеет свободного времени. Утром он сгоняет верблюдов в одно место, что является очень трудным делом, так как ночью верблюды в поисках травы далеко расходятся по пустыне. Затем начинается укрепление груза. Это дело не только трудное, но и сложное, своего рода искусство. Надо укрепить груз так, чтобы он держался главным образом на ребрах верблюда. Во время перехода надо внимательно следить за тем, чтобы основная нагрузка не переместилась с ребер на горб. Стоит погонщику верблюдов не досмотреть, и масса горба становится одним сплошным нарывом. Жара в Австралии страшная, мух множество, и в этих условиях горб начинает гнить прямо на живом верблюде⁸. Вечером, после перехода, надо снять груз, стреножить верблюдов ипустить их пастись.

Альберт не толькоправлялся со всеми этими обязанностями, но и находил время для рисования.

Поездка длилась два месяца. «Это было единственное время,— пишет Баттерби,— в течение которого Альберт получил хоть какое-то обучение рисованию красками»⁹. При этом надо помнить, что Баттерби и Альберт не могли беседовать друг с другом, так как первый не знал языка аранда, а второй не умел говорить по-английски. Если учесть далее, что Альберт в это время исполнял обязанности погонщика верблюдов, то

⁶ См. нашу рецензию на книгу: A. P. Elkin and R. and C. Berndt, Art in Arnhem Land, «Советская этнография», 1952, № 2.

⁷ См. C. P. Mountford, Указ. соч., стр. 49.

⁸ H. H. Finlayson. The red centre, Melbourne, 1945, стр. 115.

⁹ R. Battarbee, Указ. соч., стр. 12.

придется согласиться с Маунтфордом в том, что «введение Альберта в мир искусства — это почти неправдоподобная история»¹⁰.

Баттерби сначала дал Альберту цветные карандаши и картон. Но Альберта это не удовлетворило. Он должен научиться рисовать красками на бумаге. И он стал рисовать сразу красками.

Баттерби пишет: «Я сразу увидел его талант. Передо мной был человек, чистокровный представитель той расы, которую считают самой низшей расой в мире, и он в две недели усвоил чувство цвета. Я видел, что он справляется в целом настолько хорошо, что мне больше нечему было учить его в вопросе о цвете. В это время, я хорошо помню, я писал домой своим знакомым, что этот человек станет знаменитым художником». И далее он добавляет: «Никто из обыкновенных белых людей не смог бы достичь того, чего достиг Альберт в столь короткое время»¹¹.

Вернувшись в Аделаиду, Баттерби устроил выставку своих пейзажей Центральной Австралии, а рядом со своими выставил три рисунка Альберта: один был выполнен Альбертом после двух недель обучения, второй — через месяц и третий — через два месяца обучения. Рисунки обратили на себя всеобщее внимание.

Альберт продолжал рисовать. В том же 1936 г. он продал свою первую акварель за 5 шиллингов, повидимому, кому-нибудь из туристов, посещающих иногда Центральную Австралию. Жена губернатора Виктории, Хантингфильд, побывав здесь, также не преминула посмотреть на Альберта и его картины. Он стал одной из «достопримечательностей» этой местности. Владелец галереи Общества изящных искусств в Мельбурне после беседы с Хантингфильд по ее возвращении разрешил выставить в своей галерее рисунки Альберта без всякой платы за помещение. В ноябре 1938 г. здесь состоялась первая выставка картин Альберта Наматжиры. Художник послал на выставку сорок одну акварель, и все они были распроданы в несколько дней, по цене от одной до шести гиней каждая.

Альберт пишет только пейзажи. С его акварелей на нас смотрят суровая, величественная, негостеприимная природа Центральной Австралии: вершины гор с одиноко торчащими низкими деревьями, обрывистые склоны, покрытые красным песком, кусты выжженной травы в пустыне, редкие речные долины с их неприхотливой яркозеленой растительностью. Можно часами, не отрываясь, испытывая какое-то странное щемящее чувство, вглядываться в отражение заходящего солнца на горном склоне, в широкие тени на стволах далеко друг от друга стоящих деревьев,— все эти тонкие детали Альберт передает с изумительной эмоциональной глубиной, с необычайным мастерством.

В 1939 г. в Аделаиде, в галерее Южноавстралийского общества искусств, состоялась вторая выставка картин Альберта Наматжиры. Вновь все картины, сорок одна акварель, были проданы по ценам от двух до восьми гиней каждая. Одну из картин, широко известную ныне, пейзаж «Хааст Блафф (Алумбаура)» приобрела Национальная галерея Южной Австралии. По сообщению Баттерби, эта картина «сохранила свое место в секции акварелей галереи искусств в Аделаиде даже тогда, когда по ее сторонам расположились картины наших самых знаменитых художников»¹².

С 1939 по 1944 г.— в годы второй мировой войны — Альберт не выставлял своих картин. Но он продолжал рисовать. Картины Наматжиры стали широко известны. Возрос интерес и к самому художнику. В начале 40-х годов в Германсбург прибыл Маунтфорд, получивший от одного из клубов поручение познакомиться с Альбертом и написать о нем книгу.

¹⁰ C. P. Mountford, Указ. соч., стр. 44.

¹¹ R. Battarbee, Указ. соч., стр. 12.

¹² R. Battarbee, Указ. соч., стр. 16.

Альберта не было в Германсбурге, он совершал в это время одно из своих путешествий по пустыне, нося с собой коробку водяных красок, несколько кистей, связанных бечевкой, и сверток бумаги, обмотанный куском ткани,— полный набор аксессуаров его художественной студии.

Маунтфорд нашел Альберта в Пальмовой долине. Альберт и несколько его друзей сидели у костра. Окружающая их обстановка мало чем отличалась от типичного стойбищаaborигенов: низкий заслон от ветра, длинный ряд крохотных тлеющих костров, между ними — выкопанные в земле ямы для спанья, прислоненные к невысоким кустам копья и щиты, куски сваренного мяса кенгуру, торчащие в развиликах деревьев.

Маунтфорд попросил показать готовые картины. Альберт развернул сверток, вынул несколько акварелей, установил их у кустов, на земле, и встал рядом, смягчая своей тенью яркий свет заходящего солнца. Эти акварели, пишет Маунтфорд, «передавали лучше, чем рисунки любого европейского художника, которые я видел, прекрасные цвета Центральной Австралии — яркорыжий, глубокий фиолетово-голубой, золотисто-желтый — те цвета, в которые южанин не поверит, пока не увидит их своими собственными глазами»¹³.

В апреле 1944 г. в Мельбурне состоялась третья выставка картин Наматжиры. В этом же году вышла книга Маунтфорда «Искусство Альберта Наматжиры», которая за последующие 6 лет выдержала 4 издания. В 1945 г.— снова выставка картин в Сиднее. В 1946 г.— две выставки: в Аделаиде и Перте. В этом же году в Центральной Австралии в течение нескольких месяцев велась киносъемка под руководством Маунтфорда. Был снят документальный фильм о жизни и искусстве Альберта Наматжиры. В 1948 г. этот фильм, под названием «Альберт Наматжира, художник», демонстрировался во всех городах Австралии. В 1947 г.— опять две выставки: в Элис-Спринг и в Брисбене. В 1948 г.— выставка в Мельбурне.

Таким образом, во всех крупных городах Австралии были организованы выставки картин Альберта Наматжиры. Его картины разошлись по всему миру. Баттерби полагает, что немало картин разошлось и средиaborигенов Центральной Австралии. Разумеется,aborигенам, на нужды которых Наматжира отдает около половины своего дохода, художник не продает, а просто дарит свои картины.

Сейчас Альберт Наматжира — богатый человек. Но он не имеет права тратить деньги так, как он хочет. Его деньги находятся в распоряжении миссии, которая может разрешить ему что-либо приобрести, но может и не разрешить. Так, когда Альберт выразил желание купить сотню голов рогатого скота с тем, чтобы его сыновья Энос и Оскар стали фермерами-скотоводами, ему в этом было отказано: по мнению миссии и департамента туземных дел, нельзя допустить, чтобыaborиген стал самостоятельным фермером. Когда Альберт выразил желание построить себе дом, ему было отказано и в этом.

По отношению кaborигенам в Австралии проводится жесточайшая расовая дискриминация. Правительство Австралии отвело для них неблагоприятные для жизни бесплодные районы и запретило выходить за их границы¹⁴. В частности, Альберт Наматжира не имеет права выходить за границы узкого пустынного района Центральной Австралии, он заключен в нем на всю жизнь. В этих районах — резервацияхaborигенов держат на голодном пайке. Им закрыт доступ к образованию. Альберт Наматжира неграмотен, он до сих пор не прочел ни одной книги и не видел ни одного большого города, хотя всей душой рвется к знанию, культуре.

¹³ С. Р. Mountford. Указ. соч., стр. 68. Под южанином Маунтфорд подразумевает жителя южных районов Австралии.

¹⁴ И. М. Вайль, Расовая дискриминация в Австралии, «Советское государство и право», 1951, № 8.

Альберт Наматжира, надо полагать, является единственным в истории живописи художником, который не был ни на одной из многочисленных выставок своих картин: ему как аборигену запрещено приближаться к большим городам. Он может, правда, посетить небольшой городок Элис-Спрингс, лежащий в 80 милях от его родного поселка, но аборигенам, пишет Баттерби, «лучше не оставаться там слишком долго, иначе они могут стать достоянием кладбища для черных»¹⁵. Нет нужды добавлять, что он не имел и не имеет возможности видеть картины других художников.

В 1950 г., после больших хлопот, Альберт получил разрешение выехать за пределы резервации, в порт Дарвин, и рисовать там морские виды. Его сопровождала метиска, покупавшая ему по дороге пищу, — чистокровному аборигену в Австралии запрещено что-либо самому покупать в магазине¹⁶. Участок пути от Германсбурга до Бирдума Альберт проехал на верблюде, а от Бирдума до порта Дарвин — на поезде.

Людям, обладающим правом свободного передвижения по стране, трудно, конечно, представить себе, что испытывал во время этого путешествия Альберт Наматжира. Все, что он встречал, поражало его. За время путешествия, длившегося несколько дней, он не спал ни одной минуты — до боли в глазах всматривался в новый окружающий мир¹⁷.

Правительство разрешило аборигенам, живущим в окрестностях, посещать порт Дарвин, но только раз в неделю и только до захода солнца. Что касается аборигенов, работающих в самом порту Дарвин, то они, конечно, приходят в город ежедневно, но также должны покидать его до захода солнца. Жить в самом городе им запрещено.

В этом городе Альберт провел некоторое время, рисуя морские виды. Когда срок его пребывания здесь истек, он вернулся обратно в резервацию, в Германсбург. Это был первый случай в его жизни, когда ему удалось ненадолго выехать за пределы резервации. Второй такой случай ему долго не представлялся, хотя прогрессивные организации Австралии неоднократно приглашали его на открытие выставок его картин¹⁸, на Всеавстралийский карнавал молодежи¹⁹. Лишь в последнее время в 1954 г. ему удалось на короткий срок выехать в Сидней на выставку своих картин.

Вскоре после того, как Альберт Наматжира покинул порт Дарвин, в этом городе разыгрались важные события: аборигены, работающие в этом городе, объявили забастовку. У нас нет никаких данных, которые позволили бы поставить события, разыгравшиеся в порту Дарвин и его окрестностях в 1950—1951 гг., в связь с кратковременным пребыванием Альberta Наматжиры в этом городе. Но весьма примечательным фактом является то, что примерно в это же время в печати появился памфлет пастора Альбрехта, хозяина миссии в Германсбурге, направленный против Альберта Наматжиры. Пастор обвиняет Альберта в том, что он своим успехом в искусстве будто бы «испортил» аборигенов, так как те не желают теперь работать в миссии за дешевую плату.

В Германсбурге насчитывается сейчас десять человек из племени аранда, основной профессией которых является искусство, живопись (всего в поселке живет около 250 человек). Это, кроме самого Альберта, три его сына: Энос, Оскар и Эвальд; три брата Парероулья: Эдвин, Отто и Реубен; и еще три человека: Вальтер Эбатаринья, Энох Рабераба, Рихард Мокетаринья. Все это — ученики Альберта Наматжиры.

В настоящее время в австралийской прессе идет бурный спор по воп-

¹⁵ R. Battagbee, Указ. соч., стр. 18.

¹⁶ C. Kruse. Namatjira, «Pacific islands monthly», 1951, June, стр. 59.

¹⁷ См. «'White' Law insult to Namatjira», «Tribune» от 26 июля 1950 г.

¹⁸ «Why was Namatjira barred from Jubilee exhibition», «Tribune» от 11 декабря 1951 г.

¹⁹ «Namatjira invited», «Tribune» от 20 февраля 1952 г.

росу о художественной ценности картинaborигенов. Многие критики, оценивающие творчествоaborигенов срасистских позиций, либо вовсе отрицают художественное значение картин, либо покровительственно помпопывают художников-aborigenov по плечу: их живопись, говорят они, доказывает, чтоaborигены все-таки тоже люди. Критик Маккленток замечает по адресу этих критиков: они рассержены тем, что на картиныaborигенов имеется больший спрос, чем на их собственные.

Можно было бы привести немало высоких оценок картинaborигенов. Но нужно все же отметить тот их недостаток, что художники —aborigens племени аранда рисуют только пейзажи. Прав Маккленток, когда он пишет, что искусствоaborигенов поднимется на большую высоту, «если художники полностью осознают ужасные несправедливости, практикуемые против их народа, и отразят это в своих работах»²⁰.

Австралийское правительство относится к искусствуaborигенов недоброжелательно. Весьма характерная история произошла в поселении Карролуп (Западная Австралия). Учителя школы в этом поселении решили преподавать детямaborигенов рисование. Дети обнаружили поразительные способности. Их рисунки появились в печати, в австралийских газетах и даже в одной из лондонских газет. Вышла в свет книга о детях-художниках²¹. Однако сразу же после этого правительство закрыло школу²².

Австралийское правительство недоброжелательно относится и к Альберту Наматжире. До сих пор он вынужден жить в примитивной хижине, не спасающей не только от холода, но и от дождя. «Я рисую уже 20 лет, — заявил недавно Альберт Наматжира, — и все это время мне приходилось охранять мои картины от сырости, чтобы дождь не смог промочить их насеквоздь, как меня. Иногда, однако, он добирается и до них, тогда краски смазываются и портятся»²³.

Какой поистине неисчерпаемой энергией, каким огромным талантом надо обладать этому человеку, чтобы в условиях железного расового барьера, будучи неграмотным, находясь под неотступным наблюдением и контролем хозяев резервации, пробиться к искусству, достичь вершин мастерства и вести неустанную борьбу за человеческие права для своего малочисленного многострадального народа! Что остается перед лицом этого факта от мифа о «неполноценности»aborигенов?

История жизни и деятельности Альберта Наматжиры — это беспощадный приговор остаткам колониальной системы империализма, разоблачение всех ее отвратительных сторон, яркое доказательство того, что дальнейшее существование такого положения немыслимо.

²⁰ «Aboriginal artists and their paleface critics», «Tribune», от 30 апреля 1952 г.

²¹ M. D. Miller, Child artists of the Australian bush, 1952.

²² Shameful treatment of aboriginal child artists, «Tribune» от 22 октября 1952 г.

²³ См. «За прочный мир, за народную демократию» от 23 апреля 1954 г.

Д. Д. ТУМАРКИН

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ СЕМЬИ У ГАВАЙЦЕВ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В своем труде «Древнее общество» Л. Г. Морган утверждает, что после кровнородственной семьи исторически следует такая форма семейных отношений, которая существовала в начале XIX в. на Гавайских островах; подобную форму семьи Морган называет гавайским словом «пуналуа». По мнению Моргана, пуналуальная семья соответствует «периоду дикости» и предшествует образованию рода. Эта моргановская гипотеза воспроизведена во II главе классического произведения Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Энгельс никогда не считал труд Моргана догмой. В предисловии к четвертому изданию своей книги Энгельс писал: «Четырнадцать лет, истекших со времени появления главного труда Моргана, очень обогатили наш материал по истории первобытных человеческих обществ... Некоторые отдельные гипотезы Моргана были в результате этого поколеблены или даже опровергнуты»¹. В соответствии с достижениями науки Энгельс пополнил свою книгу новым фактическим материалом и внес в нее значительные изменения. Но ввиду отсутствия сколько-нибудь удовлетворительных исследований о брачных обычаях гавайцев и других полинезийцев Энгельс в основном сохранил те выводы Моргана, которые были основаны на изучении малайской (гавайской) системы родства и семьи «пуналуа». При этом, однако, говоря о пуналуальной семье, Энгельс предупреждал, что «Морган здесь зашел слишком далеко»².

Теперь уже не четырнадцать, а семьдесят семь лет отделяют нас от выхода в свет главного труда Моргана. За это время учеными накоплено огромное количество этнографического материала, блестящие подтверждавшего основные положения концепции Моргана. Вместе с тем приходится уточнять, а иногда и опровергать отдельные гипотезы, выдвинутые этим выдающимся американским исследователем. Советские этнографы уже доказали несостоятельность предложенной Морганом схемы развития первобытной семьи в части, касающейся малайской (гавайской) системы родства³. Задача настоящего сообщения — вскрыть источники заблуждения Моргана в другом частном вопросе, о семье «пуналуа», и попытаться выяснить, каковы были формы семьи у гавайцев в конце XVIII—начале XIX в., в период появления на островах европейских и американских колонизаторов.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 19.

² Там же, стр. 42.

³ См. А. М. Золотарев, К истории ранних форм группового брака, «Ученые записки историч. факультета Моск. обл. педагогич. ин-та», т. II, М., 1940, стр. 144—169; С. А. Токарев, Энгельс и современная этнография, «Изв. Академии наук СССР», серия истории и философии, т. III, № 1, М., 1946, стр. 17—30; Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. XIV, М., 1951, стр. 28—66.

I

Семья представляет собой определенную форму общественных отношений. Семья — явление производное; формы ее зависят от способа производства жизненных материальных благ. Ошибочный взгляд Моргана на семейные отношения гавайцев стал возможным в связи с неправильной оценкой общего развития островитян. Поэтому необходимо, прежде всего, выяснить, каков был общественный строй гавайцев в конце XVIII—начале XIX в.

Морган полагал, что гавайцы в начале XIX в. находились на «средней ступени дикости». Однако в свете данных, собранных многочисленными путешественниками, это утверждение звучит как явное недоразумение. Действительно, гавайцы не знали металлов и гончарства, так как на островах нет соответствующего сырья. Но они сумели в значительной мере восполнить этот пробел, достигнув высокого мастерства в изготовлении орудий из камня, раковин и кости, применяя тыквенные калебасы и посуду из дерева, скорлупы кокосового ореха, черепаховых щитов и т. п. Что касается лука, то в нем гавайцы не испытывали нужды, располагая другим, более пригодным для них боевым оружием (палицы, кинжалы, праши, копья, дротики), и ввиду отсутствия объектов для охоты на островах. Но лук гавайцам был известен и применялся в спортивных целях⁴.

Ограниченные природные ресурсы островов обусловили своеобразные черты материальной культуры гавайцев. Отставание некоторых отраслей хозяйства и техники компенсировалось у них поразительным развитием других отраслей.

Экономической основой жизни гавайцев было мотыжное тропическое земледелие с применением удобрений и искусственного орошения. Путешественников, впервые посещавших Гавайи, всегда поражала высокая земледельческая культура островитян. Так, английский капитан Диксон после пребывания на Гавайях в 1787 г. заявил, что «здравая рассудительность и почти научная мудрость, с которой обработаны эти поля... сделали бы честь и британскому землепашцу»⁵. Подробное описание гавайского земледелия оставили русские мореплаватели. «Засаженные таро поля, которые свободно можно назвать озерами, привлекли мое внимание,— пишет О. Е. Коцебу.— Каждое из них, величиной около 160 квадратных футов, образует правильный четырехугольник и, наподобие наших бассейнов, выложено вокруг камнями... Каждое поле снабжено двумя шлюзами, чтобы с одной стороны впускать воду, а с другой выпускать на соседнее поле. Поля постепенно понижаются, так что одна и та же вода, вытекающая из возвышенного водоема, куда она проведена из ручья, орошает обширные плантации... Находящиеся между полями промежутки, имеющие от 3 до 6 футов в ширину, обсажены с обеих сторон сахарным тростником или бананами, которые образуют приятнейшие тенистые аллеи... Я сам видел большие горы, покрытые такими полями, через которые постепенно спускалась вода»⁶. Замечательным памятником строительного искусства гавайцев является акведук в долине Ваймее на острове Кауаи. Он представляет собой наклонную каменную стену исполинских размеров, сложенную из гладко отесанных каменных глыб. На ее вершине устроен жолоб, по которому стекала с горы вода. Как указывает Тे Рangi Хироа, «это единственное в своем роде сооружение, не встречающееся нигде в Полинезии»⁷.

⁴ См. Те Рangi Хироа (П. Бак), Мореплаватели солнечного восхода, М., 1950, стр. 60—62.

⁵ G. Dixon, A Voyage Round the World, Performed in 1785, 1786, 1787 and 1788, London, 1789, стр. 131.

⁶ О. Е. Коцебу, Путешествия вокруг света, М., 1948, стр. 134.

⁷ Тe Rangi Хироа, Указ. раб., стр. 212; см. также G. Vapcouver, A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean, and Round the World, vol. I, London, 1798, стр. 171.

Из домашних животных на Гавайях имелись свиньи, собаки (шедшие в пищу) и куры. Их привезли с собой полинезийцы во время заселения островов.

Значительную часть пищи гавайцы добывали из моря. Они знали много способов ловли рыбы и, заботясь о сохранении рыбных богатств, придерживались многочисленных правил и ограничений. Кроме того, они разводили рыбу в специальных прудах, расположенных обычно вблизи морского побережья. Установлено, что на одном только острове Молокан имелось свыше ста таких прудов. Для разведения рыбы использовались также залитые водой поля таро⁸.

Обитатели большинства полинезийских островов, не умея добывать соль, добавляли в пищу соленую морскую воду. Гавайцы же разработали довольно сложную технику получения соли, вызывавшую восхищение у иностранцев. Морская вода отстаивалась в ряде специальных резервуаров, после чего разливалась по небольшим плоским чашам, изготовленным из листьев, в которых она подвергалась испарению под действием солнечных лучей. Остающиеся на дне кристаллы соли тщательно собирались и очищались, а затем измельчались. В. М. Головнин писал, что полученная таким образом соль ничем не уступает лучшей европейской⁹.

Почти все путешественники, побывавшие на островах, с восхищением отзываются о мастерстве гавайских ремесленников. «В каждом изготовленном ими предмете,— говорит англичанин Кемпбелл,— эти островитяне обнаруживают удивительное искусство и изобретательность, принимая во внимание простоту используемых ими орудий труда»¹⁰. Многое можно сказать о замечательных изделиях из камня, дерева и раковин, о красивых и прочных цыновках, о художественно расписанной материи из коры (тапа). «Смешение цветов и отличное искусство в рисунке, со строжайшим соблюдением соразмерности,— писал Ю. Ф. Лисянский,— прославили бы каждого фабриканта этих тканей даже и в Европе»¹¹. Широко известны непревзойденные по красоте гавайские плащи и шлемы из золотистых и алых перьев, немногие сохранившиеся образцы которых являются ныне украшением этнографических музеев.

Гавайцы были искусными судостроителями и отважными мореходами. На больших, обычно сдвоенных ладьях (ваа), вмещавших до сотни человек, они совершали тысячекилометровые переходы по бескрайним просторам Тихого океана. Специалисты, изучавшие мореходное искусство гавайцев и других полинезийцев, справедливо ставят их выше викингов. Во время этих плаваний гавайцы в совершенстве изучили течения и ветры, научились ориентироваться по небесным светилам, создали своеобразные морские карты и даже изобрели простейший астрономический прибор («священную калебасу»), позволявший определять широту места по Полярной звезде¹².

Далеко зашло на Гавайях разделение труда. Существовали специалисты-судостроители, домостроители, резчики, птицеловы, танцоры, музыканты и т. д., у верховых вождей имелись свои скороходы и повара. Гавайцы не знали денег, но обмен между населением разных островов и отдельных округов был развит уже задолго до появления иностранцев. «В определенные периоды,— пишет Джарвис,— в различных местах устраивались базары или ярмарки. Наиболее знаменитые происходили на берегах реки Ваилуку в округе Хило на острове Гавайи. Сюда собира-

⁸ О. Е. Коцебу, Указ. соч., стр. 134; O. W. Freeman, *The Economic Geography of Hawaii, Honolulu*, 1927, стр. 21—22.

⁹ В. М. Головнин, Сочинения, М., 1949, стр. 391.

¹⁰ A. Campbell, *A Voyage Round the World from 1806 to 1812*, Edinburgh, 1816, стр. 197—198.

¹¹ Ю. Ф. Лисянский, Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 годах, М., 1947, стр. 132.

¹² H. Rodman, *The Sacred Calabash, Proceedings of the United States Naval Institute*, 1927, August, стр. 867—872.

лись обитатели всех частей острова, чтобы произвести обмен собственностью. Одни округа были известны высоким качеством своей тапы, другие своими цыновками, скотом, превосходным пои, или сушеным рыбой. Продавцы расхваливали свои изделия, которые были сложены грудами по обоим берегам речки, в соответствии с определенными правилами. Когда производился торг, соответствующие предметы клались на особую скалу, где их можно было осмотреть в присутствии наблюдателей, призванных быть арбитрами в случае спора и действовавших в качестве полиции для сохранения порядка. За свои услуги они получали вознаграждение. Со всеми, кто пересекал речку, взималась пошлина»¹³.

Значительному развитию производительных сил соответствовал довольно высокий уровень общественного развития. Уже первые путешественники, побывавшие на Гаваях (Кук, Диксон, Ванкувер), а за ними русские мореплаватели первой четверти XIX в. сообщают о далеко зашедшем классовом расслоении на островах. Так, участник экспедиции Кука, открывшей в 1778 г. Гавайские острова, Джемс Кинг правильно подметил наличие двух основных сословий, отделенных друг от друга строгими ритуальными запретами: благородных (алии) и общинников (макааинана). Он же сообщает о существовании немногочисленного сословия рабов (каува) — военнопленных и семей преступников, нарушивших табу. Эти «отверженные» жили в особых селениях и не имели права общаться с лицами других сословий¹⁴. Данные Кинга о социальной структуре гавайского общества подтверждаются другими путешественниками, а также современными нам американскими этнографами¹⁵.

Отдельными островами архипелага управляли короли (алии-аи-моку), опиравшиеся на боевые дружины. Король обладал despoticкой властью и считался верховным собственником всей земли. Большие округа (ахупуаа) передавались им во владение приближенным вождям. Эти округа делились на более мелкие участки (или), тянувшиеся узкой полосой от морского побережья до горной вершины. Владелец ахупуаа раздавал «или» зависимым от него алии более низкого ранга; в отдельных случаях «или» населяла одна семейная община (охана), которая подчинялась непосредственно владельцу округа (алии-аи-ахупуаа). С приходом к власти нового короля обычно происходило перераспределение земель, что нередко приводило к кровавым войнам¹⁶.

Общинники (макааинана), будучи лично свободными, за пользование землей, оросительными каналами и за право ловить рыбу в прибрежных водах выполняли в пользу алии разнообразные повинности в форме натуральных поставок и отработок; они должны были также уплачивать подать непосредственно королю. Алии-аи-ахупуаа обязаны были по приказу короля являться на войну вместе со своими подданными и, кроме того, вносить ему особую подать лодками, тапой, матами, свиньями и т. д., в соответствии с размером округа и характером получаемых доходов. Примерно такие же отношения существовали между владельцами ахупуаа и зависимыми от них алии¹⁷.

Власть на Гавайских островах имела в значительной мере теократический характер. Примыкавшие к сословию алии жрецы играли важную роль

¹³ J. J. Jarves. History of the Hawaiian or Sandwich Islands, Boston, 1844, стр. 77—78.

¹⁴ J. Cook and J. King, A Voyage to the Pacific Ocean, vol. 3, London, 1784, стр. 153.

¹⁵ См. например: R. S. Kuikendall, The Hawaiian Kingdom. 1778—1854, Honolulu, 1938, стр. 9; E. S. C. Handy, Cultural Revolution in Hawaii, N. Y., 1931, стр. 4—5.

¹⁶ Е. Н. Вгуап, Ancient Hawaiian Life, Honolulu, 1938, стр. 63—66. Первым разобрался в поземельных отношениях гавайцев Ю. Ф. Лисянский (указ. раб., стр. 138). но его данными по этому вопросу трудно пользоваться ввиду неточной передачи гавайских терминов.

¹⁷ W. Ellis, Narrative of a Tour through Hawaii, London, 1828, стр. 424—425, 428; Ю. Ф. Лисянский, Указ. раб., стр. 138.

в управлении. Сам король являлся первосвященником. Более того, в мирные дни он считался воплощением бога плодородия и дождя Лоно, а в военное время — воплощением бога войны Ку. Могущественным орудием классового угнетения были религиозно-политические запреты (табу), регулировавшие все стороны жизни островитян. Сбор податей в пользу короля происходил во время осеннего праздника плодородия (макахики). Сборщиков податей сопровождала процессия жрецов с изображениями бога Лоно. Считалось, что приношения, делаемые королю (последний наделял ими также свое окружение и жрецов), должны обеспечить в следующем году обильные дожди и высокий урожай¹⁸.

Английский миссионер Вильям Эллис, около двух лет проживший на Гавайях, обнаружил там следы того, что мы называем «военной демократией». Эллис сообщает, что в прошлом для обсуждения «национальных дел» созывались народные собрания. Но в начале XIX в. островитян собирали лишь для того, чтобы объявить им волю короля и вождей. Это делали специальные глашатаи, должность которых была наследственной и считалась очень почетной¹⁹. Вопросы войны и мира, равно как и другие важнейшие вопросы, обсуждались на совете знатнейших вождей (ахалии). Его рекомендации не были, однако, обязательны для короля. Нередко король принимал ответственные решения, посоветовавшись лишь с доверенными лицами из своего окружения. Среди последних главную роль играли «великий жрец» (кухина нуи) и «разрезатель острова» (калаимоку) — главный королевский советник по земельным делам, сбору податей и командованию войском²⁰.

Приведенных фактов, как нам кажется, достаточно для того, чтобы в общих чертах определить общественный строй гавайцев как раннефеодальный. Окончательное оформление феодальных отношений и объединение островов в одно королевство произошло при знаменитом Камеамеа I (ум. в 1819 г.). Эти процессы были ускорены появлением иноземных захватчиков. Создав вооруженную пушками и ружьями армию и довольно сильный флот, в составе которого было несколько европейских судов, искусно используя противоречия между великими державами, Камеамеа успешно отстаивал независимость островов от европейских и американских колонизаторов²¹.

II

Семейные отношения гавайцев в основном соответствовали достигнутому последними уровню общественного развития. Господствующей формой брачных связей на Гавайях в конце XVIII — начале XIX в. был парный брак с элементами перехода к моногамии. «Мужчина и женщина, понравившись друг другу, живут вместе, пока не разбранятся,— сообщал Ю. Ф. Лисянский.— В случае же какого-либо неудовольствия, расходятся без всякого отношения к гражданским властям»²². Это сообщение подтверждается В. Эллисом²³.

Как правильно подметил Морган, изучая жизнь американских индей-

¹⁸ E. S. C. Handy, Указ. раб., стр. 11—14.

¹⁹ W. Ellis, Указ. раб., стр. 432—433.

²⁰ R. S. Cuiken dall, Указ. раб., стр. 10.

²¹ На классовый характер гавайского общества указывали в нашей литературе А. М. Золотарев (указ. раб., стр. 152); Д. А. Ольдерогге (указ. раб., стр. 37); С. А. Токарев, Проблемы изучения современного положения народов Австралии и Океании. «Краткие сообщения института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. VII, М.—Л., 1949, стр. 252; предисловие С. А. Токарева к книге Те Ранги Хироа «Мореплаватели солнечного восхода», стр. 8. Можно предполагать, что разложение первобытно-общинного строя и складывание феодальных отношений на Гавайях были ускорены недостатком плодородных земель при значительной плотности населения.

²² Ю. Ф. Лисянский, Указ. раб., стр. 131.

²³ W. Ellis, Указ. раб., стр. 444.

ев, парная семья была слишком слабой организацией, чтобы одной противостоять тягостям жизни. Поэтому для большинства островов Полинезии в прошлом была характерна группа совместно живущих родственников, которая отличалась от родовой группы отсутствием экзогамии. У маорийцев подобная семейная группа называлась «ванау»; несколько родственных ванау составляли хапу²⁴. Такие же семейные группы обнаружены и на Гавайских островах.

Еще задолго до появления колонизаторов у гавайцев существовала семейная община (охана). По данным Хэнди, она состояла из родственников по крови, браку или усыновлению, которые жили в большем или меньшем отдалении от моря, но концентрировались в географическом отношении и были привязаны происхождением, рождением и чувствами к определенной местности, именуемой аина²⁵. Родственники, входящие в охана, не жили одной деревней, а размещали свои жилища на обширной территории, нередко простиравшейся от берега моря до вершины близлежащей горы. Старейшиной общины был хаку — глава старшей ветви охана. Он председательствовал на семейных советах, ведал приемом гостей, руководил общественными работами, следил за выполнением религиозных обрядов и т. п. Охана делилась на отдельные домохозяйства — хале. В состав хале входили как непосредственные члены семьи всех возрастов, так и не находившиеся с ними в родстве слуги и другие зависимые люди (охуа), что сближает хале с большой патриархальной семьей. Родственные хале были связаны обязанностью взаимопомощи. Так, женщина с побережья, нуждающаяся в бананах, приносила родственникам, живущим на более возвышенных местах, рыбу и т. п. В сношениях с внешним миром, в частности при уплате податей алии, охана обычно выступала как единое целое. Но по мере развития производительных сил и становления частной собственности, сопровождавшихся постепенным переходом от парного брака к моногамии, гавайская большая семья распадалась на более мелкие ячейки. В то же время происходило перемешивание населения, подрывавшее принцип расселения людей на основе кровного родства. Все это вело к разрушению охана. Окончательный распад старой гавайской семейной системы был ускорен общими социально-экономическими изменениями, связанными с появлением колонизаторов.

В сословии благородных (алии) было распространено многоженство. «Каждый островитянин может иметь столько жен, сколько в состоянии содержать,— пишет Лисянский.— Но обыкновенно у короля бывает их три, у знатных по две, а у простолюдинов по одной»²⁶. «Полигамия разрешена лицам всех классов,— подтверждает Эллис,— но практикуется только среди вождей, чьи богатства позволяют содержать множество жен»²⁷. В знатных семьях от женщин требовалась безусловная верность. Власть мужа в таких семьях была весьма велика²⁸.

По свидетельству Головина и Джервиса, на островах встречались случаи многомужества. «Здешние знатные дамы,— пишет Головин,— позволяют себе свободу и явную маленьющую прихотливость иметь пару мужей»²⁹. Многомужество было привилегией женщин, находящихся на высших ступенях сословной иерархии; их мужьями были лица более низкого происхождения.

²⁴ Д. А. Ольдерогге, Указ. раб., стр. 35—36.

²⁵ E. S. C. Handy, The Hawaiian Family System, «Journal of Polynesian Society», vol. 59, № 2, 1950, June, стр. 174—175. Термин «охана» тесно связан с выращиванием таро — основной продовольственной культуры гавайцев. Оха — отпочковываться, происходит от общего корня; этим словом называют боковой отросток от главного корня таро.

²⁶ Ю. Ф. Лисянский, Указ. раб., стр. 131. У короля Камеамеа I было пять жен.

²⁷ W. Ellis, Указ. раб., стр. 444.

²⁸ J. J. Jerves, Указ. раб., стр. 90.

²⁹ В. М. Головин, Указ. раб., стр. 368.

Итак, в конце XVIII — начале XIX в. на Гавайях господствовал парный брак у макааниана и полигамия у алии. Возникает вопрос, существовала ли на Гавайских островах — по крайней мере, в рассматриваемый период, — особая, описанная Морганом семья «пуналуа». Как известно, Морган дает следующее определение пуналуальной семьи: «Она была основана на групповом браке нескольких сестер, родных или collateralных, с мужьями каждой из них, причем общие мужья не были обязательно в родстве друг с другом, или на групповом браке нескольких братьев, родных и коллатеральных, с женами каждого из них, причем эти жены не были обязательно в родстве друг с другом, хотя это часто и бывало в обоих случаях. В том и другом случае группа мужчин совместно состояла в браке с группой женщин»³⁰.

Основываясь на показаниях путешественников, подтвержденных позднейшими исследованиями, можно безошибочно утверждать, что гавайцы задолго до появления колонизаторов уже миновали стадию группового брака. Тем более невероятно существование на островах в рассматриваемый период семьи, основанной на ранней форме группового брака и непосредственно следующей за кровнородственной семьей. А ведь именно такой характер имела, по мнению Моргана, семья «пуналуа»!

Ответ на вопрос о подлинном значении гавайского термина «пуналуа» мы находим уже в книге В. М. Головнина. Головнин сообщает, что на корабль прибыла знатная островитянка «со вторым своим мужем, которого, по здешнему обычаю, называют другом мужа»³¹. Как известно, слово «пуналуа» в переводе на русский язык означает «дорогой друг» или «близкий товарищ». Поэтому можно с известным основанием утверждать, что термин «пуналуа» применялся в полигамных семьях: этим словом называли друг друга женщины, имеющие одного, общего мужа, или мужчины, имеющие одну, общую жену³². Такое толкование обычая «пуналуа» подтверждается известным исследователем полинезийцем Те Ранги Хироа. «Гавайское сказание,— пишет он,— повествует о том, что Моикеха был старшим братом Олопана, который согласился делить с ним жену. Этот вариант основан на гавайском обычье «пуналуа», согласно которому два друга по обоюдному соглашению могут обладать одной женой»³³. А американский этнограф Хэнди в сводной работе, основанной на изучении источников XVIII—XIX вв., прямо заявляет: «Встречались второстепенные (secondary) супруги, как мужчины, так и женщины, именуемые пуналуа, но обычай пуналуа не имел характера группового брака»³⁴.

Интересно отметить, что термин «пуналуа» употреблялся также новозеландскими маори, причем в том же значении, что на Гавайских островах. «Маорийское слово пуна означает родник,— сообщал в 1879 г. Моргану Лоример Файсон,— но пунаруа означает обычай иметь двух жен... Маорийское слово пунаруа идентично гавайскому пуналуа (руа-дува)»³⁵.

Пытаясь подкрепить свои рассуждения об архаичности семейных отношений на Гавайских (Сандвичевых) островах, Морган ссылается на браки между братьями и сестрами, практиковавшиеся вплоть до утверждения на островах христианства среди высшей знати и особенно в коро-

³⁰ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1935, стр. 216.

³¹ В. М. Головнин, Указ. раб., стр. 370 (разрядка наша.—Д. Т.).

³² В словаре, изданном американскими миссионерами в 1836 г., говорится: «Пуналуа — друг на равных правах». Этот термин не связывается здесь с брачными обычаями (см. Vocabulary of Words in the Hawaiian Language, Lahainaluna, 1836, стр. 126).

³³ Те Ранги Хироа, Указ. раб., стр. 214.

³⁴ E. S. C. Handy, Cultural Revolution in Hawaii, стр. 8.

³⁵ Цит. по B. J. Stern (ed.). Selections from the Letters of Lorimer Fison and A. W. Howitt to Lewis Henry Morgan, «American Anthropologist», vol. 32, No. 2, Apr. 1930, стр. 273—274.

левской семье. «Нет ничего удивительного в том,— пишет Морган,— что на Сандвичевых островах брак между братьями и сестрами сохранился в качестве пережитка кровнородственной семьи при пуналуальной семье, в отдельных случаях, поскольку эти люди еще не достигли родовой организации и поскольку пуналуальная семья выросла из еще не совершенно исчезнувшей кровнородственной семьи»³⁶.

В свете приведенных выше фактов становится очевидной ошибочность этого утверждения Моргана. Морган не обратил внимания на замечание Бингхема о том, что эти связи были особо приняты у высших классов. На самом деле, подобные браки вызывались социально-политическими соображениями и были отражением далеко зашедшей классовой дифференциации общества. «В правящих семьях,— пишет американский ученый Александр, много лет проживший на Гаваях,— братья и сестры иногда женились друг на друге по государственным соображениям, чтобы иметь детей самого высокого ранга, так называемых али ини аупио»³⁷. Это сообщение Александера подтверждается другими исследователями. «В отдельных знатных семьях,— пишет Те Ранги Хироа,— братья, преисполненные высокомерным чванством, женились на своих сестрах, считая, что нет другой достаточно высокопоставленной семьи, достойной дать им супругу. Этот обычай нигде в Полинезии больше не встречался. К отрыкам таких браков относились с высочайшим уважением»³⁸.

Нет сомнения, что далекие предки гавайцев, обитавшие на их восточноазиатской прародине, в свое время прошли начальные этапы семейных отношений. Однако нам не удалось обнаружить доказательств того, что групповой брак когда-либо существовал на Гавайских островах, и тем более найти непосредственную связь между групповым браком и обычаем «пуналуа».

III

Остается выяснить, как возникли у Моргана ошибочные представления о брачных обычаях гавайцев. Как известно, сам Морган на Гаваях никогда не бывал. Каковы же были его источники?

Еще в предисловии к своей книге «Системы родства и свойства человеческой семьи», опубликованной в 1871 г., Морган указывал: «Я желаю упомянуть тот факт, что подавляющее большинство иностранных таблиц было представлено американскими миссионерами»³⁹. Так же обстояло дело и с гавайским материалом. Анализ упомянутой выше книги и последовавшего за ней труда «Древнее общество» позволяет установить, что информаторами Моргана были миссионеры Бингхем и Бишоп, теолог Бартлет и судья из Гонолулу, бывший миссионер Эндрюс. Из книг и писем этих американских церковников Морган и почерпнул фактический материал о гавайском обычве «пуналуа»⁴⁰.

Среди армии миссионеров, наводнивших острова Океании, в качестве исключения встречались отдельные культурные и любознательные люди, которые своими наблюдениями обогатили науку. Однако информаторы Моргана отнюдь не принадлежали к их числу.

³⁶ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 232—233.

³⁷ W. D. Alexander, A Brief History of the Hawaiian People, New York, 1891, стр. 32—33.

³⁸ Те Ранги Хироа, Указ. раб., стр. 216—217. Подобный брак намечался в 1825 г. в семье правителя острова Мауи (см. W. Ellis, Указ. раб., стр. 445—446). Последним из верховных вождей женился на родной сестре гавайский король Камеамеа III (см. E. S. C. Handy, Cultural Revolution in Hawaii, стр. 4).

³⁹ L. H. Morgan, Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family, Washington, 1871, стр. VIII.

⁴⁰ Кроме того, Морган использовал таблицу гавайской системы родства, присланную консулом США в Хило (о-в Гавайи) Томасом Миллером. Но Морган нигде не ссылается на Миллера, говоря о так называемой семье «пуналуа».

Хайрем Бингхем — зловещая фигура в истории Гавайских островов. Прибыв на острова в 1820 г., он поселился в Гонолулу и, завладев доверием группы верховных вождей, вскоре сделался фактическим правителем архипелага. «Бингхем и компания правят...», — сообщал в 1831 г. американский купец Пейерс из Гонолулу. — Они являются теми фокусниками, которые из-за занавеса приводят в движение правителей-марионеток»⁴¹. Резко отрицательную характеристику Бингхему и его сподвижникам дал в 1825 г. русский капитан О. Е. Коцебу, подчеркивавший, что миссионеры стремятся разрушить самобытную культуру гавайцев и ввести вместо старых табу новые, еще более обременительные. «Чтобы тайные намерения Бингхема нельзя было легко обнаружить, — писал Коцебу, — религия во всем используется в качестве прикрытия... Улицы, раньше полные жизни, теперь пустынны; все игры, даже самые невинные, строго запрещены; пение является сурово наказуемым преступлением, а кто посмеет танцевать, тот и подавно не может рассчитывать на снисхождение со стороны своих жестоких правителей. В воскресенье нельзя ни готовить, ни вообще зажигать огня. Весь день только и делают, что молятся, с каким благочестием, можно себе представить»⁴².

Отстаивая интересы американских колонизаторов, Бингхем заставил короля изгнать с островов французских католических миссионеров и обрек на мучения католиков-гавайцев. По словам английского путешественника Джорджа Симпсона, католики-гавайцы подвергались таким пыткам, перед которыми бледнеют ужасы инквизиции⁴³. Своей тиранией и изуверством Бингхем заслужил ненависть не только коренного населения, но и многих иностранцев, поселившихся на Гавайях. В 1840 г. он вынужден был покинуть острова. Его неоднократные попытки вернуться в Гонолулу неизменно отклонялись руководством миссионерского движения Соединенных Штатов: в кругах американских колонизаторов решили отказаться от услуг слишком скомпрометированного агента. Оставшись не у дел, Бингхем в 1847 г. выпустил книгу, в которой клеветал на гавайский народ и оправдывал свои действия⁴⁴.

Подстать Бингхему был и другой миссионер — Артемас Бишоп. Поселившись в округе Эва, недалеко от Гонолулу, он стал одним из ближайших помощников Бингхема и активным проводником его политики. Одновременно Бишоп не забывал и о личном обогащении. Он сделался владельцем большой молочной фермы, продукцию которой весьма выгодно сбывал на заходящие в Гонолулу иностранные суда, завел одним из первых сахарную плантацию и пустил в ход предприятие по выработке сахара-сырца⁴⁵. «Миссионеры американцы проповедуют слово божие и наживаются на счет туземцев», — сообщал в 1854 г. из Гонолулу русский капитан Лесовский⁴⁶. Этот отзыв в полной мере относился к Бишопу.

Семюэл Бартлет, профессор библейской литературы в Чикагской духовной семинарии, сам на Гавайях не бывал и при составлении своей

⁴¹ Цит. по Н. В. Bradley, *The American Frontier in Hawaii, The Pioneers. 1789—1843*, Stanford University Press, 1942, стр. 203.

⁴² O. Kotzebie, *Neue Reise um die Erde, in den Jahren 1823, 24, 25, 26*, Bd. II, Weimar, 1830, стр. 142.

⁴³ G. Simpson, *Narrative of a Journey Round the World*, vol. 2, London, 1847, стр. 110—111.

⁴⁴ В качестве характерного образчика высказываний Бингхема о гавайцах см. цитату, приведенную в книге Л. Г. Моргана «Древнее общество», стр. 232.

⁴⁵ Н. В. Bradley, Указ. раб., стр. 241—242; R. S. Kuiken dall, Указ. раб., стр. 180.

⁴⁶ «Морской сборник», 1854, № 8, стр. 384. Сколотив состояние, миссионеры обычно отказывались от духовного сана и превращались в обычных купцов и плантаторов. Как сообщает прогрессивный американский публицист С. Вейнман, «наиболее могущественными империалистами на Гавайях сегодня являются старые миссионерские семьи» (S. Weinman, Hawaii, A Story of Imperialist Plunder, N. Y., 1934, стр. 18).

книги «Исторический очерк гавайской миссии» (1869) пользовался писаниями Бингхема и других миссионеров. О позициях Бартлетта лучше всего говорит следующее его высказывание: «У туземцев едва ли больше скромности и стыда, чем у животных»⁴⁷.

Собирая сведения о гавайской системе родства, Морган в 1860—1861 гг. переписывался с «судьей из Гонолулу» Лоррином Эндрюсом. Прибыв на Гавайи в 1827 г., Эндрюс обосновался в качестве миссионера в порту Лахаина (о-в Мауи) и в течение многих лет был ближайшим сподвижником Бингхема. Вскоре после отъезда Бингхема он покинул миссию, чтобы сделаться членом королевского тайного совета и верховным судьей. В 1859 г. Эндрюс вышел в отставку и, получив от Камеамеа IV крупную пенсию, на досуге занялся изучением гавайского фольклора — тех самых песен и преданий, которые он, будучи миссионером, тщетно старался вытравить из памяти островитян. В своих письмах к Моргану Эндрюс, разумеется, придерживается миссионерской традиции, но примечательно то, что он несколько более осторожно отвечает на вопрос о значении термина «пуналау»⁴⁸.

Но дело, конечно, не только в личных качествах тех или иных информаторов Моргана. Для правильной оценки сведений о брачных обычаях гавайцев, почерпнутых Морганом из миссионерских источников, необходимо вспомнить указание Энгельса о том, что миссионеры в Полинезии вообще не были способны «усмотреть в подобных противохристианских отношениях нечто большее, чем простую «мерзость»⁴⁹. Недостоверность и тенденциозность миссионерских сообщений о Гавайях и гавайцах вынуждены ныне признать многие американские этнографы. Так, сотрудник музея Бернис Пауахи Бишоп в Гонолулу Э. Хэнди называет американских миссионеров «недоброжелательными и плохо информированными наблюдателями, не имевшими и понятия о принципах или нормальном состоянии старой гавайской цивилизации, да и фактически любой другой цивилизации, кроме их собственной, которую они считали критерием совершенства не только для самих себя и своего домашнего окружения, но и для всех рас во всех странах»⁵⁰. К тому же, как правильно отмечает Хэнди, первая партия миссионеров прибыла на Гавайи в 1820 г., через 42 года после начала общения островитян с колонизаторами, когда весь строй жизни гавайцев был уже основательно разрушен.

Наконец, следует иметь в виду и то, что перо миссионеров направляли вполне определенные внешнеполитические соображения. Слухи о бесчинствах и насилиях американских миссионеров на Гавайях с середины 30-х годов XIX в. широко распространились в США и в Европе. Особенно громкие протесты раздавались в Англии и Франции, ибо правящие круги этих стран сами стремились захватить Гавайи и вели ожесточенную борьбу против своих американских соперников, передовым отрядом которых были миссионеры. О неприглядной деятельности Бингхема и его приспешников писали европейские газеты, говорили государственные деятели и дипломаты. В ответ на эти обвинения в США появилась обширная литература (книги Андерсона, Бингхема, Диббла, Стюарта, Чивера, Бартлетта и др.), в которой восхвалялась деятельность американских духовных «пастырей» на островах. Чтобы оттенить мнимые успехи цивилизации на Гавайях, авторы этих сочинений не жалели черной краски при изображении жизни гавайцев до принятия христианства.

В этих условиях и появилось миссионерское толкование гавайского обычая пуналау. Нелишне отметить, что по признанию самого Моргана

⁴⁷ Цит. по книге Л. Г. Моргана «Древнее общество», стр. 247.

⁴⁸ См. Л. Г. Морган, Древнее общество, стр. 246.

⁴⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 39.

⁵⁰ E. S. C. Handy, Cultural Revolution in Hawaii, стр. 17.

мысль сделать обычай пуналуа одним из краеугольных камней его схемы развития первобытной семьи была подсказана ему преподобным «доктором» Мак-Ильвеном из Принстонского университета⁵¹.

Морган решительно возражал против обвинения островитян в «гнусности» и «безнравственности», заявляя, что «гавайцы, которые не смогли выйти из состояния дикости, жили, для дикарей, без сомнения, совершенно прилично и нравственно»⁵². Но Морган и не подозревал, что дело было совсем не в «дикости» гавайцев, а в невежестве и недобросовестности лиц, сообщениями которых он пользовался. Моргану, к сожалению, остались неизвестными другие, значительно более достоверные источники, к числу которых относятся свидетельства иностранцев, посетивших Гавайские острова в конце XVIII — начале XIX в., еще до прибытия миссионеров.

Почетная роль в изучении гавайцев и их культуры принадлежит русским морякам и ученым. В первой четверти XIX в. на Гаваях побывали экспедиции И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, В. М. Головнина, О. Е. Коцебу (дважды), М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева и другие. В противоположность большинству англо-американских моряков, эти русские путешественники считали, что гавайцы отличаются от европейцев лишь степенью культуры, и верили в неограниченные возможности человека независимо от цвета его кожи. Характерен следующий отзыв В. М. Головнина о гавайцах: «Обширный ум и необыкновенные дарования достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились, и если бы возможно было несколько сот детей из разных частей земного шара собрать вместе и воспитывать по нашим правилам, то, может быть, из числа их с курчавыми волосами и черными лицами более вышло бы великих людей, нежели из родившихся от европейцев. Между островитянами, без сомнения, есть люди, одаренные проницательным умом и необыкновенною твердостью духа»⁵³. Благодаря такому подходу к изучаемому народу русские мореплаватели смогли собрать ценнейший этнографический материал. Их наблюдения, равно как и сообщения других путешественников и исследователей, заставляют нас пересмотреть вопрос о формах семьи у гавайцев.

⁵¹ См. L. H. Morgan, *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*, стр. 479.

⁵² Л. Г. Морган, Древнее общество, стр. 232.

⁵³ В. М. Головнин, Указ. раб., стр. 381—382

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

В. И. ЛЕНИН ОБ УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ.

I

Более полутораста лет тому назад в России начали заниматься собиранием и записыванием произведений устного народного творчества. За это время накопилось чрезвычайно много ценнейших фольклорных материалов, записанных во всех уголках нашей обширной страны. В этих записях мы находим образцы высокой поэзии и замечательного народного юмора. Народные рассказы об исторических событиях и изумительных патриотических подвигах простых русских людей раскрывают жизнь и мысли наших предков, их борьбу с интервентами за независимость, целостность и самостоятельность русского государства. Многочисленные записи, отображающие жизнь и быт крепостных крестьян, дают возможность пополнить наши сведения о крестьянских восстаниях, о героях и мучениках вековечной гражданской борьбы — борьбы классов, принимавшей самые разнообразные формы.

Фольклорные материалы заключают в себе яркие свидетельства об отношении широких народных масс к духовенству, к военщине старого типа, к чиновничеству, купечеству, дворянству. Записи, относящиеся ко второй половине XIX и началу XX в., отражают рост рабочего класса в России и развитие революционного движения, предшествующего революциям 1905 и 1917 гг. Великая Октябрьская социалистическая революция дала мощный толчок развитию народного творчества, чему ярким свидетельством являются вышедшее в издании «Правды» замечательное собрание «Творчество народов СССР» и много других изданий старых и вновь собранных, фольклорных произведений всех народов нашего социалистического отечества.

Огромнейший рукописный материал, накопленный во всевозможных архивохранилищах, казалось бы, должен был привлечь пристальное внимание наших ученых. Литературоведы, этнографы, историки и философы должны были бы разобраться в этом колоссальном материале, принадлежащем творчеству простых русских людей, и не только подготовить его к изданию, но и, самое важное, изучить и обобщить его, сделать из него правильные научные выводы. Казалось бы, вот где находится один из первоисточников, который может дать так много для исследователей истории жизни и борьбы народов СССР. Но, к сожалению, обобщающих работ по фольклорным материалам у нас чрезвычайно мало. Заполнение этого пробела, наряду с дальнейшим собиранием новых материалов, — первоочередная задача работников фольклорного фронта.

В этой статье я хочу рассказать об отношении В. И. Ленина к народному творчеству. Высказывания Владимира Ильича дают верное направление крайне важному делу исследования народной жизни.

* * *

После переезда советского правительства из Петрограда в Москву мы стали устраивать в Кремле при Управлении делами Совета Народных Комиссаров небольшую библиотеку, которой всегда мог бы пользоваться Владимир Ильич.

В первую партию книг, затребованных Владимиром Ильичом, входил и «Словарь русского языка» Даля. Владимир Ильич поставил его на вертящейся этажерке возле своего письменного стола. Он очень часто занимался им, не только просматривая, но и внимательно читая приводимые там в качестве примеров пословицы, поговорки, а также изучая отдельные слова в их многообразном значении¹.

Я предложил ему принести книги из моей личной библиотеки, где собраны были произведения народной литературы и материалы по изучению русского языка. Разговор перешел на фольклорные материалы, изучением которых я занимался в часы досуга. Когда я сказал Владимиру Ильичу, что у меня в библиотеке имеются довольно хорошо подобранные книги былин, народных песен и сказок, он сейчас же выразил желание посмотреть их. Так как моя библиотека еще не вся была распакована и как раз до ящика с изданиями по фольклору не дошли руки, то я пошел к Демьяну Бедному, обладателю замечательной библиотеки, и попросил разрешения взять у него на время несколько книжек по фольклору, которые, как мне казалось, должны были особенно заинтересовать Владимира Ильича. Ефим Алексеевич дал мне целую охапку книг. Когда я доставил книги Владимиру Ильичу, он быстро просмотрел их по заглавиям, разложил по жанрам и больше всего внимания обратил на «Причитанья Северного края», собранные Е. В. Барсовым, где во второй части были напечатаны «Плачи завоенные, рекрутские и солдатские».

— По замыслу интересная книга,— сказал Владимир Ильич, кладя «Завоенные плачи» прямо против себя.

В этот день вечером я видел, как Владимир Ильич внимательно читал «Смоленский этнографический сборник», составленный В. И. Добропольским.

— Какой интересный материал,— сказал Владимир Ильич, когда я на утро вошел к нему.— Я бегло просмотрел все эти книжки и вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных. Смотрите!— добавил он,— вот здесь, в сказках Ончукова, которые я перелистал,— и он стал вновь просматривать эту книгу,— ведь здесь есть замечательные места. Вот на что нужно было бы обратить внимание наших историков литературы. Это подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни.

К сожалению, в этот раз мне не пришлось дальше беседовать с Владимиром Ильичом по поводу поднятого вопроса. Но я понял, почему

¹ В 35-м томе Сочинений В. И. Ленина, где опубликованы его письма, мы находим на стр. 369 письмо к А. В. Луначарскому от 18 января 1920 г., в котором Владимир Ильич сообщает, что он ознакомился «с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел». Он предлагает «создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького». А в письме к М. Н. Покровскому, также по линии Наркомпроса, 5 мая 1920 г., Ленин попросил его «проверить, делается ли» то дело, о котором он писал Луначарскому (т. 35, стр. 381).

Владимир Ильич неоднократно говорил мне, что, записывая и собирая среди народных масс рукописи, рассказы, сказания, легенды, изложения различных учений и тому подобные произведения, я делаю нужное и важное дело. Я понял, что он относится к этнографии весьма положительно, глубоко понимает ее смысл и значение и хочет, чтобы этнографический материал всегда обобщался, анализировался и рассматривался с марксистской точки зрения. Конечно, он был глубоко прав. Только научный марксистский анализ дает нам возможность понять сущность народного творчества, отражающего вековую борьбу, желания и ожидания широких народных масс.

II

Как-то, зайдя ко мне, Владимир Ильич обратил внимание на ряд книг в стариных самодельных переплетах, стоявших на полке моей библиотеки. Тут же стояли книги более современные, также в самодельных нарядных и обыкновенных переплетах.

— Что это за книги? — спросил Владимир Ильич.

— Это рукописи, собранные мной во время исследовательских этнографических поездок, — ответил я.

Он взял одну из рукописей и внимательно стал просматривать ее, обратив внимание на простонародность речи, на своеобразие слога, на грамматические ошибки, на тщательность и любовь, с которыми были сделаны записи.

— Это очень любопытно! Кто это писал?

— Неизвестный автор, — ответил я ему. — Эти рассуждения я с трудом достал; они ходят по рукам среди крестьян.

— А когда это написано?

— Этот список, я полагаю, написан в начале XIX века. Само произведение, вероятнее всего, уже было распространено, как потаенная рукопись, еще в XVIII веке.

Я пояснил Владимиру Ильичу, что все эти рукописи принадлежали различным писателям из народной среды, которые входили в разные тайные организации, в так называемые сектантские общины.

— Да, да... Так оно и похоже... Это то, что в Англии было в XVII веке. Здесь, несомненно, есть влияние той литературы, вероятно пришедшей к нам через издания Новикова², которая там в XVII и XVIII веке была сильно распространена. Ведь у нас ходили по рукам такие же рукописи еще со времен Петра Первого и даже раньше. Помнится, вы же писали о Квирине Кульмане, распространявшем в Москве рукописи, привезенные из Германии, за что наши попы сожгли его в Москве, вот здесь, на Красной площади³.

Владимир Ильич просматривал рукопись за рукописью.

— Вот удивительное дело, — сказал он, — наши ученые, все эти приватдоценты и профессора, — возятся над каждой философской брошюркой, никчемной статейкой, написанной каким-либо горе-интеллигентом, вдруг почувствовавшим философский зуд, — а вот здесь подлинно народное творчество, и его игнорируют, его никто не знает, им никто не интересуется и о нем ничего не пишут. Недавно я просматривал библиографию истории русской философии Колубовского и его же библиографический

² Изумительно это мимоходом брошенное замечание об изданиях Новикова. Действительно, при детальном изучении некоторых рукописей удалось уже обнаружить заимствования из авторов конца XVIII в., и как раз из книг, изданных Новиковым.

³ Владимир Ильич вспомнил мою статью «Сожжение коммунистов в России», напечатанную в журнале «Современный мир» 1910 г., стр. 51—65. После эта статья была мной перепечатана в сборнике «Из мира сектантов», ГИЗ, 1922, стр. 7—23.

список по русской философии⁴. Чего-чего там только нет! Список трудов русских философов в палец толщиной! Многонько! А вот библиографии произведений народной философской мысли,— хотя бы это и был XVII век в XIX столетии,— вот этого нет. А ведь это куда более интересно, чем эта так называемая «философская» дребедень многих и многих наших философов из буржуазной интеллигенции. Неужели не найдется охотника среди марксистов-философов все это рассмотреть и обо всем этом написать связное исследование? Это обязательно нужно сделать. Ведь это многовековое творчество масс отображает их миросозерцание в разные эпохи.

Вот, подумал я, Владимир Ильич только мимоходом, случайно прокоснулся к этим доселе ему неизвестным материалам,— и сразу намечены пути исследования, подчеркнуто все самое важное, дано направление: только бери, работай, делай. Смысл и значение фольклорно-этнографических исследований стали яснее. Владимир Ильич подчеркнул необходимость обобщений, социально-политических выводов из всех этих материалов.

III

— Хорошая книжечка! — сказал Владимир Ильич, возвращая мне через несколько дней «Завоенные плачи», на которые он обратил особое внимание.

— Я внимательно прочел ее. Какой ценнейший материал, так отлично характеризующий аракчеевско-николаевские времена, эту проклятую старую военщину, муштру, уничтожавшую человека. Так и вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение. Почему бы не написать исследование, чем была аракчеевская военщина для крестьян, сравнив эти «плачи» над уходящими на службу с песнями тех же крестьян, которые убегали от помещика, от рекрутчины, от солдатчины и организовывали «понизовую вольницу», собираясь на Волге, на Дону, в Новороссии, на Урале, в степях в особые ватаги, дружины, отряды, в вольные общества вольных людей. Тот же народ, а совсем другие песни, полные удали и отваги, смелые действия, смелый образ мыслей; постоянная готовность на восстание против дворян, попов, знати, царя, чиновников, купцов. Что перерождало их? К чему они стремились? Как и за что боролись? Разве это не интересно знать? И все это звучит в народной песне. Даже здесь, в этих скорбных «завоенных плачах», раздававшихся в деревнях, при помещике, при старостах, при начальстве,— и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер. А тут, смотрите, слабенькая статейка этого Елпидифора Барсова. Он сделал хорошее дело, собрав и записав все это. Но очень может быть, что самое важное, затаенное, ему, как барину, и не сказали. Надо докопаться до скрытых, тайных песен, плачей, сказок, сатир — они должны быть, и в них мы найдем много нового и, вероятно, особо ценного.

⁴ Владимир Ильич здесь подразумевал следующие работы Я. Н. Колубовского, которые ему были доставлены по его желанию из Румянцевского музея, ныне Всероссийской библиотеки им. В. И. Ленина:

Я. Колубовский, Философский ежегодник, обзор книг, статей и заметок, преимущественно на русском языке, имеющих отношение к философским знаниям, год 1-й, М., 1894, стр. 203.

То же, год 2-й, М., 1896, стр. 314.

Я. Н. Колубовский, Материалы для истории философии в России (оттиск из журнала «Вопросы философии и психологии», 1898, кн. 4, стр. 286—318).

Я. Колубовский, Философия у русских (предисловие к книге: Ибервег Гейнце, История новой философии в сжатом очерке, перевод с 7-го немецкого издания Я. Колубовского, СПб., 1890).

То же, изд. 2-е, вып. 1, перевод с 8-го немецкого издания, СПб., 1898.

Я был потрясен этим неожиданным высказыванием Владимира Ильича. Ведь несомненно в таком подходе, в таком изучении — главнейший смысл этих бесчисленных записей, делавшихся и делающихся теперь тысячами фольклористов. Я с благоговением храню тот экземпляр «Завоенных плачей», который был в руках Владимира Ильича и где он сделал ряд отчерков на полях: Демьян Бедный подарил мне эту книгу. И я надеюсь, если хватит сил, разработать ее по указаниям Владимира Ильича, чтобы издать ее по-новому.

IV

Возвращая книгу «Завоенные плачи», Владимир Ильич сказал мне:

— А я так увлекся этими записями, что забыл, что книга-то не моя, и стал отчеркивать особо интересные тексты, на которые стоило бы обратить особое внимание.

Я с радостью сказал Владимиру Ильичу, что Демьян будет счастлив иметь книгу с его пометками, и предложил еще оставить книгу. Он улыбнулся и сказал:

— Да вот все дела и дела, а так хочется написать статью на основании этого интереснейшего настоящего народного материала: ведь это действительно народные думы, сама катаржная жизнь народа! Да вот некогда. Пусть другие пишут.

И он — к огорчению моему — протянул мне книгу и сейчас же углубился в бумаги, лежавшие перед ним. Я понял, что придется примириться с этим, и более ни на чем не настаивал.

В этот же день вечером я был у Демьяна Бедного, и мы страницу за страницей внимательно рассматривали эти трехцветные отчеркивания на полях, а в некоторых местах подчеркивания отдельных строк.

Если вчитаться во все, что выделил Владимир Ильич, то ясно обозначится связная гамма глубоко проникновенных крестьянских переживаний, высказываний, печалей и тоски, сквозь которые, изредка, как бы скрытно, проскальзывают нотки вспыхивающего затаенного гнева и пламенного желания сбросить помещичье-царский гнет, утеснения и вековечные издевательства.

— Вот как надо изучать фольклор, — воскликнул Ефим Алексеевич, — а не крохоборствовать, обращая больше всего внимания на разночтения, ударения, повторения и всю ту внешность, которой придается у нас несопоставимое значение. Везде и всюду должна быть приложена политическая точка зрения, раскрывающая внутреннюю борьбу народа с угнетателями, начиная от царей земного и небесного до последнего полицейского ярыжки включительно.

Владимир Ильич на первой странице предисловия Е. В. Барсова подчеркнул черным карандашом пятую строку снизу: «Стон стоял по русской земле при каждом наборе». Дальше на первой странице «Введения», подписанного «Собиратель», подчеркнуты черным карандашом слова: «Летопись плачущей народной поэзии». Далее идет собственно «Введение» ко всей книге, и здесь на стр. VI в стихотворной выдержке:

Да хранит тебя Микола многомилостивый,

отчеркнута Владимиром Ильичом сбоку четырьмя черточками черным карандашом строфа:

От тычков-пинков ведь он да от затыльников!

На стр. XIV отчеркнут на полях большой абзац, который здесь мы и выписываем:

«Рекрут новобранцев сковывали и в кандалах отводили по городам и размещали по тюрьмам; пищей кормили изнурительной; развивались болезни, и, что всего было тяжелее, приходилось умирать без покаяния». Слова с самого начала цитаты до слов «приходилось умирать...» Владимир Ильич отчеркнул особо черным карандашом в три черты. Надо отметить, что ту строку, где говорится: «...без покаяния», он вторично не подчеркнул, считая, очевидно, это домыслом собирателя, не имеющим значения для простолюдина, вовсе не так уж и тогда тяготевшего к церкви.

Далее по полю страницы отчеркнуты несколько раз черным карандашом строки из этой же цитаты: «Со многих сильников,— доносил один фискал государю,— солдат не брано, а только берут с тех, который безответен и богобоязлив; взятые от сильников годные распущены, будто негодные, дьяками и подьячими, а других с них не взято, то из взяток, то придабриваясь. Бралиувечных и к службе негодных».

«Но что всего тяжелее было для народа, так это, что эти наборы связывались с такими условиями, которые не мирились с религиозным народным сознанием. Приказано было новобранцам-рекрутам *обстригать и брить бороду*. Последние слова, напечатанные в тексте «Введения» курсивом, были подчеркнуты Владимиром Ильичом чертой черным карандашом. Этим подчеркиванием курсива Владимир Ильич как бы обращал внимание на насилие, учиняемое царскими властями над новобранцами, когда им брали бороды без их согласия.

Далее, как продолжение этой цитаты, отчеркнуты общей чертой по правому полю XV страницы следующие строчки:

«Русская борода — этот естественный амулет, эта охрана дыхания против северных ветров и непогод — получила глубокое значение в нашей истории: она стала предметом почитания и гонений; она стала предметом законодательства и создала много мучеников».

На стр. XXV Владимир Ильич отчеркнул прерывистой чертой черным карандашом большой абзац. Чтобы был понятен смысл этого отчеркивания, мы должны от себя привести предыдущую небольшую фразу, в которой говорится, что «со времен петровской реформы начались особенно частые побеги от военной службы. Указ за указом, начиная с 1713 г., следовали против беглых рекрут и солдат». Далее идет отчеркнутое Владимиром Ильичом:

«Беглых велено было клеймить, наколя им крест на левой руке и натирать порохом. В 1716 году дан был годичный срок на возвращение беглых: если же кто не воспользуется этой льготой, того велено казнить смертью, а держащих беглых лишать чинов и имущества. В 1717 году беглых рекрут не прослуживших года велено было наказывать спицрутами через весь полк три дня сряду, а у прослуживших год и бежавших вырезывать ноздри и после наказанья кнутом ссылать на галеры. Эти строгие законы действовали в течение всего XVIII века. Рассказывают, что не менее ужасные истязания производились и над теми родителями, дети которых убегали. Их приковывали к стулу, а стул в ширину был аршин, а в долготу полтора аршина, и в этом стуле был забитой пробкой и цепь железная с сажень, и кладавают эту цепь на шею с замком. Заставляли голыми ногами по целым часам стоять на льду или снегу, или же изобретали новые пытки. Вот некоторые рассказы: Выпешают пролубу и от той выпешают другую, расстоянием от пролубы до пролубы 5 сажень; за тем кладут веревку на шею родителям, угнетают их за ду — другом в пролубу — перетягивают веревку — и тащат родителей из пролубы в пролубу. Мало того, морили скот голодом, раскрывали в домах крыши и даже разворачивали самые дома... Вследствие этого и родители бросались на убег — и дома оставались пустыми.

Несмотря на все эти ужасы, были такие добрые и отважные люди, которые все-таки принимали беглых и спасали их».

Первые строчки, о клеймении беглых солдат, на поле отчеркнуты несколько раз, более черно.

На XXXI странице слова после начала фразы «Забыли, что живут в стране, где для насущного пропитания «нужна сила звериная и потяги надо держать лошадиныи», — начиная со слов «в стране» до «лошадиныи» подчеркнуто черным карандашом и отмечено на левом поле страницы вертикальной небольшой чертой.

На стр. XXXII отчеркнуты легкой чертой следующие слова: «Народ наш не имеет, конечно, понятия о церкви...»

На стр. XXXIII вертикальной чертой по левому полю страницы отмечены две строки стиха, после неотчеркнутой строки: «И сохранит да ведь Микола многомилостивый»:

Уж как милое рожено твое дитятко
И от злодийной этой службы Государевой.

На стр. XXXVI по левому полю страницы синим карандашом отмечены следующие строки:

«Прочитав эти разговоры⁵, преосвященный Нил, Архиепископ Иркутский, в 1849 году, декабря 14 дня, собственноручно написал на них:

«Сердце содрогается при чтении некоторых страниц, и, прочитав их, о тогдашних властях наших мы можем сказать с полным убеждением:

Ecce vultures! Sed illud
Inter hos tamen interest et illos,
Quod cadavera vultures moventur,
Hi vivis quoque detrahant crouget»⁶.

На XXXVII странице по правому полю отчеркнуто вертикальной чертой несколько абзацев.

«Фронт, а не бой, выступил на первом плане. Защита отечества, как главная цель военной силы, была забыта; казарма стала институтом, который должен был выучить солдат исправке и ружистике. Уметь держать руки по швам, уметь ловко подымать и опускать ногу, уметь прилаживать свое плечо к другому — вот качества, которыми определялось достоинство солдата. Он трактовался, как автомат; он стал предметом забавы, и вот создалось наконец знаменитое изречение, что «война портит солдата».

Теперь страшно даже подумать, какова была солдатская жизнь в былое время. Зверские потребности ротных командиров, фельдфебелей пресыщались ранами и кровью солдат. Розги, палки, фухтели, скростьстрой, вот педагогические средства для поддержания и развития дисциплины, исправки и ружистики.

Не говорим уже о том, что не было никакого внимания к человеческому достоинству солдата, никакой заботы о возвышении его нравственных чувств. Солдаты были отпетыми, отверженными существами — мучениками, и за все страдания через 25 лет просили милостию в ложмолях, иногда оставшееся одною рукой».

В этом отчеркивании слова: «Уметь держать руки по швам, уметь ловко подымать и опускать ногу, уметь прилаживать свое плечо к другому», — кроме того, подчеркнуты красным карандашом. Также, немного

⁵ Речь идет о рукописи: «Разговоры двух солдатов Российских между собой, случившихся на Галерном флоте в бывшей кампании 1743 году».

⁶ «Вот коршуны! Но то, впрочем, различие между ними и сими (супостатами), что тогда как коршуны устремляются к трупам, сии рвутся на терзание живых существ».

ниже, слова: «зверские потребности ротных командиров...» и далее до конца абзаца: «...выправки и ружистики» — Владимиром Ильичом подчеркнуты также красным карандашом. Этим подчеркиванием Владимир Ильич несомненно хотел обратить особое внимание на бессмысленную муштру и зверское обращение с солдатами.

В самом конце этой же страницы по правому полю красной вертикальной чертой отмечены слова:

За пропащу их собаку почитают,
И бьют да их бессчастных до умртвия.

Далее, на стр. XXXVIII, где описывается казарменная жизнь того времени, красной вертикальной чертой отчеркнут следующий стих:

Крепко-накрепко воротушка призаперты,
И плотнешенько решоточки задвинуты.

На той же странице, также красной вертикальной чертой, отмечены строчки, описывающие солдатское житье-бытье в казарме:

«Холодно было и голодно. Яденье было точно скотиное и питье было лошадиное; лакомством были мякинны сухарики и сладким питьем ржавая вода. Часто они голодали и с жадности посыхали. От царя они не обижены: от царя пища хорошая составлена и от царицы добры питьица наряжены, и то между собой начальники съедают».

На следующей, XXXIX странице таким же способом отмечен абзац: «...Им приказывают петь песню «веселешенько», а им песенки запеть да не хотелось бы: щемит их ретивое, замирает сердце; но волей-неволей по городу идут они тихошенько, и сквозь слезы поют они песенку и сквозь обиду слова да выговаривают».

И далее на той же странице, немного ниже, отмечено описание солдатского полкового строя: «Когда стоят они в ширинках, уж так-то командиры надрыгаются: «чтоб у всех голова было прямешенька и плечо с плечом у всех было ровнешенько и в едину струну были бы ноженьки наставлены». Отойдут командеры и отдали глядят — впрямь по плечушкам могучим и вточь по буйной по головушке...»

Владимир Ильич особенно тщательно отмечал все, что касается николаевской солдатской муштры.

Так, на стр. XL он отметил красным карандашом следующий стих:

Аль ступня с ступней у их да не сровняется.
Закричат они, злодеи, по звериному
И по белу лицу дают да им затрещенье,
Аль по голове дают да им заущенье,
Аль под белую-то грудь да им подтычину.

На следующей, XLI странице отмечены следующие стихи:

И скоро ль свет да ясна зоренька просветится,
И ростечет ли это красное ведь солнышко,
И обогреет ли солдацкое сердечушко?

Этим словам, повидимому, Владимир Ильич придавал не буквальное, а аллегорическое значение, как в народе говорят — «по второму», скрытому, подразумевающемуся смыслу. В них он несомненно видел «чаяния» и ожидания народные.

Через несколько строк он отметил описание «войнской страды во время похода на войну»:

И да мы труд бедны солдаты принимали
И мы трудились за Русию подселенную
· · · · ·
И день и ночь да на страженьице стояли
И хлеба соли мы пять суток не едали,
И десять ден воды бессчастны не пивали;
И не видли мы в дыму да красна солнышка,
И во тумане-то не видли свету белого.
И с огня — с пламени буйна голова растрескалась,
И дымом съело-то победны наши очушки».

Далее в «Введении» приведен рассказ солдата про свою жизнь. В нем отмечены красным карандашом слова:

Вся утробушка моя да перержавела,
От подтычин я не вижу свету белого,
От поущенья не слышу ветра буйного.

Следующую отметку мы находим на странице XLIV, где отчеркнуты красной вертикальной чертой народные пословицы:

«С солдатом дружи, а топор за поясом держи».
«Он Христова родня, только бойся как огня».
«Он сам и честен, да шинель на нем вор».

На следующей, XLV странице, где описывается горе матери, которая знает, что родившийся у нее сынок должен быть, как подрастет, «казенным человеком», солдатом, подчеркнуты красным карандашом слова, обратившие, очевидно, особое внимание Владимира Ильича: «Мысль, что это будущий солдат, отравляла все ее радости и ожесточала ее сердце в ее отношениях к рожденному дитятку».

В конце этой страницы тот же мотив изложен в скорбной песне с резким замечанием о «службе Государевой»:

И что вы ростили удала добра молодца,
И во людушки вы ростили казенных,
И на убойну эту службу Государеву.

На стр. XLVII отчеркнуто красным карандашом двустишие:

И красны девушки его да сторонилися,
И быв чужанина его да полошилися.

Этим кончаются отметки Владимира Ильича, сделанные в «Введении» Е. В. Барсова.

Дальше в книге идут тексты «Завоенных плачей» и причитаний, записанные от разных сказительниц.

В разделе «Плачи о холостом рекруте», в плаче, записанном от Ирины Федосовой, на странице второй отчеркнут черным карандашом следующий стих:

И призывать стали судьи неправосудны
И все ко этым ко жеребьям дубовыми.

И далее подчеркнуто черным карандашом слово «обрестованы» в стихе:

И хоть не связаны бурлацки белы рученьки,
И обрестованы указом Государевым.

На стр. 14 отмечен черным карандашом следующий стих:

И поскореньку на-б бурлаку распроститися,
И мне-ка сб-своей родимой со сторонушкой,
И суровешенъко мни на-б да отправлятися
И во злодийну эту службу Государеву.

На следующей, 15-й странице дважды отчеркнуто прямой вертикальной синей чертой и потом еще раз волнистой чертой по тому же левому полю:

Уж ты Спас да наш бладыко многомилюсивой!
И ты спаси да нас бессчастных добрых молодцев
И ты от этоей от меры государевой!
И ты покров мать пресвятая Богородица!
И ты покрой да нас рекрутников молодых
И от злодейской ты от службы Государевой.

На стр. 23 в плаче «К матери» со стороны двоюродной сестры отмечены следующие строки:

И не старатель был крестьянской, видно, жирушки,
И не рабочий до участков деревенских;
И знае-ведеа ретливое сердечушко,
И что вы ростили удала добра мбладца,
И во людушки вы ростили казенныи,
И на убойну эту службу Государеву,
И на измену светам братицам родимым,
И высоки, да знать, вы терема построите...

На стр. 25 в «плаче рекрута к тетке» отчеркнуты строки 10—17:

И меня в зыбоньке солдатушка качали,
И вдвое-втрое тут мни горя накачали,
И уж я взрос да на катучем силем камешке,
И к завоенному оружьюцу воскормлен,
И на измену светам-братьицам родимым,
И от бладости во радости не бывано,
И от рожденъица веселых дней не виданю...

Строка «И на измену светам-братьицам родимым» особо подчеркнута черным карандашом.

В этом же плаче отмечены 30—37 строки:

И по заглазью-то оны да спроговаривают:
«И вон казенный-то солдатушко похаживае,
И горемыка-то удалая погуливае».
И подойду да я ко красным ко девушкам,
И ведь тут да мни, бессчастну, не весельице:
И красны девушки мня да сторонилися,
И быв чужжанина мня да полошилися».

Слова «казенный-то солдатушко» особо подчеркнуты черным карандашом.

На следующей, 26-й странице отчеркнуто по левому полю резким синим карандашом:

И как в злодийной ведь палате белокаменной,
И нас дб-гола победных раздевать будут,

И становить станут под меру Государеву,
 И принимать станут бессчастных добрых молодцев
 И во злодийную во службу Государеву;
 И станут брить да наши желтыи кудерышки,
 И приберешь моя родитель — мила тетушка,
 И мои жолты молодецкии кудерышки,
 На доброумыице себе — на погляженыице,
 И на роздий себи великоей кручинушки...

Далее нет никаких отметок до 36-й страницы, на которой внизу отчеркнуты сначала синим, а потом черным карандашом следующие строки:

И в злодийной этой службы Государевой
 И не начаешься — ты горя накачаешься,
 И не надиешься — обидушки навидишься;
 И невзначай да получать будешь поущенья,
 И ты не знашь за что побои превеликии,
 Уж ой — да горе служба Государева:
 И как еденыице вам буде ведь скотиное,
 И точно, питьице победным, лошадиное:
 Уеданыице — вам будут ведь сухарики,
 И вам питемыице-то вбодушка со ржавушкой;
 И хоть не великую вину да вы провинитесь,
 И нету милости, бессчастным, нет прощеньца;
 И под бока станут солдацкии подтыкивать,
 И подобают да ваши ясны эти очушки,
 И победную бессчастную головушку,
 И дают розги во бессчастны ваши плечушки,
 И уже бьют да так бессчастну вашу спинушку,
 И страшно — ужасно ведь палкама великими,
 И вам не сто дают ведь разом целу тысячу;
 И тело с мясом у бессчастных смешается,
 И как из плеч да ручьем кровь-то разливается.

Следующее отчеркивание мы встречаем на 39-й странице:

И буди проклята на сем да на белом свете —
 Уж как это зло великое несчастьице,
 Все злодийное проклято бесталаныице —
 Уж как эта грозна служба Государева!
 И трудна-тяжела ведь служба Государева.

«Если рекрут пошел охотой за братьев», то плач продолжался. Из этого дополнения Владимир Ильич отчеркнул синим карандашом на стр. 41:

И как за вас да светушки братцы родимыи
 И много страсти я привидал, много ужасти
 И большии того — побоев привеликиих;
 Белы рученьки мои да примахалися,
 Белы ноженъки мои да притопталися,
 Ясны очушки мои да притомилися,
 Бедна спинушка моя да пороспластана,
 И вся утробушка моя да перержавела;
 От подтычин — я не вижу света белого,
 От поущенья не слышу ветра буйного!

Далее, на 56-й странице отмечены большой скобкой синим карандашом следующие строки из обращения соседки к матери солдата:

И накажу тебя спорядноей суседушке;
 Я сама была, печальная головушка,
 И во злодийном бывала городе Петровскоем,
 Я со светушком со братцем со родимым;
 Я сама знаю, горюша, про то ведаю,
 И как ходить да во казармы во казенныи,
 И по часам ходить туды да по минуточкам.
 Я ходила как ко братцу ко родимому,
 У дверей да я дарила все придоверничков,
 И угощала его крепких караульщиков.
 И придержала золоту казну бессчотную;
 И хотя ж прийдем мы по утрышку ранешенько,
 И крепко-накрепко воротушки призаперты,
 И плотнешенько решоточки задвинуты;
 И кругом-бколо, горюшицы, похаживаем,
 На часовых этих солдатушков поглядываем.
 И поскорешеньку ль ворота поотложатся,
 Што решоточки в казармы приотдвинутся ль,
 Скоро ль выпустят скаконых жемчужинок,
 Прогуляться их на широку на уличку,
 И повидать да нам победным головушкам...

На стр. 74—75 отчеркнут целиком синей скобкой вопль матери «Когда бриют лоб»:

Быдьте прокляты злодии — супостаты!
 Вергай — скрόзь землю ты нехресь вся поганая;
 И секите вы кудри поскоряя,
 И точите вы бритвы повостряя,
 И уж вы брийте его да побеляя,
 Охти — мни, да мне тошнешенько,
 И кабы — мне да эта бритва навостреная
 И не далá бы я злодийной этой некрести,
 И над моим ноњку рождением надрыгатися;
 И распорола бы я груди этой некрести,
 И уж я выняла бы сердче тут со печенью,
 И распластала бы я серче на мелкий куски,
 И я нарыла бы корыто свиньям в месиво;
 А и печень я свиньям на уеданьице.

А далее слова «когда забреют — соседка вонит» отмечены скобкой синим карандашом:

Уж как прйняли бурлакушков молóдых
 Во принёмную палату белокаменну,
 И их подбрíли-то удáлых добрых молодцев,
 И во злодийную во службу Государеву;
 Тут им дали этих крепких караульщиков,
 Да им дядьку становили-то со старшиим;
 И тут сводили в божью церковь посвященную,
 И приводили их к присяге вековечной;
 И выше гóловы кресты оны вздымали,
 И свою стброну солдаты забывали,
 И отца матушку рекруты проклинали:
 «И мы служить будем царю-богу россейскому,
 И мы стоять будем за веру христианскую
 И мы не сделаем измени в каменной Москвы,
 И мы спасать будем Россею подселенную.

Мы оружьице держать да на правом плече,
И саблю вострую держать да во правой руке.

На стр. 77 отмечены синей чертой две строчки:

И не дай господи на сем да на белом свете
Уже жить да в грозной службе Государевой.

Следующее отчеркивание черным карандашом мы встречаем на стр. 224, где говорится:

И да что я скажу победная головушка:
И вы корились бы бессчастны солдатушки,
И вы безумному начальству неразумному,
И вы пали бы победны во резвы ноги,
И да вы этим злодиям супостатым,
И вы молили бы, злодиев, от желаньица,
И сговорили бы единое словечушко:
«И вы не бейте понапрасну, не терзайте-тко,
И вы не мучьте бесповинно, не таскайте-тко;
И с наших плеч да вы ведь не кровь проливайте-тко
И занапрасной нам смерётушки непридавайте-тко...»

На следующей, 225-й странице сделаны два отчеркивания черным карандашом. Первое отчеркивание:

И вы на-этых судей неправосудных.
И тут раздумаюсь бессчастным умом-разумом:
И скроекозны эти судьи страховитыи,
И штуковать эти власти немилосердыи;
И нету страху у злодиев в ретливом сердце
И нету совести у их да во ясных очах...

Второе отчеркивание на этой же странице начинается словами:

И тут избрвут-то гербовую бумаженку;
И тут обыщут ведь солдатушков бессчастных,
И все пред этим царем-богом Русийским.
И пред матушкой царицей благоверной;
И горевать, видно, бессчастным век и побеку.

Следующие, 226-я и 227-я страницы отчеркнуты сплошь черным карандашом по левому полю. Чтобы было понятно, от кого эта речь идет, мы должны привести здесь три предыдущие строки, в которых говорится:

Да вы слушайте народ-да люди добрыи,
И вы милыи суседи спорядовыи!
И да что я скажу, победная головушка...

Далее идет текст, отчеркнутый Владимиром Ильичом,— продолжение рассказа матери солдата:

И я про этих злодиев супостатых,
И я про этих вертунов да самохватных,
И я про этих тонконог да вихреватых;
И как бессчастны ведь, злодии неталанныи;
И как у этих хватов — да подтяни нога,
И как у этих вертунов — на поссшиби рука.
И нету душеньки у их да во белых грудях,

И нету совести у их да во ясных очах...
 И нет ума-то у их да в буйной головы;
 И гордо голову несут да все посвистывают,
 И во мамоны-то у их да все побурливае;
 И уж как этия ярыги скрозекозныи,
 И подольщаются ко тщерям оны матерным,
 И с ума сводят они девушек молодых;
 И своей збруей-то оны да все позванивают,
 И во кругах-тбнцах оны да их завертывают;
 И как безумны эти девушки молодыи,
 И оны вирят-то ярыгам скрозекозним;
 И на ричах оны, злодии, чваковити,
 И во умах оны, ярыги, все дурливыи;
 И во устах да ведь — соты у их медвяныи,
 И во сердцах у их — змия да подколодная;
 И усмехаются оны да посмеваются,
 И над красой-басой девочьей потешаются,
 И над родителю ведь их да надрыгаются;
 И судил господи-велико беспаланьице,
 Уж как этиим злодиям супостатым;
 И ведь казнил да их господи безумьицем,
 И как за ихно за велико беззаконие;
 И не жалиют што солдатушков бессчастных,
 И за пропащу их собаку почтают,
 И все бьют да их бессчастных до умертвия.
 И еще слушайте, народ да люди добрыи:
 И я спросила у сердечного у дитятка,
 И как у этого солдатушка походного:
 И ты в которую лучше шел бы во дороженьку,
 И ты во матушку бы шел да во сырь землю,
 И лучше бы принял бы ведь скорую смеретушку,
 Аль пошел бы ты в полки да новобраныи,
 И во солдаты бы пошел да во походныи.
 И приответит тут, сердечно мое дитятко.
 И ты послушай же, родитель моя матушка,
 И да ты глупая старушка, неразумная:
 И пока бог души не вынёт, так сама душа не выдет;
 И я не знаю же, солдат бедной, не ведаю,
 И уже гди — да моя жизнь бедна скончается,
 И гди помрет моя солдацкая головушка,
 И гди склонится победно тело грешное:
 И я жадал бы-то, родитель — родна матушка,
 И помереть да на родимой своей родинке,
 И столько лечь бы к пресвятой да богоордине;
 И не радел бы я, солдат бедной бессчастной,
 И как по дальней ходить широкой дороженьке,
 И все принять да ведь смеретушку напрасную,
 И я от этих властей неправосудных,
 И я от этих судей да скрозекозных,
 И я от этих злодиев супостатых;
 И впереди судьба бессчастна уродилася,
 И бессталанна мне-ка жизнь да-прилучилася,
 И как служить да в гробной службе Государевой,
 И век коротать на великоем мученьице,
 И на великоем мученье — не удольноем.

В тексте 226-й страницы особой, второй вертикальной чертой отмечены три строчки, на которые, очевидно, Владимир Ильич обратил особое

внимание:

И не жалиют што солдатушков бессчастных,
И за пропащу их собаку почитают,
И все бьют да их бессчастных до умертвия.

Надо заметить, что ранее в «Введении» эти же слова также были отчеркнуты Владимиром Ильичом.

На стр. 244 черным карандашом по пропуску отмечены строки:

И спамятй да ты сестрица — свет родимая,
И своего да ты ведь гостюшка любимого;
И я еще прошу, солдат да все бессчастной,
И об своих да об сиротных прошу детушках;
И я вобче прошу ведь сродчев — милых сродничков,
И за едино всех суседей спорядовых;
И не спокиньте-тко сиротных малых детушек,
И вы солдацких бедных дитеи горегорькиих.
И мне-ка жаль бедну солдатушку бессчастному,
И жаль родимоей теперечко сторонушки,
И пожальчие жаль сердечных малых детушек;
И во вторых да жаль печальной молодой жены,
И потошнее жаль желанной родной матушки.

Последнее отчеркивание мы встречаем на 282-й странице из рассказа волильницы Ирины Калиткиной про свою и своей семьи жизнь:

«Потом хлеб-от был дорогой: тут бедно жили: уж так жили — с пудик на пудик, и горбушечкам-то зaimовали, и закройками-то зaimовали, а иное и без ужина спать ложились».

Больше в этой части, как и в другом томе, где помещена первая часть «Причитаний Северного края», никаких отметок, сделанных Владимиром Ильичом, нет.

V

Если внимательно вчитаться во все, что так или иначе отметил Владимир Ильич в «Плачах завоенных, рекрутских и солдатских», то сразу станет ясна та направленность, которая руководила им при чтении этих народных песен при трагических проводах в солдаты в старое, николаевское время. Умение выделить из огромного числа записей самое важное, наиболее общественно ценное ярко бросается в глаза при внимательном чтении отчеркиваний Владимира Ильича. Этими вдумчивыми замечаниями, сделанными при беглом прочтении огромного тома, Владимир Ильич как бы дал направление всей работе наших исследователей в области народного поэтического творчества.

Глубокий социально-политический анализ, выявление общественных мотивов народного творчества, вскрытие их идейной сущности и политической значимости классовых антагонизмов, отраженных в фольклоре народов СССР и русского народа в частности и в особенности,— вот что требуется от современного изучения этого народного творчества. Этот путь исследования указал всем нам Владимир Ильич своим изучением «Завоенных плачей». И этот завет Владимира Ильича мы должны выполнить.

Я полагаю, что эти мои маленькие заметки об отношении Владимира Ильича к устному народному творчеству и фольклорным записям будут полезны читателям и исследователям народной жизни, живущим в славную героическую эпоху торжества великой социалистической революции.

Е. М. КРАВЕЦ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-УКРАИНСКИХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ В XIX ВЕКЕ

Украинская этнографическая наука с начала своего возникновения развивалась в тесной связи и под плодотворным влиянием передовой русской этнографической науки.

На истории развития русско-украинских этнографических связей можно проследить решительную и последовательную борьбу прогрессивных деятелей* русской и украинской культуры, в том числе и представителей этнографической науки, против основного тормоза в развитии страны — крепостного права.

Царизм стремился разъединить братские русский и украинский народы. Подвергая национальному гнету все нерусские народности, царское правительство преследовало украинский язык и литературу, вообще отрицало существование украинской культуры. Пособниками царизма в этом черном деле были украинские буржуазные националисты, которые своей подрывной деятельностью стремились не допустить единения русского и украинского народов, посеять недоверие и вражду, пропагандировать фальшивую теорию мнимой бесклассности украинской нации. Украинские буржуазные националисты твердили о каком-то особом историческом пути развития Украины и вопреки фактам отрицали прогрессивное влияние передовой русской культуры на украинскую.

Иначе относились к украинскому народу и его культуре прогрессивные деятели русского народа. Это отношение лучше всего выразил В. И. Ленин, писавший: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие же две культуры в украинстве...*»¹

Интерес к жизни и быту украинского народа у русских ученых возник очень давно. Большую роль в развитии украинской этнографии и фольклористики сыграли такие культурные центры, как Москва и Петербург. Здесь появились многие сборники украинского фольклора: «Опыт собрания старинных малороссийских песней» Цертелева (1819), «Запорожская старина» И. Срезневского (1833—1838), «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» П. Лукашевича (1836), сборники украинских народных песен М. Максимовича (1827, 1834, 1849); здесь были впервые написаны и напечатаны работы по украинской этнографии. В 1777 г. в Петербурге была издана книга Г. Калиновского «Описание свадебных украинских простонародных обрядов...», в которой довольно подробно характеризовалась украинская народная свадьба, приводились краткие сведения об одежде, пище и т. п. В 1787 г. также в Петербурге вышла книга известного русского ученого В. Зуева «Путешественные записки от Петербурга до Херсона», значительная часть которой была по-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 16.

священа украинцам. В 1798 г. вышла большая работа Я. Маркевича «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях», в которой целая глава отводилась этнографической характеристике украинского народа.

В начале XIX в. количество сведений по этнографии украинцев увеличивается. Уже в первое десятилетие этого века в России печатается ряд так называемых подорожных описаний, содержащих ценный этнографический материал: «Путешествие в Полуденную Россию» В. Измаилова (1800—1802), «Путешествие в Малороссию» К. Шаликова (1803—1804), «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» Д. Бантыш-Каменского (1810). Во всех этих описаниях есть интересные сведения о занятиях жителей, их одежде, жилище, пище, обрядах, обычаях, национальном составе населения отдельных городов и сел Украины.

Много статей по украинской этнографии было напечатано в журналах «Украинский вестник» (1816—1819), «Харьковский демокрит» (1816), «Украинский журнал» (1824—1825), выходивших при Харьковском университете. Правда, в этих описаниях, статьях и отдельных работах быт украинского народа часто характеризовался в идеалистическом плане. В них воспевались патриархальные порядки в деревне, говорилось о якобы «отеческом» отношении и заботе украинских помещиков о крепостных крестьянах, идеализировалось прошлое. Это особенно ярко выражилось в работах И. Кульжинского («Малороссийская деревня», Москва, 1827) и Левшина («Письма из Малороссии», Харьков, 1816).

Однако уже в 1830—40-х годах появляются работы, свидетельствующие о стремлении правдиво охарактеризовать жизнь и быт украинского народа. Примером этому могут служить статьи по украинской этнографии известного культурного деятеля В. Пассека, издавшего «Очерки России». Статьи Пассека интересны и ценные не только фактическим материалом, но и теоретическими замечаниями. Так, в одной из статей он писал: «необходимо замечать быт и обычай на месте, в живой картине, рассказах и песнях из уст народа»². Далее он высказывает важную мысль о том, что этнографические материалы необходимо подавать точно, не переделывая и не искажая их, и обязательно сопровождать эти материалы научными комментариями. «Собирая и передавая иначе, можем лишиться верности и многих важных оттенков народного характера»³.

Огромное значение для укрепления и развития русско-украинских связей и для направления этнографической работы на Украине имело открытие в 1845 г. Русского географического общества с Отделением этнографии. До этого этнографическая работа на Украине велась отдельными любителями без всякой системы, записывалось все, что попадало под руку, и главным образом по духовной культуре. Образование специального Отделения этнографии, определившего задачи и направление исследований в области изучения быта русского народа, оказало большое влияние на развитие этнографии на Украине. Благодаря программе, разосланной РГО, выявился широкий местный актив, и уже в короткий срок Отделением этнографии было получено значительное количество этнографических материалов по Украине⁴.

Украинские этнографы в это время сплотились вокруг Киевского университета. Руководителями их были, с одной стороны, прогрессивный деятель и ученый М. Максимович, с другой,— представители буржуазно-либерального направления Н. Костомаров и П. Кулиш.

В это же время большую работу по изучению быта украинского народа вел революционер-демократ Т. Г. Шевченко.

² В. Пассек, Очерки России, СПб., 1838, стр. 86.

³ Там же.

⁴ Д. К. Зеленин, Описание рукописей ученого архива императорского Русского географического общества, Птр., 1914; ср. «Советская этнография», 1953, № 4. стр. 68—69.

Образование РГО способствовало увеличению печатной продукции как на Украине, так и в изданиях Общества. На Украине большое количество статей печаталось в «Губернских ведомостях», выходивших с 1838 г. В 1845 г. в «Полтавских губернских ведомостях», например, была помещена большая работа украинского буржуазного этнографа А. Сементовского «Некоторые народные обычай и поверья здешней (Полтавской) губернии»⁵, в «Херсонских губернских ведомостях»—статьи без подписей—«Святки», «Очерк земледельческих праздников»⁶, в «Киевских губернских ведомостях»—статьи «Очерки образа жизни и нравов жителей нашего края»⁷ и многие другие.

Статьям по украинской этнографии было отведено место на страницах больших русских общественных и научных журналов. Так, в «Морском сборнике» была помещена статья «Общий взгляд на быт приднепровского крестьянина»⁸, в «Журнале министерства внутренних дел»—«Местечко Монастырище, Нежинского уезда»⁹. Большое число статей по украинской этнографии было напечатано в «Маяке», «Москвитянине» и других журналах.

В ответ на приглашение РГО статьи по украинской этнографии появляются в таких изданиях Общества, как: «Этнографический сборник», «Вестник Русского географического общества», «Известия Русского географического общества». Так, в «Этнографическом сборнике» РГО (№ 1 за 1853 г.) обращает на себя внимание статья А. Иваницы «Домашний быт малоросса». В ней очень подробно рассказывается о строительстве народного украинского жилища и хозяйственных построек, характеризуется одежда, пища, особый раздел посвящен описанию различных обычаев и обрядов, подробно описывается украинская свадьба.

Интересно отметить, что, ставя своей задачей «представить образцы этнографических материалов, поступивших в Общество в большом числе из различных местностей и относящихся к трем главным отраслям русского племени — Великорусской, Белорусской и Малороссийской», Общество посвятило один из этнографических сборников, а именно № 3 за 1858 г., этнографии украинцев и белорусов. В нем была помещена статья без подписи «Слобода Трехизбянская Харьковской губернии», которая, как и статья А. Иваницы, сообщала важные сведения по материальной культуре украинского народа, а также статья «Быт малорусского крестьянина (преимущественно в Полтавской губернии)».

Характеризуя этнографические материалы, собранные РГО за 10 лет, К. Д. Кавелин писал в статье «Некоторые извлечения из собираемых в РГО этнографических материалов»: «Богатство и разнообразие доставленных материалов поразительно. Обнимая все стороны народного быта в малейших подробностях, они представляют полную картину современного русского простолюдина, начиная с его наружного вида, одежды, пищи, жилья, до мельчайших оттенков его речи, понятий, печалей и радостей в домашней и общественной жизни. Таким образом, они дают возможность проследить историческую нить и последовательность в развитии языка, понятий, обычаев и верований в трех ветвях русского племени: Великорусского, Малороссийского и Белорусского»¹⁰.

Отмечая большое значение деятельности Общества и его влияния на развитие украинской этнографии, необходимо подчеркнуть, что это все же была этнография преимущественно либерально-буржуазного направления.

Основное, направляющее значение для развития прогрессивных тен-

⁵ «Полтавские губернские ведомости», 1845, № 15—19, 37, 47, 49.

⁶ «Херсонские губернские ведомости», 1848, № 52.

⁷ «Киевские губернские ведомости», 1850, № 3, 4.

⁸ «Морской сборник», 1856, № 26.

⁹ «Журнал Министерства внутренних дел», 1855, № 2.

¹⁰ Географические известия РГО, № 1, СПб., 1850, стр. 324.

денций в украинской этнографической науке, а также русско-украинских связей, имела деятельность революционеров-демократов. Революционеры-демократы серьезное, всестороннее и глубокое изучение быта народов России связывали с непримиримой борьбой против самодержавия, призывали народ к борьбе против крепостного права. Они резко осуждали реакционных буржуазных этнографов за преднамеренную идеализацию жизни народа, за увлечение стариной, старинными патриархальными обычаями и обрядами, за искажение действительности и отход от изучения современной жизни. Они считали этнографию не игрушкой, не забавой в руках отдельных любителей старины, а отраслью исторической науки, которая может и должна оказать большую помощь в решении важных общественных вопросов. Исходя из принципа, что «наука должна быть служительницей человека», революционеры-демократы не раз подчеркивали огромное значение этнографии в борьбе за разоблачение всего отсталого, консервативного, что было тесно связано с существованием крепостного права в России.

Так, еще в 1840-х годах В. Г. Белинский впервые выдвинул требование глубоко изучать быт народа и изображать крестьян такими, каковы они в действительности, а не «одетых в театральные костюмы, обнаруживающих чувства и понятия, чуждые их быту, положению и образованию, и объясняющихся таким языком, которым никто не говорит, а тем менее крестьяне...»¹¹.

Подчеркивая огромное значение изучения русской народной жизни, Белинский писал: «Конечно, наука еще не пустила у нас глубоких корней, но и в ней уже заметен поворот к самобытности, именно в той сфере, в которой самобытность прежде всего должна начаться для русской науки — в сфере изучения русской истории. В ее событиях, до сих пор объяснявшихся под влиянием изучения западной истории, уже приводятся начала жизни, только ей свойственные, и русская история объясняется по-русски. То же обращение к вопросам, имеющим более близкое отношение собственно к нашей русской жизни, то же стремление разрешить их по-своему заметно в изучении современного быта России»¹².

Резко выступая против идеализации, восхваления старины, Белинский в рецензии на «Записки о старом и новом русском быте» писал, что пора уже наконец оставить в покое старый быт и обратиться к современности. Он предостерегал исследователей и писателей от поверхностного подхода к изучению народной жизни и указывал на зависимость быта от общих исторических условий: «Русский быт, исторический и частный, состоит не в одних только русских именах, но и в особенностях русской жизни, развивающейся под неотразимым влиянием местности и истории»¹³.

Белинский внимательно следил за развитием молодой украинской литературы, описывавшей жизнь украинского народа, и дал положительную оценку некоторым произведениям Квитки-Основьяненко и Котляревского, у которых «быт сельских жителей, их нравы, обычаи, поэзия их жизни, все это изображено так, что стоило бы более подробного рассмотрения»¹⁴. Вместе с тем Белинский осудил сентиментальность, моменты идеализации и консерватизма, одновременно подвергши резкой критике Костомарова за увлечение «козаччиной», седыми могилами, патриархальным бытом.

Дальнейшее развитие Украины Белинский мыслил только в тесном содружестве с прогрессивной Россией.

«Слившись навеки с единокровной ей Россией, Малороссия отворила себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Рос-

¹¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., под ред. Венгерова, т. XI, Птгр., 1917, стр. 91.

¹² Там же, стр. 108.

¹³ Там же, т. VIII, стр. 365.

¹⁴ Там же, т. IV, стр. 76

сией ей предстоит великая будущность»¹⁵. Критические замечания Белинского способствовали укреплению прогрессивных тенденций в украинской культуре, а также развитию украинского литературного языка, истории, этнографии.

Призывы В. Г. Белинского глубоко, серьезно изучать народ, прислушиваться к его требованиям и надеждам нашли свое отражение в деятельности Т. Г. Шевченко. Не случайно в 1840-х годах, когда Белинский призывал обратить внимание на тяжелое положение трудового народа, у Т. Г. Шевченко возникла мысль об издании художественно-этнографического альбома «Живописная Украина». Изданию альбома предшествовала большая собирательская работа в различных местностях Украины. Шевченко внимательно изучал жилище, одежду, занятия украинского крестьянства, его обычаи, обряды, народное поэтическое творчество, особенно песни и предания о героической борьбе украинского народа за свое социальное и национальное освобождение.

«Живописная Украина» — это альбом, состоящий из рисунков преимущественно бытового содержания, как, например, «Судня рада», «Старости», «Казка», с небольшим предисловием и краткой аннотацией рисунков. Характерно, что из исторических событий Шевченко особо останавливается на периоде освободительной борьбы украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого, закончившейся воссоединением Украины с Россией. О задачах и целях альбома мы узнаем из письма Шевченко в «Общество поощрения художников», куда он обратился за материальной поддержкой для своей научной работы¹⁶. «Желая более сделать известными достопримечательности родины моей, богатой воспоминаниями историческими и резко отличающейся от других народных бытом настоящего времени, я предпринял издание, названное мною «Живописная Украина».

Уже в начале этнографической деятельности Шевченко его отношение к изучению народной жизни было противоположно отношению буржуазных этнографов. Шевченко основное внимание обращал на изучение современной жизни, и именно материального быта народа. Характерно, что при оценке этнографических материалов он исходил из интересов народа. Это особенно ярко проявилось при характеристике украинского народного жилища и одежды. Из явлений духовной культуры он останавливается на тех, в которых наиболее ярко отразились социальные моменты (свадьба, обжинки).

Этнографическую работу Т. Г. Шевченко не отрывал от революционной борьбы. Собирая этнографические материалы, изучая быт украинского народа, он нес в народ революционные идеи, призывал его на борьбу за ликвидацию крепостничества и создание новой жизни, где не было бы «ни холопа, ни пана». Этнографические материалы Шевченко использовал в борьбе против лживых разглагольствований украинских буржуазных националистов, утверждавших, будто бы украинское крестьянство живет счастливо и зажиточно под опекой «панов-патриотов».

В 1850-х годах, когда в связи с обострением классовых противоречий в стране и нарастанием революционной ситуации все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом, когда с каждым годом и месяцем увеличивалось число революционных выступлений крестьянства и «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹⁷, — все упорнее и явственнее становилась борьба двух направлений в этнографической науке: революционно-демократического и либерально-буржуазного. Реакционные этнографы, идео-

¹⁵ В. Г. Белинский, Избранные философские соч., т. I, М., 1948, стр. 519.

¹⁶ Хранится в музее Т. Г. Шевченко в Киеве.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 27.

логи господствующего класса, изображали народную жизнь извращенно, идеализировали прошлое украинского народа, уводили в старину, отвлекали народ от важнейших насущных вопросов действительности. Таковы работы Кулиша, Метлинского, выступивших в это время с большими сборниками, ряд работ Костомарова. Правда, в работе Костомарова «Очерки нравов великорусского народа»¹⁸ и особенно в статье «Об отношении русской истории и географии и этнографии»¹⁹ было немало интересных замечаний, относящихся к этнографии. Однако в решении важнейших исторических вопросов он стоял на реакционных идеалистических позициях.

Представители революционно-демократического направления Чернышевский, Добролюбов, Шевченко утверждали, что этнография должна оказать серьезную действенную помощь народу, разоблачая «гнусную действительность». Продолжая и развивая традиции Белинского, Добролюбов и Чернышевский настойчиво выступали против идиллических писаний реакционных этнографов и «бытописателей» и настаивали на глубоком и всестороннем изучении жизни и быта народа, его обычаяев и обрядов, его чаяний и надежд. Добролюбов во многих своих статьях писал, что почти все занимались народом, как любопытной игрушкой, вовсе не думая смотреть на него серьезно, и указывал, что «приторное любезничание с народом и насильная идеализация происходили... просто от незнания или непонимания его. Внешняя обстановка быта, формальные, обрядовые проявления нравов, обороты языка доступны были... и давались легко. Но внутренний смысл и строй всей крестьянской жизни, особенности его миросозерцания — оставались по большей части закрытыми»²⁰.

Такое отношение к народной жизни, по мнению революционеров-демократов, вело к поверхностным, неправильным, односторонним, а часто и вредным выводам. Поэтому «Современник» писал: «В настоящее время.. нам более чем когда-либо нужна наука, которая знакомила бы нас с действительным состоянием вещей, указывала бы нам существенные нужды и наши действительные средства. Знакомство с действительными сторонами быта русского человека укажет нам и основные причины, действующие причины, в силу которых общий склад быта является таким, а не иным.

Наука эта (т. е. этнография.— *E. K.*) должна объяснить нам, почему, например, несмотря на величину и обилие земли русской, русский мужик живет в грязной, курной избе, живет впроголодь... Русской этнографии предстоит решить много серьезных вопросов, накопившихся со времени основания Руси. Вопросы сами собой разъясняются, если мы примемся за дело с любовью, без всяких предвзятых задач, без желания произвольно подтасовывать факты для подкрепления идеек, созданных в тиши кабинета»²¹.

«Современник» подчеркивал, что, изучая жизнь и быт народа, детально характеризуя его материальную и духовную культуру, не следует забывать о главном — о живом человеке. Часто бывает так, говорится в статье, что, «рассуждая о чем-нибудь, прямо относящемся до простолюдина, до быта крестьянина... забываем о людях, прямо заинтересованных в этом деле... и относимся к предмету отвлеченно, следовательно, мертвно, или затрагиваем одно состоятельное сословие»²². Борясь за прогрессивное развитие этнографии, за связь ее с насущными вопросами современной жизни, используя этнографические материалы в борьбе против кре-

¹⁸ Н. И. Костомаров, Очерки нравов великорусского народа, «Современник», 1860, № 2—3.

¹⁹ Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. III, СПб., 1867.

²⁰ Н. А. Добролюбов, Избранные сочинения. М.—Л., 1948, стр. 405.

²¹ «Современник», 1863, № 11, стр. 75.

²² «Современник», 1861, № 8, стр. 240.

постничества, Добролюбов и Чернышевский резко критиковали идиллические писания реакционных этнографов. В связи с этим «Современник» писал: «Некоторые из господ прикидываются патриотами, любителями народности великороссийской, другие избирают предметом сочувствия народность малороссийскую. И те и другие окруждают предмет своего поддельного сочувствия всевозможными нравственными и телесными достоинствами; они взваливают на великороссов и малороссов столько сентиментальных сладеньких добродетелей, что просто делается тошно.

Отнестись сочувственно к действительно добрым качествам россоз они не могут по той простой причине, что сами их не знают, да и считают для себя такое знание делом десятым»²³.

Добролюбов и Чернышевский призывали учиться исследовать и изображать жизнь народа у Шевченко, у которого «весь круг дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни»²⁴. Они не раз подчеркивали также, что особенно важным в деятельности Шевченко является его обращение к современности, т. е. разоблачение крепостнической действительности.

Добролюбов, подчеркивая, что уже появляются серьезные, искренне, с любовью сделанные наблюдения народного быта и характера, указывал также на бытовые рассказы Марко Вовчок. Он давал высокую оценку народным рассказам Марко Вовчок не только за правдивое изображение жизни народа, но также и за разоблачение жестокого крепостнического угнетения русского и украинского крестьянства. При этом Добролюбов указывал, что таких успехов автор добился благодаря желанию и умению «прислушиваться... к еще отдаленному для нас, но сильному в самом себе гулу народной жизни»²⁵.

Отстаивая в борьбе с реакционерами и мракобесами право на самостоятельное существование украинского народа и его культуры, Н. Г. Чернышевский, с глубокой симпатией относившийся к украинскому народу, писал в своей замечательной статье «Национальная бес tactность»: «Если есть племена, могущие к себе привлекать симпатию больше, чем другие племена, то именно малороссы — одно из племен наиболее симпатичных. Очаровательное соединение наивности и тонкости ума, мягкости нравов в семейной жизни, поэтическая задумчивость характера непреклонно настойчивого, красота, изящество вкуса, поэтические обычаи — все соединяется в этом народе, чтобы очаровывать вас, так что иноплеменник становится малорусским патриотом, если хоть сколько-нибудь поживет в Малороссии»²⁶.

Ясно, что только глубокое изучение быта, характера, обычаяев украинского народа дали Чернышевскому основание для такой развернутой характеристики. Считая, что изучение жизни народов должно расширяться и углубляться, а результаты его должны стать достоянием общественности, Чернышевский положительно оценил выход в свет большого общественно-литературного и научного украинского журнала «Основа», где было напечатано немало ценных этнографических работ. Но при общей положительной оценке первого номера «Основы» Чернышевский резко высказался против националистических статей Кулиша, Костомарова за их увлечение стариной и никому не нужные схоластические рассуждения.

В «Современнике» часто печатались рецензии на статьи по истории и этнографии Украины. Так, отмечая некоторые положительные стороны исторических записок Маркевича, «Современник» подчеркивал, что записи эти частично могут быть использованы и как источник «для изучения

²³ «Современник», 1863, № 7, стр. 122—123.

²⁴ Н. А. Добролюбов, Избранные сочинения, М.—Л., 1948, стр. 411.

²⁵ Там же, стр. 247.

²⁶ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 775.

малороссийского быта того времени, для истории нравов»²⁷. Живой отклик в «Современнике» получила работа Л. Жемчужникова «Живописная Украина». Продолжая дело Шевченко, Л. Жемчужников подготовил художественно-этнографический альбом с текстами, рассказывающими о жизни украинского народа. Перед выходом альбома из печати «Современник» писал: «Нельзя не обратить особенного внимания наших читателей на это замечательное издание, которому мы желаем полного успеха»²⁸. Но когда альбом вышел и его содержание не оправдало тех задач, которые были поставлены перед ним вначале, «Современник» поместил подробную рецензию на «Живописную Украину», которая явилась как бы программой дальнейшего развития этнографической науки на Украине.

«Современник» резко осуждал идеализацию украинского крепостного села и случайный, поверхностный подбор этнографических объектов в «Живописной Украине»: «Пора нам перестать говорить похвальные речи живописной природе Украины, увлекаться пастушками, стадом овечек, чумакской шапкой, какой-нибудь намиткой или головным убором — безотносительно к географическим условиям и историческим судьбам народа»²⁹. В статье подчеркивалось, что этнография должна развиваться в тесном содружестве с исторической наукой, что она может поднимать и разрешать серьезные теоретические вопросы и что этнографы не должны ограничиваться наблюдениями и исследованиями только в какой-нибудь одной части Украины. Только изучение всей Украины даст возможность выяснить «видоизменения особенностей во внешних формах жизни на всем пространстве, занимаемом южнорусским племенем. Поступая таким образом, можно дойти до первообраза южнорусского быта»³⁰. Далее указывалось на необходимость изучать влияние исторических условий на изменение и формирование отдельных этнографических явлений, а также ставился вопрос об изучении общих черт в быту двух братских народов — русского и украинского и специфических черт, свойственных тому или другому народу. Указывая на большое значение этнографии, автор статьи пишет: «что эта наука... войдет в моду и удостоится полного сочувствия и почета, в том нет никакого сомнения. Рано или поздно мы придем к тому правильному убеждению, что человечество составляют не представители бобровых воротников, фраков, лаковых сапог, но и те, которые носят заплатанный зипун, лыковые лапти и всякое рубище и которых мы из сострадания называем *меньшими братьями* или ласкательным именем *мужиков*. К сближению с народом поведет всестороннее изучение его жизни, а для того, чтобы знать и полюбить народ, мы должны хлопотать о возрождении этнографической науки, которая и есть единственное средство изучения народа»³¹.

Все эти выступления «Современника» свидетельствуют о том, что передовые деятели русского народа глубоко изучали и повседневно следили за развитием этнографической науки на Украине. Их критические высказывания были направлены на то, чтобы вывести украинскую этнографию на путь прогрессивного развития. На Украине эти передовые революционно-демократические идеи нашли отражение прежде всего в деятельности Т. Г. Шевченко, М. Вовчка, позже — И. Франко, Л. Украинки, М. Коцюбинского.

Правда, в период борьбы Добролюбова и Чернышевского за революционно-демократическую этнографию Т. Г. Шевченко отбывал 10-летнюю ссылку и смог включиться в эту борьбу только в 1857 г., после освобождения из неволи. Царское правительство жестоко расправилось с рево-

²⁷ «Современник», 1860, № 5, стр. 53.

²⁸ «Современник», 1861, № 34, стр. 198.

²⁹ «Современник», 1863, № 1—2, стр. 149.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. стр. 154.

люционером-демократом Шевченко. Однако ссылка не сломила его: несмотря на трудности, на запрещения начальства, Шевченко и в ссылке не оставлял научной работы. Он изучал быт казахов, туркмен, уральских казаков и других народов. Он выступил с критическими замечаниями на фольклорно-этнографический сборник Кулиша «Записки о Южной Руси», критиковал работы Небольсина и Железнова о быте уральских казаков, осудил «Солдатские досуги» В. Даля, который неправильно осветил быт солдат в царской армии.

В ссылке укрепилось демократическое отношение Шевченко к изучению жизни народа, высказанное им еще в 1847 г. в предисловии ко второму изданию «Кобзаря». Он считал, что быт народа нужно изучать серьезно, глубоко и повседневно общаться с народом, связывать это изучение с конкретной помощью народу. Эти взгляды Шевченко выкристаллизовывались под непосредственным влиянием русских революционеров-демократов. Возвратясь после ссылки в самый центр революционной борьбы, в Петербург, Шевченко знакомится с лучшими деятелями передовой русской культуры: Чернышевским, Курочкиным, Соколовым, Северцовым, и вместе с ними продолжает борьбу за освобождение народа из-под ига крепостного гнета. Он начинает кипучую деятельность по распространению знаний в народе, поддерживает начинание «Современника» по изданию учебников, доступных для народных масс; в связи с этим Шевченко планирует написать небольшую работу по украинской этнографии.

Дело Т. Г. Шевченко продолжал выдающийся украинский ученый И. Я. Франко. Он, как и Шевченко, считал главной задачей своей жизни борьбу за освобождение трудящихся. Этой задаче была подчинена и литературная и научная деятельность И. Франко. Как и Шевченко, И. Франко «хотел быть не поэтом, не ученым, не публицистом, а прежде всего человеком»; как и Шевченко, он выступал против фальсификации народной жизни, боролся с националистами всех мастей, резко высказывался против церкви и ее прислужников. Как и Шевченко, И. Франко в своей деятельности, в своей борьбе за лучшее будущее трудового народа обращался к русским революционерам-демократам. Их он считал образцом для своей деятельности, у них призывал учиться, им наследовать: «Мы не забываем и не смеем забывать,— писал И. Франко,— что главная сила, главное ядро нашего народа есть в России»³².

Развивая этнографию, И. Франко впервые среди украинских этнографов начинает изучение жизни и быта рабочего класса. Его художественные произведения, рассказывающие о быте рабочих, его публицистические и этнографические работы были направлены на разоблачение капиталистической действительности, рассказывали об упорной борьбе пролетариата с капиталистами.

Революционно-демократические традиции в украинской этнографии продолжал и М. М. Коцюбинский. Уже в первых произведениях Коцюбинского освещается ряд сторон народной жизни. В 1891 г. в рассказе «На веру» он характеризует народный обычай жить без церковного венчания, в статье «Изделия крестьянок с Подолии на выставке в Чикаго» рассказывает о народных мастерах вышивки золотом и серебром. Характеристике народных представлений и верований посвящены произведения Коцюбинского «Ведьма», «Хо», в которых писатель разоблачает темноту, отсталость и забитость жестоко эксплуатируемого украинского крестьянства.

Особое значение для развития этнографической деятельности Коцюбинского имело знакомство его с И. Франко и В. Гнатюком, которые руководили этнографической работой в Обществе им. Шевченко во Львове. Работая в редакции «Земского сборника Черниговской губернии» и в Черниговской ученой архивной комиссии, Коцюбинский принимал участие в

³² I. Франко, Літературно-критичні статті, Київ, 1950, стр. 36.

составлении этнографической программы, переписывался и консультировался по различным вопросам этнографии с И. Франко и В. Гнатюком, изучал этнографическую литературу.

Изучая в основном быт украинцев, Коцюбинский с симпатией и вниманием относился и к другим народам. Работа его в филлоксерной комиссии в Крыму и в Молдавии, давшая возможность изучить быт татар, калмыков, молдаван, укрепила в нем глубокие симпатии к так называемым «кинородцам» и убедила в необходимости революционной борьбы со старым, консервативным бытом, патриархальными пережитками, религиозным гнетом.

Так славные традиции революционеров-демократов нашли на Украине своих достойных продолжателей.

* * *

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление советской власти в нашей стране создали замечательные условия для развития всех отраслей науки, в том числе и этнографии. В условиях советской действительности революционно-демократические традиции полностью сохранили свою огромную ценность. И сейчас остается в силе требование революционеров-демократов — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Шевченко, Франко — глубоко и серьезно изучать жизнь народа, держать тесную связь с народом, обращать основное внимание на изучение современности, уметь выявлять новое в быту, правильно и научно его объяснять. Поэтому изучение истории этнографической науки этого периода, а также русско-украинских связей, сыгравших такую большую прогрессивную роль в развитии этнографической науки на Украине, имеет немалое значение. Для того чтобы правильно разбираться в ходе исторических событий, чтобы активно содействовать формированию новой, социалистической культуры, необходимо всесторонне изучать наследие, оставленное нам лучшими прогрессивными деятелями русской и украинской культуры.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

Л. П. ШЕВЧЕНКО

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРЕ И БЫТЕ РАБОЧИХ КРОЛЕВЕЦКОЙ ТКАЦКОЙ АРТЕЛИ ИМ. 20-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Изучение быта рабочих артелей промысловой кооперации принадлежит к числу актуальных задач советских этнографов. В прошлом этнографические исследования быта кустарей небольших городов почти не производились, между тем особенности их быта, в известном смысле промежуточного между крестьянским и рабочим, представляют большой интерес.

В настоящее время прежние ремесленники и кустари-одиночки в массе повсеместно объединены в артели. Объектом нашего изучения была ткацкая артель им. 20-летия Октябрьской революции в г. Кролевце — старинном центре художественного ткацкого ремесла на Украине.

Возникновение г. Кролевца относится к XVII в., ко времени, когда еще продолжалась экспансия магнатской Польши в украинские земли. После народно-освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого на левобережную Украину устремились переселенцы с правобережья, спасавшиеся от шляхетского гнета. Многие из них осели в г. Кролевце или возле него. Не желая попадать в крепостную кабалу, все они, как и местное малоземельное население, занимались ткачеством. Значительно позже, после реформы 1861 г., ряды кролевецких ремесленников пополнили отпущеные с крепостных фабрик специалисты-скатертики.

Среди народных бытовых тканых изделий, изготавливавшихся кролевецкими ткачами,— скатерть, платков, плахт, ряден, наиболее популярным и ходким товаром был «красный рушник» (полотенце). Красные рушники ткали на красных — узких легких станках, поныне встречающихся в некоторых русских, украинских и белорусских деревнях. Рушники выполнялись традиционной техникой «перетикання». Наиболее простые узоры выполнялись с применением двух ремизок («підніжки»). На четырех ремизках получали древнейший узор «сосонку» (рис. 1, а). С применением шести ремизок ткали «борисовку» — узор, получавшийся ранее в помещичьих мануфактурах XVIII в. на 12—24 ремизках (рис. 1, в). В народном ткачестве такого сложного узора не применяли из-за трудности выполнения и высокой стоимости изделий. Более распространенной техникой тканья была браная — «переборная» и «выборная», при помощи которой получали традиционные полотенечные узоры: на белом фоне красные полосы, геометрические фигуры («косинці», «сухарики», квадраты, треугольники), геометризованные растительные мотивы «ягодки» (стилизованное дерево без грунта и корня), звезды и другие компоненты древнеславянского народного стиля, созданного коллективным творчеством древнерусских мастеров. Материалом служили льняные или хлопчатобумажные нитки.

В 1890-х годах подавляющее большинство ткачей попало в кабалу к купцам, снабжавшим их сырьем и по дешевке забиравшим их изделия. Условия труда и быта ткачей были поистине ужасны. В Кролевце в 400 из 680 хат стояло по 3—4 узких ткацких станка. Работали на них не только взрослые, но и дети в возрасте от 6 лет. Антисанитарные условия труда и тяжелые условия жизни имели следствием высокую смертность, особенно среди детей. Заработка всей семьи, получавшей сырье от купца, часто не превышал 45—60 руб. в год. Ткачи страдали от голода и холода. Одеждой одного-двух взрослых часто по очереди пользовалась вся семья из 10—13 человек.

После Великой Октябрьской социалистической революции жизнь ткачей г. Кролевца коренным образом изменилась. В 1922 г. кролевецкие ткачи объединились в артель, которая впоследствии получила имя 20-летия Октябрьской революции. Уже в первой пятилетке эта артель стала миллионером. В настоящее время она располагает вполне современным техническим оборудованием. Труд механизирован на 90%. В семи цехах

работает 600 человек. Благодаря социалистическим методам организации труда неизменно вырос культурно-технический уровень ткачей.

Среди членов артели много искусственных мастеров, которые дают высокохудожественные образцы тканых изделий, совершенствуя технику народного узорного ткачества.

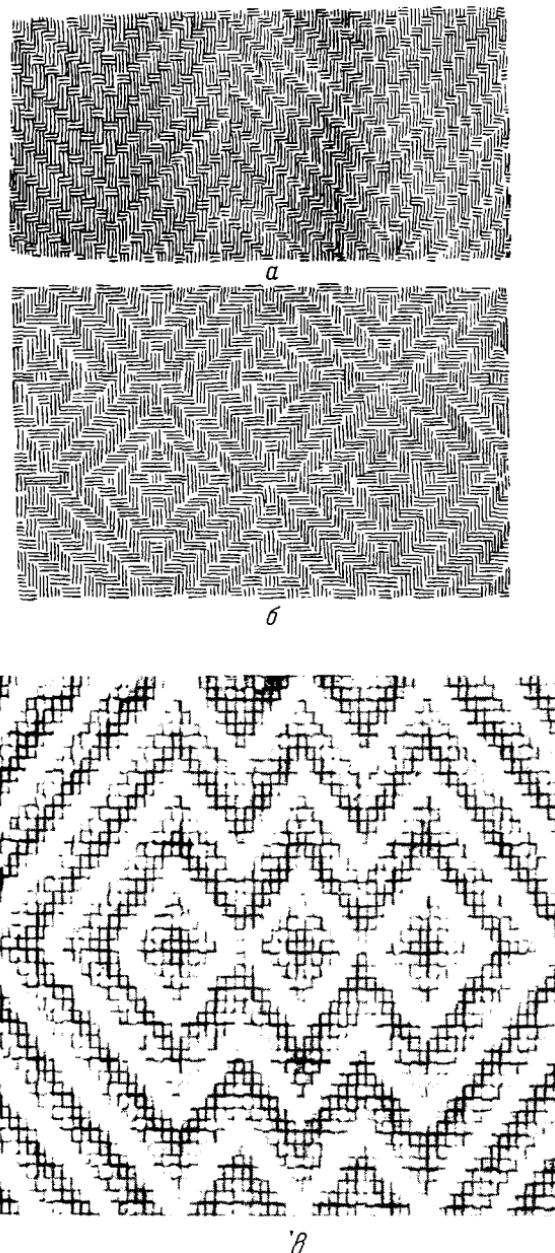

Рис. 1. Старинная техника тканья кролевецких мастеров: *а* — „сосонка“; *б* — „окружки“; *в* — „борисовка“

Кролевецкими ткачами разработана комбинированная техника «перебора» с «выбором» (брдая техника), благодаря которой стало возможным исполнять на горизонтальном ткацком станке сложные тематические узоры с человеческими фигурами. Кролевецкие мастера неоднократно участвовали на областных, республиканских и международных выставках. Лучшие изделия кролевецких ткачей приняты в музейные экспозиции (рис. 2). Передовые и наиболее талантливые мастерицы награждены грамотами и дипломами.

Темные и невежественные в прошлом, ткачи Кролевецкой артели ныне стали пере-

довыми общественниками города. Артель принимает активное участие в его благоустройстве, в строительстве культурно-бытовых и культурно-просветительных учреждений — спортивных площадок, клуба, дворца пионеров, детских садов, ясель и т. п. Артель успешно шефствует над колхозом.

В результате роста материального благосостояния и повышения культурного уровня рабочих артели произошли большие изменения в их быту.

Для семейного быта дореволюционных ремесленников характерным было неравноправие женщины; практически мало чем ограниченная власть отца или мужа сковы-

Рис. 2. Кролевецкие рушники (работы К. Калей и Н. Терещенко, 1938 г.)

вала свободу женщины и детей. Все же положение женщины из семьи ремесленника отличалось от положения крестьянки. В беднейших семьях женщина пользовалась некоторой самостоятельностью. Когда муж уходил на заработки, она свободно распоряжалась хозяйством, распределяла семейный бюджет, учитывала и регулировала труд младших членов семьи.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции женщина, став равноправным участником социалистического строительства, заняла равное с мужчиной положение в обществе и семье. Среди членов артели много передовых мастериц, активных общественниц. В семейной жизни ткачей уже не чувствуется власти главы семьи, отношения между членами семьи строятся на взаимном уважении и авторитете старших.

Особой заботой окружены сироты, дети членов артели. Артель заботится о них, выдает ежемесячное денежное пособие, помогает желающим продолжать образование.

Неизмеримо вырос культурный уровень членов артели. Ткачи и члены их семей систематически читают газеты, журналы, пользуются библиотекой артели, слушают радио, посещают кино, театр, клуб. Все это способствует исчезновению вредных традиций, связанных с частнособственной психологией, суеверий и т. п. Отказ от старых традиций четко прослеживается, например, в проведении свадьбы.

Советская свадьба выходит за рамки чисто семейного торжества и превращается

в общественный праздник. На свадебном пире, как правило, присутствуют члены коллектива, в котором работает жених или невеста. Совершенно исчезли обряды, связанные с пережитками магических представлений. В то же время в свадебных торжествах продолжают сохраняться некоторые традиционные, но по-новому осмыслившиеся черты: так, обязательной принадлежностью свадебного пира попрежнему является «каравай».

Коренные изменения произошли в пище, одежде и жилищных условиях ткачей.

Почти каждая семья имеет огород и держит домашних животных и птицу. Но если в прошлом приходилось относить кур и яйца на базар, чтобы купить соль, спички, керосин и т. п., то теперь эти продукты используются для питания семьи. Способы приготовления пищи приблизились к городским. Взошли в обиход полуфабрикаты и консервированные продукты. Стали часто готовить сладкие блюда, в праздничные дни подают к столу торты, мороженое. С появлением в быту ткачей плиты горячую пищу стали принимать три раза в день. Стол сервируют по-городскому, применяя посуду фабричного изделия. Из народных кушаний сохраняются «шулки» — тонкие пресные коржи с маком и сахаром или медом, «косинці» — печенье с «ряженкой» (варенухой), фигурные хлебы — «книші», «каравай», «пампушки» с чесноком и растительным маслом, вареники, блины и пр.

Ткачи живут в самом городе Кролевце, его пригороде и близлежащих селениях.

Город Кролевец застроен деревянными и кирпичными домами, чаще всего одноэтажными, реже двух- или трехэтажными. Улицы радиально расходятся от центральной площади к окраинам. Дома в большинстве случаев выходят фасадом с крыльцом на улицу.

Для пригородов характерны прямые улицы с двурядной застройкой. Усадьбы одной улицы выходят в тыл усадеб параллельной улицы. Дома — срубные, одноэтажные; они обращены к улице узкой стороной, которая служит как бы продолжением усадебной ограды. Вход в хату — со двора, через «ганок» (крыльцо) или «присінки».

За городской чертой селения ткачей расположены по берегам высоких речушек Рыти и Доброй. В прошлом планирование этих селений было подчинено социальному-экономическому принципу и природным условиям; улицы в них кривые, застройка двурядная. Новые селения строят по типовому проекту. На ровном поле планируют ровные улицы. Застройка двурядная, дома срубные, с крыльцом. По типовому проекту дома должны быть в плане квадратными и обращены фасадом к улице, но народные зодчие, считаясь с установившейся традицией, ставят крыльцо со двора. Таким образом, дом выходит «причілковой» стеной на улицу и не огораживается забором. Вследствие перестановки крыльца дом принимает несколько удлиненную форму, напоминая традиционное украинское жилище. Перед крыльцом во дворе разбивается цветник, на усадьбе разводят фруктовый садик. Позади дома строят деревянный сарай, крытый дранкой, и кирпичный погреб.

Дома встречаются двух-, трех- и многокомнатные. Двухкамерных жилищ, состоящих из хаты и сеней, в Кролевце мало. Наиболее типичны трехкомнатные хаты с сенями и коморой, перестроенные из однокомнатных в годы первой пятилетки.

Стремление к перестройке и внутренней перепланировке хат возникло с ростом материального благосостояния и повышением культурного уровня. Перепланировка достигалась установкой одной или двух отопительных печей («груб»). Сперва ставили одну грубу длиной около 2 м, шириной в 50 см, которая делила комнату пополам. Топка выходила на середину хаты. В дальнейшем стали устанавливать две грубы, разделяя ими комнату на две неравные части — кухню и «чистую хату». В 1929 г. ткачиха София Неровня, перестраивая свою хату, разделила ее на три неравные части: кухню, она же и ткацкая, меньшую — спальню и гораздо большую — чистую хату.

В перестроенных хатах кухня сохраняет традиционную внутреннюю планировку. Печь с лежанкой обращена к малому окну. Сохраняются неподвижное возвышенное место для спанья — деревянный «піл» и широкие деревянные лавки. В красном углу — треугольник для цветов; большой стол теперь чаще всего стоит между окнами напротив печи.

Многие хаты, перестроенные в конце 1920-х годов, разделены перегородками на две равные части: в одной помещаются кухня, сени, комора; в другой — спальня и чистая хата. В этот же период многие ткачи пристроили к своим домам крыльцо — ганок. Стенки ганка сбиты из вертикально установленных досок, крыша односкатная.

Многокомнатные жилища среди криворецких ткачей еще не получили массового распространения. При строительстве новых домов, по типовому проекту состоящих из четырех равных частей, ткачи изменяют внутреннюю планировку, увеличивая за счет кухни и передней спальни и парадную комнату.

Внутреннее убранство в домах городское. Специфической чертой его являются декоративные ткани и вышитые полотенца, что придает комнате особенно нарядный вид.

Существенно изменилась одежда ткачей. В настоящее время можно различать три типа женской одежды: обычную городскую, на описание которой нет надобности останавливаться, «мещанскую» — тоже городскую, но старых, застывших форм, и народный украинский костюм черниговского типа. Этот костюм в обыденной жизни не употребляется.

До 1890-х годов ткачи, составляя часть городского населения, но приближаясь по быту к крестьянам, носили одежду собственного изготовления: холщевую рубаху — «сорочку», «плахту», «запаску», «юпку». Верхней одеждой летом служила «кирсетка» —

легкая безрукавка, а зимой «свитянка» — теплая одежда с рукавами. Плахту и запаску поддерживал шерстяной тканый или плетеный широкий пояс красных тонов с бахромой.

Все части народного костюма были украшены изящными аппликациями, а также вышитыми и ткаными узорами с мелким рисунком и спокойной расцветкой. Этим народный костюм Черниговщины отличался от костюмов других областей Украины.

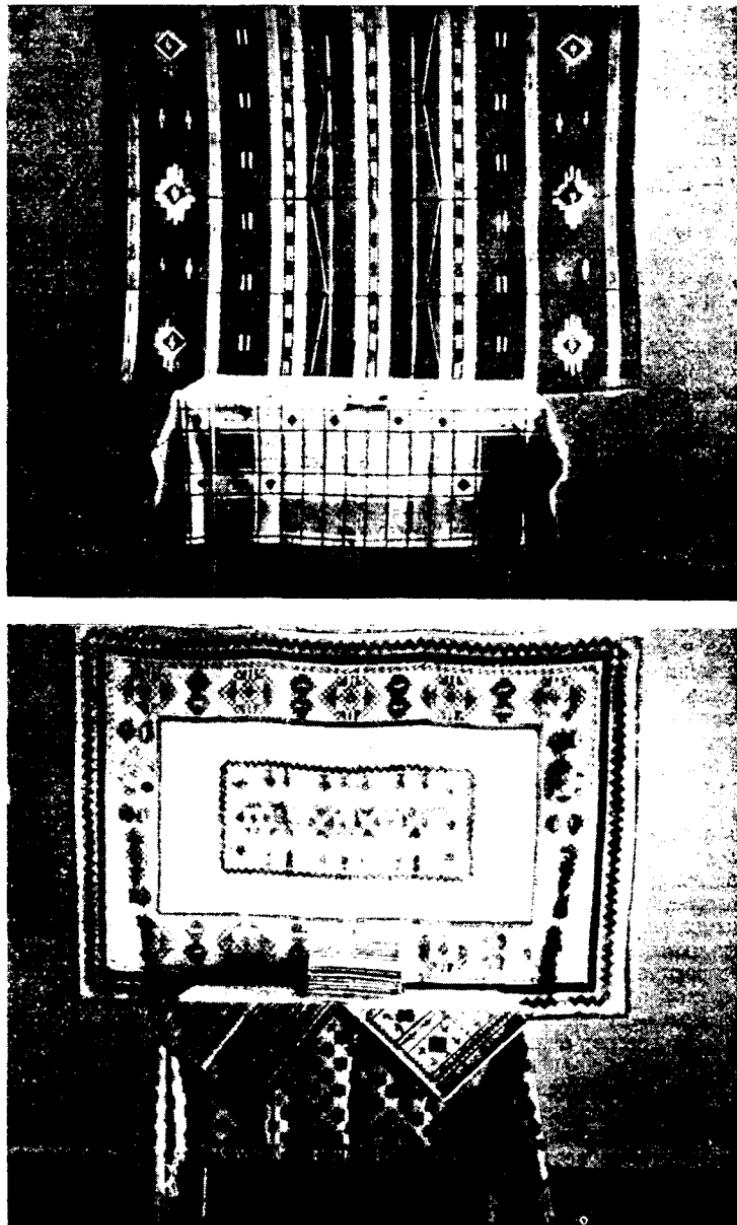

Рис. 3. Продукция кролевецких ткачей, 1952 г.

Существенные изменения в костюме городских ткачей, как и крестьян Кролевецкого района, произошли в 1890-х годах, когда местное население стало переходить на более дешевую одежду из фабричных тканей. Комплекс женской одежды состоял из широкой и длинной юбки — «спідниці», блузки без пояса — «кофты» или «сачка» и фартука из перкаля с кружевом. Вместо лент и цветов девушки стали носить на голове платки. Мужчины носили наиболее дешевую городскую одежду. Такого типа одежда получила название «мещанской». Ее носили вплоть до Великой Октябрьской

социалистической революции, а как удобная для работы, она нередко встречается и в настоящее время.

Современный праздничный народный костюм утратил некоторые черты черниговского стиля. Так, плахта совсем не употребляется, ее заменила юбка (спідниця) — сатиновая, шелковая, нанковая, обшитая цветными лентами. Фартук украшают разноцветными лентами и кружевом. Молодежь, участвующая в художественной самодеятельности, для своих выступлений заказывает в ткацких артелях вискозные плахты по типу полтавских плахт.

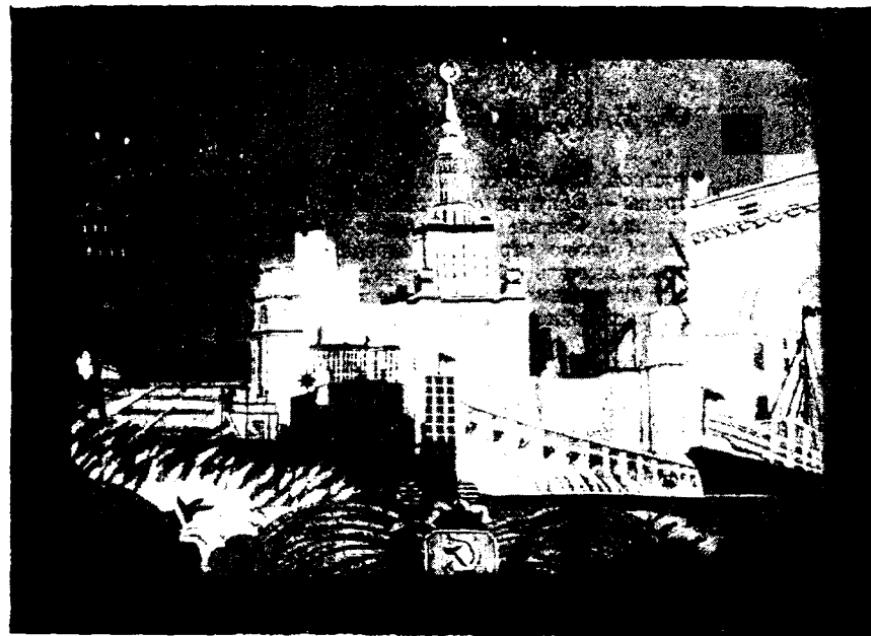

Рис. 4. Тканое панно „Стройки коммунизма“, выполненное по эскизу художника И. Дударя ткачихами Д. Щербань и М. Даценко, 1952 г.

Вышивка на рубахах также изменилась. Красные с черным розы вытеснили характерные для черниговского стиля более спокойные мотивы стилизованных деревьев, ромбов и восьмилепестковых розеток, вышитых белыми и красными нитками.

Зато традиционные мотивы черниговских вышивок широко используются ткацкой артелью при художественном оформлении выпускаемой ею продукции. Популярное «красное» полотенце входит в быт в виде портьер, «писаные» платки используются как скатерти, покрывала, шарфы, чехлы для диванных подушек. Плахта и запаска служат неисчерпаемым источником мотивов при художественном оформлении дорожек, панно, тканей для обивки мебели и т. п. (рис. 3).

Совершенствуя приемы художественного ткачества, кролевецкие ткачи создают сложные тематические композиции, отражающие стремления и достижения советского народа. Таковы, например, панно «Пятисотницы», посвященное новаторам производства, «Стройки коммунизма» (рис. 4), «Стокгольмское воззвание» и другие. Создание таких композиций свидетельствует о неуклонном совершенствовании мастерства кролевецких ткачей. Бывшие кустари, нещадно эксплуатировавшиеся капиталистами, при советской власти получили неисчерпаемые возможности для своего творческого роста и всестороннего культурного развития.

А. Я. НУРИЕВА

СТАРОЕ НАРОДНОЕ ЖИЛИЩЕ АПШЕРОНА

Апшеронский полуостров, на котором расположен один из крупнейших промышленных центров нашей страны — Баку, за советские годы покрылся новыми благоустроеными поселками нефтяников. Старые апшеронские селения с характерными для них традиционными жилищами давно перестали определять облик полуострова. Исследователь, задавшийся целью изучить образцы народного жилища конца XVIII — середины XIX в., может встретить немногочисленные постройки такого типа лишь в некоторых старых селениях, расположенных в непосредственной близости от приморских дачных мест.

В отличие от народных жилищ других районов Азербайджана, жилище Апшеронского полуострова еще слабо изучено, а между тем оно, несомненно, заслуживает внимания и архитектора, и этнографа.

Народное жилище Апшерона отражает основные особенности, присущие азербайджанскому народному жилищу в целом. В то же время своеобразные климатические условия полуострова, особенности местных строительных материалов и главным образом специфика социально-бытовых условий и рода хозяйственной деятельности населения обусловили появление здесь типа построек, несколько отличных от жилища других районов.

Для Апшерона характерны пески и безводные пространства. Из-за отсутствия строевого леса население полуострова издавна освоило в качестве строительного материала известняк, в изобилии здесь встречающийся. Это определило особенности конструкции и декоративно-художественного оформления памятников материальной культуры Апшерона. Характер строительного материала до некоторой степени повлиял и на планировку жилища, так же как на размеры комнат, форму и размеры световых проемов, их расположение и т. п.

Широкое использование камня в строительстве обусловило применение в архитектуре народного жилища Апшерона купольных и сводчатых перекрытий, сочетающихся с плоскими. Стены домов возводят целиком из бутового камня на глиняном растворе. Толщина наружных и внутренних стен одинакова — 70—80 см. Снаружи и изнутри стены оштукатуривают тем же глиняным раствором, а затем белят известью. Плоские земляные, с очень небольшим уклоном крыши промазаны сверху жирной глиной. Вода с них отводится при помощи каменных водосливов. Летом местное население пользуется крышей как открытым помещением — на ней спят, сушат овощи, фрукты и т. д. Поэтому характерной деталью домов является каменная лестница, ведущая на крышу.

На полуострове господствуют северные ветры, поэтому дома стремились ориентировать на юг, восток или юго-восток. В районах Маштаги, Билья, Бузовны, Шувеляны большинство домов обращено фасадом на восток. Старые жилые дома Апшерона, как правило, выходят на улицу глухой стеной. Главным фасадом они обращены во двор, обнесенный со всех сторон высоким каменным забором. Замкнутость усадебных участков была обусловлена не только бытовым укладом и религиозными предрассудками, но в значительной степени и климатическими особенностями. В летнюю жару огороженный глухим забором двор служит как бы дополнительным жилым помещением; население ищет прохлады на территории усадьбы, где-нибудь под тенистым деревом, около дома или же подле искусственного водоема — «ховуза».

Участок, обычно прямоугольной формы, обращен на улицу короткой стороной. Озеленение дворов скучное, но все же почти у каждого на участке растут два-три тенистых дерева инжира или шелковицы. В каждом дворе имеется колодец, а иногда бассейн. Воду для питья и домашних нужд доставали из колодца вручную. При поливе сада и огорода (огородничество было основным занятием населения) воду доставали посредством «доламачарха», для вращения которого использовали силу лошади или осла. Поступавшая из колодца вода наполняла бассейн и оттуда по канавкам — «арх» направлялась к саду и огороду.

По характеру планировки дома Апшерона можно отнести к типу однорядной застройки. Комнаты в большинстве случаев расположены длинной стороной к фасаду. Встречается и усложненная однорядная застройка; иногда дома имеют Г-образный план. Дома беднейших слоев населения в прошлом, как правило, состояли всего из одной жилой комнаты и кухни, более состоятельной части населения — из двух жилых

комнат; одна предназначалась для семьи, другая — для гостей. В отличие от других областей Азербайджана, в большинстве апшеронских домов кухня является самостоятельной комнатой, в которой помещаются «оджаг» и «тандыр».

Из-за сильных и частых ветров, а также недостатка топлива население Апшерона даже в теплое время разжигает очаг в закрытом помещении. Кухня по площади часто значительно больше, чем обычная жилая комната, так как в холодное время в ней пребывает вся семья. В некоторых домах, как, например, в доме Рамазана Ханлар оглы в Мардакянах, в кухне устроено специальное деревянное возвышение, на котором в период холода семья спит и проводит свой досуг.

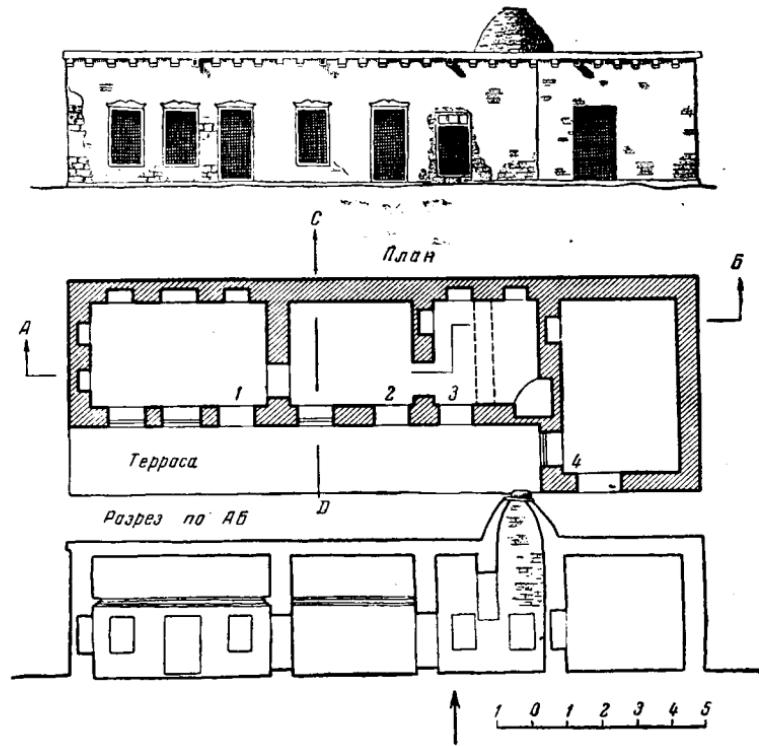

Рис. 1. Дом в селении йюль-Бюли (Крестьянская ул., д. № 1):
1 — комната для гостей; 2 — жилая комната; 3 — кухня; 4 — хлев

Тандыр — своеобразная печь для выпечки лепешек «чуреков», слепленная из глины с саманом в форме полого внутри усеченного конуса. Тандыр устанавливают широким основанием вниз и обкладывают камнем. На дне тандыра разводят огонь; когда стекни печи раскаляются, к ним прилепляют заготовленное тонкое тесто, после чего отверстие прикрывают. В крыше над тандыром и очагом обычно устраивают небольшие купола с отверстиями на вершине («баджа»), которые служат для выхода дыма. Зимой эти отверстия неплотно закрывают каменными плитами; если же притопке выделяется много дыма, то их открывают, и помещение таким образом проветривается.

В старом жилище Апшерона отсутствуют почти обязательные для жилища других областей Азербайджана крытые «эйваны». Они заменены открытymi террасами «сэжи», представляющими собой насыпные земляные площади, приподнятые на 30—50 см выше уровня грунта. По всей вероятности, это объясняется отсутствием строевого леса, необходимого для перекрытия. Эйваны стали изредка появляться только в конце XIX в. в связи с привозом леса из России.

Старые дома Апшерона почти всегда одноэтажны. Второй этаж встречается редко, и, наподобие так называемого «балахана» (верхняя комната) в ордубадском жилище, состоит всего из одной комнаты, предназначенной для гостей. Из этой комнаты часто имеется выход на крышу дома.

Архитектура апшеронского дома предельно строга. Выходящая на улицу глухая стена лишена какого-либо декоративного оформления. На главном фасаде по большей части также отсутствуют какие-либо элементы декорации. Он прорезан входными и оконными проемами с перемычками из крупного тесаного камня. Изредка встречаются дома с двойными оконными проемами. В этих случаях над большим нижним проемом помещается второй — меньшего размера, иногда с арочной перемычкой.

Несмотря на скромность декоративной отделки, фасады ашхеронских домов, благодаря своей конструктивной оправданности, по-своему выразительны и архитектурно закончены. Такая выразительность достигается удачно найденными пропорциями объемов, разномасштабностью проемов, оригинальным сочетанием плоской крыши с одной или двумя своеобразными дымовыми трубами (баджа) в форме усеченного конуса.

Интерьер домов Ашхерона типичен для азербайджанского народного жилища. Однако в жилых комнатах, как правило, отсутствует обычный для других областей Азер-

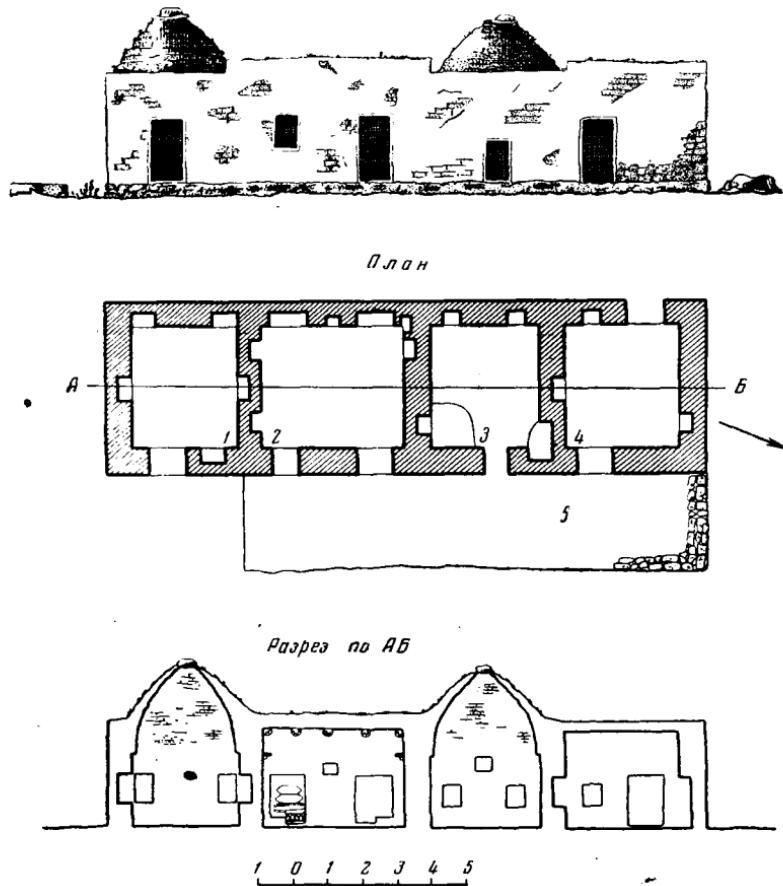

Рис. 2. Дом в селении Мардакяны (Ичери Шувалян, № 255):
1 — хлев; 2 — жилая комната; 3 — кухня; 4 — кладовая; 5 — терраса

байджана камин (бухары). Повидимому, недостаток топлива не допускал создания в доме другого очага, кроме кухонного. Для отопления жилой комнаты часто применяли так называемый «кюрси»: на полу комнаты в углублении ставили «мангал»¹ с раскаленными углами; над углублением с мангалью устанавливали табурет, а сверху все покрывали большим стеганным одеялом.

Полы в комнатах земляные. В стенах жилых домов устроено множество ниш (такс) различного размера. В больших нишах хранят постельные принадлежности. Иногда в нишах прибивают деревянные полки, на которые ставят посуду. Помимо ниш, при возведении стен оставляют на высоте 1,8—2 м полку-уступ «лямэ», или «эрэф». Чаще эрэф делают по всему периметру, но иногда только на двух стенах. Такие полки с установленной на них фаянсовой и медной посудой служат своеобразным элементом украшения интерьера. Никакой мебели в помещениях в прошлом не было. Обитатели их сидели и спали на полу, который обычно устилали тофяками и коврами.

Своей деталью ашхеронского жилища является нигде более в Азербайджане не встречающаяся ниша для купанья, снабженная специально оборудованным водостоком. Такую нишу, называемую «суахан» или «обра», обычно устраивают в кухне. Другой своеобразной деталью являются специальные ниши в стенах, предназначенные для светильников.

¹ «Мангаль» — металлическая жаровня со специальным устройством, обеспечивающим равномерное медленное горение угля.

Постараемся проследить отмеченные особенности апшеронского народного жилища в отдельных домах, являющихся характерными в том или ином отношении.

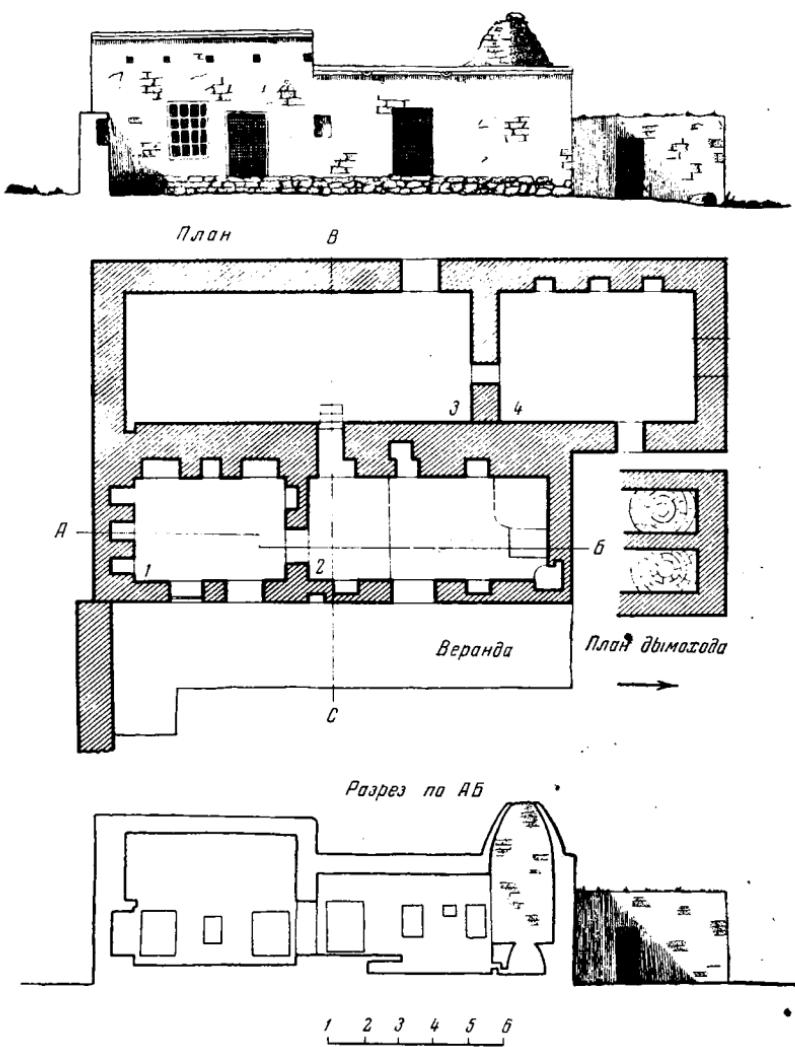

Рис. 3. Дом Рамазана Ханлар оглы в селении Мардакяны:
1 — жилая комната; 2 — кухня; 3 — хлев; 4 — кладовая

На рис. 1 показан дом в селении Бюль-Бюли, где в композицию главного фасада введены поддерживаемый изящными кронштейнами небольшой карниз приятного профиля, водосливные желобки, резные деревянные наличники на окнах и дверях. Такие дома встречаются очень редко.

На рис. 2 показан дом в селении Мардакяны (Ичери Шувалян, № 255). В плане дом имеет форму вытянутого прямоугольника. Он состоит из четырех изолированных частей: жилой комнаты, кухни, кладовой и хлева. Во все помещения вход с восточной стороны. Восточный фасад здания, на котором размещены входные и оконные проемы, несмотря на отсутствие декоративных элементов и членений, производит впечатление определенной архитектурной организованности, благодаря чередованию купольных перекрытий с плоскими, а также поочередной смене больших и малых проемов. Жилая комната и кладовая подчеркнуты на фасаде парапетом. Перед фасадом на высоте 50 см устроена открытая насыпная терраса.

Жилая комната, площадью 14,35 м², расположена между кухней и хлевом. На двух стенах жилой комнаты имеется рэф для посуды, а в углах, примыкающих к передней стене,— специальные ниши для светильников. Различного назначения ниша (такса) устроены во всех стенах, кроме фасадной.

Кладовая, площадью 12 м², имеет две двери: одна выходит на террасу, другая, служащая для хозяйственных надобностей, — на заднюю сторону дома. В кладовой устроены три ниши для хранения хозяйственных вещей.

Кухня, площадью 10,85 м², расположена между жилой комнатой и кладовой. В стенах кухни имеются ниши для хранения посуды и продуктов. Налево от входа находится тендеры, рядом с ним — очаг для приготовления пищи. В правом от входа углу в боковой стене устроена ниша для купания (сухан).

Хлев примыкает к кухне. По стенам в нишах находятся кормушки. По бокам ниш имеются каменные выступы (15—20 см) с отверстиями для привязывания животных.

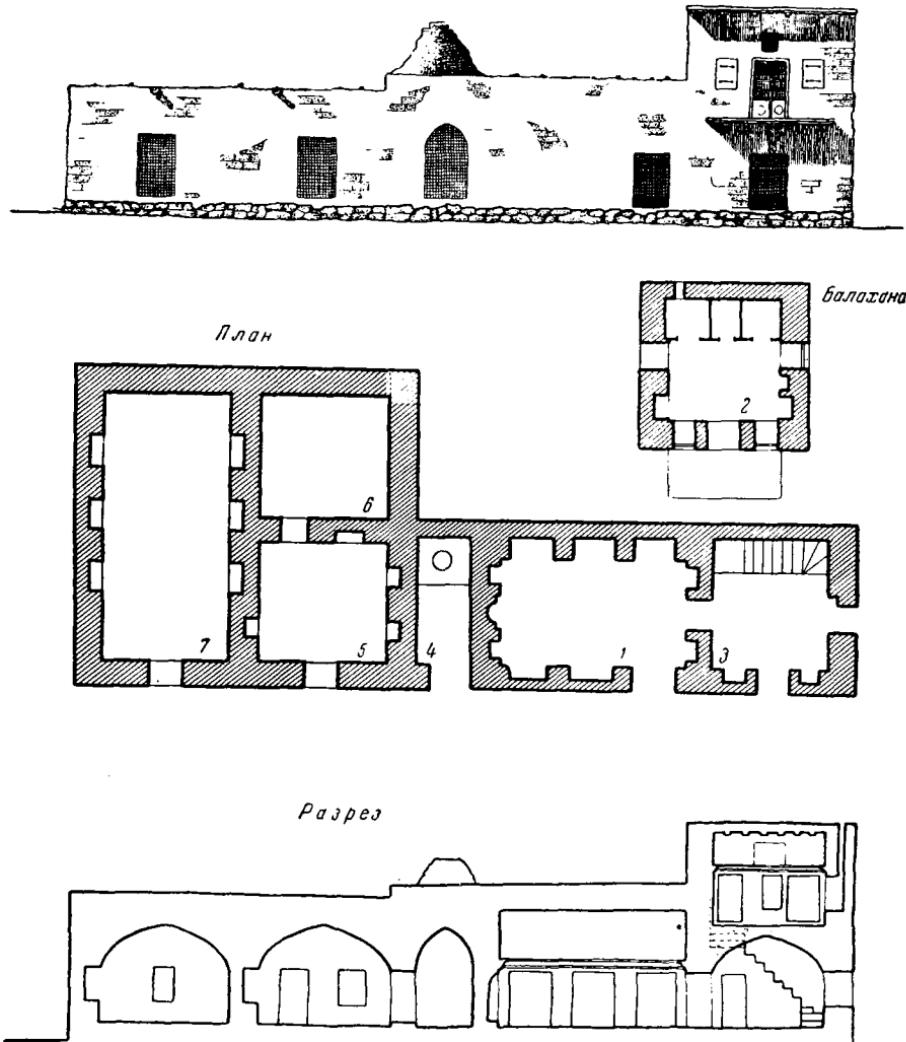

Рис. 4. Дом Карамалихана в селении Бузовны: 1 — зимняя жилая комната; 2 — летняя жилая комната; 3 — прихожая; 4 — кухня; 5 — кладовая; 6 — амбар; 7 — хлев

Перекрытием хлева и кухни служит конусообразный купол (баджа) с отверстием диаметром 35 см для освещения и проветривания. Крыша над жилой комнатой и кладовой плоская, с уклоном на восточную сторону.

Стены дома, толщиной 80 см, сложены из бутового камня на глиняном растворе оштукатурены и побелены (побелку производят почти каждый месяц). Потолок деревянный, без подшивки. Пол земляной.

Во дворе на расстоянии 1 м от террасы, напротив кухни, устроен колодец. Вокруг дома растут фруктовые деревья (белая и черная шелковица, инжир, гранат).

Дом Рамазана Ханлар оглы (рис. 3) в селении Мардакяны имеет прямоугольный план, но внутренняя планировка его отличается от обычной. Продольной стеной здание

разделено на две части: жилую и подсобную. На восточную сторону выходят жилая комната и кухня, на западную — хлев и кладовая. Перед жилой комнатой и кухней устроена открытая насыпная терраса высотой 80 см.

Жилая комната, площадью 13 м², имеет одно окно, выходящее, как и дверь, на террасу. Во всех стенах, кроме фасадной, множество ниш различных размеров для хранения домашних вещей. На боковой стене слева тянется лямз. Кухня в полтора раза больше жилой комнаты, площадь ее 21 м². В левой части ее устроено деревянное возышение (высотой 40 см) для обитания семьи в зимнее время. В кухне стоит тендыр. рядом очаг. В углу направо от входа в стене устроена ниша для купанья. По стенам много «стахча» — ниш разного размера.

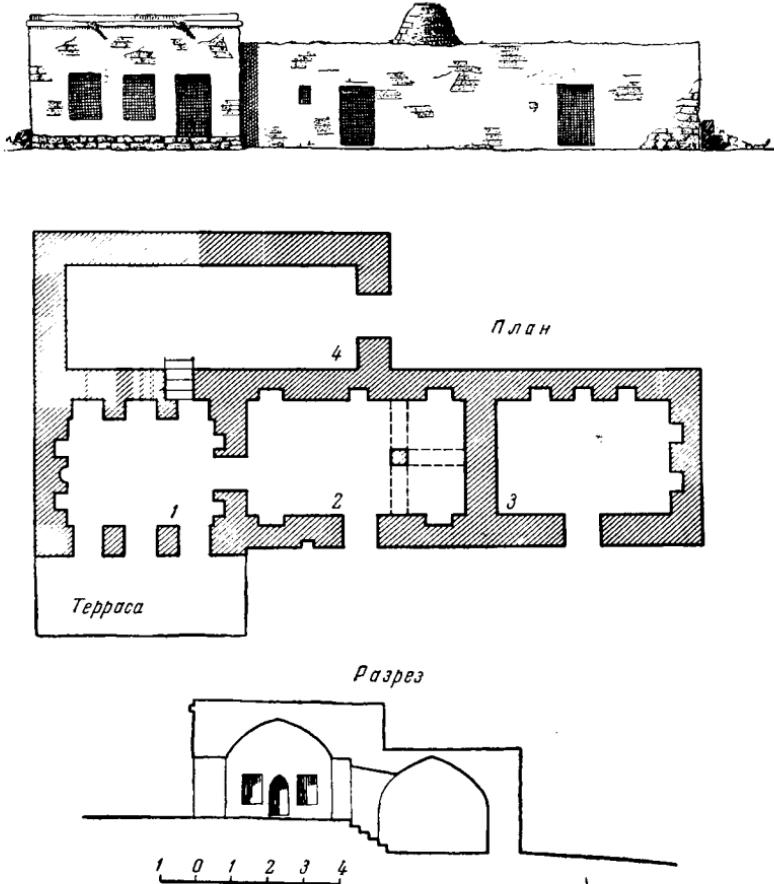

Рис. 5. Дом Гуссейн Кули в селении Бузовны: 1 — жилая комната; 2 — кухня; 3 — хлев; 4 — кладовая

Дверь в левом углу задней стены кухни ведет в кладовую, куда спускаются по трем каменным ступенькам. Площадь кладовой 40 м². Кладовая сообщается с хлевом через дверь в смежной стене. В крыше над кладовой и хлевом имеются небольшие отверстия для освещения и вентиляции. Площадь хлева 22,8 м². Из хлева имеется выход во двор. В западной стене хлева устроены три одинакового размера кормушки глубиной 50 см. Возле кормушек имеются каменные выступы с отверстиями для привязывания скота. Пол в кладовой и хлeve ниже, чем в кухне, а в жилой комнате — выше.

Фасад завершается карнизом с перепадом на стыке жилой комнаты и кухни, имеющих разную высоту. Гнезда балок на фасаде дают основание предположить, что раньше к дому примыкала крытая веранда. О том же, на наш взгляд, свидетельствует и ниша на фасадной стене, повидимому, служившая для установки светильника, которым освещалась веранда.

Толщина фасадной стены 60 см, остальных стен — 80 см. Средняя продольная стена имеет двойную толщину — 1,6 м. Это, повидимому, объясняется тем, что она служит опорой для сводов. Конструкция стен и перекрытия обычна.

Внутренняя планировка дома Карамалихана в селении Бузовны (рис. 4) отличается

четким делением здания на хозяйственную и жилую части. Небольшое помещение площадью 5 м², служащее кухней, объединяет обе половины.

Жилая часть дома состоит, помимо небольшой кухни с тендыром, из зимней жилой комнаты и прихожей с каменной лестницей, ведущей в верхнюю парадную комнату с балконом, служившую, очевидно, также летней спальней. Зимняя жилая комната, площадью 17,3 м², совершенно лишена окон. Во всех ее стенах очень глубокие ниши. Особенно большой глубиной отличаются ниши, идущие вдоль длинных стен комнаты.

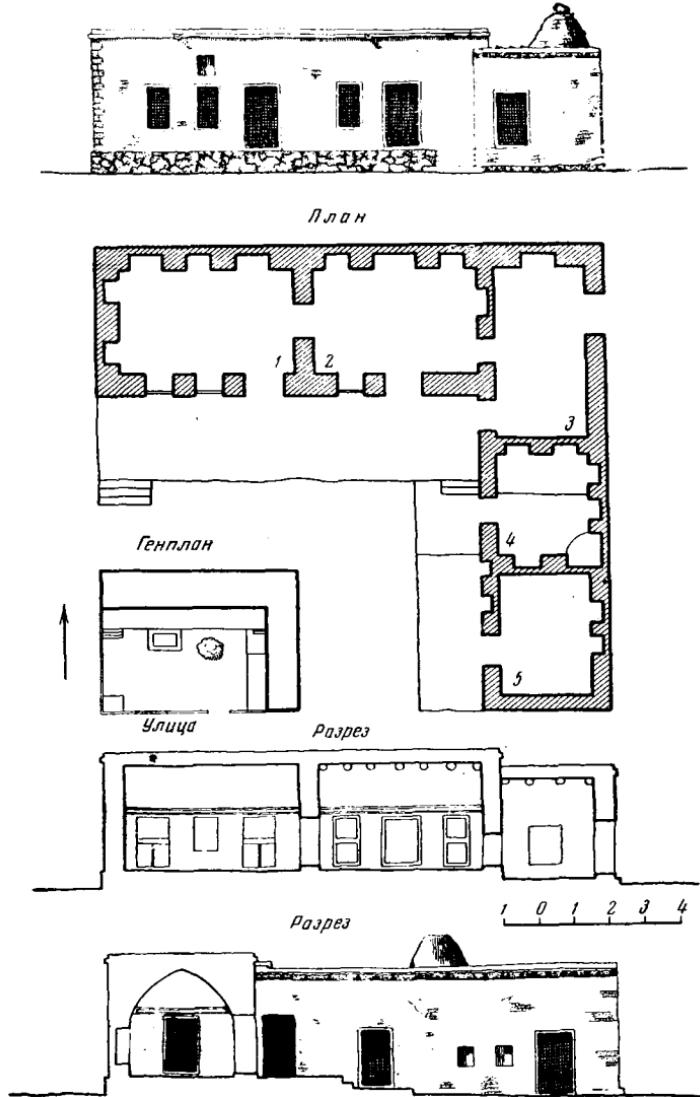

Рис. 6. Дом в селении Кала (№ 507): 1 и 2 — жилые комнаты; 3 — амбар; 4 — кухня; 5 — хлев

Жилая комната во втором этаже, по назначению напоминающая балахана в домах Ордубада, в отличие от зимней жилой комнаты, имеет только одну глухую стену, а остальные с проемами. В фасадной стене — дверь, ведущая на балкон, и два окна; в правой боковой стене — окно; в левой — проем, через который можно выйти на крышу дома. Группа жилых помещений выделена не только в плане здания, но также и в решении его внешнего облика. Эта часть здания выше, с иной формой проемов и с характерным для облика ашхеронского жилья конусообразным перекрытием тендыра. Значительно оживляет общий вид здания двухэтажное решение жилой части. По всей длине фасада тянется открытая насыпная терраса высотой 70 см.

Общий архитектурный облик дома с гладкой стеной фасада, редко расставленными проемами и плоской кровлей весьма характерен для Ашхерона.

Хозяйственная часть состоит из хлева, кладовой и амбара. Эти три помещения вписаны в общий квадратный габарит здания. В хлеву (площадь 29 м²) вдоль продольных стен выстроено по три одинаковые кормушки.

Дом Гусейн-кули в сел. Бузовны (рис. 5) в плане имеет Г-образную форму с незначительно выступающей жилой частью; он состоит из жилой комнаты, кухни, хлева

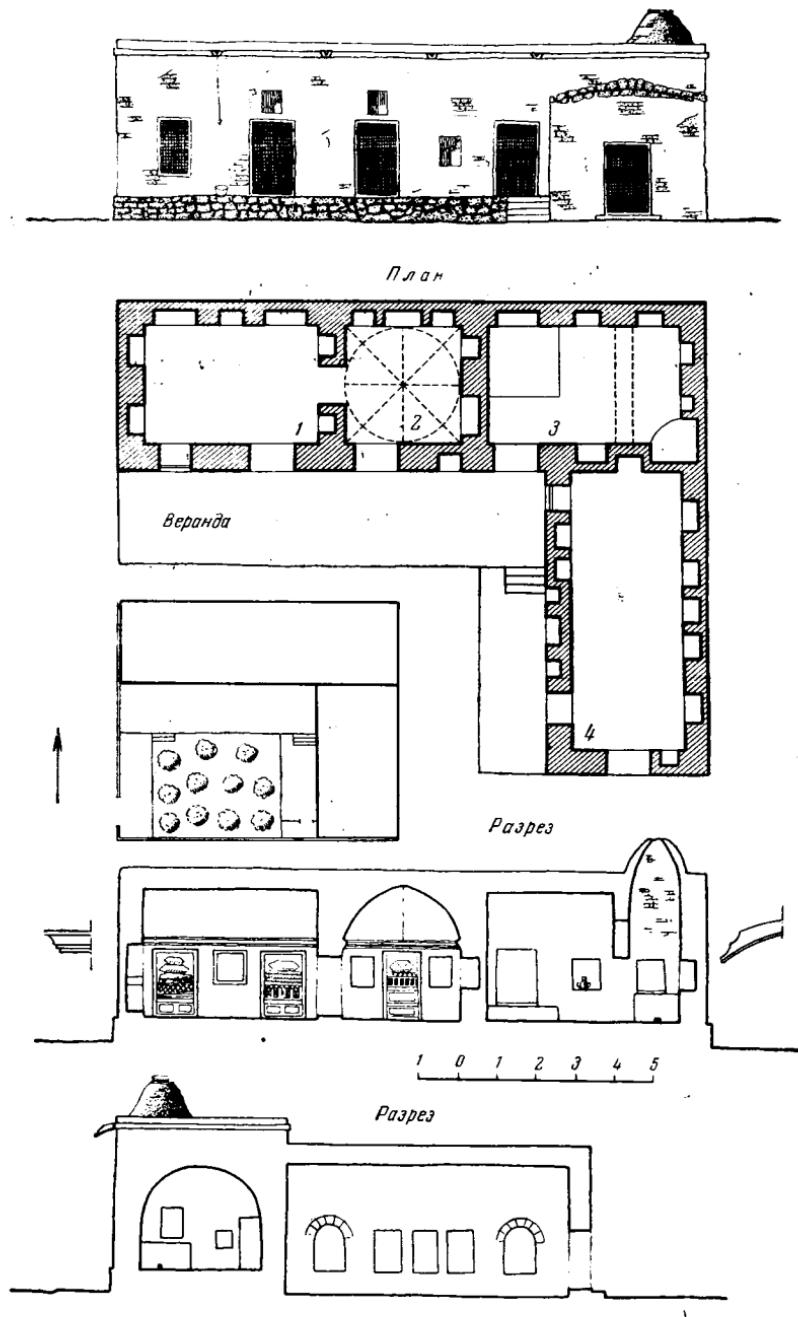

Рис. 7. Дом в селении Кала (№ 544): 1 — большая жилая комната; 2 — малая жилая комната; 3 — кухня; 4 — хлев

и кладовой. К улице дом обращен глухой юго-западной стеной, без каких-либо декоративных элементов. Участок квадратный, по всем сторонам обсажен виноградными лозами и кругом загорожен соседними домами. Перед домом посажены фруктовые деревья — шелковица, инжир, гранат. На расстоянии 5 м от дома находится колодец, а несколько далее — бассейн.

Дом построен в глубине участка и ориентирован на юго-восток. Слева первое помещение — жилая комната, к ней примыкает кухня, а за ней — хлев. По фасаду жилая часть как бы отделена от хозяйственных помещений. Она немного выступает из плоскости стены, имеет большую высоту и снабжена карнизом и водосливами. Площадь жилой комнаты 13,5 м². Ее два окна и дверь выходят на веранду.

В боковой стене комнаты слева две большие ниши для постели и посуды, между ними камин («бухары») полукруглой формы. Через дверь в задней стене по пяти каменным ступеням можно спуститься в кладовую. В правой боковой стене две ниши и дверь в кухню. Кухня, площадью 20 м², расположена между жилой комнатой и хлевом. Стены в кухне имеют ниши для хранения посуды. Правая часть кухни разделена столбом на две части: в одной помещается очаг, в другой — тендыр; над каждым из них конусообразное возвышение; между ними перекинут свод.

Наружная стена жилой комнаты завершена карнизом, который проходит выше перекрытия кухни и хлева.

На рис. 6 показан дом в сел. Кала (№ 507), построенный 90 лет назад. В плане дом имеет Г-образную форму. Он состоит из двух жилых комнат, амбара, кухни и хлева. Пол в жилых комнатах на 70 см выше, чем в других помещениях. Перед домом проходит открытая терраса.

На рис. 7 показан другой дом в селении Кала (№ 544), построенный тоже примерно 90 лет назад. В плане дом имеет Г-образную форму и ориентирован на юг. Состоит из двух смежных жилых комнат, кухни и хлева. В большей жилой комнате (площадью 13,5 м²) семь ниш и рэф, одно окно и дверь во двор. Площадь второй жилой комнаты намного меньше. Стены этой комнаты также с нишами, и она тоже имеет выход во двор. За жилой комнатой следует кухня площадью 15 м². В кухне имеются тендыр, очаг и суахан. В левом углу устроено возвышение (сэки) для приготовления теста. Рядом с кухней расположен хлев (площадь 20 м²). В стенах хлева очень много ниш разных размеров. Несколько ниш устроено и в западной наружной стене. В хлеву одно окно и две двери — во двор и на улицу.

Перекрытия над большой жилой комнатой и хлевом сводчатые; над маленькой жилой комнатой — купольное, над кухней — плоское.

Приведенное описание старых народных жилищ Апшерона показывает, что они обладали довольно устойчивым комплексом помещений. Важно отметить, что, в отличие от других районов Азербайджана, на Апшероне в этот комплекс обязательно входила кухня. При проектировании современного колхозного жилища кухня также является обязательной частью дома.

Детальное изучение старых жилищ позволит вскрыть и другие характерные особенности, которые целесообразно будет использовать в современном строительстве.

В настоящее время большинство жилых домов в селениях Апшерона строится по проектам, разработанным с учетом новых культурно-бытовых потребностей колхозников. Крайне бедный прежде архитектурный облик обогащается за счет использования прогрессивных традиций народного жилого строительства, сложившихся в других районах Азербайджана.

ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЗЕЛЕНИН

31 августа 1954 г. скончался известный этнограф, член-корреспондент Академии наук СССР, доктор этнографии, профессор Ленинградского университета Дмитрий Константинович Зеленин.

Д. К. Зеленин родился в октябре 1878 г. в с. Люк Сарапульского уезда Вятской губернии. В 1904 г. он окончил историко-филологический факультет Юрьевского университета, а затем был прикомандирован к Академии наук, где работал под руководством академиков Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова. В 1915 г. он защитил диссертацию на степень магистра русского языка и словесности и был избран приватдоцентом Петербургского университета, где читал в течение 1915—1916 гг. курс лекций по этнографии русского народа и его соседей. В 1916 г. его избрали экстраординарным профессором по кафедре русского языка и словесности, а после защиты в Московском университете диссертации на степень доктора по той же дисциплине (1917 г.) — ординарным профессором Харьковского университета.

В 1925 г. Д. К. Зеленин был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР и переносит свою деятельность в Ленинград, где и работал вплоть до последних лет в Институте этнографии Академии наук СССР и руководил кафедрой этнографии Ленинградского университета.

Научные интересы Д. К. Зеленина складываются еще в юношеском возрасте. Первые печатные работы его, написанные в студенческие годы, используют наблюдения, сделанные им в б. Вятской губернии, где протекало его детство, и в Юрьеве, где прошли его университетские годы. К подобным работам относятся «Особенности говоров русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии» (1901), путеводителя «Кама и Вятка» и «По Юрьеву и Юрьевскому университету» (1904), «Великорусские народные присловия как материал для этнографии» (1905) и большое количество заметок, рецензий и статей в газетах, издававшихся в Вятке, Риге и Петербурге, а также в «Историческом Вестнике» и других журналах.

Как показывают названия этих работ, Д. К. Зеленина в равной мере интересовали диалектология, народное творчество и этнография. В своих диалектологических работах он не замыкался в узко лингвистических рамках, но использовал и хорошо известный ему материал по народному творчеству и этнографии, благодаря чему уже в дореволюционные годы выдвинулся в первые ряды отечественных диалектологов. Крупным исследованием Д. К. Зеленина в этой области являются «Великорусские говоры» (1913),

которые автор рассматривает в их историко-этнографическом развитии. В этой работе он привлекает исторические данные о заселении отдельных областей России и обширный этнографический материал о местной одежде, типах жилищ, топонимике, в совокупности с которым и рассматривает историю сложения различных великорусских говоров. Характеризуя эту работу, крупнейший русский лингвист А. А. Шахматов писал: «Книга Д. К. Зеленина должна быть признана ценнейшим вкладом в русскую диалектологию... Пользуясь методами автора и обильным фактическим материалом, им собранным, русские диалектологи начнут систематическое изучение севернорусских элементов в южновеликорусских говорах и восточнорусских элементов в говорах северно-великорусских»¹.

В области сбора и толкования устного народного творчества Д. К. Зеленину принадлежала значительная роль. Помимо тщательного сбора песен и сказок ряда губерний в их различных вариантах, он интересовался творческими и личными биографиями сказочников. В противовес большинству фольклористов начала XIX в., считавших частушку не подлежащей изучению, он сумел оценить ее роль и место среди других жанров народного творчества и стал одним из первых собирателей частушек.

К числу значительных работ Д. К. Зеленина по этнографии принадлежит его труд «Russische (Ostslavische) Volkskunde», составляющий один из томов «Энциклопедии славянской филологии и истории культуры»². Эта работа, являющаяся первой сводкой по материальной культуре русского народа, несмотря на ряд серьезных методологических ошибок, и поныне представляет известный интерес. В ней характеризуются основные отрасли хозяйства и промыслы населения (земледелие, скотоводство, рыболовство, пчеловодство и др.), пища, средства передвижения, одежда, жилище — в их локальных особенностях, а также устанавливается их связь с общественной жизнью и духовной культурой русского народа. Автор суммирует собственные наблюдения, имеющиеся в литературе, неопубликованные рукописи и музейные материалы и часто впервые дает классификацию ряда явлений материальной культуры (типы жилищ, одежда).

Значительный фактический материал по одному из разделов одежды суммирован Д. К. Зелениным также в работе «Женские головные уборы восточных славян» (1926—1927), а по сельскохозяйственной технике — в работе «Русская соха» (1907). В этой последней работе он прослеживает историю и различные виды этого орудия, подробно освещает его назначение и локальные названия. Привлечение обширного материала по этому мало известному разделу сельскохозяйственной техники, а также лингвистических данных ставит это исследование неизмеримо выше иностранных работ, посвященных истории плуга.

Большую ценность представляют библиографические данные, которыми щедро снабжены все работы Д. К. Зеленина. Будучи выдающимся библиографом, он не ограничивался библиографическими ссылками, но уделяя этой области специальное внимание. Им составлены «Библиографический указатель русской этнографической литературы» (1913), «Обзор работ по этнографии восточных славян» (1926—1927), «Обзор советской этнографической литературы» (1932), а также не полностью опубликованное «Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества» (т. I—III. 1914—1916) — ценный труд, который и по сей день широко используют специалисты по русской этнографии. Эта отрасль работы Д. К. Зеленина была хорошо известна В. И. Ленину, упоминание о чем имеется в «Ленинском сборнике», XXX (Партизат, 1937, стр. 311).

В последние годы Д. К. Зеленин работал над составлением «Этнографо-географического словаря», представляющего собой словарь географических терминов, снабженный подробными этнографическими комментариями. Труд этот, насчитывающий 100 п. л., одобрен президиумом Географического об-ва и передан в Издательство.

Научное наследие Д. К. Зеленина очень велико. Им опубликовано свыше 120 книг и статей, не считая мелких заметок и рецензий. Большая часть его трудов напечатана в журналах: «Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Исторический вестник», «Известия Отделения русского языка и словесности», «Советская этнография», «Краеведение»; в Записках Географического об-ва по отделу этнографии, в Трудах Ин-та этнографии АН СССР, Известиях АН СССР по отделению общественных наук и т. д. Кроме того, много статей Д. К. Зеленина опубликовано в заграничных журналах: «Archiv für slavische Philologie», «Zeitschrift für slavische Philologie», «Internationales Archiv für Ethnographie», «Ethnos» (Stockholm), «Lud Słowiński» (Kraków), «Slavische Rundschau», «Slavia» (Praha).

Работы Д. К. Зеленина несвободны от существенных ошибок, которые уже не раз подвергались критическому анализу на страницах нашего журнала. Тем не менее эти работы, благодаря большому собранному автором фактическому материалу, оказали и поныне оказывают существенную помощь в изучении материальной культуры русского народа.

Помимо научно-исследовательской работы, Д. К. Зеленин деятельно участвовал в подготовке молодых специалистов, был активным членом Географического и других научных обществ и оказывал большую помощь музейным работникам и краеведам.

¹ «Изв. Отд. русского языка и словесности Академии наук», 1915, № 3, стр. 332—358.

² Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Berlin und Leipzig, 1927.

За свою научную деятельность он был награжден двумя золотыми медалями и двумя премиями Академии наук, одной серебряной и двумя золотыми медалями Географического общества. В 1945 г. в связи с 220-летним юбилеем Академии наук Дмитрий Константинович Зеленин был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Т. В. Станюкович, М. Д. Торен

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Д. К. ЗЕЛЕНИНА

- Песни деревенской молодежи (Записаны в Вятской губернии), Вятка, 1903.
- Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края, Юрьев, 1904; второе издание, сокращенное, Н. Новгород, 1908.
- Русская соха, ее история и виды. Очерк из истории русской земледельческой культуры, Вятка, 1907.
- Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации, СПб., 1913.
- Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России, 1700—1910, «Записки РГО по отделению этнографии», т. XL, СПб., 1913.
- Великорусские сказки Пермской губернии. С приложением двенадцати башкирских сказок и одной мещерякской, «Записки РГО по отделению этнографии», т. XLI, Птгр., 1914.
- Великорусские сказки Вятской губернии. С приложением шести вотяцких сказок. «Записки РГО по отделению этнографии», т. XLII, Птгр., 1915.
- Описание рукописей Ученого архива Русского географического об-ва, вып. I—III, Птгр., 1914—1916.
- Очерки русской мифологии, вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки, Птгр., 1916
- Женские головные уборы восточных (русских) славян, «Slavia», Прага, 1926, № 2, 1927, № 3.
- Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917—1925 гг., «Этнография», 1926, № 1—2; 1927, № 1.
- Russische (Ostslavische) Volkskunde, Berlin u. Leipzig, 1927.
- Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая, Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР, СI, № 3, Л., 1928.
- Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. I, Запреты на охоте и иных промыслах, ч. II, Запреты в домашней жизни. Сборник Музея антропологии и этнографии, VIII—IX, Л., 1929—1930.
- Обзор советской этнографической литературы за 15 лет, «Советская этнография», 1932, № 5—6.
- Современное изучение славянства в Западной Европе, «Советская этнография», 1932, № 3—4.
- Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма, Труды Ин-та антропологии и этнографии, т. I, вып. 1, Л., 1934.
- Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов, Труды Ин-та антропологии, археологии и этнографии, т. 14, Этнографическая серия, вып. 3, М.—Л., 1936.
- Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов, Труды Ин-та антропологии, археологии и этнографии, т. 15, вып. 2, Этнографическая серия, № 5, М.—Л., 1937.
- Об исторической общности культуры русского и украинского народов, сб. «Советская этнография», III, Л., 1940.
- Воссоединенные украинцы, сб. «Советская этнография», V, Л., 1941.
- Обзор рукописных материалов Ученого архива Всесоюзного географического об-ва о народах Прибалтики, сб. «Советская этнография», VI—VII, М.—Л., 1947.
- Общественные игры военного характера у чехов, II Всесоюзный географический съезд, 25—31 января 1947 г., Тезисы докладов по секции этнографии и антропологии, М.—Л., 1947.
- О русских именах народов «грузины» и «осетины», Изв. ВГО, т. 81, вып. 1, Л., 1949.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Народна творчість та етнографія. Наукові записки, т. III. Інститут мистецтвознавства, фольклору та етнографії АН РССР. Видавництво АН УРСР, Київ, 1954.

В послевоенные годы Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР выпустил три тома Ученых записок: том I-II вышел в 1947 г., III том — «Народна творчість та етнографія» — в 1954 г.

Два первых (сдвоенных) тома Ученых записок, содержащих статьи по фольклору и искусству, подверглись справедливой критике со стороны советской общественности Украины. В них были допущены ошибки космополитического и националистического характера, наблюдалась тенденция отрыва украинской фольклористики от практики социалистического строительства.

Третий том Ученых записок целиком посвящен вопросам изучения народного творчества и этнографии. По сравнению с томами, изданными в 1947 г., он отличается более высоким научно-теоретическим уровнем статей. Этот том Ученых записок состоит из предисловия и трех разделов: «Статьи и материалы», «Письма в редакцию» и «Научная хроника». В книге опубликовано восемь статей и несколько заметок.

В предисловии отмечается братская помощь украинским фольклористам и этнографам со стороны русских ученых, которые помогают им ставить и на высоком идеологическом уровне разрешать вопросы теории и истории украинского народного творчества и этнографии. Вместе с тем в предисловии перечисляются основные проблемы, которые разрабатываются украинскими фольклористами и этнографами. Отмечается, как особенно актуальная проблема, изучение культуры и быта трудящихся Советской Украины; для ее разрешения научные сотрудники Отдела этнографии исследуют и обобщают коренные изменения, произошедшие в культуре и быте рабочих и колхозников за годы Советской власти и особенно в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Внимание исследователей привлекает проблема исторической общности и родства народного творчества и материальной культуры восточнославянских народов, в частности родства русского и украинского народов и влияния русского народнопоэтического творчества на украинскую народную поэзию. В центре внимания стоят также вопросы, связанные с изучением руководящей роли Коммунистической партии Советского Союза в жизни и деятельности народов СССР.

Статьи, вошедшие в третий том Ученых записок, разнообразны. Однако во всех статьях сборника проявляется стремление показать национальную специфику украинского народного искусства и в то же время на материалах поэзии, литературы и этнографии украинского народа подчеркнуть общность культуры и быта двух братских народов — украинского и русского, у которого, как у старшего брата, учился украинский народ. Весь том объединяет мысль о великом значении политики Коммунистической партии и Советского правительства в области развития народной культуры.

Том открывается большой статьей П. Н. Попова «Забота Коммунистической партии и Советского правительства о расцвете народного искусства в СССР». Автор статьи, не претендуя на полноту освещения темы, столь многогранной и широкой, ограничился освещением вопросов, связанных с развитием народного поэтического творчества. В основу статьи П. Н. Попова положены постановления партии и правительства по вопросам литературы и искусства. Автор подчеркивает большую общественно-воспитательную и культурно-эстетическую силу воздействия искусства, литературы и народного творчества, в деле формирования коммунистической идеологии масс.

Большой интерес представляет раздел статьи, в котором освещается место и значение массовой политической песни в системе агитации, проводившейся партией в дореволюционные годы — годы мобилизации, организации и воспитания трудящихся масс для проведения социалистической революции, когда революционные песни, частушки, пословицы и поговорки печатались на страницах партийных газет и в прокламациях, звучали на улицах во время демонстраций.

Предреволюционные годы, как показано материалами, собранными в статье, партия уделяла большое внимание собиранию и распространению лучших традиционных и новых песен трудящихся.

Среди статей, посвященных общественно-агитационной роли массовой песни, П. Н. Попов особенно выделяет помещенную в 1913 г. в газете «Правда» статью о Евгении Поттье, французском рабочем, авторе «Интернационала». Ссылка на статью о Поттье тем более интересна, что в последнее время на основании материалов, полученных из Польши, стало известно, что автором статьи «Евгений Поттье» был В. И. Ленин¹.

Основное внимание в статье уделено вопросам развития народного искусства в годы Советской власти. Автор подчеркивает огромное значение народного творчества в общественно-политической и культурной жизни советских людей.

Однако, несмотря на несомненные достоинства статьи П. Н. Попова, она не лишена отдельных недостатков. В статье не раскрывается достаточно глубоко значение для науки о народном творчестве важнейших решений партии по вопросам литературы и культурной работы, принятых в 1920-х и начале 1930-х годов. Ничего не сказано о борьбе с космополитизмом и разгроме школы Веселовского в литературоведении сыгравших важную роль в развитии науки о народном творчестве. В статье не показано значение смотров художественной самодеятельности и декад, которым партия и правительство уделяют большое внимание, неизменно оказывая помощь в их организациях. Автор пошел по линии простого перечисления и описания смотров и декад, не раскрыл сущности этого нового явления советской культуры и искусства.

Статья М. Ф. Рыльского «Поэзия и народное творчество о воссоединении украинского народа в единой Украинской Советской державе» имеет обзорный характер. В ней рассматриваются те произведения профессиональной украинской советской поэзии и народнопоэтического творчества, в которых получили воплощение темы воссоединения украинских земель и дружбы русского и украинского народов. Одновременно делается экскурс в дореволюционную украинскую литературу и на примерах произведений Ивана Франко, Леси Украинки, Тараса Шевченко и других писателей показывается, что мечта о свободе и воссоединении украинских земель всегда жила в сознании лучших представителей украинского народа.

В статье подробно говорится о борьбе пролетариата и трудового крестьянства западных областей Украины, Северной Буковины и Закарпатья против социального и национального гнета, против австро-венгерской монархии, панской Польши, боярской Румынии, фашистских оккупантов. «В этой борьбе, — пишет автор, — глаза трудящихся ежечасно были обращены к Советскому Союзу, где в основу национальной политики твердо и навсегда положен принцип равноправия наций, к великому русскому народу, народу-руководителю, народу-знаменосцу» (стр. 54). М. Ф. Рыльский подробно останавливается на произведениях, говорящих о воссоединении, дружбе народов, всенародной любви к Коммунистической партии Советского Союза и Советской Армии, освободившей украинцев от рабства и нищеты, на произведениях, отразивших социалистическое сознание и трудовой подъем украинского народа, развивающегося в дружественной равноправной семье братских народов СССР.

Дискуссионным является утверждение М. Ф. Рыльского, будто в советском фольклоре «отпадает и такой его бывший признак, как обязательная устность» (стр. 57). Вопрос о специфических особенностях советской народной поэзии представляется очень сложным; поэтому, коль скоро в статье был поднят этот вопрос, автору следовало аргументировать свою точку зрения подробнее и обстоятельнее.

Критике лженачальных концепций в фольклористике посвящена статья В. И. Чичерова в «Против антимарксистской концепции Н. Я. Марра в вопросах народного творчества». В статье проведен анализ и дана критика теорий Н. Я. Марра о развитии искусства вообще и народного поэтического творчества в частности. Как известно, эта сторона учения Н. Я. Марра до сих пор не была подвергнута серьезной критике.

В. И. Чичеров показывает ошибочность марровской теории «стадиального» развития художественного творчества, согласно которой «словесное народное творчество как будто ограничивается только доклассовым, а в классовом обществе как будто доживает свой век, сохраняя лишь оформление „литературы“ первобытного общества» (стр. 76). В статье вскрывается связь учения Н. Я. Марра и его последователей с буржуазно-идеалистической теорией «первобытного синкretизма» А. Н. Веселовского, ошибка которой состоит в том, что происхождение искусства объясняется не общественно-полезной трудовой деятельностью первобытных людей, а первобытным обрядово-магическим действием (стр. 77). Помимо критики ошибочных положений Н. Я. Марра и А. Н. Веселовского, в статье В. И. Чичерова подвергаются критическому разбору теории Леви-Брюля и Карла Бюхнера, что также имеет большое значение в деле преодоления пережитков буржуазных концепций, еще встречающихся в работах отдельных исследователей фольклора, и в деле разоблачения реакционных теорий буржуазных фольклористов.

Все это придает статье В. И. Чичерова несомненную теоретическую ценность. Однако существенным недостатком статьи является то, что в ней не развернута критика современных исследований по фольклору, в которых в той или иной степени содержатся рецидивы антимарксистских теорий. Статья В. И. Чичерова, направленная против концепций Н. Я. Марра, А. Н. Веселовского, Леви-Брюля и Карла Бюхнера, говорит об ошибках, допущенных фольклористами в 1930—1940-х годах, и не касается пережитков ложных теорий, проскальзывающих в наше время.

¹ См. журнал «Коммунист», 1954, № 6, стр. 22—23.

Спорной и требующей развернутой аргументации представляется квалификация В. И. Чичеровым лингвистической теории пражзыка как космополитической (стр. 79). Следует также отметить частную, но весьма досадную стилистическую неточность, допущенную на стр. 70, где говорится: «...Философской основой „мифологической школы“ была классическая немецкая идеалистическая философия (работы братьев Гримм, Куна, Шварца, Буслаева и др.)». Отсюда вытекает, что названные ученые были философами, а Буслаев к тому же не русским, а немецким ученым.

В статье Г. С. Сухобруса «А. М. Горький — пламенный борец против предрассудков и суеверий» автор на материале критических и публицистических выступлений А. М. Горького, а также путем раскрытия отдельных художественных образов его произведений показывает, как великий пролетарский писатель вел борьбу с предрассудками и суевериями. Статья Г. С. Сухобруса тем более интересна, что исследований на данную тему почти нет. Между тем борьба с предрассудками и суевериями является одной из наиболее важных и ответственных областей идеологической работы в период постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Характеристике двух прозаических жанров украинского народного поэтического творчества — легенд и сказов, посвящено окончание статьи И. И. Кравченко «Советская украинская народная проза», начало которой было опубликовано в I—II томе Ученых записок института.

В жанре традиционных легенд автор определяет следующие четыре группы: 1) легенды-«бывальщины», связанные с образами так называемой «нижней мифологии»; 2) ономатологические легенды, которые объясняют происхождение названий определенных населенных пунктов, рек, скал, уроцищ и т. п.; 3) легенды апокрифического содержания и 4) историко-героические легенды. В статье рассматривается последняя группа легенд, так как первая и третья, по утверждению автора, не характерны для советской украинской народной прозы, а произведения, относящиеся ко второй группе, встречаются сравнительно редко.

Характеризуя особенности изображения в легендах исторических событий, автор указывает, что в них, как и в сказках, есть элементы фантастики. Однако, «...Несмотря на наличие в легендах определенных фантастических мотивов, в центре их внимания стоят исторические лица, исторические явления и факты» (стр. 85—86). Этим они отличаются от сказок. Легенды, созданные в дореволюционное время и в годы Советской власти, по замечанию И. И. Кравченко, существенно отличаются друг от друга. Если для первых были характерны фантастико-мистические мотивы, то для последних они не характерны. «Фантастика в них иногда употребляется, — говорит И. И. Кравченко об украинских легендах советского времени, — но сознательно, как художественный прием для изображения величественных событий реальной действительности, для показа величия всемирно-исторической деятельности великих вождей трудящихся» (стр. 88).

Теоретические выводы автор делает на основе конкретного анализа легенд о Богдане Хмельницком, Семене Палее, Алексее Довбуше, Устыме Кармелюке, Пушкине, Шевченко, Горьком, Ворошилове, Буденном, Чапаеве, Щорсе, Котовском, Пархоменко. Особое место отведено анализу легенд о В. И. Ленине и И. В. Сталине.

Последний раздел статьи И. И. Кравченко посвящен исследованию мало изученного жанра народнопоэтического творчества — прозаических сказов, которые им определяются как устные реалистические народные произведения, отражающие конкретные исторические факты. Опираясь на дооктябрьские записи прозаических сказов, автор статьи доказывает, полемизируя с А. Л. Дымшицем и другими фольклористами, что сказы не являются новым видом народного творчества. По мнению автора, сказы ориентируются на исключительное, необычное, однако им присущее и художественное обобщение явлений.

Спорным является отнесение автором к сказам отдельных рассказов о лично виновном и пережитом рассказчиком; такие рассказы не приобрели еще черт, характерных для художественных произведений.

В разделе «Письма в редакцию» помещено письмо П. Н. Попова «Правильно освещать вопросы истории науки о народном творчестве», в котором автор предостерегает от попыток отрицания заслуг перед отечественной наукой М. А. Максимовича — прогрессивного для своего времени ученого, материалиста-естественника, филолога, археолога, этнографа и фольклориста.

Кратко осветив жизненный путь М. А. Максимовича, профессора Московского университета, оставившего ряд ценных работ в различных отраслях науки и получившего положительную оценку Герцена, П. Н. Попов пишет: «Дело части советских фольклористов и этнографов — полно и всесторонне осветить деятельность М. А. Максимовича как одного из первых исследователей народного творчества и народного быта» (стр. 151). П. Н. Попов бесспорно прав, указывая на недопустимость нигилистического отношения к научному наследию ученых, мировоззрение которых было для своего времени прогрессивным, хотя и ограниченным конкретно-историческими условиями их жизни и деятельности.

В разделе «Научная хроника» дается информация о состоянии научно-исследовательской и собирательской работы сотрудников института и о тематике кандидатских диссертаций, защищенных на заседаниях его Ученого совета.

Наряду со статьями, посвященными изучению народного творчества, в рецензируемом томе Ученых записок помещены две статьи Г. Ю. Стельмаха по вопросам этнографии. Статья «Досоветские типы сельских поселений на территории Украинской ССР,

представляет значительный интерес. Автор исследует различные типы украинских поселений; объяснение особенностей этих типов он ищет в общественно-экономических и исторических условиях жизни населения различных частей Украины. Вместе с тем автор пытается выявить черты общности отдельных типов украинских и русских поселений. В статье подвергнуты критике теории украинских националистов и зарубежных буржуазных ученых, пытающихся отрицать самобытность типов украинских поселений и их связь с русскими поселениями. Статья насыщена богатым фактическим материалом, включающим и личные наблюдения автора.

В целом третий том Ученых записок Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР свидетельствует о несомненном движении вперед украинских ученых. На Украине есть научные силы, способные разрешать большие теоретические вопросы. Следует пожелать им дальнейших успехов в научной, собирательской и издательской работе.

Б. П. Кирдан

О СТАТЬЕ Г. Ю. СТЕЛЬМАХА «К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ»

В рецензируемом томе Ученых записок Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР (см. предыдущую рецензию) особняком стоит вторая статья Г. Ю. Стельмаха, помещенная в дискуссионном порядке и требующая специального рассмотрения.

Статья озаглавлена «К вопросу о предмете этнографической науки» и носит polemический характер. Автор резко возражает против принятого советскими этнографами определения этнографии как отрасли исторической науки, изучающей этническую специфику, национальные особенности культуры и быта различных народов в их историческом развитии, проблемы этногенеза и этнической истории народов. Г. Ю. Стельмах обвиняет советских этнографов С. П. Толстова, П. И. Кушнира, Л. П. Потапова, выступавших в печати с подобного рода определениями этнографии, в непонимании предмета и задач этой науки, а центральный орган этнографов СССР — журнал «Советская этнография» — в запутывании вопроса о специфике этнографических исследований.

Основные положения выступления Г. Ю. Стельмаха сводятся к следующему.

Этническая, национальная специфика культуры и быта того или иного народа не может быть предметом этнографического исследования, так как эта специфика присуща всем явлениям культурной жизни, а следовательно, ее изучают самые различные науки (стр. 157). Область этнографии должна быть существенноужужена. Так, применительно к дооктябрьскому времени из нее должно быть исключено изучение устного и музыкального народного творчества (там же), применительно к советской эпохе — изучение жилища, его убранства, одежды (стр. 162). Этнограф должен изучать только народную культуру, важнейшими признаками которой являются коллективный характер творчества и эмпиризм («неопосредованность теории»); последний является специфическим признаком народной культуры дооктябрьского периода (стр. 158) и до известной степени остается характерным для некоторых явлений народного творчества советской эпохи (стр. 161). Другой важный признак народности культуры — наличие в ней культурных пережитков предшествующих эпох (стр. 159). В советское время область этнографических исследований значительноужужается, так как многие проявления народной культуры опосредствуются теорией, что лишает их характерных признаков народной культуры (стр. 160). Поэтому предмет этнографии в наше время составляют только такие бытовые явления, как 1) советские, революционные и производственные праздники, торжества, посвященные наиболее выдающимся событиям в жизни советского народа, отдельного коллектива или семьи, 2) явления «традиционной народной бытовой культуры», которые сбереглись полностью или в модифицированном и переосмысленном виде, 3) пережитки суеверного характера и, наконец, 4) взаимодействие народной и профессиональной культуры (стр. 161 и сл.). Таким образом, главное в выступлении Г. Ю. Стельмаха заключается в сужении предмета этнографической науки до изучения только «традиционных», «эмпирических», «пережиточных» и тому подобных форм культуры и быта.

Известно, что свободная научная дискуссия является двигателем развития советской науки. Но не всякая дискуссия приносит пользу. Дискуссия целесообразна лишь в том случае, если с обеих сторон спор ведется с методологически правильных позиций. К сожалению, этого нельзя сказать в отношении дискуссии о предмете этнографической науки, открытой Г. Ю. Стельмахом.

Начать с того, что точка зрения автора рецензируемой статьи на задачи этнографического исследования не оригинальна. Среди множества определений предмета этнографии, имеющих хождение в зарубежной буржуазной науке, видное место занимает тенденция рассматривать этнографию как науку, занимающуюся описанием и изучением только лишь традиционных форм быта, пережиточных явлений, или даже попросту одних только отсталых народов, лишенных «профессиональной» (как выражается Г. Ю. Стельмах) культуры.

Конечно, советский этнограф Г. Ю. Стельмах не солидаризируется прямо с подобного рода теориями. Но он противопоставляет «народную» («традиционную», «эмпирическую») культуру культуре «профессиональной», т. е. создаваемой профессиональными

здечими, закройщиками, кулинарами, художниками, композиторами. Это противопоставление в корне неправильно. «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем», — говорил великий русский композитор М. И. Глинка. Создателями всей национальной культуры являются народные массы, непосредственные производители, творцы материальных и духовных ценностей, используемых и развивающихся наиболее талантливыми «профессионалами». Господствующие классы присваивают себе лучшие достижения, лучшие творения народного гения, противопоставляют народной идеологии свою идеологию, но единственным создателем национальной культуры как таковой всегда был и остается народ. Объявлять народную культуру только «эмпирической», противопоставлять ее «теоретически опосредованной профессиональной культуре» — значит фактически лить воду на мельницу приверженцев реакционной теории Наумана, утверждавшего, что культура создается верхушкой общества и «снижается» широкими народными массами.

В статье Г. Ю. Стельмаха вредные домыслы причудливым образом переплетаются с верными мыслями, почерпнутыми из работ критикуемых им С. П. Толстова, П. И. Кущнера, Л. П. Потапова и других советских этнографов. Никто не будет возражать против того положения, что этнография не в состоянии охватить всех сторон современной культуры и быта того или иного народа, что этнограф должен работать в тесном контакте с представителями других исторических дисциплин и широко привлекать материалы специальных наук, исследующих различные стороны культуры. Обо всем этом говорится в статье Г. Ю. Стельмаха, но об этом же раньше его написали критикуемые им этнографы¹. Никто не станет возражать против того общепринятого в советской этнографии положения, что национальная культура создается коллективно, всем народом. Никто не возразит против того, что в быту и культуре народа всегда содержатся пережитки, восходящие к различным историческим эпохам. Все это правильно, и совершенно непонятно, зачем автор ломится в открытую дверь, с таким полемическим пылом доказывая эти общеизвестные истины. Зато самые решительные возражения вызывает попытка Г. Ю. Стельмаха сузить, «обкарнать» этнографическое изучение современности, ограничив его такими моментами, как праздники, традиции, суеверия и т. п. Не изучением пережитков (хотя и это является немаловажной задачей исследователей), а изучением современной культуры и быта советского народа, их формирования и развития, их национальной формы и социалистического содержания активно помогает советский этнограф построению коммунистического общества.

Статья Г. Ю. Стельмаха перегружена цитатами, написана туманно и путано. Нелегко сразу понять даже основные положения автора. Г. Ю. Стельмах не разобрался даже в таких элементарных для этнографа понятиях, как культура и быт («народная культура дореволюционного прошлого представляла собой в основном быт» — стр. 161); он противоречит себе, то утверждая, что «не вся народная культура является предметом этнографии» (стр. 157), то, напротив, указывая, что только этнография «изучает явления народной культуры в целом» (стр. 160; ср. стр. 164). Наличие пережитков в народной культуре дооктябрьского периода автор пытается объяснить бессилием первобытных людей в борьбе с природой и угнетением трудящихся масс (стр. 159) и т. д. и т. п. Непонятно и само заключающее статью определение предмета этнографии как изучение «культурно-бытового коллективного творчества трудящихся масс того или иного народа на разных исторических этапах его развития» (стр. 164): выходит из принятого в советской науке определения этнографии главное — изучение этнических, национальных особенностей культуры и быта, автор, поборник сужения рамок этнографических исследований, против своей воли сам значительно их расширяет.

Небольшая статья Г. Ю. Стельмаха не заслуживала бы специального разбора, если бы она не являлась, по существу дела, одной из редких в последнее время вредных попыток свести этнографическое изучение современности к изучению только лишь сохранившихся традиционных явлений культуры и быта.

А. Першиц

Марфа Крюкова. Беломорские былины. Записи Э. Г. Морозовой-Бородиной. Предисловие Александра Морозова. Архангельск, 1953.

Этому сборнику суждено было стать последним прижизненным изданием былин выдающейся сказительницы Марфы Семеновны Крюковой. 7 января 1954 г. М. С. Крюкова скончалась на 79-м году жизни. Творчество ее расцвело уже в советскую эпоху. Записи былин от М. С. Крюковой производились неоднократно, и тексты рецензируемого сборника представляют собой повторные записи^{1а}, сделанные Э. Г. Бородиной в 1940, 1944 и 1945 гг.

Из 9 текстов сборника пять — об Илье Муромце («Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей Рохматьевич», «Илья Муромец и Калин-царь», «Никитушка

¹ См., например, С. П. Толстой, Основные задачи и пути развития советской этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1950, вып. XII, стр. 5—6.

^{1а} Несколько текстов было опубликовано А. В. Марковым в «Беломорских былинах» (1901 г.), в том числе и «Женитьба Добрини» вместе с «Неудавшейся женитьбой Алеши

Залещанин», «Кончина Ильи Муромца», один — о Добрыне Никитиче («Женитьба Добрыни»), два — об Алеше Поповиче («Алеша Попович и Тугарин Змеевич» и «Петровичи-Сбродовичи») и один о Сахматии Сахматьевиче.

К сожалению, составители сборника не сделали попытки сопоставить варианты, что дало бы материал для выводов об изменениях в творчестве сказительницы за полвека и о значении в нем импровизационного момента. Если в 1899 г. имела место еще неуверенная проба сказительства, то в 1934 г. творчество М. С. Крюковой свидетельствует о зрелости мастерства; при полном раскрытии образов и развертывании фабулы ее былины лаконичны и по сравнению с изощренной виртуозностью более поздних лет относительно просты по стилю — они предназначались только для своих односельчан. В 1937—1938 гг. тексты сказительницы приобрели сложность композиции, пышность поэтики, обилие «общих мест». Сказительница оказалась в центре интересов фольклористов — собирателей и исследователей русского эпоса, стала выступать в квалифицированных аудиториях Москвы, Ленинграда, Киева, Архангельска и других городов. В записях того времени чувствуется не только наивысший творческий подъем, но и некоторое напряжение и стремление поразить слушателей богатством изобразительных средств и выдумки. М. С. Крюкова исполняла былины, зная, что тексты фиксируются для печати; это обусловило ее стремление возможно более усложнить и орнаментировать повествование. Следствием явилась перегруженность многих вариантов былин стилистическими украшениями, утомительная детализация ряда эпизодов, ввод лишних персонажей и т. п. По количеству стихов тексты 1937—1948 гг. почти вдвое больше вариантов 1934 г.

Тексты рецензируемого сборника (в основном записи 1945 г.) отражают спад творческого тонуса сказительницы. При этом они в еще большей степени, чем прежде, нарушают канон русского былевого эпоса (см. в особенности былины об Илье Муромце и Калине-царе, об Алеше и Тугарине и наименее удачный заключительный текст сборника, который настолько произволен, что его вообще не следовало бы помещать в сборнике традиционного эпоса).

Некоторая механичность в передаче сюжета былины сказалась в неоправданности отдельных эпизодов: так, в былине «Исцеление Ильи Муромца» муромский князь честует богатыря-крестьянина до совершения им каких-либо подвигов, а не после освобождения осажденного города, как обычно; образ богатыря, сражающегося выдернутым с корнем деревом, перенесен из былины о Сахматии на Илью Муромца и Алешу Поповича. В былине о Петровичах-Сбродовичах любовь братьев к малолетней сестре (просят ее с рук на руки друг у друга) перенесена из былины-баллады о «Морянке»; ее тканье за чудесным станом, в окружении зверьков — из былины о Дунае-свate и т. д. Образ Алеши Поповича, в творчестве М. С. Крюковой всегда близкий к героической трактовке этого богатыря, характерной для наиболее старых записей «урало-алтайской» группы², в вариантах, опубликованных в рецензируемой книге, вовсе лишен отрицательных черт.

Границы, отделяющие былины М. С. Крюковой от других жанров народного творчества, ощущаются здесь еще меньше, чем прежде; волна сказочной стихии затапливает специфику былинного жанра (звери-помощники, старающиеся выручить из темницы героя, — «Илья Муромец и Калин-царь»; «меч-кладенец» — оружие, не свойственное былинам, в том числе и записанным раньше от сказительницы³).

Трудно согласиться с А. Морозовым, что сказительница берет в основу только «общее содержание», «бесконечно варьируя» тексты. Импровизационный момент всегда составлял ее индивидуальную особенность, но костяк сюжета и характеристика героев оставались неизменными, хотя текстуально варианты у нее почти никогда не совпадают, кроме традиционных речений, например: «Не твой хлеб кушаю, не тебя, князь, слушаю» (стр. 33). Существенное то новое, что в текстах рецензируемого сборника стало разрушать жанровую специфику былин: это натурализм и психологическая детализация.

Так, в былине об Алеше Поповиче и Тугарине дан образ старика-калеши, в прошлом богатыря, изуродованного в боях; русский эпос не знает такого образа, — в эпическом блеске остаются до глубокой старости Данило Игнатьевич и Илья Муромец, от ран Сахматия и Дуная протекает река, обессмертившая имя последнего. В той же былине Алеша Попович после победы в поединке «вымыл-то в реке руки кровавые» (стр. 73), а для опознания тела своего неизвестного противника «приразрыл могилушку» и показал труп. Те же натуралистические черты внесены в былину о Петровичах-Сбродовичах, в сцену увоза братьями их сестры в поле для казни (стр. 97). Таков же характер натуралистических подробностей в других былинах последних записей.

Новыми записями былин М. С. Крюковой предпослана статья А. А. Морозова, дающая общую характеристику условий сказывания былин на Севере, их идейного содержания и языка. К сожалению, статья содержит мало оригинального материала и не всегда конкретно связана с содержанием сборника. Интересно сообщение о записи Э. Г. Бородиной 33 былин от Павлы Семеновны Пахоловой, сестры М. С. Крюковой, ныне также покойной, и некоторые сведения из биографии сказительницы.

Поповича». В записях В. П. Чужимова 1934 г. (архив Гос. литературного музея) есть две былины об Алеше Поповиче; кроме того, все былины рецензируемого сборника являются вариантами опубликованных в 1937—1938 гг. в двухтомнике русского традиционного эпоса, записанного от М. С. Крюковой, — «Былины М. С. Крюковой», т. 1 и т. 2, 1939 и 1941 гг.; записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец.

² Сборники Кирши Данилова и С. И. Гуляева.

³ Возможно, что постоянное упоминание в былинах сабли, а не меча, объясняется тем, что на Руси она с X в. стала вытеснять меч.

Терминология в статье страдает нечеткостью: произведения сказительницы разделены на «старины», «пропеванья» (?) (что под этим подразумевается — непонятно) и «новины»; в то же время на стр. 7 «старинами» названы произведения о Великой Отечественной войне. Нельзя согласиться и с формулировкой: «Свыше 300 старин (курсив наш.—Р. Л.) записано от Марфы Крюковой, а из них некоторые достигают двух и более тысяч строчек» (стр. 6). Русский эпос не знает такого количества сюжетов, да и огромные размеры этих «старин» не характерны для традиционного эпоса; явно, что в это число включены и переложения сказочных сюжетов, прочитанных книг, просмотренных фильмов и пр., чего много было записано от М. С. Крюковой за последние годы ее жизни и что в большинстве случаев не имеет достаточной ценности.

«Обработка» текстов для популярного издания сделана в рецензируемом сборнике почему-то не самой собирательницей-фольклористкой, что избавило бы сборник от многих погрешностей и недоумений, а другим лицом. Многое представляется здесь спорным. Допускается целесообразность упрощения транскрипции для популярного издания, нельзя не отметить невыдержанность и непродуманность перевода с фонетической транскрипции полевых записей то на умеренную фонетическую, то на литературную. Так, например: «широкий двор», по «дородней доброй молодец», «ващо приказаньице»; «Во Муроми и селе Качарове». Оканье сохранено только в приставке «роз», и то не везде, в смежных строках: «розлетелась, раздробила, разбила, розвеселили». «Ш» долгое оставлено только в слово «еше», причем все оттенки звучания «ишишо, ишише, ешишо» даже помещены в словарь для пояснения (стр. 108). Так же спорадически проскальзывают «щеканье» и уподобление согласных. При упрощении транскрипции составители и редакторы книги поступились важным для соблюдения ритма стяжением окончаний глагольных форм и произвольно убавили число служебных частиц, управляемых ритмом, вследствие чего, некоторые места не только пропеть, но и ритмически прочесть трудно (между тем на стр. 106 указано, что все тексты записаны «с голоса»).

Вразрез с орфографическими правилами почему-то всюду проведено написание «о» вместо «е» под ударением после шипящих («сточоный», «тяжолый», «учоный») и различное написание слов «из далека», «на весели». Повсюду в слове «деревенка» в книге ударение ошибочно поставлено на последнем «е».

Словарь, в целом составленный удовлетворительно, перегружен словами, не нуждающимися, на наш взгляд, в пояснении. В него включены небольшие диалектные уклонения («канбар», «вострый»), полногласные формы («середний», «полон»), общеизвестные слова («брязкать») и т. п. Вместе с тем объяснение некоторых слов мало чем может способствовать их пониманию. В словаре, например, читаем: «Латырь — камень Алатырь», «Меч-кладенец — меч особой формы» (стр. 108) и т. п. Есть историческая неточность в пояснениях ряда слов. Например, «палица» — не просто «тяжелая дубинка с утолщенным концом, употреблявшаяся в старину как оружие» (стр. 109), — в Киевской Руси этот конец «палицы» (или «ослопа») оковывался железом или снабжался железными остроконечиями, что хорошо известно по данным археологии. «Игра богатырская» палицей в былинках — образное воплощение воинского искусства богатыря. «Дубиночка» же, обычно из цельного дерева, вырванного из земли на месте боя за неимением другого оружия, сохраняет в эпосе свое наименование.

Нельзя считать удачным название небольшого популярного сборника с девятью текстами — «Беломорские былины». Это название тождественно названию классического фундаментального труда А. В. Маркова, сборника, в котором опубликованы его записи, сделанные в той же Зимней Золотице в начале нашего века.

«Краткая библиография» в рецензируемом сборнике короче, чем должна бы быть. В ней не указаны даже публикация текстов и статья В. П. Чужимова о былинах М. С. Крюковой, не указан том «Творчество народов СССР», где впервые был помещен знаменитый плач М. С. Крюковой — «Каменна Москва вся проплакала», не отмечены две большие статьи о творчестве Крюковой автора этих строк и др.

Сборник свежо оформил художник Л. Кассис. Жанровые заставки к каждому тексту даны реалистически, некоторые — на фоне северных пейзажей; концовки — по мотивам северного народного орнамента. Однако фотопортрет М. С. Крюковой на фронтиспиче из-за низкого качества клише создает искаженное представление о сказительнице.

В заключение рецензии надо сказать следующее. М. С. Крюкова была не только сказительницей, но и исполнительницей сказок, песен, притчей и произведений других жанров народного творчества. Э. Г. Бородина в свое время записала от нее много этих произведений. Следует пожелать, чтобы записанные от М. С. Крюковой тексты были изданы собирательницей возможно полнее и скорее и обработаны ею лично, с соблюдением требований, необходимых для включения их в научный обиход.

Р. Липец

Т. В. Станюкович, Кунсткамера Петербургской Академии наук, Изд. АН СССР, М.—Л., 1953.

«Восстановить историческую правду, показать истинное высокое место отечественной науки в мировой культуре, восстановить и аргументировать многие ее несправедливо забытые приоритеты» — таким был призыв Академии наук СССР ко всем ученым, занимающимся вопросами истории науки в академических учреждениях. Прямыми ответом на этот призыв является книга Т. В. Станюкович, сотрудницы Музея

антропологии и этнографии Академии наук СССР, музея, который не только развелся на базе уникальных коллекций Кунсткамеры, но и до сих пор размещается в ее исторических помещениях. Тема, избранная автором, чрезвычайно удачна, ибо петербургской Кунсткамере — первому русскому музею, отказавшемуся с первых дней своего существования от старых традиций музеееведов XVII в., принадлежит весьма почетное место в истории русской и мировой науки. Кунсткамера Российской Академии наук с ее крупной библиотекой являлась на протяжении XVIII и отчасти XIX в. не только богатейшим хранилищем научных и культурно-исторических ценностей, но и своеобразным народным университетом, центром русской научной мысли, школой передовых русских ученых XVII—XIX столетий.

История русского музейного дела, а следовательно, истоков русской науки, от первого периода собирательства «rarитетов и натуралий» и создания «кабинетов редкостей» до развития крупных научных музеев и институтов мирового значения, до сих пор еще никем серьезно не изучалась. Существующие отдельные печатные работы в лучшем случае отражают некоторые стороны былой деятельности современных учреждений (Пекарский, 1862; Штраух, 1889; Соловьев, 1889; Бялыницкий-Бируля, 1925; Серебряков, 1936; Елисеев, 1940; Липман, 1945; и др.). Такие работы часто создавались без тщательного изучения архивных материалов, следствием чего были многочисленные ошибки или же вольные толкования фактов (Брандт, 1865; Гебель, 1865; Дорн, 1865; Румпехт, 1865; Фрей, 1901 и др.).

Рецензируемая книга целиком построена на свежих и хорошо подобранных архивных документах, многие из которых до настоящего времени были вообще неизвестны. Автор последовательно излагает фактический материал, характеризующий деятельность Кунсткамеры в тот или иной период ее существования, и одновременно с этим знакомит читателя с развитием и усовершенствованием музейной и реставрационной техники XVIII и XIX вв., рисует картину широкой экспедиционной деятельности Академии наук, в работах которой принимали участие замечательные и незаслуженно забытые деятели русской науки, показывает формирование коллекционных научных фондов, которые вошли в состав богатейших фондов советских музеев.

Следует особо подчеркнуть, что развитие музейного дела весьма удачно показывается автором на фоне социально-экономического и политического развития России. Однако в некоторых местах автору следовало бы показать такую связь более полно и четко. Это прежде всего касается Петровской эпохи, Отечественной войны 1812 г., начального периода разложения феодального строя и т. п. Несомненной заслугой автора надо считать бережное обращение с фактическим материалом; выводы или установление взаимосвязи описываемых фактов с социально-экономическим и политическим положением России делаются только в том случае, если у автора имеется для этого достаточный документальный материал, по времени возникновения совпадающий с теми или иными событиями в стране.

Т. В. Станюкович совершенно правильно начинает свою книгу с краткого изложения некоторых фактов (к сожалению, весьма немногочисленных) существовавшего еще в Древней Руси интереса к собирательству ценных вещей «на память себе». Коллекционирование исторических (одежда, монеты) и естественно-научных предметов (раковины моллюсков, насекомые) особенно усилилось с середины XVII в. в связи с бурным развитием наук, порожденных предшествующим развитием экономических отношений. Этот возросший интерес к коллекционированию, естественно, не был чужд и русским людям того времени. К сожалению, автор не акцентирует внимания читателей на том, что еще задолго до привоза Петром I из Голландии (1697—1698) коллекций Рюйша, а впоследствии Себа и Левенгута, в так называемой «Аптекарской канцелярии» в Москве «лекари и дохтуры» собирали и хранили значительные библиотеки и «кабинеты раковин и монет». В архивных материалах, относящихся к истории Академии наук, имеются, например, документы о наличии большого «кабинета раковин», собранных доктором Арескиным, и т. п. Эти факты следовало бы привести, так как до сих пор иногда встречаются еще ошибочные утверждения, что первый русский музей — Кунсткамера — был основан лишь на фондах коллекций, привезенных Петром I из Голландии.

Возникновению и первым этапам деятельности Кунсткамеры, созданной, как справедливо отмечает Т. В. Станюкович, в 1718—1719 гг., посвящена вторая глава рецензируемой книги. Самым замечательным итогом начального «кикинского периода» (1719—1727) существования Кунсткамеры явилось создание в короткий срок крупнейшего музея, коллекции которого «едва ли не оставляли за собой все другие (существовавшие уже давно. — В. Д.) музеи» Европы (Фандербек, 1842). Познавательное и просветительное значение выставленных в музее коллекций было очень велико; они не только знакомили посетителей с историей и природными богатствами России и других стран, но и способствовали идеологическому воспитанию народа, освобождая его сознание от пут церковной холостясти.

Последующее развитие и деятельность Кунсткамеры излагаются Т. В. Станюкович в главах III—V, каждая из которых посвящена описанию определенного крупного периода в жизни этого замечательного музея. История его доведена до 1836 г., когда на базе Кунсткамеры возникает семь самостоятельных академических музеев, начавших раздельное существование (глава VI).

Глава третья начинается описанием знаменательного события в культурном развитии России — учреждения Петербургской Академии наук в 1724 г. Автор здесь совер-

шенно правильно показывает, что передача Кунсткамеры в ведение Академии наук сыграла в ее судьбе решающую роль. Собрание богатейших коллекций, их систематизация и научная обработка, участие лучших научных сил России в составлении новых экспозиций уже в течение первого десятилетия существования академической Кунсткамеры позволили превратить ее в крупное передовое научное учреждение, равного которому по стилю и постановке работы не имелось во всей Европе.

Увлекаясь описанием музея, его здания и достопримечательностей, автор только в нескольких фразах на стр. 48—49 упоминает о той борьбе двух группировок ученых внутри Академии, которая тормозила быстрое развитие Кунсткамеры и Академии в целом. Т. В. Станюкович не показала, что первые приглашенные академики встретили по приезде в Петербург уже достаточно развитое культурное общество с вполне определенными понятиями и взглядами на цели и значение науки, особенно эмпирической науки с ее практической направленностью. В Академии наук этот круг ученых прогрессивного направления возглавлялся первым президентом Академии Лаврентием Блюментростом (фамилия этого ученого даже не упоминается автором), пытавшимся в возможно более полном объеме реализовать составленный и утвержденный правительством проект организации Академии и осуществить ее культурно-воспитательное назначение. Полную противоположность представляла другая группа людей, состоявшая преимущественно из столичного дворянства и большого числа иноземных ученых, которые позаимствовали с Запада пристрастие к внешней стороне жизни высших слоев буржуазии, и, не понимая ценности науки, учтивали только ее популярную и занимательную сторону. В Академии наук это направление возглавлялось библиотекарем и заведующим канцелярией И. Д. Шумахером, который официально отстранил всех академиков от управления учреждением, а также от библиотеки и коллекций. Академикам было предоставлено лишь право пользоваться нужными книгами, приборами и коллекциями для своих занятий, а «до дирекции им будто дела нету».

Этот произвол вызвал многочисленные жалобы ученых и непримиримую борьбу их против клики «неприятелей наук российских». Наиболее активным борцом «против чиновничего произвола в Академии наук, против раболепия перед иностранцами, против принижения русской науки» (Топчиев, 1952) был М. В. Ломоносов, деятельность которого в Академии и Кунсткамере также недостаточно полно отражена автором рецензируемой книги.

Несмотря на эти весьма существенные недостатки третьей главы, в ней очень красочно и выразительно показываются огромные достижения Кунсткамеры за первые 30 лет ее существования в системе Академии наук. Автор на большом фактическом материале показывает историю создания одного из наиболее передовых музеев мира того времени. Кунсткамера Петербургской Академии наук, благодаря непосредственному участию многих прогрессивно настроенных членов Академии в подборе коллекций, их изучении и классификации, в построении экспозиции, развивалась как передовое научное учреждение. Были отброшены сковывавшие развитие музеяного дела традиции «бессистемного собирательства» и «увлекательности экспозиции, воздействующей на чувства», которые еще долгое время продолжали господствовать во многих крупных музеях Западной Европы. Кунсткамера уже к 1747 г. стала крупным научно-исследовательским учреждением и одновременно музеем, которым интересовались широкие слои русского общества.

Не менее полно и увлекательно написана и четвертая глава, в которой автор со средоточил материалы по восстановлению коллекций и здания после пожара 1747 г. Это бедствие затормозило развитие музея более чем на 20 лет, несмотря на большие успехи, которые были достигнуты русской наукой в течение 50—70-х годов XVIII в. Возрождение Кунсткамеры с ее строгой систематичностью экспозиций и большой научной и познавательной ценностью выставленных материалов наступило только в начале 70-х годов XVIII в. В Академии наук к этому времени выросли такие крупные русские ученые, как М. В. Ломоносов, С. П. Крашенинников, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, С. К. Котельников и многие другие, которым мы обязаны классическими, широко известными во всем мире трудами по исследованию природных богатств и культуры народов России. Сильно возросшая во второй половине XVIII в. экспедиционная деятельность, налаживание регулярных изданий научных и научно-популярных трудов и участие крупнейших отечественных ученых в организации нового музея обеспечили расцвет Кунсткамеры, которая вновь приобрела подлинно научный характер, выгодно отличаясь от большинства западноевропейских музеев того времени.

Продолжению описания этой деятельности в последних десятилетиях XVIII и в начале XIX в. посвящена следующая, пятая, глава. Автор здесь правильно подчеркивает мировое значение накопленных Кунсткамерой коллекций по различным отраслям знаний и показывает, что к концу XVIII в. в Кунсткамере была собрана одна из крупнейших библиотек того времени (около 37 000 книг), которая в известный период времени играла роль не только научной, но и первой в Петербурге публичной библиотеки.

На основе изучения архивных материалов Т. В. Станюкович удалось обнаружить интереснейшие и ранее остававшиеся неизвестными документы по эвакуации коллекций Кунсткамеры и Эрмитажа водным путем из Петербурга в Петрозаводск в связи с начавшейся Отечественной войной 1812 года.

Начало XIX в., как известно, было ознаменовано проведением многочисленных крупных морских путешествий, задуманных и осуществляемых русскими моряками, географами и естествоиспытателями. Эти путешествия, во время которых были сделаны

важнейшие географические открытия, имели крупнейшее значение для науки, обогащенной новыми сведениями и материалами по зоологии, ботанике, геологии, этнографии и т. п. Кунсткамера пополнилась большим количеством новых вещественных материалов, для научного освоения и описания которых потребовалось усиление научного руководства каждым из отделов музея. Это в дальнейшем привело к созданию на базе Кунсткамеры специализированных академических музеев, что было завершено в 1836 г. и закреплено «Уставом и штатом Санктпетербургской Академии Наук».

Автор рецензируемой книги лишь частично касается в заключительной, шестой, главе этого важного периода в дальнейшей жизни академических учреждений, так как каждый возникший музей имел самостоятельный путь развития и заслуживает специального рассмотрения.

Несмотря на некоторые пробелы и недочеты, а также некоторую перегрузку мелкими деталями и фактами, имеющими скорее частное значение, в целом книга Т. В. Станикович представляет собой солидное исследование по истории славного прошлого русской культуры и науки, основанное на тщательно собранных интересных и новых архивных материалах. Книга дает стройное и достаточно полное представление о развитии первого русского естественно-научного музея и его значении для русской науки. Встреченная советскими читателями с большим интересом, книга эта явится ценным вкладом в изучение истории отечественной науки и развития музейного дела.

Б. Дубинин

Сказки М. А. Сказкина. Вступительная статья, запись и редакция текстов, примечания Н. Д. Комовской. Горький, 1952.

Первый вопрос, который возникает при знакомстве со сборником «Сказок М. А. Сказкина», составленным Н. Д. Комовской, закономерно ли и необходимо ли его появление?

Проблема индивидуального и коллективного начала в народном творчестве имеет не только теоретическое, но и практическое значение, ее решение определяет не только направление работы фольклористов, но и во многом пути развития самого народного творчества. Стоит вспомнить, к каким печальным результатам привело преувеличение роли сказителя в фольклоре, особенно распространявшиеся в 1930-е годы. В настоящее время в последних дискуссиях принцип коллективности утвержден как один из основных признаков народного поэтического творчества. Коллективный идейный и художественный опыт народа, устоявшиеся приемы создания поэтического образа — основа творчества каждого сказителя, сказочника и т. п. Творчество отдельных мастеров и творчество коллектива составляют нерасторжимое единство.

В чем же смысл появления сборников, представляющих творчество отдельных мастеров фольклора? Прежде всего в том, что они доводят до широких кругов читателей неиссякаемые богатства народного искусства, обогащают наши представления о народном творчестве. Кроме того, цель их — показать своеобразие местного фольклора, характер использования традиций, обогатить нашу науку представлением о творческих приемах и стиле талантливейших представителей народного искусства нашей Родины.

Когда мы говорим о том, что произведения народного творчества шлифуются в устном бытованиях, то мы имеем в виду прежде всего конкретное творчество в различной степени одаренных людей. Ведь именно эти люди — сказочники, частушечницы, песельники — принимают большее или меньшее участие в шлифовке народной мысли, выраженной в поэтических образах.

К сожалению, мы находим в изданном сборнике лишь общее положение о расцвете народных талантов после Великой Октябрьской революции. Положение это нуждается в конкретизации, так как является недостаточным для определения роли индивидуального мастерства в фольклоре, открывает возможность различных толкований этой проблемы, может ложно ориентировать читателя. Особенно это важно в связи с вопросом о взаимоотношении литературы и фольклора и недавними попытками некоторых теоретиков «прекратить» фольклор, коллективное творчество нашего народа в его устном бытованиях.

Сборник «Сказки М. А. Сказкина» — итог многолетней работы его составителя Н. Д. Комовской.

Запись сказок от выдающегося сказочника Горьковской области Сказкина отчасти проводилась еще до Отечественной войны. В 1948 г. в «Волжском альманахе» № 6 были напечатаны две сказки Сказкина на советскую тематику («Нужда и мужик», «Как мужик-колхозничек в Москве побывал») с небольшой вступительной заметкой. В сборнике «Сказки и предания Горьковской области» (изд. 1951 г.) помещены пять традиционных волшебных сказок Сказкина («Дочь-семилетка», «Златокур-богатырь» и др.). В предисловии указаны некоторые особенности творчества Сказкина, характер создания им положительного образа героя, отличительные черты стиля и языка.

Вошло в традицию предпосылать монографиям, посвященным сказочникам, вступительные статьи, где дается их биография, критический очерк их творчества. Большинство этих статей обычно грешит описательностью. К сожалению, не избежала этого недостатка и вступительная статья Н. Д. Комовской. Сама композиция этой статьи, ее «очерковость» создают лишь «фон» для помещаемого в сборнике материала. Между тем, на наш взгляд, вступительная статья должна носить теоретический характер, двигать вперед науку о народном творчестве.

Вступительная статья в рецензируемом сборнике делится как бы на две части: биографию и описание бытования сказок, рассмотрение репертуара сказочника. Естественно, что первая часть имеет описательный характер, однако здесь должна быть историческая конкретность в выяснении места и роли сказки в жизни. Общие указания о месте и условиях рассказывания (стр. 5—6) ничего не дают. Еще у собирателей XIX в. можно было прочитать о том, что сказки обычно рассказывают в свободное время на лесозаготовках, лесосплаве и т. д. Нам важно другое: почему в наше время рассказывается сказка, что ценят в ней советские люди, как она воспринимается, как отзываются о ней колхозники, как сейчас реагирует на сказки аудитория.

Конкретная обстановка жизни советской деревни и место в ней сказки почти не показаны в статье (только в сноска на стр. 10). Ориентация в этом вопросе на высказывания самого сказочника представляется совершенно недостаточной.

Поверхностно и нечетко показано и отношение самого Сказкина к сказкам. Отдельные разбросанные в статье замечания об «искреннем увлечении» сказками, об «искренней заинтересованности в судьбах героев», о том, что «сказочные события волнуют и трогают его как бы всерьез» (стр. 11), не дают ясного представления о том, как сказочник воспринимает сказку, как он относится к сказочной фантазии.

Анализ репертуара также не выявляет основного — творческого своеобразия данного сказочника, а оно, безусловно, имеется. Давно примелькавшиеся термины «оптимизм», «большее социальное заострение», «демократизация», «элементы реализма» не раскрывают специфики творчества данного сказочника. Сам по себе вопрос об общих чертах, т. е. коллективной основе сказок, заслуживает серьезного внимания, однако здесь же необходимо показать и обогащение традиции выдающимся мастером.

Интересной попыткой является рассмотрение лесного пейзажа и описание лесных работ в сказках Сказкина. Отражение в сказках местных, профессиональных деталей имеет историческое и познавательное значение, показывает тесную связь сказки с жизнью. Однако нам кажется, что приведенное здесь высказывание Горького о том, что в основе фантазии всегда лежит действительность, не имеет отношения к рассматриваемому вопросу о местных реалистических деталях (которые создают в конечном счете и национальный характер сказки), а касается более широкого вопроса о реальной основе самой фантастики.

Н. Д. Комовская правильно показывает Сказкина в ряду других советских сказочников — Куприянихи, Коргунова, Ковалева, указывая присущие каждому из них характерные приемы обрисовки образов и развития действия. Здесь верно отмечены некоторые особенности «любимых» тем и образов Сказкина и приемы их создания (интерес к науке, тяга к романтике в создании женских образов и т. д.). Однако эти особенности даны не развернуто, в то время как материал сказок дает для этого большие возможности. Сравнение со сказочниками Коргуновым, Сороковиковым, Ковалевым и другими, проведено очень неубедительно. Особенно это относится к сказочнику Горьковской же области И. Ф. Ковалеву, с которым у Сказкина особенно много общего в трактовке образов, в стиле и языке.

Необходимо коснуться еще двух вопросов: о сказках на современные темы и о поэтическом языке — материале сказки.

В сборнике имеются две новые советские сказки. Первую из них, сочиненную самим Сказкиным, открывющую сборник сказку «Как мужичок-колхозничек в Москве побывал», следует признать явно неудачной, хотя во вступительной статье и комментариях ей дана составителем положительная оценка и она преподносится читателям как большая творческая победа Сказкина. Все в этой сказке надумано, фальшиво и сусально (необходимо строго отделить значительный замысел от антихудожественного, безвкусного, ложного выполнения). И мужичок-колхозничек, который больше всего боится «потерять свое звание», и его трудовой подвиг, совершенный при помощи какого-то Нестара-человека, представлены в карикатурном виде; последнее особенно ощутимо, если вспомнить чудесные, истинно сказочные подвиги классических сказочных герояев.

Особенно хочется возразить по поводу образа «Великого человека, что в особом помещении вечным сном спит». Уже сами эти слова вызывают возражение — так они не нужно пышны и так надуманы. Образ вождя, выступающего здесь в роли ходульного вещателя, высокопарен и холоден, не согрет подлинным поэтическим чувством, в нем нет ни искренности, ни простоты. Если мы посмотрим лучшие сказки о Ленине и Сталине, собранные в томе «Творчество народов СССР» («Ленинская правда», «Теперь в гайге светло», «Три сына» и др.), то обнаружим, что образы вождей даны в них скучны, но очень верными, правдивыми чертами, без всякой фальшивой приподнятости. И тем сильнее их художественное и эмоциональное воздействие.

Сказкин, так же как и Ковалев, в своих новых сказках обращается к аллегории, причем оба они терпят творческую неудачу.

Аллегория должна быть художественно убедительной, зrimой. Но трудно поверить в аллегорический образ самолета в виде стального коня, ржущего и фыркающего, летящего «четыре пролета», который мы находим в сказке Сказкина. Ничем не оправдан отход от распространенного, но поэтичного и меткого сравнения самолета со стальной птицей. Подобные надуманные и натянутые аллегории могут вызвать у читателя только ироническую улыбку.

Вторая сказка «Нужда и мужик» известна в нескольких вариантах. Один из них был опубликован в «Правде» 12/XII 1949 г. Сказка завоевала всеобщее признание и является одной из самых распространенных современных сказок.

Вопрос о языке сказок требует к себе серьезного внимания. Языком фольклора собирали и исследователи народного творчества интересуются слишком мало. Это скрывается на некритическом отборе материалов для издаваемых сборников и исследований (стоит вспомнить подбор текстов для «Очерков по русскому народно-поэтическому творчеству», ч. III).

Спорен вопрос о так называемых «новых» словах в сказках. Прошла пора, когда умелись каждому слову, обозначающему современные понятия, средства связи и т. д., хотя часто оно не раскрывало образа, не определяло его характера, использовалось механически. Нельзя вырывать из языка сказки отдельные слова или фразы, к нему следует подходить как к целостному организму. У нас почти никогда не говорят о языковом стиле сказок.

У Сказкина, например, очень сильна струя дурной книжности, слашавой напыщенности лубочной литературы, мещанского романа. Такая речь несвойственна народной сказке, она создает чуждую ей разностильность. Если в авантюрной мещанской сказке 1900-х гг. она органически сочетается с ее содержанием, то в волшебной сказке такие выражения, как «свод голубых небес» и т. д., только портят ее.

Несмотря на указанные недостатки, большинство которых относится к теоретическим положениям вступительной статьи, сборник по своему материалу производит хорошее впечатление. Сказкин безусловно талантливый сказочник; особенно в области традиционной волшебной сказки. Его сказки с удовольствием прочтут большие и маленькие читатели.

Следует сказать, что хороший почин областных издательств, издающих фольклорные сборники, необходимо всячески приветствовать. Однако издательствам следует пожелать отрешиться от ложной установки на «популярность» в изложении теоретических вопросов и в комментировании текстов. Глубоко ошибочна недооценка издательствами запросов широкого читателя, желающего получить не только хорошие произведения, но и научное их освещение. Советские люди заинтересованы в росте народного творчества и развития науки о нем.

H. Савушкина

АЛЬБОМ «БЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ ИСКУССТВО»¹

В 1951 г. Академией наук БССР издан первый том альбома «Белорусское народное искусство». В этом volume содержатся образцы узорного тканья, ковроделия, вышивания, набойки, созданные талантливым белорусским народом. Иллюстративному материалу предшествуют предисловие редактора альбома Н. М. Никольского и вступительная статья М. Я. Гринблата, в которой дана краткая характеристика каждого из разделов альбома.

Большое место в альбоме отведено узорному ткачеству и вышивке белорусов. В прошлом основным назначением домашнего ткачества белорусских крестьян было изготовление тканей для одежды. На простом ткацком стане белорусские крестьянки вырабатывали как гладкий, так и богато орнаментированный холст для рубах, сподниц (юбок), наметок (головных полотенец), шерстяную или полушиерстяную материю для андараков (полосатых и клетчатых юбок). Особого умения требовало тканье украшенных узорами рушников (полотенец), настольников (скатерей), постилок для покрытия кроватей. В советское время узорное ткачество Белоруссии получило новые перспективы дальнейшего развития в значении декоративного, прикладного искусства. Художественные мастерские БССР по изготовлению декоративных тканей широко используют лучшие образцы народного изобразительного искусства. В связи с этим первый том альбома, содержащий многочисленные образцы белорусского орнамента, приобретает сейчас особое практическое значение.

Приведенные в I, III и IV разделах альбома образцы тканого и вышитого орнамента позволяют судить о его специфических особенностях. К таким особенностям относится, например, преобладание геометрических узоров, состоящих из повторяющихся фигур прямоугольника, квадрата и особенно ромба, который белорусы называют «кругом». Встречаются, но значительно реже, чем геометрические узоры, стилизованные растительные мотивы, изображения птиц и животных. Бросается в глаза и другая особенность тканых и вышитых украшений, а именно то, что они выполнены чаще всего красным цветом. Нередко красный цвет сочетается в узоре с синим или черным. Красный цвет преобладает также в тканых, вязаных и плетенных поясах, помещенных в V разделе альбома. В узорах поясов красный цвет сочетается не только с черным или синим, но и с другими цветами (зеленым, желтым, коричневым и т. д.), т. е. наблюдается полихромность. Наряду с плетеными, ткаными и вязанными крестьянскими поясами в альбоме имеются два фрагмента знаменитых слуцких поясов, тканых из шелка с золотыми и серебряными нитками. В XVII в. на широкие шелковые пояса был большой спрос среди польской и белорусской шляхты. Учитывая это, виленский воевода Казимир Радзивилл основал в 1758 г. в городе Слуцке мастерскую — «персиарнию», где использовал под-

¹ Академия наук БССР, Институт истории; Секция этнографии и фольклора. *Белорусское народное искусство*. 1. Минск, 1951.

невольный труд крепостных крестьян. В последующие годы было организовано еще несколько мастерских. В этих мастерских белорусские ткачи, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия работы, не только быстро освоили новое для них производство поясов по персидским мотивам, но создали великолепные образцы узорного ткачества с применением растительных узоров, взятых из природы родной Белоруссии (узоры василька и других полевых цветов и т. п.). В начале XIX в. производство слуцких поясов потеряло прежнее значение и постепенно прекратилось, так как пояса вышли из моды и спрос на них резко упал. Тем не менее производство слуцких поясов отразилось на развитии крестьянского ткачества. Не случайно, что именно в Слуцком и близлежащих районах традиция домашнего узорного тканья выражена и сейчас сильнее, чем в других местах Белоруссии. Слуцкие ткачи смело используют растительные мотивы в орнаментировке постилок, полотенец и других предметов.

Во II разделе первого тома альбома показано белорусское ковроделие, не получившее, к сожалению, должного освещения в объяснительном тексте вводной статьи. По этой причине остается неясным, какое значение имело организованное в помещичьих мастерских производство ковров на вертикальных станках для развития ковроткачества в крестьянском быту. VI раздел содержит образцы белорусских кружев, плетения, строчки и мережки, нашедших широкое применение в украшении наволочек, полотенец, скатерей и иных предметов домашнего обихода. В орнаменте кружев, в мережке и строчке много общего с ткаными и вышитыми узорами.

VII раздел альбома посвящен показу набойки, которая издавна использовалась белорусами для шитья одежды. Белорусская набойка выполнялась преимущественно синим цветом; она необыкновенно изящна при простоте и незатейливости узоров.

Художественное дарование белорусов особенно ярко проявилось в создании богато-орнаментированной народной одежды, образцы которой мы видим на страницах VIII, заключительного, раздела. Однако одежда представлена далеко не полно (отсутствуют, например, мужской костюм, верхняя одежда, обувь и многое другое), что является существенным недостатком работы составителей первого тома.

Вызывает также возражение структура тома, а именно, выделение орнамента в специальном III разделе. Такое выделение искусственно, так как фактически орнамент показан не только в III, но и во всех других разделах. Материал к альбому подобран недостаточно тщательно: наряду с прекрасными образцами белорусского изобразительного искусства, в нем помещено несколько фрагментов вышивки, не выразительных в художественном отношении (рис. № 71, 72, 78 и др.). Несмотря на отмеченные недостатки, альбом является ценным источником для научных исследований и в то же время источником для обогащения традиционными народными мотивами современного белорусского изобразительного искусства. Дальнейшее издание альбома «Белорусское народное искусство» должно быть одной из важных задач этнографов Белоруссии.

О. Ганцкая

М. Е. Массон. *Ахангеран*. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.

Реценziруемая книга принадлежит перву одного из крупнейших знатоков среднеазиатских древностей, всякий новый труд которого встречается специалистами в области истории и археологии Средней Азии с неизменным интересом.

В основу книги положены данные археолого-топографического обследования долины р. Ангрен (древний Ахангеран), входившей в состав средневековой области Илак (арабские географы рассматривали ее иногда как самостоятельную административную единицу, иногда как часть области Шаш). Обследование проводилось в 1934 г. 29-м отрядом Памиро-Таджикской экспедиции, руководителем которого являлся М. Е. Массон. Отряд зарегистрировал и обследовал археологические памятники данной области; из них самые древние могут быть датированы II тысячелетием до н. э., основная же масса относится к эпохе расцвета древнего Илака, т. е. к X—XIII вв.

Книга состоит из предисловия, где определяются стоявшие перед отрядом задачи и обосновывается необходимость публикации добытых им материалов, пяти глав и заключения (гл. VI). Подстрочные примечания даются в конце книги, там же помещен и список цитируемой литературы. Иллюстративный материал в виде топографических планов городищ, карт и фотографий или зарисовок отдельных вещей помещен в тексте (55 рисунков).

Гл. I — «Историко-археологическое изучение Ахангерана до 1934 г.» дает краткий обзор сведений о древностях Ахангерана, полученных в дореволюционный период в результате случайных сборов, проводившихся членами Туркестанского кружка любителей археологии и отдельными лицами, и в советское время — в результате небольших археологических работ автора книги в районе Той-Тюбе (1928), его же исследований древних выработок в Карамазарских горах (1929) и произведенных М. В. Воеводским раскопок курганов близ Пскента (1929—1930). В литературе по истории Средней Азии Илаку посвящены буквально строки, так что читатель имеет возможность лишний раз убедиться в том, насколько важна для выяснения истории народов Узбекистана и Средней Азии в целом работа, проделанная 29-м отрядом.

Гл. II — «Археологические памятники Илака до VIII в. н. э.» посвящена конкретному описанию археологических памятников, датируемых указанным временем. Сюда относятся находки на Дальверзинском канале и в Карамазарских горах, датируемые

бронзовым веком. В этой главе дается также подробное описание погребальных памятников, к которым безусловно относятся «муг-таши» — курганы с насыпью из камней, огромные курганные могильники — «мингтепе» и, вероятно, можно отнести «муг-хана» — наземные однокамерные помещения из крупных плит известняка. Несколько курганов в большой курганной группе около Той-Тюбе были раскопаны М. Е. Массоном и датированы им первой половиной I тысячелетия н. э.; подверглись раскопкам и курганы Пскентской группы, где работами руководил М. В. Воеводский, который датировал два более ранних типа V—VIII вв. н. э., а третий, наиболее поздний, XIII — началом XIV в.

Большой интерес вызывает описанная в этой главе группа глиняных оссуариев, найденных в 1928 г. в 1,5 км восточнее современного Той-Тисбе. М. Е. Массон датирует их последними веками перед арабским завоеванием. Обряд оссуарных захоронений, широко распространенный в Средней Азии в I тысячелетии н. э., о чём, в частности, свидетельствуют находки Хорезмской экспедиции АН СССР на территории левобережного Хорезма, еще очень мало изучен, и поэтому всякая публикация материалов, связанных с изучением одного из древнейших среднеазиатских культов, следует приветствовать.

Гл. III — «Средневековый Илак по данным авторов X в.» содержит сравнительный анализ письменных источников, дающих возможность уточнить историческую географию изучаемой области. Здесь даются ее границы, перечень городов и т. д. Интересно, в частности, сделанное автором на основании тщательного изучения источников наблюдение о том, что «...в X в. воды этой реки (Ангрена.—М. И.) протекали по южному и сухому теперь руслу Гиджиген» и что «в течение какого-то периода времени оно было главным» (стр. 33).

Гл. IV — «Маршрутное описание Ахангера» посвящена описанию маршрутов, про-деланных 29-м отрядом на территории Илака с целью выяснения границ области и локализации ее крупнейших городов, о которых говорится в источниках. Автор подробно останавливается на памятниках, расположенных на древнем пути от Бинкета (Ташкент) — столицы Шаша в Тункет — столице Илака. Здесь немалое место уделено истории Той-Тюбе, причем автор, используя археологический материал и данные письменных источников, убедительно доказывает, что на месте современного Той-Тюбе в IX—XII вв. был большой средневековый город (центр его — нынешнее городище Улькан Той-Тюбе), который можно отождествить с Нукутлом источников.

Далее автор очень подробно останавливается на возможной локализации столицы Илака — Тункета. Приводя данные письменных источников и нумизматики, результаты археологического-топографических наблюдений и данные народных преданий, М. Е. Массон устанавливает, что древнему Тункету соответствуют развалины городища Илак у кишлака Сарджайляк (устье Саук-сая, левого притока Ангрена, Карамазарский район).

Среди ряда населенных пунктов Илака, упоминаемых М. Е. Массоном, интересно городище Куль-ата, которое является, очевидно, развалинами городка Туккет, где процветало металлическое производство.

К югу от древнего Тункета, в системе Накпай-сая, 29-й отряд обнаружил остатки пещерного города, называемого Кар-хана, который существовал, судя по археологическим данным, еще до арабского завоевания и был широко использован в средние века. Интересно, что средневековые пещерные города были обнаружены и в Хорезме. В 1952 г. Хорезмской экспедицией был открыт «пещерный город» на восточном обрыве Бутен-тау, еще раньше экспедицией был обнаружен «пещерный город» в обрыве Устюрта, неподалеку от городища Дэв-кецкен (Вазир арабских авторов). Исследование этого вида памятников еще никем не производилось и, несомненно, заслуживает специального внимания. Большое внимание уделяет автор истории городища Канка, расположенного на левом берегу р. Ангрен, в 9 км от впадения ее в Сыр-Дарью. Автор дает историю исследования городища и приводит данные своих работ 1934 г., показывающие, что город этот начал свое существование задолго до арабского завоевания, в эпоху развитых рабовладельческих отношений, а впоследствии превратился в типичный феодальный город. К первому периоду его существования относятся найденные в его окрестностях глиняный оссуарий, а на самом городище — монеты III—IV вв. Отметим, кстати, что монеты этого же типа, которые М. Е. Массон называет в одном месте кангюйскими (стр. 113, 121), в другом — кангюйско-кушанскими (стр. 27—28), составили для Хорезма большую серию и были не только описаны, но и определены С. П. Толстовым¹. Однако автор об этих работах почему-то не упоминает.

Посвященная немало страниц (с 106 по 110) происхождению термина «Канка», автор приводит данные письменных источников, в частности, сведения о государстве Кангюй, находимые в китайских источниках, но при изложении попыток локализации этой страны упоминает лишь гипотезу В. Гейгера (стр. 107), совершенно не касаясь гипотезы С. П. Толстова об идентичности страны Кангюй или Канхи с древним Хорезмом². Такое упоминание было бы весьма уместным, поскольку автор, как уже говорилось, весьма подробно останавливается на толковании данного термина.

Гл. V — «Историко-археологические силуэты старого Ахангера» подводит итоги исследования, определяет место древнего Ахангера среди древнейших среднеазиатских государственных образований, дает описание хозяйственной и культурной жизни

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 173—177. Примечание на стр. 173.

² Там же, стр. 20—26.

средневекового Илака, причем особое внимание уделяется развитию его рудной промышленности, основанной на природных богатствах Илакских (Карамазарских) гор.

Помимо ценности сведений, сообщаемых М. Е. Массоном, нельзя не отметить и того, что автор использовал все виды источников, проявив при этом столь свойственную ему огромную эрудицию. Однако, когда достоинства книги неоспоримы, ряд ее недостатков невольно вызывает чувство досады.

Первым и самым серьезным из этих недостатков является то, что самая поздняя работа, на которую ссылается автор, относится к 1939 г., в то время как рецензируемая книга вышла в свет в 1953 г. Могут сказать, что в пунктах, обследованных М. Е. Массоном, за эти 14 лет не производилось археологических работ. Однако за эти годы были проведены большие работы в близлежащих районах, культурно и исторически тесно связанных с древним Ахангераном. Здесь прежде всего следует упомянуть о работах А. И. Тереножкина на трассе Ташкентского канала, результаты которых были им опубликованы³ и впоследствии использованы в защищенной им диссертации⁴, с которой автор не мог не быть знакомым. Изделия из бронзы с Ташкентского канала, бронзовые уникальной формы браслеты из курганов в районе Чирчика⁵, наконец, найденный еще в 1898 г. так называемый Чимбайлынский клад, в составе которого, помимо изделий из бронзы, имелся бронзовый слиток весом в 577 г. — все эти факты, если бы они были использованы автором, позволили бы ему более определенно высказаться в пользу местного происхождения бронзовых крючков с Дальверзинского канала и ножа из кишлака Долона в Карамазарских горах (стр. 12). С другой стороны, автор не оговаривает возможности не местного происхождения описываемого им бронзового кинжала с Дальверзинского канала (рис. 3), в то время как кинжал этот очень походит на бронзовые мечи из ю.-в. Закавказья⁶. Описание и характеристика курганных погребений могильника около Той-Тюбе безусловно выиграли бы от привлечения автором данных по раскопкам курганов с погребальной ямой и ведущим в нее дромосом, расположенных на территории Ташкентской области по среднему течению р. Сыр-Дары⁷. В этой же связи интересно было бы упомянуть о работах по археологическому надзору на Фархадстрое и, в частности, о раскопках могильника Ширин-сая⁸. В целом невольно создается впечатление, что работа, написанная до 1939 г., вышла в свет в 1953 г. без всяких поправок.

Можно упрекнуть автора и в том, что он рассматривает археологические памятники Ахангерана изолированно, не пытаясь сопоставить их с одновременными им памятниками других областей Средней Азии. Так, например, сопоставление находок эпохи бронзы с аналогичными находками в Казахстане, Киргизии и Узбекистане позволило бы сказать, что во II тысячелетии до н. э. древний Ахангеран входил в зону распространения археологических культур так называемого андроновского типа.

Интересно было бы также учесть для более позднего времени работы Семиреченской и Хорезмской археологических экспедиций.

Несколько замечаний частного характера.

О городище Ургаз-Караташ, расположенному в горах к югу от Теляу на обрывистой площадке, доступной лишь с западной стороны и как раз в этом месте защищенной стеной из больших плит известняка, автор пишет: «...допустимо считать, что его могло создать земледельческое родовое общество по крайней мере II или I тысячелетий до н. э.» (стр. 15). При этом тут же указывается, что «никаких предметов материальной культуры на поверхности городища найти не удалось; только поднял кусок утолщенной глиняной ручки от большого кувшина, приспособленного для ношения воды на плече. Фрагмент этот можно отнести к последним векам, предшествовавшим арабскому завоеванию, тогда как городище, вероятно, функционировало и значительно раньше» (стр. 15). Последнее утверждение не подкреплено, таким образом, никакими доказательствами. Если же М. Е. Массон полагает, что доказательством столь ранней даты существования Ургаз-Караташа является самый вид укрепления, то можно заметить, что известно городище такого типа на северном мысе возвышенности Бутен-тау, которое, действительно, датируется второй половиной I тысячелетия до н. э. (но не II тысячелетием до н. э.); с другой стороны, на одном из мысов Устюрта в северной части уроцища Ербурун обнаружено укрепление с такой же стеной, датируемое XII—XIII вв. Таким образом, нам представляется, что датировка городища Ургаз-Караташ нуждается в уточнении.

Далее: на стр. 17 автор определяет возраст большинства муг-ташей в 2000 лет, основываясь на находках там сосудов с ручками в виде примитивных фигурок баранов. Этот довод не вызывает сомнений, ибо такие сосуды действительно являются датирую-

³ А. И. Тереножкин, Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, «Известия УзФАН СССР», 1940, № 9.

⁴ А. И. Тереножкин, Согд и Шаш (опыт археологической периодизации), Л., 1948.

⁵ М. Э. Воронец, Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР, Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. I, 1948.

⁶ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 82—83.

⁷ А. И. Тереножкин, Согд и Шаш, ч. II, гл. III (рукопись).

⁸ В. Ф. Гайдукевич, Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг., «Краткие сообщения ИИМК», XIV, 1947, стр. 92—105; его же, Керамическая обжигательная печь. Мунчак-тепе, «Краткие сообщения ИИМК», XXVIII, 1949, стр. 77—82.

оцими. Однако, когда автор, говоря о найденном там металле, пишет: «Из металлических изделий изредка встречаются небольшие железные, а отчасти медные или бронзовы предметы» (там же), причем рассматривает эти «данные» вкупе с данными об указанных сосудах и на основе всего этого делает вывод о дате, читатель невольно испытывает чувство удивления.

В заключении на стр. 113 автор пишет по поводу городища Канка: «Он (город.—И. И.) сложился уже до VIII века, и, возможно, его «цитадель» была первоначально ядром города рабовладельческой формации» (стр. 113). И дальше: «Наличие относительно большого числа на поверхности фрагментов керамики IX—XI вв. и монетные находки X в. позволяют считать, что расцвет Канка приходится именно на этот период» (стр. 113—114). В последнем случае имеется в виду, видимо, не расцвет городища Канка вообще, а расцвет средневекового Канка, так как его ранние слои остались неисследованными и судить о размерах и значимости городища в рабовладельческий период автор не мог.

На той же стр. 113 автор пишет, что «...намечающаяся теперь граница между этими двумя областями (Шашом и Илаком.—М. И.) проходит теперь восточнее Канка». Непонятно, на чем основано это утверждение, противоречашее точке зрения А. Ю. Якубовского, согласно которой область Илака «...охватывала... отчасти левобережье Чирчика»⁹. В рецензируемой книге граница эта помещена восточнее (стр. 33, рис. 23).

В работе имеются редакционные промахи, неудачно построенные фразы, которые могут привести к неправильному толкованию мысли автора. Так, например, на стр. 122 говорится: «...месторождение оgneупорной каолиновой глины было известно уже по крайней мере 2000 лет назад, на что указывают сосуды, сделанные из нее без гончарного круга и встречающиеся в курганных погребениях первых веков до и после начала н. э.». Бряд ли автор считает, что 2000 лет назад гончарный круг в Средней Азии был неизвестен, однако его можно понять именно так.

К числу недостатков книги следует отнести чрезмерное пристрастие автора к «среднеазиатской» терминологии. Так, например, на стр. 95 читаем: «Подъемный материал цитадели содержит по преимуществу фрагменты разнообразной керамики X—XII вв. Они дают представление об обычном средневековом домашнем инвентаре, состоявшем из хумов, куза, глиняных казанов, глазурованной посуды, разноцветной стеклянной утвари, симобузача, мангалов и т. д.». Мангаль, поскольку мне известно, это не вид посуды, а вид очага, а вот назначение сосудов под названием «симобузача» остается для читателя загадкой на протяжении всей книги и лишь на 116 стр. автор объясняет, что в данном случае имеются в виду сфероконусы.

Пользование книгой было бы значительно облегчено, если бы примечания были подстрочными, а карта-схема современной долины Ангрена (рис. 10) и карта Ахангерана X в. (рис. 23) были даны в конце книги.

Следует, однако, подчеркнуть, что все указанные недостатки ни в коей мере не умаляют научной значимости книги и могут быть легко устранены при ее повторном издании. Книга М. Е. Массона является ценным исследованием, освещющим историю одной из важнейших экономических областей Средней Азии — древнего Илака.

М. Итина

Академия наук Таджикской ССР. *Известия Отделения общественных наук*. З. Материалы по истории, археологии и этнографии Таджикистана и Средней Азии. Сталинабад, 1953.

Рецензируемый сборник подготовлен к печати Отделением общественных наук Академии наук Таджикской ССР и включает статьи по археологии и этнографии Таджикистана и Средней Азии. В сборнике публикуются новые материалы, представляющие значительный интерес, в частности для этнографов.

Статья М. С. Булатова «О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии» посвящена исследованию бухарской архитектурной школы, выработавшей определенные приемы архитектурного пропорционирования, наиболее ярко выраженные, по мнению автора, в двух памятниках IX—X вв.: мечети Деггарон в селении Хазара и мавзолее Исмаила Самани в северной части Бухары. Автор вскрывает характерные особенности этих двух памятников монументального зодчества Средней Азии и отмечает, что эти сравнительно близкие по времени сооружения отражают различные композиционные приемы: в одном случае арочно-купольная система на столбах, в другом — сводчато-купольная композиция на мощных стенах. Обе эти системы существовали в Средней Азии со времен глубокой древности.

Исследуя эти памятники и анализируя соразмерность основных членений и их объемно-пространственные решения, автор показывает, что зодчие бухарской школы периода IX—X вв. обладали весьма значительными знаниями и навыками в строительном деле и творчески использовали архитектурные традиции предшествовавших эпох, уходящие своими корнями в среднеазиатскую античность. Интересна мысль автора о том, что в эпоху Саманидов еще не было разделения труда между зодчим-строителем и художником-декоратором. Автор делает этот вывод на основании того, что «декоративная облицовка мавзолея Саманидов органически связана с конструкцией стен и осуществлялась одновременно с их кладкой» (стр. 10).

⁹ «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 225.

В статье Б. А. Литвинского и О. И. Исламова «О некоторых орудиях и приемах средневековых рудокопов Средней Азии» публикуются данные об инструментах, в разное время обнаруженных геологами в старинных выработках и относящихся главным образом к эпохе средневековья. Авторы дают описание железных кирки и клина — орудий, служивших для отбивания породы, и рассказывают о способах их применения. Рассматриваются способы освещения рудников при помощи глиняных светильников различных форм, а также каменных, чугунных и бронзовых светильников, способы рудоподъема, спуска и подъема рудокопов. Авторы освещают вопрос о технике золотодобычи в средневековье. Останавливаясь на приемах и методах поисков полезных ископаемых, авторы отмечают их совершенство для того времени, большие масштабы старинных выработок и других следов горнорудной деятельности в средневековой Средней Азии. К сожалению, авторы недостаточно используют в статье сравнительные этнографические материалы. Между тем привлечение этнографических данных по орудиям труда и различным видам ремесленного производства и строительной техники у народов Средней Азии помогло бы в ряде случаев полнее осмыслять и правильнее понять технологию, назначение и способы использования тех или иных найденных предметов.

Статья Е. А. Давидович «Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов» посвящена составу семи кладов медных монет (пять ангренских, один ташкентский и один самаркандский) и является первым опытом конкретного изучения медного чекана конца XV — начала XVI в. Анализ этих кладов позволяет автору расширить круг материалов для изучения одного из наиболее исследованных вопросов экономики средневековой Средней Азии — истории денег и денежного обращения. Автор особенно подчеркивает тот факт, что ежегодная смена чекана на монетах и запрет обращения монет старого чекана обогащали правителей за счет ограбления трудящегося населения.

А. Н. Писарчик и Б. Х. Кармышева в статье «Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области» дают обзор экспедиционной этнографической работы Института истории, языка и литературы Академии наук Таджикской ССР, начатой в 1948 г. с рекогносцировочного обследования наименее изученной Кулябской области. Этнографическая экспедиция продолжила свою работу и в 1949 г., уделив большое внимание сбору материалов по этническому составу населения и расселению отдельных этнических групп в Кулябской области как в дореволюционный период, тац и в настоящее время. Одновременно экспедиция проводила сбор общих сведений по культуре и быту обследуемых групп населения.

Авторы наиболее подробно останавливаются на характеристике этнического состава населения области и дают схематическую карту расселения в дореволюционное время. Основную массу населения области составляли и составляют таджики. Авторы приводят исторические сведения и предания о передвижениях таджиков, местах обитания их на территории области в разные исторические эпохи, отмечают, что в советское время в связи с интенсивным освоением ранее заболоченных земель процесс переселения как таджиков, так и узбеков из горных районов, а также из других областей республики усилился.

Авторы выделяют среди населения Кулябской области, кроме таджиков, две группы тюркоязычного населения: доузбекских турко-монгольских пришельцев — «турков», карлуков, мугулов и предположительно меришков, и племена дашти-кипчакских узбеков — семизов, кесамиров, локайцев, катаганов (пришедших в бассейн верхнего течения Аму-Дарьи в начале XVI в.), кунградов, баташи и каучинов (переселившихся в Кулябскую область недавно). Большой интерес вызывает анализ состава доузбекского тюркоязычного населения области (турки, карлуки и мугулы) и особенно требующие дальнейших доказательств предположения о том, что часть населения области, известная под именем «турк» (стр. 79), является потомками турков времен западнотюркского каганата (VI в.) и что карлуки — это «вероятно потомки карлуков — выходцев из Алтая, которые уже в начале VIII в. жили на берегах Аму-Дарьи и известны под названием тохаристанских карлуков» (стр. 81). Авторы рассматривают процесс национальной консолидации таджикского народа, на примере населения Кулябской области показывая участие в этом процессе разных этнических элементов, в том числе и «турков», вопрос о которых в статье разобран наиболее полно. Исходя из материалов, полученных экспедицией, авторы пишут, что в настоящее время «большая часть турков Кулябской области говорит между собой по-таджикски и многие из них совсем не знают узбекского языка» (стр. 80), что здесь «произошло завершение процесса ассимиляции с таджиками небольших групп турков, которые превратились в таджиков рода тюрк» (стр. 81), включившись таким образом в состав таджикского народа.

Приведенный авторами материал представляет значительную ценность для дальнейшей разработки вопросов истории таджиков и других народов Средней Азии. Некоторая схематичность в изложении объясняется не только размерами статьи, но и главным образом тем, что разработка указанных вопросов еще только начата. Нельзя, однако, не отметить, что в статье имеются неточности, которые авторам необходимо исправить в их будущей работе.

К статье приложена «Схематическая карта дореволюционного расселения народностей на территории современной Кулябской области» (стр. 76). Этот заголовок свидетельствует о том, что авторы имели в виду показать состав населения по народностям. Однако в условных обозначениях к карте, а также в тексте, наряду с таджиками, составляющими часть таджикского народа, перечисляются различные этнические группы, которые именуются то просто по этнонимам (карлуки, локайцы, кесамиры и др.), то

«группы тюрко-монгольских и других племен и народностей» (стр. 78), то «туркоязычное население» (стр. 79), то «туркские народности» (стр. 81), то «этнические группы» (стр. 73, 74, 97) и т. д. Рассматривая данные о происхождении «турков» и их ассимиляции с таджиками, авторы пишут, что группа населения, называющая себя «турк», «является, повидимому, наиболее старой среди тюрко-монгольских племен Кулебской области» (стр. 73), что к «группе узбекских племен, составляющих наиболее многочисленную группу среди узбеков Кулебской области, относятся узбеки племени локай» (стр. 83), что катаганы Кулебской области — это «представители многочисленного узбекского племени», переселившегося из Афганистана во второй половине XIX в. (стр. 85; разрядка всюду наша.— С. Р.). Приведенные данные правильны, однако на карте как эти, так и другие этнические группы населения фигурируют в качестве народностей. Отсутствие четкого разграничения различных этнических категорий не может не вызвать недоумения читателя.

В других разделах работы авторы довольно подробно описывают некоторые моменты, характеризующие социальный строй таджиков, дореволюционный хозяйственный уклад населения области, жилище, брачные отношения и т. д. Приведенные материалы интересны и новы, однако следует отметить, что в работе описание преобладает над исследованием. Во многих случаях нет даже попытки указать на социальное значение того или иного описываемого явления, показать его значение в прошлом и роль его пережитков в настоящее время. Нельзя также не отметить, что при изложении фактического материала крен сделан в сторону показа дореволюционного прошлого. Материал, характеризующий современное состояние хозяйства, культуры и быта населения Кулебской области, представлен в статье совершенно недостаточно.

З. А. Широкова в статье «Архаические детали в женской одежде горных районов Кулебской области» дает характеристику коллекции одежды таджиков Кулебской области, собранной в 1948—1949 гг. этнографической экспедицией Института истории, языка и литературы Академии наук Таджикской ССР. Из всей коллекции автор выделяет два женских и одно детское платье, приобретенные в кишлаках Кшиндара и Джаузодара Муминабадского района, и два женских платья, приобретенные в кишлаках Амроу Дараи Калот Сари-Хасорского района. Давая подробное описание этих платьев, автор отмечает, что они сохранили архаические детали в покрове ворота со сборками на плачах и в вышивке своеобразным орнаментом, выполненным особой техникой.

Автор указывает, что описанные экземпляры женских платьев, сохранивших архаические черты в покрове ворота, являются последними уцелевшими образцами покрова, когда-то очень распространенного не только в горах, но и на равнине. Автор коротко останавливается на расположении вышивки на платьях, характеристике орнамента и его смыслового содержания.

Статья М. Рахимова «Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулебской области» содержит подробные данные о похоронных обычаях и обрядах таджиков не только Кулебской области, но и других районов и областей Таджикистана. М. Рахимов прослеживает обрядность, связанную с приближением смерти, с моментом смерти и с погребением, детально описывает поминальные обряды и обычай. Автор правильно отмечает, что в дореволюционное время соблюдение традиционных обычаяев, связанных со смертью и похоронами, являлось наиболее частой причиной разорения не только бедняцких, но и середняцких хозяйств. Он подчеркивает, что и в советское время «у некоторой наиболее отсталой части населения эти обряды продолжают еще иметь место и наносят семьям умерших значительный материальный ущерб» (стр. 108). Поэтому можно согласиться с автором в том отношении, что собранный им материал, давая конкретные сведения об обычаях и обрядах, с которыми нужно вести борьбу, представляет не только научный, но и практический интерес.

Следует приветствовать то обстоятельство, что автор сделал попытку выявить существующие у таджиков пережитки древних религиозных представлений доисламского происхождения и обычаяев, связанных с мусульманскими верованиями. Автор, однако, совсем не обратил внимания на то, что приведенные им материалы содержат интересные данные для характеристики социальных отношений у таджиков в прошлом, а также факты из области семейных отношений, восходящие еще к родовым порядкам (например, выход замуж вдовы за брата покойного мужа и т. п.). Последнее говорит о том, что автор, уделив большое внимание описанию этнографических фактов, недостаточно проанализировал собранные данные.

Почти не затронутой в литературе и крайне мало исследованной области жизни таджикского народа посвящена статья Н. Х. Нурджанова «Танцы таджиков Кулебской области». Как указывает автор, данная статья является частью его кандидатской диссертации «Истоки народного театра у таджиков (по материалам Кулебской области)» и основана преимущественно на полевых сбоях 1948—1950 гг. Присоединившись к классификации таджикских танцев, сделанной Г. Валаматзаде и М. П. Троянским, наметившими три основных типа танцев, связанных с разными периодами истории таджикского народа, автор останавливается лишь на характеристике разнообразных бытовых танцев. Дав подробное описание их, Н. Х. Нурджанов указывает, что истоки этих танцев восходят к глубокой древности, что они связаны с семейными и общественными праздниками и являются одним из основных и наиболее развитых жанров народного театра таджиков Кулебской области.

Автор подразделяет бытовые танцы на несколько групп: танцы и пантомимы, основанные на подражании животным и птицам, танцы, воспроизводящие процессы труда,

танцы с музыкальными инструментами, шуточные танцы и другие. Нам представляется, что данная автором классификация вполне обоснована и может быть введена в научный оборот. Для изучения искусства таджикского народа статья Н. Х. Нурджанова представляет большой научный интерес; приводимые им материалы могут быть с успехом использованы в практике профессионального и самодеятельного театрального искусства.

В отделе хроники рецензируемого сборника приведены небольшие обзоры Б. А. Литвинского «Полевые археологические работы Согдийско-таджикской археологической экспедиции 1952 г.» и Ю. А. Шибаевой «Поездка к мургабским киргизам».

В целом третий выпуск Известий АН Таджикской ССР содержит богатый фактический материал по истории, культуре и быту таджикского народа и свидетельствует о большой и плодотворной работе научного коллектива историков, археологов и этнографов Таджикистана. Однако хотелось бы, чтобы этиографы Таджикистана, наряду с изучением прошлого (что, несомненно, имеет огромное значение как для правильного освещения истории таджикского народа, так и для понимания еще сохраняющихся пережиточных явлений), больше внимания уделяли изучению и освещению в своих работах современного быта и культуры населения Таджикистана.

С. П. Русаякина

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Дж а ф а р Х а й я т. *Иракская деревня*. Сокращенный перевод с арабского Н. И. Прошина и В. Э. Шагаль. Под редакцией и со вступительной статьей П. В. Милоградова, М., 1953.

Современная культура и быт арабов Ирака почти не освещены в этнографической литературе, а в русской этнографической литературе не освещены совсем. Поэтому большую ценность представляют даже отдельные этнографические данные, содержащиеся в новых работах по экономике, географии или истории Ирака. К числу таких работ относится и рецензируемая книга. Читатель найдет в ней некоторые сведения о занятиях населения, сельскохозяйственных орудиях, жилищных условиях иракского крестьянства. Представляют этнографический интерес замечания автора о народном образовании и здравоохранении, положении женщины, религиозных предрассудках и некоторые другие.

Ирак — одна из арабских стран Передней Азии, являющаяся полуколонией английского империализма. Географическое положение и нефтяные богатства делают Ирак важным объектом захватнической политики империалистических держав. Командные высоты в экономике Ирака захвачены иностранным, главным образом английским капиталом. За последнее время в экономику Ирака проник капитал США.

Удостоенная в 1949 г. премии Иракской Академии наук и напечатанная в 1950 г. в Бейруте работа иракского ученого Джадара Хайята содержит богатый материал, характеризующий пагубные последствия хозяйствования империалистов в полуколониальном Ираке. Работая в органах просвещения и учительствуя в различных сельских школах Ирака, автор близко познакомился с условиями жизни сельского населения южных и северных провинций страны. Это дало ему возможность показать на большом фактическом материале крайне низкий уровень развития сельского хозяйства Ирака и бедственное положение иракской деревни.

Почвы Ирака отличаются исключительным плодородием. Народ Ирака по этому поводу сложил поговорку: «Пощекочет плуг землю — и она рассмеется урожаем» (стр. 24). Климат Ирака также благоприятен для развития сельскохозяйственных культур — финиковой пальмы, зерновых, табака, хлопчатника, оливкового дерева и других. Тем не менее в Ираке, общая площадь которого составляет около 452 тыс. км², обрабатывается лишь 121 тыс. км², а иракский крестьянин голодаает.

Причины такого положения автор видит в низком уровне сельскохозяйственной техники и ирригации. Ирригационные сооружения в районах поливного земледелия полностью заброшены, плотины, отводные каналы и другие сооружения пришли в полнейшую негодность. На крайне низком уровне находится уход за землей, в частности ее удобрение. Иракский крестьянин «совершенно не знаком с системой удобрения земли. Он не знает, как сохранить плодородие почвы, что нужно делать, чтобы увеличить урожайность» (стр. 32). Как и в прошлые века, крестьянин убирает урожай дедовскими и прадедовскими орудиями, не очищает от сорняков посевной материал. «По сей день в земледелии — в пахоте, в орошении, в удобрении, в сортировке семян, в сборе урожая, в борьбе с болезнями растений — и в животноводстве применяются чрезвычайно отсталые методы и орудия, передаваемые из поколения в поколение» (стр. 32).

Автор не замечает, однако, что техническая отсталость сельского хозяйства Ирака сама по себе требует объяснения. Он не связывает ее с тем отмечаемым в работе фактом, что большая часть сельскохозяйственных земель, особенно на юге и в центре страны, находится во владении крупных помещиков, сдающих свои земли в аренду безземельным и малоземельным крестьянам. Между тем автор сам указывает, что законы, изданные в годы английской оккупации, «закрепили существовавшее распределение земель, находящееся в противоречии как с интересами крестьянства, так и страны в целом», и что, «пользуясь безземельем крестьян, крупные помещики превращают многих из них в средневековых рабов» (стр. 35).

Доля крестьянина-арендатора в урожае зависит «от установленных традиций и сложившихся взаимоотношений между землевладельцем и крестьянином» (стр. 36). В разных районах страны эта доля различна, но в общем крестьянин всегда получает меньше словесные урожая. Как видно, «сложившиеся взаимоотношения» представляют собой систему изольной феодальной эксплуатации крестьян, которая, как пишет сам Джраф Хайят, «является пережитком средневековья» (стр. 37).

Результатом является ужасающая нищета иракского крестьянина. По словам автора, «нищету иракского земледельца можно сразу определить по его внешнему виду, по состоянию его жилища, которое в большинстве сельских районов представляет собой жалкую лачугу из камыша или другого подобного материала» (стр. 43). Такое жилье состоит из одной комнаты без окон, в которой сплошь да рядом помещаются семья и часть домашних животных. 70% своего жалкого дохода крестьянин расходует на питание и лишь 30% — на одежду, жилище и другие нужды. По подсчетам автора крестьяне получают немногим более половины того количества продуктов, которое им необходимо для питания.

Говоря об общественных и семейных отношениях в иракской деревне, автор отмечает, что для современного иракского сельского общества характерно сложное переплетение феодальных отношений с элементами отношений, свойственных для родовой землемельческой общине.

Особое внимание автор уделяет тяжелому положению крестьянской женщины. «Положение женщины, — пишет Джраф Хайят, — ужасно во всех отношениях... Женщине, особенно в племенах юга, приходится выполнять работы и нести бремя более тяжелое, чем мужчине. Она помогает своему супругу в обработке земли, в сборе урожая, в обмолоте его, она же очищает землю и пропалывает посевы и т. п. ...Она доит коров, дает им корм, очищает загон, идет за дровами, неся за плечами своего ребенка, если она кормящая мать» (стр. 55—56). Муж нередко жестоко избивает жену, в любой момент он может дать ей развод и выгнать ее из своего дома.

Здравоохранение в иракской деревне фактически отсутствует. В деревнях широко распространены инфекционные и социальные болезни (трахома, туберкулез, венерические заболевания, малярия и др.). Известно, пишет автор, что в Ираке ежегодно умирает от малярии около 50 тыс. человек. Наибольший процент заболеваемости малярией падает на иракскую деревню, так как основная часть врачей сосредоточена в городах и крупных населенных пунктах. В 1944 г. во всем Ираке насчитывалось 619 врачей (включая работающих на дому), а это означает что один врач приходился на 8077 человек.

На очень низком уровне находится школьное образование. 80% всех детей в Ираке не посещают школы. Этот процент значительно выше процента непосещаемости школ в других арабских странах.

Естественным следствием почти поголовной неграмотности иракских крестьян является широкое распространение религиозных суеверий. Население верит в колдовство, в ходу заговоры и амулеты, господствуют всяческие предрассудки. К сожалению, автор не останавливается на вопросе об использовании религии империалистами и правящей верхушкой страны в целях удержания народных масс в подчинении. Известно, что религиозные устои тщательно поддерживаются правительством Ирака: так, например, еще в 1935 г. в Ираке был издан закон, предусматривающий уголовное наказание за нарушение поста рамадан.

Работа Джрафа Хайята пронизана стремлением показать голодную, тяжелую, забитую жизнь иракского крестьянства. Она содержит богатый материал, дающий яркое представление об ужасающей нищете народа. Однако, давая в целом правильную и объективную характеристику современного состояния сельского хозяйства и положения крестьян Ирака, автор далеко не всегда правильно устанавливает причины описываемого им положения. Он рассматривает состояние иракской деревни в отрыве от общего состояния страны, в отрыве от состояния промышленности, без учета колониального положения Ирака. Автор, как правильно отмечается в предисловии к работе, проводит мысль, что Ирак якобы стал независимым государством уже со временем установления в стране конституционно-монархического строя. Он обходит молчанием тот факт, что империалисты держат в своих руках все ключевые позиции в экономической и политической жизни страны, захватили не только иракскую нефть, но и иракские финики, зерновые культуры и т. д., господствуют на иракском рынке и через посредство местных помещиков, купцов, ростовщиков жестоко эксплуатируют иракское крестьянство.

В ряде мест работы тяжелое положение крестьян автор объясняет не существующими социально-экономическими условиями, а природными условиями и характером населения. «Невежество и низкий жизненный уровень, — пишет Джраф Хайят, — изуродовали психологию сельских жителей: они не способны понять значение мероприятий правительства, которые проводятся в интересах деревни...» (стр. 59). Тяжелое экономическое положение иракского крестьянина автор объясняет не только применением отсталых методов хозяйствования, но и мнимой небрежностью и ленью самого крестьянина (стр. 33). Таким образом получается, что не в колониальном гнете и феодальном аграрном строе, а в самом крестьянстве кроются причины нищеты и отсталости деревни.

Джраф Хайят, становится особенно нерешителен, когда переходит к характеристике мероприятий, которые, по его мнению, необходимо провести для возрождения иракской деревни. Признавая, что «основной причиной отсталости является общее

положение в стране, обусловленное большим числом разнообразных взаимозависимых обстоятельств», и что «нынешнее положение создано господствующими в земледелии страны порядками» (стр. 33), автор указывает, что для изменения существующего положения «необходимо провести хотя бы небольшие преобразования» (стр. 33).

Джафар Хайят предлагает улучшить состояние сельского хозяйства путем максимального использования достижений науки: научить крестьянина сохранять плодородие почвы, правильно вспахивать землю и т. п., организовать сбыт сельскохозяйственных продуктов, улучшить ирригацию страны, увеличить число железнодорожных, сухопутных и речных линий, перевести кочевые племена на оседлость, электрифицировать деревню. Важнейшие мероприятия по основному вопросу землевладения и землепользования сводятся автором к изменению системы налогового обложения в целях ограничения размеров земельной собственности и к запрещению раздела земельных участков размером до 100 мушаров¹, т. е. фактически к защите кулацкого и среднефеодального землевладения. Джадар Хайят не предлагает даже таких элементарных реформ, как, например, снижение арендной платы и вообще облегчение арендных условий, не говоря уже о более решительных земельных реформах.

Один из крупнейших недостатков рецензируемой работы — отсутствие в ней показа той борьбы, которую ведет иракское крестьянство за улучшение своей жизни. Известно, что в борьбе трудящихся Ирака против империалистов и местных поработителей выступает также и многочисленная крестьянская беднота, однако в книге Джадара Хайята об этом не говорится ни слова. Ни слова не сказано и о тех прогрессивных силах Ирака, которые под руководством коммунистической партии возглавляют усилившееся после второй мировой войны рабочее движение и антифеодальное движение крестьян; ничего не сказано о борьбе иракского народа против колониального порабощения, за мир и демократические преобразования.

Рецензируемая книга не дает полного представления о положении иракского крестьянства. Тем не менее Издательство иностранной литературы сделало полезное дело, познакомив советского читателя с этой книгой. Русский сокращенный перевод работы Джадара Хайята сопровождается вступительной статьей П. В. Милоградова, которая восполняет основные пробелы, сообщая читателю необходимые дополнительные сведения о современном положении Ирака и иракской деревни.

Т. Аристова

НАРОДЫ АФРИКИ

Victor Ellenberger. *La fin tragique des Bushmen. Les derniers hommes vivants de l'âge de la pierre*. Paris, 1953.

Книга В. Элленбергера отличается от подавляющего большинства этнографических работ современных буржуазных ученых тем, что она проникнута чувством горячей симпатии к описываемому угнетенному народу, признанием за ним всех прав на место в ряду народов мира, любовным описанием положительных сторон культуры бушменов — их художественной одаренности, любви к родным местам и к своему народу, мужественной борьбы за независимость.

Автор — миссионер французской протестантской церкви, родился и провел 32 года в Басутоленде. Его отец, Д. Ф. Элленбергер, также миссионер, прожил большую часть жизни (40 лет) в этой стране и описал ее народ в книге «История древних и современных басуто» (1912). Автор рецензируемой работы уже опубликовал несколько книг: «На высокогорьях Лесуто» (1930), «Селло или жизнь паства мосуто» (1936), «Тебого или жизнь девушки мосуто» (1952). В. Элленбергеру принадлежит и перевод на французский язык книги писателя мосуто Т. Мофуло «Чака — эпopeя народа бантус». Таким образом, автор рецензируемой книги — большой знаток народов Басутоленда и всей Южной Африки, владеющей языком сесуто.

Не в пример другим авторам-миссионерам Элленбергер прямо указывает, что виновниками гибели бушменского народа являются «белые цивилизаторы», колонизаторы. В. Элленбергер неприкрыто описывает жестокости и насилия буров и англичан, этапы постепенного истребления бушменов в Басутоленде. Как подобает миссионеру, автор признается, что его интерес к судьбе бушменского народа определяется не столько стремлением раскрыть истинные причины его гибели и тем подготовить материал для суда истории, сколько «беспрдельной жалостью к страданиям и агонии маленького народа». Однако автор, к его чести, не ограничивается жалостью. «Если бы бушмены, — пишет Элленбергер, — принадлежали к какой-либо другой расе, а не к той, которая обычно подвергается презрительному осуждению и злобному поношению, то все несправедливые обвинения, которые взваливали на их спину, перенесенные ими бедствия и страдания, их мужество, неустранимость и неукротимый дух, проявленные ими в длительной, хотя и безнадежной борьбе, которую они продолжали вести, когда на них ополчились представители других рас, смотревшие с вожделением на их страну и жаждавшие их крови, — все это, несмотря на эксцессы, в которые их втягивали, несомненно заставило бы даже их врагов признать бушменов героями и патриотами» (стр. 248).

* 1 мушар равен 0,25 га.

Элленбергер поставил своей задачей собрать все возможные данные по истории бушменского народа и проследить ее основные этапы от древнейших времен до наших дней. Он привлек для этого антропологические, археологические и лингвистические данные, этнографические сообщения первых европейских исследователей. Главное внимание автор посвящает последнему периоду пребывания бушменов в Басутоленде. Описывая культуру бушменов, автор особенно подробно останавливается на искусстве — наскальной живописи и гравировке, которые он безоговорочно приписывает бушменам, хотя приводит соображения относительно палеолитического возраста этих памятников в области Драконовых гор. С этим связана серьезная ошибка автора, который считает бушменов сохранившимися до наших дней людьми каменного века и рассматривает как одно целое искусство палеолитических предков бушменов и современных бушменов. Разумеется, даже бушмены XV—XVII вв., а тем более второй половины XIX в., уже не были «настоящими людьми каменного века», они уже прошли длительный путь истории. Поэтому подход Элленбергера к описанию культуры бушменов совершенно неисторичен.

Автор сообщает интересные сведения о том, что отдельные памятники наскальной живописи имеют по нескольку напластований. Но, к сожалению, автор не сообщает, чем различались произведения живописи разных слоев; не сообщает он также и того, каким образом производилась им расчистка многослойной живописи.

Элленбергер проявляет беспомощность в описании общественной организации бушменов и в сравнении ее с социальным строем других африканских народов. Так, например, он, как и большинство других этнографов не-марксистов, путает племя, род и семью. Еще хуже то, что он всецело идет по следам своих предшественников — буржуазных европейских исследователей, которые видели у бушменов и частную собственность и моногамную семью. Элленбергер и не пытается опровергнуть неправильность такой интерпретации фактов.

В книге недостаточно полно изложен последний этап истории бушменов и не обрисовано их современное положение за пределами Басутоленда.

В ходе своей вековой борьбы за существование племена бушменов разделились на три группы, отличавшиеся и по диалекту и по историческим судьбам. Южная группа — на территории Капской колонии — была почти полностью истреблена колонизаторами. Северная группа, главным образом племена хейкум, ауен и кунг, сохранились на северо-востоке Юго-Западной Африки, но в большой мере смешались с готтентотами. Они работают пастухами и чернорабочими на фермах, влакат жалкое существование и почти не сохранили самобытной культуры. Более всего удалось уцелеть южной группе, изолированвшейся в пустыне Калахари. Здесь они занимались охотой, кончая по пустыне, и сохранили значительную самобытность. В Калахари укрылись племена нарон, таннекве, хукве, галикве, хиечваре. Однако все ухудшавшиеся условия жизни и постепенное втягивание бушменов в орбиту колониального угнетения привели их к вымиранию. Последняя перепись 1926 г. насчитывала всего около 7 тысяч бушменов. Имея в виду, что за предшествующие 13 лет (с 1913 г.) численность бушменов сократилась почти на полторы тысячи, следует предполагать, что в условиях колониального угнетения народность эта идет к окончательной гибели. Из всех африканских народов бушмены подвергаются наиболее жестокой расовой дискриминации, им отказывают в признании каких-либо человеческих прав.

Несмотря на ряд ошибок и недочетов, книга В. Элленбергера все же представляет редкое и весьма положительное явление в современной буржуазной этнографии. Большой интерес представляют собой впервые опубликованные автором многочисленные рецензии наскальной живописи бушменов. Следует пожелать, чтобы работа Элленбергера была переведена на русский язык. Эта книга, снабженная соответствующим предисловием и редакционными примечаниями, будет полезна не только этнографам и историкам первобытной культуры, но и широким кругам советских читателей.

Б. Шаревская

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Л. Маррero. *География Кубы.* Сокращенный перевод с испанского В. Я. Масюкевича. Редакция и вступительная статья И. Г. Василькова. М., Издательство иностранной литературы, 1953.

Книга кубинского географа Л. Марреро содержит в большей своей части экономико-географическое описание страны. Рассмотрение этой книги в полном ее объеме далеко выходит за рамки настоящей рецензии, предметом которой является в основном глава 8 (*«Население»*), а также материалы из других разделов, дополняющие затронутые в этой главе вопросы.

К числу положительных сторон указанной главы относится обилие цифрового материала. Марреро приводит весьма подробные данные о численности населения острова, начиная с момента его захвата испанцами, о росте городов и другие. Историко-демографические данные, собранные автором, также представляют большой интерес.

Последние по времени данные относятся к 1949 г., что вполне естественно для книги, вышедшей в свет в 1950 г. К сожалению, в примечаниях к советскому изданию труда Марреро, опубликованному три года спустя, мы не находим статистических материалов более поздних лет. Известно, например, что в 1951 г. население Кубы составляло

5,469 млн. человек¹. В книге, однако, оставлены без всяких примечаний данные 1949 г.—5,2 млн. Значительно устарели и некоторые другие цифры, приведенные не только в тексте, но также в предисловии и примечаниях. Этнический состав современного населения Кубы автор характеризует следующим образом. «Цветные» (т. е. «негры, метисы, а также выходцы из азиатских стран», стр. 81) составляют, по Марреро, 25,6%, «белые»—74,4% населения. К этой последней категории, очевидно, причисляются как потомки ранних переселенцев из Испании, так и более поздние иммигранты из Европы и Соединенных Штатов Америки. Содержание термина «белые» автором не раскрыто. Между тем более детальное изучение этой части кубинцев дает возможность внести весьма существенные корректизы к только что приведенным данным. Примерно 1/3 «белых» составляют мулаты. Следовательно, негры, вместе с мулатами, представляют собой не 25% населения Кубы (как ошибочно утверждается также и в справочнике «Страны Латинской Америки», М., 1949), а около 60%². Это — не единственный недостаток тех частей главы, где идет речь об этническом составе населения. Соответствующие разделы, как правило, изложены в книге очень неполно, отрывочно, а подчас и неверно.

В книге Марреро сообщается о трех группах коренного населения острова — гуанахатабей, сибоней и таино, приводятся краткие характеристики их культуры (стр. 82—83, 161, 200), отмечается вклад индейцев в современную культуру Кубы (тип жилищ, стр. 84; приводится ряд растений, заимствованных у индейцев еще испанцами, например, табак, стр. 185—186; дается несколько десятков слов, вошедших в испанский язык современных обитателей страны, стр. 264). Однако освещение вопроса о коренном населении обрывается на XVI в. В книге, посвященной географии Кубы, безусловно, следовало указать, что незначительное число потомков кубинских индейцев сохранилось до наших дней. Эта группа сосредоточена в муниципалитетах (*téguinos*). Хиганй, Пальма Сориано, Ятерас, эль Каней и Баракоа (провинция Орьенте). По происхождению она связана с племенем сибоней и, вероятно, в значительной степени подверглась метисации³.

Автор не ограничивается данными о коренном населении. В книге содержится и несколько упоминаний о китайцах (стр. 87, 90), но почти ничего не говорится о тяжелых условиях их труда на сахарных плантациях Кубы, о работогоровке. Не следовало бы также называть «мятежами» выступления в Китае против вербовки кули для работы на плантациях Америки и островов Тихого океана. Наиболее поздние из приведенных Марреро данных о китайцах относятся к XIX в., когда их насчитывалось на Кубе 15 тысяч. Читателю так и остается неизвестным, имеется ли сейчас на острове китайское население.

К декабрю 1941 г. в республике проживало 29 443 китайских гражданина⁴. Вероятно, эта цифра установлена до 1940 г. (с этого года все уроженцы Кубы были объявлены ее подданными), ибо, по переписи 1943 г., весьма, впрочем, неточной, китайцев в республике числилось лишь 18 931 человек. Большая часть китайского населения живет в пригородах крупных промышленных центров, занимаясь огородничеством. Часть китайцев-городян занимается торговлей⁵. По предвоенным данным, на Кубе насчитывалась 51 китайская общественная организация; в Гаване издавались 3 газеты на китайском языке, имелась Китайская торговая палата⁶.

Ничего не говорится в книге о живущих на Кубе украинцах и белорусах. Украинское и белорусское население латино-американских стран состоит в основном из иммигрантов дореволюционных лет, а также из уроженцев западных областей УССР и БССР, Буковины и Закарпатья, эмигрировавших за океан до 1939 г. Вплоть до 1953 г. в Гаване существовало «Украинско-белорусское общество культуры и отдыха». З. февраля 1953 г. оно было разгромлено так называемой СИМ (военная разведка диктатора Батисты)⁷.

Довольно много внимания уделил Марреро негритянскому населению страны. Автору следует поставить в заслугу весьма подробную разработку вопроса о численности негров на Кубе в разные периоды истории острова. Однако о том, что же такое в представлении современного кубинца означает понятие «негр» (negro), мы так и не узнаем. Считается ли «негром» только «чистокровный» негр или это название распространяется также и на мулатов? На какой стадии метисации отдаленный потомок «негра» официально признается «белым»? На все эти вопросы в книге не дается ответа.

Автор отмечает вклад негров на Кубе в современную культуру острова, видя его, однако, лишь во «введении в обиход нескольких сот слов», а также в «искажении (?) разговорного языка» (стр. 264).

Кубинские негры, как и негры других латино-американских стран, оказали заметное влияние не только на язык, но и на другие стороны культуры современной Америки.

¹ «Monthly Bulletin of Statistics», New York, UNO, 1953, No. 1—11, стр. 2. В 1953 г.—5.807 млн. (там же, № 7, 1954, стр. 2).

² L. Calderio, César Vilar y la lucha contra la discriminación racial, «Noticias de Hoy», 26. IX. 1952; см. также «Encyclopaedia Britanica», vol. 6, 1946, стр. 840.

³ A. M. Agua y U. C. de la Torre y Huerta, Geografía de Cuba, Para uso en las escuelas, La Habana, 1928, Sexta ed., стр. 135, 241.

⁴ «Encyclopaedia Britanica», vol. 6, 1946, стр. 840.

⁵ «China Yearbook — 1938/39», Chunking, 1939, стр. 143—147.

⁶ «China Yearbook — 1936/37», Shanghai, 1938, стр. 220—222.

⁷ «Noticias de Hoy», 4. II. 1953.

Трудно переоценить, например, роль негритянской музыки и танца в развитии музыки и хореографического искусства, роль негритянского фольклора в развитии народного творчества в странах Латинской Америки. Нельзя также обойти молчанием и вклад негров в латино-американскую художественную литературу и т. д.

Наконец, совершенно не освещен в работе Марреро и крайне важный вопрос о расовой дискриминации на Кубе. В этом — один из наиболее значительных недостатков его книги. Л. Марреро только вскользь упоминает о «расовом неравноправии», прибавляя тут же, что в настоящее время оно «ликвидировано в конституционном порядке» (стр. 82). В редакционном примечании совершенно правильно подчеркивается, что утверждение это неверно, что дискриминация негров на Кубе существует и поныне. Но, к сожалению, автор предисловия (он же редактор книги) И. Г. Васильков уделяет положению негритянских трудящихся всего несколько строк, содержащих, правда, ценное указание на то, что рабочие — негры и мулаты — получают меньшую заработную плату, чем «белые» рабочие. Ввиду важности вопроса о расовой дискриминации, далеко не достаточно освещенного в известных нам советских и зарубежных работах по Кубе, позволим себе остановиться на нем подробнее, используя в качестве основного источника газету Народно-социалистической партии Кубы «Нотисиас де Ой»⁸.

Конкретные условия исторического развития латино-американских стран не привели к такому чудовищному развитию расовой дискриминации, как в Соединенных Штатах Америки. Однако «цветное» население Латинской Америки отнюдь не пользуется равноправием; индейцы, негры, мулаты во всех 20 республиках от Рио Гранде до мыса Гори рассматриваются как «граждане второго сорта». Характерно в этом отношении положение негров на Кубе.

По неписанному, но строго соблюдающемуся закону, все высшие военные, государственные и административные должности в стране совершенно недоступны для негров. Среди работников генерального штаба и других руководящих учреждений вооруженных сил, на консультской и дипломатической службе, в высших судебных органах Кубы нет ни одного негра. Негры, как правило, не допускаются даже на низшие административные посты в министерствах, учреждениях провинциального масштаба и в муниципалитетах⁹.

Кубинские железные дороги, банки, централи (сахарные плантации с заводами по переработке тростника), рудники, «Компания Кубана де Электрисидад», «Кубан Телефон К°» и другие предприятия и учреждения не принимают негров на административную работу, на посты инженеров, техников, мастеров, бухгалтеров и т. д. С каждым годом увеличивается число гостиниц, ресторанов, парикмахерских, купален, доступ в которые неграм запрещен. В крупнейших ресторанах, универмагах, гостиницах Гаваны нет негров-служащих.

Расовая дискриминация негритянского населения проявляется и в области образования. Далеко не все учебные заведения принимают негров в число студентов. Негров-преподавателей на Кубе насчитываются очень немного, и труд их, как правило, оплачивается ниже, чем труд «белых» учителей.

В конституции Кубинской республики, как и в конституциях многих других буржуазных государств, имеется специальная статья, провозглашающая равенство всех граждан страны независимо от расовой принадлежности. То, что эта статья остается лишь на бумаге, вынуждено было признать и правительство Кубы, издавшее, в демагогических целях, декрет против расовой дискриминации в области труда¹⁰. Буржуазная печать безудержно рекламировала этот декрет. Учитывая приближение выборов, президент лично порекомендовал крупнейшим универмагам Гаваны 13 негритянок-продавщиц (через месяц все они были уволены).

Реакционные газеты обливали грязью единственную партию страны, последовательно борющуюся против расовой дискриминации, — Народно-социалистическую (коммунистическую) партию. Коммунистов обвиняли то в... «расизме» (!!), то в том, что они выдумывают «несуществующие проблемы». Против Народно-социалистической партии (НСП) выступили и представители негритянской буржуазии, заявляя, что деятельность партии якобы приносит вред кубинским неграм¹¹.

Но НСП успешно продолжала борьбу. Орган партии «Нотисиас де Ой» неустанно разоблачал все проявления расовой дискриминации. Народных социалистов поддерживают и поддерживают широкие слои трудящихся Кубы — как «белые», так и «негры». Среди массовых организаций, сплотившихся вокруг НСП, мы видим «Федерацию негритянских обществ», объединившую прогрессивно настроенных трудящихся негров¹². Негры Кубы входят в различные политические партии, но занимают видные партийные посты лишь в одной из них — Народно-социалистической. В числе руководителей этой

⁸ Мы располагаем номерами этой газеты с конца 1951 г. по 6 марта 1953 г. 26 июля 1953 г. газета была запрещена, а помещение ее редакции разгромлено войсками.

⁹ Blas Roca, El decreto sobre discriminación racial y las masas, «Noticias de Hoy», 17.XI.1951.

¹⁰ «Daily People's World», 28.XI. 1951; Blas Roca, La estrategia gobiernista y el decreto sobre discriminación racial, «Noticias de Hoy», 16.XI. 1951.

¹¹ L. Calderio, Указ. статья.

¹² А. Зеникова. Борьба кубинского народа против империализма США, Сб. «Народы Латинской Америки в борьбе против американского империализма», М., 1951, стр. 324.

партии негры Ласаро Пенья (бывший депутат парламента, генеральный секретарь Конфедерации трудящихся Кубы, вице-председатель Конфедерации трудящихся Латинской Америки и Всемирной федерации профсоюзов), бывший сенатор Сальвадор Гарсия Агуэро и др.

С 1940 г. партия боролась в парламенте за принятие действенного законодательства против расовой дискриминации. В 1941, 1944, 1948 гг. проекты, предложенные коммунистами, были похоронены в недрах парламентских комиссий. Но 21.XII 1951 г., при поддержке народных масс, внесенный НСП законопроект был принят палатой депутатов.

Этот важнейший документ состоит из двух разделов. Первый из них запрещает все существующие на Кубе формы расовой дискриминации. Второй раздел предусматривает создание «Кубинского института сотрудничества между расами» (Instituto Cubano de Cooperación Interracial), в исполнительный комитет которого должны войти представители крупнейших общественных организаций. Задачи института определены очень широко — от исследования причин расовой дискриминации до преследования в уголовном порядке всех нарушителей закона¹³.

Для того чтобы принятый палатой депутатов закон вступил в силу, он должен быть утвержден сенатом. Но выборы, после которых закон предстояло внести в сенат, не состоялись. В марте 1952 г. на Кубе произошел переворот Фульхенсио Батисты. В результате этого переворота, инспирированного империалистами США, положение народных масс Кубы значительно ухудшилось. Свыше 100 прогрессивных деятелей убито, более 1000 брошено в тюрьмы, НСП и другие демократические организации запрещены. Положение самой бесправной части трудящихся страны — негритянских рабочих и крестьян — стало еще хуже. Однако военная диктатура Батисты встречает все растущее сопротивление народа. Трудящиеся негры Кубы знают, что расовая дискриминация является одним из отвратительных порождений империализма, в борьбе против которого они принимают активное участие.

В настоящее время Куба представляет собой одно из наиболее зависимых от Соединенных Штатов Америки латино-американских государств. Постоянное вмешательство североамериканского империализма в кубинские дела, господство во всех отраслях экономики Кубы монополий США усиливают реакцию в стране, приводят к еще большему обнищанию ее трудящихся масс. К сожалению, эти вопросы не нашли отражения в написанной с объективистских позиций книге Марреро. Однако в редакционном предисловии приведен в этом плане значительный материал. Предисловие восполняет еще один порок книги — почти полное отсутствие в ней данных о классовом составе населения, о положении трудящихся, особенно промышленных рабочих.

Таким образом, материал о населении, содержащийся в книге Марреро, отличается полнотой лишь в статистическом отношении. Вопросы же этнического и классового состава населения, современного положения трудящихся масс не нашли в книге сколько-нибудь полного и верного отражения. То же можно сказать и о последней главе «Географии Кубы», озаглавленной «Культура» (стр. 264—268). Это беглый очерк, в основном системы образования и в некоторой степени научных и культурных учреждений страны. Если не считать кратких данных о языке, читатель ничего не узнает из этой главы о национальном своеобразии кубинской культуры, о том, что отличает культуру Кубы от культур других латино-американских стран и Испании.

Не располагая подлинником работы Марреро, трудно судить о качестве перевода. Нельзя, однако, не отметить отсутствие унификации в склонении географических названий. Не украшают книги и фразы вроде: «Другими причинами уменьшения числа жителей Кубы в этот период были также незначительное число женщин среди переселенцев в Америке и запрет на ввоз лошадей из Испании» (стр. 85).

События, происходящие на Кубе, находят освещение в нашей периодической печати. Но читатель не имеет пока возможности глубже познакомиться с населением страны, с ее бытом, культурой, освободительной борьбой. Небезинтересная как пособие по географии, книга Марреро, как мы видели, нашего читателя полностью удовлетворить не может.

А. Дридо

R. M. Underhill. *Red man's America. A history of Indians in the United States*. Chicago, 1953.

Книга содержит краткую, но живо написанную историю заселения Америки индейцами и эскимосами, этнографическую характеристику индейских групп, их историю, доведенную до конца XIX в., и, наконец, историю так называемой «индейской» политики США.

Андерхил рассказывает о том вкладе, который внесли индейцы Америки в общечеловеческую культуру. В книге приводится, например, перечень дикорастущих растений, употреблявшихся индейцами в пищу, и растений, выращивать которые индейцы стали задолго до европейской колонизации. Автор указывает, что европейские переселенцы переняли у индейцев возделывание целого ряда растений. Рассматривая в

¹³ Texto del proyecto de Ley de Educación y Sanciones contra la Discriminación Racial..., «Noticias de Hoy», 3. II. 1952.

главе «Расцвет Америки» («America blooms») состояние культурного развития индейских народов обеих Америк, автор очень бегло знакомит читателя с рядом нерешенных проблем американской этнографии, главным образом в порядке постановки вопросов: причины сравнительной культурной отсталости народов Нового света, тихоокеанские связи народов Америки, этногенетические связи ацтеков с индейцами юго-запада Северной Америки (индейцами пузбло, пима и др.). Одним из интересных вопросов американистики является проблема происхождения культуры маиса. Как известно, в этот вопрос внесли ясность работы советских ботаников, изучавших в 1920-х годах районы древнего и наибольшего распространения маиса¹. Как и большинство американских этнографов Андерхилл приводит положения, противоречащие данным советской науки, не опровергая, а попросту замалчивая последние.

Представляют интерес публикуемые в книге довольно полные статистические данные об индейском населении резерваций (на 1945 г.). Интересен опыт помещения кратких перечней важнейших элементов материальной культуры, которые подводят итог отдельным этнографическим очеркам и удобны для запоминания. Главы, посвященные этнографическому описанию индейцев, снабжены иллюстрациями и написаны в достаточноной мере популярно.

В последней главе, посвященной «индейской» политике США, материал излагается с официальной точки зрения, принятой американской буржуазной наукой. Автор книги иногда упоминает о «теневых сторонах» политики американского капитализма в отношении индейцев, но когда он касается тех проблем и вопросов, которые затрагивают наиболее существенные интересы правящих кругов США, он неизменно защищает американский капитализм, правительство США и объясняет гибельные последствия колонизаторской политики по отношению к индейцам «досадными обстоятельствами», злой волей отдельных частных лиц и т. п. Так, бесстыдное ограбление индейских племен, проведенное в конце XIX в. под предлогом приобщения индейцев к американской «цивилизации», автор называет «мудрейшим планом». Как известно, это был план настоящего ограбления индейцев, живших на отведенной для них Индейской территории. Индейские общинные земли по указу правительства США были разделены на небольшие участки и переданы индейцам в частную собственность, а «излишки», оставшиеся от этого раздела, поступили в государственный фонд и были распроданы железнодорожным компаниям, нефтяным магнатам, спекулянтам земельными участками.

Посмотрим, как освещает Андерхилл этот, один из самых позорных эпизодов в истории «индейской» политики США. «В начале этого периода индейцы владели 138 млн. акров. В 1934 г. у них было 52 млн. акров, половина которых представляла пустыню или полупустыню. Частично эти потери вызваны тем, что индейцы продавали свою землю. Они также вызывались продажей правительством излишков, оставшихся после распределения земли. Мудрейший план... спас бы эту землю или для распределения между будущими потомками, или для удержания ее в общинной собственности. Алчущие земли переселенцы сделали это невозможным. И действительно, они из 160 акров² могли извлечь гораздо больше, чем любой индеец, так как обычно имели орудия и скот, или могли их купить. Их близость к индейским фермерам не принесла того братского общения, которое рисовали себе филантропы. Наоборот, они презирали «ленивых» краснокожих, при всяком удобном случае пользовались их неведением, и это кончалось обычно продажей индейцами земли...» (стр. 331).

В этом отрывке правда так тесно переплетена с вымыслом, что трудно отделить их друг от друга. Автор старается сохранить в изложении «объективный» тон, он немедленно оставляет его, лишь только касается проблем, имеющих актуальное политическое значение.

В этом плане характерны высказывания Андерхилла по поводу допустимости представления индейцам равных с «белым» населением прав. Вопрос этот дискутировался в конце XIX в. Высказывались «серыеные предложения, чтобы индейцы консолидировались, образовав штат или союз, и были представлены в конгрессе. Можно ли было это сделать? Если бы это было сделано и если бы совместное поселение и браки между краснокожими и их соседями были разрешены, мы можем себе представить столкновение обычай, которое могло быть причиной войны между штатами. Общинная собственность! Многоженство! Происхождение и наследование собственности по женской линии! Культ войны и, более того, методы ведения войны! Все это так резко отличается от этических норм «белого», что невозможно себе представить, какой штат позволит придерживаться этих обычай. Индейцы были бы вынуждены изменять обычай, освященные временем..., и ни один народ не может проделать такой внезапный скачок без насилия» (стр. 325). Здесь обращает на себя внимание утверждение автора, будто совместное поселение и смешанные браки между индейцами и «белыми» привели бы к гражданской войне. Автору, столь хорошо знакомому с историей индейцев, лучше чем кому бы то ни было известно, что совместное поселение и смешанные браки между колонистами и индейцами были чрезвычайно распространенным явлением. К концу XVIII в. почти в каждом индейском селении восточной части страны жили англичане, шотланд-

¹ См. С. М. Букасов, Возделываемые растения Мексики, Гватемалы и Колумбии, Л., 1930.

² 160 акров — размер надела, передававшегося по закону 1887 г. в частную собственность.

цы, ирландцы; браками с дочерьми вождей они укрепляли свое положение среди индейцев. В настоящее время в Оклахоме, где числится 110 тыс. индейцев, метисы составляют значительную часть населения как в индейских деревнях, так и в городах. О степени смешения индейцев с «белыми» свидетельствуют данные американской же статистики. Так, из 5350 чикасовов Оклахомы (1944 г.) только 700 чел. числилось «чистокровными». Из 19 тыс. чоктавов «чистокровными» числятся всего 5 тыс. и т. д. Ни к каким столкновениям эти смешанные браки никогда не приводили и не могли привести.

Страх автора перед общинной собственностью вполне понятен: это — страхи частного собственника, во всем и повсюду видящего «призрак коммунизма». Наконец, говоря о культе войны и методах ее ведения, автор опять клевещет на индейцев. Обвинение по-коренного народа в кровожадности для оправдания зверств колонизаторов — довольно обычный прием. Известны многочисленные свидетельства ряда авторов, писавших о миролюбии индейцев, их готовности помочь переселенцам, их щедрости, бескорыстии. Измышления о какой-то особой жестокости индейцев, их необычайной воинственности должны были служить для умножения славы колонизаторов и оправдания их собственных зверств. Так, например, хорошо известно, что обычай скальпирования, распространенный лишь у некоторых индейских племен, поощрялся, применялся и распространялся европейскими колонизаторами. Не индейцы, неизмеримо более слабые, разобщенные, вооруженные луком и стрелами, а колонизаторы изощрялись во всевозможных жестокостях. Сожженные деревни, вытоптаные посевы, трупы стариков, женщин и детей отмечали путь колониальных войск и американских карательных отрядов на ниве «приобщения дикарей к цивилизации». Массовое избиение американскими войсками индейцев сиу, кровавая история уничтожения почти целого племени чайенов, драма, разыгравшаяся в годы «золотой лихорадки» в Калифорнии, когда были уничтожены сотни и тысячи индейцев,— об этих «методах» ведения войны автор умолчал.

Андерхил заявляет, что индейцы без нажима со стороны правительства США не могли бы совершить скачок из первобытно-общинного строя в капиталистическое общество. Но, во-первых, факты показывают, что индейцы этот скачок волей-неволей проделали и никакие резервации не могли воспрепятствовать проникновению капиталистических отношений в индейские общества. Капиталисты широко используют рабочую силу индейцев в сельском хозяйстве и промышленности как в резервациях, так и за их пределами. Во-вторых, любому школьнику легко опровергнуть автора, напомнив ему хотя бы тот общеизвестный факт, что народы советского Севера без всякого «нажима» совершили несравненно более грандиозный скачок от родового строя к социализму и в братской семье народов СССР участвуют в строительстве коммунистического общества.

Таким образом, вся «концепция» автора явственно сводится к слегка завуалированной защите политики американского капитала, направленной на ограбление и беспощадную эксплуатацию коренного населения Северной Америки.

И. Золотаревская

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ, В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» в 1954 г.

- Е. Кравец, А. Куницкий (Киев). Нерушимая дружба двух братских народов. (1), 3.
А. И. Козаченко (Москва). Древнерусская народность — общая этническая база русского, украинского и белорусского народов. (2), 3.
С. А. Токарев (Москва). О культурной общности восточнославянских народов. (2), 21.
Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 г. (4), 3.

Вопросы общей этнографии и антропологии

Новая находка мустерьского человека в СССР:

- А. А. Формозов (Москва). Стоянка Староселье близ Бахчисарая — место находки ископаемого человека. (1), 11.
М. М. Герасимов (Москва). Условия находки костей ребенка в пещере Староселье; извлечение, консервация и реставрация их. (1), 22.
Я. Я. Рогинский (Москва). Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустерьского слоя пещеры Староселье. (1), 27.
Заключение по находке ископаемого человека в пещерной стоянке Староселье близ Бахчисарая. (1), 39.
В. Белицер, Г. Маслова (Москва). Против антимарксистских извращений в изучении одежды. (3), 3.

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

- Линь Гань (Пекин). Об этногенезе дунган. (1), 42.
Б. О. Долгих (Москва). Некоторые ошибочные положения в вопросе об образовании бурятского народа. (1), 57.
В. В. Мавродин (Ленинград). К вопросу об «антах» Псевдомаврикия. (2), 32.
В. Б. Седов (Москва). Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья. (3), 12.
К. В. Сальников (Свердловск). К вопросу о происхождении аланоинской культуры (4), 11.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

- Л. Н. Терентьева (Москва). К вопросу о переходе от хуторского расселения к колхозным поселкам в Латвийской ССР. (1), 63.
Г. С. Маслова (Москва). Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды. (2), 42.
Г. С. Сухобрус (Киев). Основные черты общности русского и украинского народно-поэтическом творчества. (2), 60.
Ф. И. Лавров (Киев). Дружба русского, украинского и других народов СССР в украинском народно-поэтическом творчестве. (2), 69.
А. М. Килько (Киев). Образ Богдана Хмельницкого в народной поэзии. (2), 80.
Б. Бутник-Сиверский (Киев). Народное искусство Советской Украины. (2), 91.
М. М. Плисецкий (Ужгород). Взаимосвязи фольклора донского и запорожского казачества (К вопросу о развитии русско-украинских фольклорных взаимоотношений). (3), 19.
С. И. Вайнштейн (Кызыл). Современное камнерезное искусство тувинцев. (3), 31.
Е. Э. Бломквист (Ленинград). Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев. (4), 25.
В. В. Бунак (Москва). О задачах и плане антропологического изучения русского народа. (4), 48.
С. М. Абрамзон (Ленинград). Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия (Материалы к изучению быта киргизских рабочих). (4), 58.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- Н. А. Петров (Ленинград). Вопросы брака и семьи в новом Китае. (1), 85.
 И. Коев (София). Революционные традиции в болгарских геронических песнях (1), 97.
 Пэй Вэнь-чжун (Пекин). Изучение ископаемого человека и палеолитической культуры в Китае. (3), 38.
 О. Нагодил, Я. Крамаржик (Прага). О некоторых идеалистических течениях в чехословацкой этнографии в период 1920—1940-х гг. (4), 79.
 Л. М. Землянова (Москва). Фольклор горняков Англии. (4), 88.
 Н. А. Бутинов (Ленинград). Альберт Наматжира — художник из племени аранда. (4), 99.
 Д. Д. Тумаркин (Ленинград). К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII и начале XIX века (4) 106.

Из истории этнографии и антропологии

- М. Г. Левин (Москва). Антропологические работы К. М. Бэра. (1), 107.
 Р. Л. Харадзе (Тбилиси). Проблема грузинской семейной общинны в литературе XIX века (1), 132.
 В. Д. Бонч-Бруевич (Москва). В. И. Ленин об устном народном творчестве. (4), 117.
 Е. М. Кравец (Киев). Из истории русско-украинских связей в области этнографии в XIX веке. (4), 132.

Дискуссии и обсуждения

- Я. Я. Рогинский (Москва). К вопросу о переходе от неандертальца к человеку современного типа. (1), 143.
 К. В. Чистов (Петрозаводск). О некоторых проблемах фольклористики. (2), 105.

Народы мира (Информационные материалы)

- И. Я. Подкопаев (Москва). Прошлое и настоящее народов Индо-Китая. (3), 42.

Заметки. Сообщения. Рефераты

- А. П. Окладников (Ленинград). Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят. (1), 150.
 М. А. Гремяцкий (Москва). Разгадка одной антропологической тайны. (1), 154.
 А. Ф. Будзан (Львов). Резьба по дереву в западных областях Украины. (2), 112.
 А. С. Бежкович (Ленинград). Настенная роспись украинской хаты. (2), 121.
 В. П. Якимов (Ленинград). Проблема соотношения ископаемых людей современного и неандертальского типов. (3), 57.
 М. А. Итина (Москва). К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов. (3), 63.
 В. И. Спиринский (Ташкент). Чустская стоянка эпохи бронзы. (3), 69.
 А. В. Смоляк (Ленинград). Экспедиция Невельского 1850—1854 гг. и первые этнографические исследования XIX в. в Приамурье, Приморье и на Сахалине. (3), 77.
 Л. П. Шевченко (Киев). Социалистические преобразования в культуре и быте рабочих Кролевецкой ткацкой артели им. 20-летия Октябрьской революции. (4), 142.
 А. Я. Нуриева (Баку). Старое народное жилище Ашхерона. (4), 148.

Хроника

- В. Алексеев. Нахodka костных остатков ребенка мустьевского времени в пещере Староселье близ Бахчисарая. (1), 158.
 О. Ганцкая (Москва). Координационное совещание по согласованию научно-исследовательских планов на 1954 год. (1), 160.
 В. Анкин (Москва). Обсуждение вопросов советского народно-поэтического творчества в Московском государственном университете. (1), 161.

Гр. Стратанович (Ленинград). Новый дунганский алфавит. (1), 164.

Памяти Б. А. Куфтина. (1), 166.

Владимир Капитонович Никольский. (1), 169.

- Ф. Лавров, А. Кинько (Киев). Юбилейная сессия Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР. (2), 129.
 О. Корбе (Москва). Сессии Академии наук СССР, посвященные 300-летию воссоединения Украины с Россией. (2), 131.
 О научных результатах археолого-этнографической сессии Отделения исторических наук АН СССР (Постановление Президиума Академии наук СССР). (2), 132.
 В. Горелов (Москва). Русский историко-этнографический атлас. (2), 135.
 А. С. Куницкий (Киев). Совещание украинских этнографов. (2), 139.

- Г. П. Васильева, Т. А. Жданко (Москва). Актуальные вопросы дооктябрьской истории народов Средней Азии и Казахстана. (2), 143.
- А. Окладников, С. Абрамзон, Я. Винников, Г. Дебец. Работы Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1953 году. (2), 153.
- Б. Вамилов (Москва). Тувинский областной краеведческий музей. (2), 160.
- С. И. Вайнштейн (Кызыл). Этнографическая экспедиция Тувинского музея в юго-восточную Туву (2), 163.
- Е. Бусыгин, Н. Воробьев (Казань). Китайские коллекции в музеях Казани. (2), 169.
- П. И. Кушнер (Москва). Поездка в Чехословакию. (2), 172.
- [Евгений Михайлович Шиллинг].** (2), 177.
- Сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. (3), 83.
- В. И. Герасимова (Ленинград). Юбилейная выставка в Государственном музее этнографии народов СССР, посвященная 300-летию воссоединения Украины с Россией. (3), 94.
- Е. П. Бусыгин (Казань). Этнографические исследования материальной культуры русского населения Среднего Поволжья. (3), 100.
- Л. Н. Терентьева (Москва). Работа Балтийской комплексной антрополого-этнографической экспедиции в 1953 — начале 1954 года. (3), 106.
- О. А. Сухарева (Ташкент). Ферганская этнографическая экспедиция. (3), 111.
- А. К. Писарчик, Б. Х. Кармышева (Сталинабад). Этнографическая работа в Таджикистане в 1952—1953 гг. (3), 115.
- И. Балашша (Будапешт). Исследование новой культуры и быта в Венгрии. (3), 120.
- [Михаил Михайлович Дьяконов].** (3), 122.
- [М. М. Дьяконов].** Выступление на сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. (3), 124.
- [Дмитрий Константинович Зеленин].** (4), 157.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- А. Першиц (Москва). О некоторых недостатках учебников истории. (1), 172.
- Б. О. Долгих (Москва). Этнографические материалы в современных советских учебниках географии. (3), 129.
- М. Салманович, В. Зеленчук (Москва). Этнографическая литература о молдаванах. (3), 137.
- А. И. Собченко (Ленинград). Африка в современной американской этнографической литературе. (3), 143.

Общая этнография

- П. Борисковский (Ленинград). *П. П. Ефименко. Первобытное общество.* (1), 177.
- П. И. Борисковский (Ленинград). *М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры.* (2), 179.
- А. Першиц (Москва). Обсуждение книги М. О. Косвена «Очерки истории первобытной культуры». (2), 181.

Народы СССР

- Л. Терентьева, Н. Чебоксаров (Москва). История Латвийской ССР. (1), 181.
- В. Н. Чернецов (Москва). *С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скипское время.* (2), 183.
- Г. Ф. Дебец (Москва). *Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии.* (2), 187.
- Б. Долгих (Москва). Новая книга по истории якутского народа. (2), 190.
- В. Мавродин (Ленинград). *П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена.* (3), 153.
- В. Ю. Крупянская (Москва). *А. И. Робакидзе. Некоторые стороны быта рабочих чаттарской марганцевой промышленности.* (3), 160.
- Б. Н. Путилов (Грозный). Народное творчество Дона (3), 162.
- Л. Н. Пушкирев (Москва). Сказки Абраама Новопольцева. (3), 165.
- А. П. Смирнов (Москва). *Н. И. Воробьев. Казанские татары.* (3), 168.
- М. Сафаргалиев (Саранск). О книге Н. И. Воробьева «Казанские татары». (3), 171.
- Г. П. Васильева (Москва). *В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища.* (3), 173.
- Л. Лавров (Ленинград). *Л. П. Семенов. Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР* (3), 174.

- Б. П. Кирдан (Москва). «Народна творчість та етнографія». (4), 160.
 А. Першиц (Москва). О статье Г. Ю. Стельмаха «К вопросу о предмете этнографической науки». (4), 163.
 Р. Липец (Скопин). *Марфа Крюкова*. Беломорские былины. (4), 164.
 В. Дубинин (Ленинград). Т. В. Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии наук. (4), 166.
 Н. Савушкина (Москва). Сказки М. А. Сказкина. (4), 169.
 О. Ганцкая (Москва). Альбом «Белорусское народное искусство» (4), 171.
 М. Итина (Москва). М. Е. Массон, Ахангерац. (4), 173.
 С. П. Русаякина (Москва). Академия наук Таджикской ССР. Известия Отделения общественных наук, вып. 3. (4), 175.

Страны народной демократии

- И. А. Калоева (Москва). Новый этнографический журнал в Чехословакии. (3), 176.
 Н. Листова, С. Токарев (Москва). Сборник «Ethnographisch-archaeologische Forschungen». (3), 182.

Народы зарубежной Азии

- Т. Аристова (Москва). *Джафар Хайят*. Иракская деревня. (4), 178.

Народы Африки

- А. Першиц (Москва). Две книги о французской Северной Африке. (1), 185.
 А. С. Орлова (Москва). А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев. (3), 185.
 Б. И. Шаревская (Москва). *Victor Ellenberger*. La fin tragique des Bushmen. (4), 180.

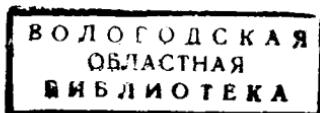
Народы Америки

- И. Золотаревская (Москва). M. Wright. A guide to the Indian tribes of Oklahoma (1), 188.
 А. Дридзо (Ленинград). *Карлос Луис Фальяс*. Мамита Юнай. (3), 187.
 А. Дридзо (Ленинград). Л. Марреро. География Кубы. (4), 181.
 И. Золотаревская (Москва). R. M. Underhill. Red man's America. (4), 184.

СОДЕРЖАНИЕ

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 года	3
Вопросы этногенеза и исторической этнографии	
К. В. Сальников (Свердловск). К вопросу о происхождении ананьевской культуры	11
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
E. Э. Бломквист (Ленинград). Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев	25
B. В. Бунак (Москва). О задачах и плане антропологического изучения русского народа	48
C. M. Абрамzon (Ленинград). Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия (Материалы к изучению быта киргизских рабочих)	58
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
O. Нагодил, Я. Крамаржик (Прага). О некоторых идеалистических течениях в чехословацкой этнографии в период 1920—1940-х годов	79
L. M. Землянова (Москва). Фольклор горняков Англии	88
N. A. Бутинов (Ленинград). Альберт Наматжира — художник из племени аранда	99
D. D. Тумаркин (Ленинград). К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX века	106
Из истории этнографии и антропологии	
V. D. Бонч-Бруевич (Москва). В. И. Ленин об устном народном творчестве	117
E. M. Кравед (Киев). Из истории русско-украинских связей в области этнографии в XIX веке	132
Заметки. Сообщения. Рефераты	
L. P. Шевченко (Киев). Социалистические преобразования в культуре и быте рабочих Кролевецкой ткацкой артели им. 20-летия Октябрьской революции	142
A. Я. Нуриева (Баку). Старое народное жилище Апшерона	148
Дмитрий Константинович Зеленин	157
Критика и библиография	
Народы СССР	
B. P. Кирдан (Москва). «Народна творчість та етнографія»	160
A. Першиц (Москва). О статье Г. Ю. Стельмаха «К вопросу о предмете этнографической науки»	163
P. Lipец (Скопин). <i>Марфа Крюкова</i> . Беломорские былины	164
B. Дубинин (Ленинград). T. B. Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии наук	166
H. Савушкина (Москва). Сказки М. А. Сказкина	169
O. Ганцкая (Москва). Альбом «Белорусское народное искусство»	171

М. Итина (Москва). <i>M. E. Masson.</i> Ахангеран	172
С. П. Русаякина (Москва). Академия наук Таджикской ССР. <i>Известия Отделения общественных наук</i>, вып. 3	175
Народы зарубежной Азии	
Т. Аристова (Москва). <i>Джафар Хайят.</i> Иракская деревня	178
Народы Африки	
Б. Шаревская (Москва). <i>Victor Ellenberger.</i> La fin tragique des Bushmen	180
Народы Америки	
А. Дридзо (Ленинград). <i>L. Marrero.</i> География Кубы	181
И. Золотаревская (Москва). <i>R. M. Underhill.</i> Red man's America	184
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1954 г.	187

Цена 18 руб.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР
на 1955 год**

Название журналов	Количество номеров в год	Годовая полнота цена в руб.	Название журналов	Количество номеров в год	Годовая полнота цена в руб.
Автоматика и телемеханика	6	54	Серия физическая	6	72
Акустический журнал	4	36	Известия Всесоюзного географического общества	6	54
Астрохимический журнал	6	54	Исторический архив	6	90
Биохимия	6	72	Коллоидный журнал	6	45
Ботанический журнал	6	90	Математический сборник	6	108
Вестник Академии наук СССР	12	96	Микробиология	6	72
Вестник древней истории	4	96	Почковедение	12	108
Вопросы языкоизучания	6	72	Прикладная математика и механика	6	72
Доклады Академии наук СССР (без переноса)	36	360	Природа	12	84
Доклады Академии наук СССР (с 6 панками, коленкоровыми с типсеписем)	36	384	Советское государство и право	8	120
Журнал аналитической химии	6	36	Советская этнография	4	72
Журнал высшей вербной деятельности имени И. Н. Шавлова	6	90	Успехи современной биологии	6	48
Журнал общей биологии	6	45	Успехи химии	8	64
Журнал общей химии	12	180	Физиологический журнал СССР имени И. М. Сеченова	6	72
Журнал прикладной химии	12	126	Физиология растений	6	54
Журнал технической физики	12	180	Реферативный журнал:		
Журнал физической химии	12	216	Астрономия и геодезия	12	91.20
Журнал экспериментальной и теоретической физики	12	144	» Указатель за 1953—1954 г.	1	32
Записки Всесоюзного минералогического общества	4	48	Биология	24	360
Зоологический журнал	6	135	Геология и география	12	240
Известия Академии наук СССР:			Математика	12	91.20
Отделение литературы и языка	6	54	» Указатель за 1953—1954 гг.	1	32
Отделение технических наук	12	180	Механика	12	91.20
Отделение химических наук	6	96	» Указатель за 1953—1954 гг.	1	32
Серия биологическая	6	72	Физика	12	240
Серия географическая	6	54	» Указатель за 1954 г.	1	78
Серия геологическая	6	90	Химия	24	432
Серия геофизическая	6	54	» Указатель за 1953—1954 гг.	2	100
Серия математическая	6	54			

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

городскими и районными отделами «Союзпечати», отделениями и агентствами связи, магазинами «Академкнига», а также конторой «Академкнига» по адресу:
Москва, Пушкинская ул., д. 23.